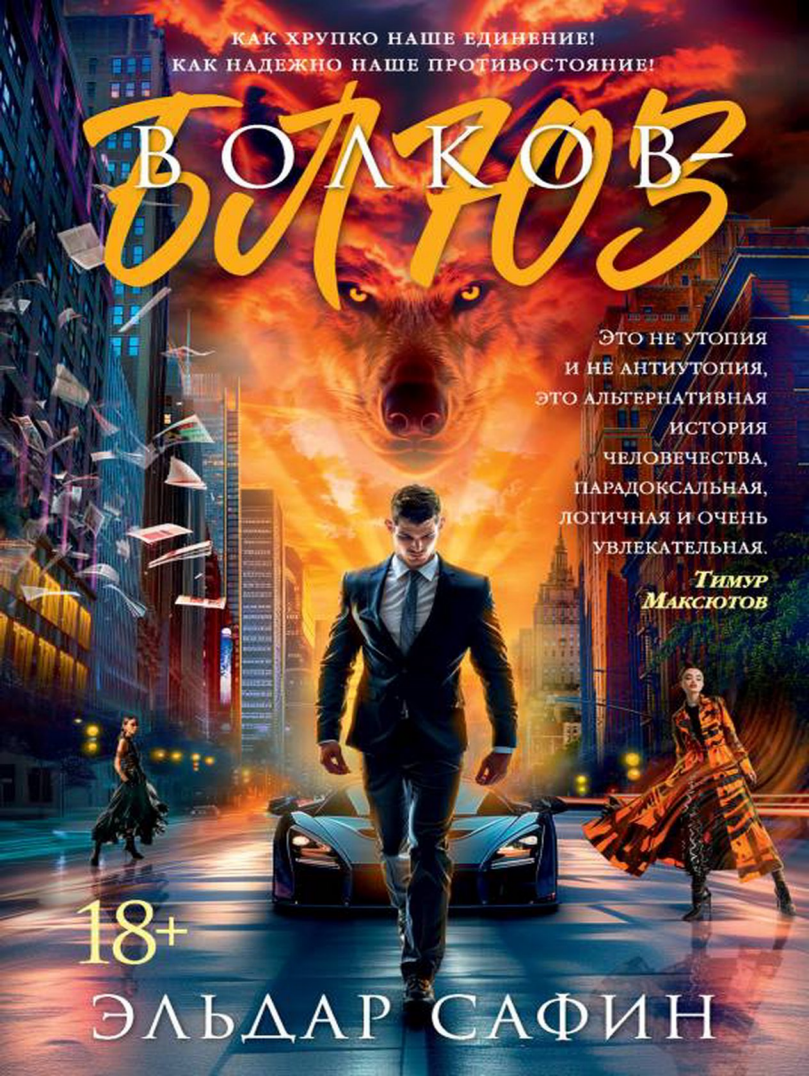
КАК ХРУПКО НАШЕ ЕДИНЕНИЕ!
КАК НАДЕЖНО НАШЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ!
ВОЛКОВ-БЛОК
ЭТО НЕ УТОПИЯ И НЕ АНТИУТОПИЯ, ЭТО АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА, ПАРАДОКСАЛЬНАЯ, ЛОГИЧНАЯ И ОЧЕНЬ УВЛЕКАТЕЛЬНАЯ.
Тимур Максютов
18+
ЭЛЬДАР САФИН

Волков-блюз

Эльдар Фаритович Сафин

Аннотация
Эльдар Сафин. Волков-блюз
Книга первая. Володя
  Эпилог
Книга вторая. Айранэ
  Интерлюдия
  Эпилог

Аннотация

Однажды сместились тектонические плиты, и Африка соединилась с Евразией. В Африке находилась мужская ветвь человечества, в Евразии – женская. И между ними случился симбиоз, возникла общая речь: мужчины научились ускорять свою речь до женской, а женщины – замедлять свою до мужской. Через полтора миллиона лет Владимир Волков работает вторым выпускающим редактором общего журнала «Лебедь» в дистрикте Тверь Славянского Союза. Он верен своей жене Айранэ и никогда не пропускает супружеский час, зная, что это чревато Блеском. Но именно общий Блеск – гормональная Буря – послужит укрытием в женском анклаве для Владимира и его воскресшего из мертвых дяди Сёмы, который умудрился ввезти в дистрикт своего «мужского ребенка» – жога. Ведь хотя Славянский Союз стремится уйти как можно дальше от хофов и жогов, от нашего животного прошлого, это одно из немногих мест на планете, где жогов сразу не убивают. Еще, конечно, есть остров Мадагаскар, миро-

вая столица информационных технологий, откуда выдачи нет…

Эльдар Сафин
Волков-блюз

© Э. Ф. Сафин, 2024
© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Азбука®

Книга первая
Володя

Я вернулся из командировки около трех часов ночи, мечтая только о том, чтобы положить голову на подушку и выключиться из реальности.

Но на входе меня ждала Айранэ.

— ТыХочешьЧтобыЯКакДикая? — зачастила она, едва увидев меня, так, что я еще воспринимал ее высокий темп, но уже с трудом. — ТыВообщеЧтоТворишь!

В ее словах была доля правды — командировка затянулась, и я пропустил супружеский час, а был он дня три… нет, скорее, пять назад, значит Айранэ действительно приближалась к опасному периоду.

Полностью уверенная в своей правоте, она шагала впереди меня на женскую половину. Небольшой чемодан я оставил у входа, плащ и шляпу скинул прямо на него, понимая, что вряд ли уже сегодня вернусь сюда, а завтра утром буду искать их у себя, на мужской половине.

Как и все прошлые разы, когда я входил на женскую половину, меня охватил затаенный детский восторг. Здесь пахло пряностями, здесь было ощущение моего чужого детства. Как и все мальчики моего круга, после рождения я жил на женской половине до двух лет, в общей детской, после чего отец и дядья забрали меня на муж-

скую, выделив отдельную комнату.

Это стало изгнанием из рая. Но воспоминания о том рае, ушедшие глубоко в донные отложения памяти, в такие вот моменты выплевывали пузыри с неясными фрагментами чего-то теплого, яркого и безмятежного — когда никто ничего от тебя не ждет, не требует, а ты просто живешь в окружении любящих людей.

— ДавайБыстроМнеЗавтраРано. — Айранэ прямо при мне сбросила халат, обнажаясь полностью — небольшие грудки, острые ключицы, — словно не понимала, как меня волнует.

Впрочем, наверняка не понимала. Момент наготы был краток — едва скинув халат, она сразу же надела длинную шелковую рубашку для исполнения супружеского долга и лицом вниз легла на кровать.

Постели на женской половине — это гигантские мягкие конгломераты разной мебели. Кушетки, кровати и диваны, образующие условно ровное пространство, выгибающееся то тут, то там спинками, с редкими провалами до самого пола, с горами подушек и пуфиков.

В моменты гормональных кризисов женщины ищут позу, в которой не так больно, и подобные ложа помогают в этом. Когда кто-то из старших

женщин умирает, молодые, выждав положенный срок, растаскивают себе эти постели: с одной стороны, в этом есть преемственность клана, с другой — старшие женщины, как правило, прожили долгую и насыщенную жизнь, они кое-что понимают в комфорте, и среди элементов их ложа можно найти действительно удобные.

Обычно супружеский долг мы отдавали друг другу в «общей» комнате, с нормальной двуспальной кроватью, но сегодня Айранэ была уверена, что я провинился, задержавшись в командировке, и вроде как наказывала меня, заставляя выполнять предписание на ее территории, там, где ей наиболее удобно.

Но для меня это был волнующий, волшебный опыт, который будоражил, вытаскивая из бездны давно утерянные воспоминания.

Я скинул пиджак, брюки, сорочку — не медля, но и не слишком торопясь. Возбуждение постепенно накрывало меня, и на этот раз оно было необычным.

Положив руки ей на спину, я медленно повел вверх, комкая рубашку. Встав на колени на постель с ней рядом, лишь на мгновенье отнял руки, а затем надавил снова.

Айранэ — моя жена — поежилась. Я видел в

свете ночника — опять же, не выключила — наказывает? Или так торопится? — как на ее шее выступили мурашки; убрал руку и медленно прикусил ее загривок.

А затем, не разжимая зубов, поводил ее головой вправо и влево, демонстрируя, кто здесь главный.

Айранэ слегка взбрыкнула — мол, что ты тут устроил? Но мне было плевать, меня уже несло. Не выпуская ее загривок и придерживая рукой подмышками — чтобы не было по-настоящему больно, — я перетащил ее вглубь кровати, выискивая более-менее ровное место.

Затем перевернул ее на спину и провел лицом по шелку рубашки вниз, от шеи до лона, а затем вверх, вдыхая запах, ощущая скольжение плоти, разделенной шелком.

Подхватив ее на руки, приподнял над кроватью, уронил обратно и начал мять, как плотное тесто, всю, целиком, не фиксируясь на деталях.

Я не вполне контролировал себя: это был мужской транс. Тот самый, который охватывает целые полки на поле боя. Тот, в который вводили ритмичным стуком барабаны на фабриках и галерах.

Транс, который отключает в тебе личность, но

выводит изнутри память предков, позволяющую выжить и не сойти с ума в любых условиях.

Для нашего круга мужской транс — это нечто постыдное, атавизм. Нас с детства учат распознавать его признаки и купировать. Контроль — постоянный, непрерывный, адский контроль над своими мыслями и телом.

Но сейчас я чувствовал, как вхожу в это состояние, и не хотел его прерывать. Я оказался слишком уставшим, я чересчур глубоко вошел в собственные чувства и воспоминания, чтобы попытка прервать транс осталась без последствий.

Айранэ перестала сопротивляться, расслабилась и отдалась моим рукам, губам и языку как наводнению, и через некоторое время, когда я вошел в нее, почувствовал: сейчас.

Словно два путника, поднимающиеся к вершине, достигают пика и обнимаются, становясь единым целым, причем не только друг с другом, но и с самой этой горой, скалой, твердью, а потом рассыпаются горстью камней, превращающихся от накала чувств в лаву.

На короткое время я перестал ощущать себя, растворившись в Айранэ. Когда открыл глаза, она уже спала. Черты ее лица оказались неожиданно острыми. В обычной жизни эта острота скрады-

валась мимикой. Сейчас же ее лицо выглядело серьезно и трогательно, как у ребенка, узнавшего о том, что все мы смертны.

Неожиданно для себя я поцеловал ее в щеку, встал с постели, собрал свои вещи и прямо как был, обнаженным, прошел на мужскую половину, к счастью не встретив по пути никого из семьи и домочадцев.

Родная постель — твердая, с тонким одеялом и упругим валиком подушки — приняла меня в свои объятия, не упрекая в короткой измене с мягким ложем жены.

Пиликнул телефон. Уже почти засыпая, я глянул — пришло сообщение от Славы: «Поставь Будильник». С отцом мы не говорили годами, но время от времени он кидал мне какие-нибудь приложения и ссылки на кафе или сайты, но я никогда не пользовался его советами.

Я смахнул сообщение и провалился в сон.

По прямой от моего дома до офиса — не больше километра. Проблема в том, что пройти насквозь пешком это расстояние невозможно — мешают широкополосное шоссе и несколько веток монорельса. Ближайшие пешеходные переходы через них находятся в часе неспешной ходьбы в одну сторону и в полутора — в другую.

Вот и получается, что, даже видя из окна дома краешек своего офисного здания, так просто я в свой кабинет не попаду. Чтобы добраться, я сажусь в длинный «драгон» семьдесят восьмого года, завожу древний газовый двигатель, придушенный двумя катализаторами, и еду полчаса по пробкам через три гигантские развязки.

И при этом наблюдаю экраны с социальной рекламой, в которой нет-нет да и мелькнет фото нашей семьи со мной девятилетним, мужественным отцом и женственной матерью или дедом Витей, отцом отца, которого зарезали незадолго до моего рождения — а ведь он должен был стать президентом дистрикта, причем величайшим, судя по статьям в мужской «Вики»!

Тридцать минут дороги привычным маршрутом — и я на месте.

Это обычно.

Но сегодня я обнаружил, что одна из развязок

перекрыта по непонятной причине и работники в полосатых жилетках направляют в объезд.

В сторону Нижнего города, вдаль от центра, к женскому анклаву, вечным трущобам, которые каждый новый мэр обещает снести и отстроить заново, но до дела никогда не доходит.

За восемь лет моего автомобильного стажа я изучил эти места довольно неплохо, поэтому не стал толкаться со всеми в сторону кольца, а съехал под мост, к гаражам. Там, чуть дальше, еще лет двадцать назад ушлые контрабандисты прорыли тоннель к таможенным складам, через несколько лет тоннель нашли, но не засыпали, а облагородили асфальтом: по местной легенде, эта дыра сокращала путь начальнику милиции от работы до дома в два раза.

Учитывая, что третий зам начальника милиции — мой отец, а сам начальник — мой двоюродный дед, я точно знаю, что это не так. И еще точнее — что узаконивал тоннель тоже дед, продираясь сквозь недра бюрократии — не только мужской и привычной, но и женской, так как со стороны гаражей земля принадлежала анклаву.

Здесь тоже толкались, причем в отличие от развязок, где ездили преимущественно мужские,

приземистые автомобили, внизу было полно и женских — высоких джипов и минивэнов.

Я спокойно стоял в короткой, двигающейся пробке, когда справа из бокового проезда на приличной скорости выскочила юркая «ведунья» и с визгом тормозов и заносом впечаталась в бок моей машины, ровно за водительской дверцей.

Едущие сзади спокойно перестроились левее, объезжая нас. Я вылез из машины, подошел к виновнице аварии — она сидела, не двигаясь, старательно отворачиваясь от меня.

— Добрый день, — сказал я, вежливо ускорив речь. — Если он, конечно, добрый.

Дама в машине была из низшего класса. То есть все мы помним слова уважаемого президента, многократно обмусоленные журналистами и политологами, — чего греха таить, в числе таких комментаторов был и я, — о том, что нам надо развивать средний класс, о том, что он растет очень быстрыми темпами, и о том, что именно на него надо опираться в деле ухода от нашей животной натуры.

Но в конечном итоге ведь нет никакого «среднего класса». Есть класс высший: статные и хрупкие женщины и атлетически сложенные мужчины. И есть все остальные: приземистые, коренастые

мужчины и под стать им — женщины, которые лишь чуть выше их.

Можно считать и по-другому: например, мой ныне покойный дядя Сёма был не особенно изящным — и тогда получится, что те, кто учится, живет и работает в смешанных командах, где есть и мужчины, и женщины, — это элита. А остальные, кто сталкивается с противоположным полом очень редко — и я не только про анклавы и коммуны, — это низший класс.

Да, все эти современные идеи, «горизонтальные семьи», когда женятся между собой не люди, а небольшие коммуны с анклавами, все эти «приходящие браки» и прочие промежуточные идеи о том, как скрестить волка с овцой, — они не работают.

— ЗадницаЗадницаЗадницаЗадница, — «высокой», чуть ли не ультразвуковой женской скороговоркой, на грани моего восприятия, зачастила дама.

— Я вызываю дорожную милицию, — сказал я, еще более ускорив свою речь. — Вы можете сделать то же самое, позвонив в отряд самообороны.

Формально правила едины для всех участников движения, и не важно, чей инспектор оформляет происшествие — из женской самообороны или

из мужской милиции.

Но в реальности как-то так получается, что если оформляла женщина, то процент виновных мужчин автоматически выше, а если инспектором был мужчина — то совсем наоборот. И поэтому неформально — но очень настойчиво — рекомендовалось, чтобы в случае смешанных происшествий звонок делался сразу в обе структуры.

— Мне нельзя, — неожиданно четко, медленно, практически на «низкой», мужской речи сказала дама и пристально посмотрела на меня. Стало ясно, что никакая она не «дама», а вполне еще молодая девчонка, лет двадцати, ну, может, чуть старше. — У меня баллы.

Это отдельная история. Большинство мужчин и женщин просто не задумываются о том, как живут наши соседи по «историческому симбиозу» в формулировке любимого президента нашего дистрикта.

Большинство мужчин месяцами не видят женщин вблизи — и наоборот. А даже если видят, стараются не общаться. Потому что это как минимум сложно. Хотя язык у нас практически один, с небольшими нюансами, то, что женщины говорят заметно выше и быстрее, а мужчины — ниже

и медленнее, делает общение — если выразиться очень мягко — некомфортным.

Но даже это — мелочь по сравнению с тем, что у нас разное понимание таких вещей, как «вина», «долг», «обязательство». И тут уж сколько ни выпускай господин президент указов и исторических справок, сколь часто ни говори о том, как сильно мы продвинулись за последние годы «в деле понимания друг друга» и «улучшения качества совместного проживания», — а все равно будет сложно.

И если ты получал права на управление автомобилем в милиции, то можешь нарушать сколько угодно, в пределах разумного — при условии, что платишь штрафы, страховку и так далее.

А если в самообороне — то ни штрафов, ни страховки не платишь, все берет на себя анклав. Но у тебя есть некоторое количество баллов, зависящее от твоей ценности в женской общине, и за каждое нарушение эти баллы списываются, а потом в какой-то момент тебя просто лишают прав, и восстановить их как-то ну очень сложно, я в нюансы не вдавался, но знающие люди говорили, что проще переехать в другой дистрикт и там отучиться заново, чем получить права обратно здесь.

— ЯзаплачуСколькоНадоНеНадоМилициюИСамооборону, — опять зачастила девушка.

Тут надо отметить, что идти навстречу в спорных вопросах незнакомым — а часто и знакомым — женщинам считается большой глупостью. Полностью понять их логику невозможно, и, пытаясь сделать хорошо, мужчина часто решает на самом деле плохо для всех: и для себя, и для нее.

Поэтому в любой нестандартной ситуации — просто следуй правилам.

И совершенно непонятно, почему я в этот момент не достал свой телефон, чтобы набрать милицию, а кивнул и, ускорив речь и подняв голос до приличествующего ситуации, сказал:

— Тебе придется подвезти меня на работу, потому что на битой я не поеду.

Удар пришелся в заднее колесо, ехать на такой машине было бы опасно, поэтому я кое-как сдвинулся в сторону и там запарковался, позвонив дяде Марату и сообщив, где стоит автомобиль и в каком он состоянии. Дядя Марат любил возиться с машинами, и у него были знакомые инспекторы, механики, даже гонщики — и такие вот проблемы вся мужская часть семьи скидывала на него, а он с удовольствием с ними разбирался, хотя и постоянно ворчал на нас.

Девушку била дрожь, поэтому я заставил ее пересесть на пассажирское кресло, а сам устроился на водительском.

И задумался. Конечно, я смотрел юмористические видео о том, как мужчины садились в женские машины и пытались на них ездить, но почему-то полностью был уверен, что сам справлюсь без проблем.

— Зачем третья педаль? — уточнил я.

— ЭтоСцеплениеЕгоВыжимаешьКогдаПереключаешьПередачу.

Женщины быстрее, чем мужчины. Не умнее, не сильнее, и решения, которые они принимают, на мой взгляд, чаще менее удачные, чем мужские, — хотя сами они наверняка считают иначе.

Но — быстрее. Чистая физиология. Они быстро говорят, быстро двигаются, быстро понимают, чего хотят. Для движения по общим дорогам они должны чуть замедлиться. Это как с общей речью — мужчина ускоряется, женщина замедляется, и мы как-то друг друга понимаем.

А чуть занервничаем — и уже не понимаем, потому что каждый переходит на свою речь: женщины — на высокую, мужчины — на низкую.

Когда едешь по дороге, контролировать себя сложно, и поэтому в машинах женщин столько

переключателей, рычажков, кнопок и педалей. Езжай себе, нажимай… Во всяком случае, я не мог представить себе другой причины, по которой нельзя оставить в машине только рычаг автомата, поворотники, управление фарами и кондиционер.

Даже для того, чтобы настроить кресло под себя, мне пришлось — я не шучу! — нажать добрый десяток кнопок и рычажков, и все равно того комфорта, с каким ездил на своем «драгоне», я добиться не смог.

Ехали мы медленно, на первом километре я заглох раз десять и раза три едва не врезался в окружающих.

Девушку звали Раннэ, и она работала программистом на швейной фабрике, располагавшейся в подвале женского торгового центра. Я подкинул ее до офиса, затем на ее машине поехал к себе в редакцию, договорившись, что в семь тридцать, не раньше и не позже, заберу Раннэ от ТЦ.

На работу я рассчитывал опоздать на час, в итоге вышло два с половиной. Учитывая, что, кроме непосредственно журналистских задач, которыми я занимался обычно, на мне еще висели обязанности второго выпускающего редактора, наш шеф, Саня Никитыч, встретил меня грозным рыком.

— Не поверишь, — сказал я ему, поднимая перед собой руки. — В меня врезалась девка, в итоге я на ее машине отвозил ее к ней на работу, и сейчас эта машина стоит внизу на парковке.

Я подвел шефа к окну и показал на стоящий внизу минивэн. Единственная высокая женская машина на мужской редакционной парковке.

— А чего на женскую парковку не поставил? — удивился шеф.

— У меня ж пропуск только на мужскую, — пожал плечами я.

На женской парковке места шире, но короче. Женщины чаще ездят с детьми, их авто крепче, выше, напичканы всякой электроникой и системами безопасности.

— И как тебе бабская машина?

— Жогская фигня, — ответил я честно. — Там даже педалей три.

— Ты про деда материал не делал еще?

Всякий раз, когда Саня по какой-то причине был мною недоволен, он спрашивал про деда. Однажды, много лет назад, когда я, еще учась на журфаке, пришел сюда стажером, он поручил мне написать качественный лонгрид про деда Витю, убитого террористами накануне избрания в президенты. Статью «семейную и изнутри», то есть от внука про деда, с эксклюзивными материалами.

Я тогда пошел к отцу, с которым годами не общался, сходил к деду Митяю, пошептался с дядьями и выяснил одно: те, кто хорошо знал моего деда, говорить со мной отказывались, а те, кто его почти не знал, пересказывали всякие слухи про дурной характер, любовниц и про то, как он вкладывал деньги в стартапы, которые сразу после его смерти прогорели.

Тогда я пришел к Сане и честно признался, что лонгрида не будет. Не получится. И он вроде бы понял и принял, благо я тогда сделал отличный материал про месторождения газа под Саратовом и про литературное гетто в Торжке.

Но время от времени он про это вспоминал, чаще — не к месту.

— Не в этом году, — сказал я.

— Ладно, давай за работу, у нас послезавтра сда-

ча номера в типографию, а я без твоей визы его даже на корректуру не отправлю. — Саня ткнул меня пальцем в грудь. — И если ты считаешь, что, прокатившись на непонятной машине пару километров, заслужил поблажку, то ты капитально ошибаешься.

Пару лет назад я выбил себе отдельный кабинет — тогда из соседнего офиса съехали парни из команды стартапа, проигравшие гонку другому стартапу, женскому. Что-то связанное с финтехом, электронными деньгами. Тогда мы в редакции долго обсуждали эту историю. Выглядело все так, словно никакие потуги господина президента не смогут сделать больше, чем сфера IT, в деле объединения мужчин и женщин, потому что на вершине дельцам обоего пола все равно, откуда приходят бабки — из мужских или из женских стартапов.

Наш журнал в тот момент резко рванул в тиражах, к тому же еще попал под приличный грант женского анклава, и мы забрали себе офис прогоревшего стартапа, а я получил отдельный кабинет.

— Миру мир, — буркнул Леха, наш корректор, потягивающий кофе в небольшом закутке между женской и мужской половинами редакции. — Я

видел, ты на «ведунье» приехал? Как вообще тачка? Дашь погонять?

— Это не моя, — ответил я.

— Ясно дело. — Леха неопределенно крутанул ладонью в воздухе, показывая, что уж ему-то известно, насколько сложно заполучить мужчине женскую машину. — У жены взял? Или у матери?

Я замер.

Если честно, сама мысль о том, что можно взять что-то у жены, а тем более у матери, звучала фантастически.

Леха был коммунаром, то есть самый что ни на есть низший класс, воспитанный в длинных бараках, пропитанных вечным детским мужским потом.

Он считал, что если ты из высшего класса, да еще и женат, то общаешься с женщинами каждый день, имеешь с ними постоянно какие-то дела, делишь с ними вещи.

Занимаешься сексом каждый раз, когда тебе становится одиноко.

Господин президент и вся наша свора рекламщиков обоего пола поддерживали эту иллюзию, лепя из нас, локомотивов этой идеи, каких-то полубогов, которые живут не просто в одном

доме с людьми противоположного пола, а по-настоящему вместе.

Но это — чистый обман. С матерью я последний раз говорил больше года назад, хотя она живет в трех дверях от меня, а взяв у жены без спроса хотя бы расческу, я тут же стану героем семейных анекдотов лет на десять, символом глупости и рассеянности.

— Это машина незнакомой мне девки, которая пару часов назад въехала в меня, когда я двигался в сторону работы. Погонять не дам, тем более что у тебя и прав нет.

Права у Лехи, конечно, были — но только на современные электромобили, дешевые легкие «погремушки», как их называли мы, адепты древних крокодилов на объемных газовых двигателях. Женщины обычно ездили на гибридах, которые, когда заканчивался электрический заряд, всегда позволяли доехать до зарядки на газе.

И для женских автомобилей требовались полноценные права, такие как у меня, а не «облегченные», дешевые и быстрые, как у Лехи.

— Тебе жена не говорила, что ты зануда? — Леха обиженно отвернулся.

Жена мне за восемь лет брака вообще мало что говорила, если честно. Когда у нее возникал ко

мне вопрос, от нее приходила одна из тетушек, а если вдруг она была крепко мною недовольна, то подключалась тяжелая артиллерия и меня к себе вызывала мать.

Перед командировкой я забыл выключить кондиционер — тогда стояла дикая жара, — и сейчас, войдя в кабинет, окунулся в сухой арктический холод.

Открыв нараспашку окна, я достал из саквояжа брелок компьютера и воткнул в монитор, наблюдая, как по экрану побежали знакомые строки проверок перед стартом системы.

— Хр…хр… — полтора часа максимум! — рявкнул интерком редактора на моем столе, проглотив первые пару слов, как обычно с ним и бывало после долгого простоя.

Впрочем, я и так знал, что на редакторский проход у меня часа полтора — и на самом деле, конечно же, не полтора, а два или два с половиной, — но Саня считал, что постановка нереальных сроков мотивирует сотрудника выполнять свою работу быстрее.

Надев наушники с алжирской органной музыкой, я пошел по верстке, нумеруя и выделяя цветом не нравящиеся мне куски, а в файле примечаний прописывал по каждому номеру, что

именно меня смущает.

Дойдя до женской части номера, я обнаружил там большой плакат на шесть полос, сложенный в середине журнала, с изображением денежной жабы, подманивающей финансовую удачу своему обладателю.

Что-то меня царапнуло, я включил редакционный VPN и залез в женский сегмент интернета. Продравшись через полтора десятка сообщений о том, что мой браузер не поддерживает какие-то фреймворки и протоколы, я добрался до поисковика и уже минут через десять открыл с дюжину вкладок про «денежную жабу». Пробежав глазами все, я получил более-менее объемную картину.

Как я и полагал, история оказалась совсем неоднозначной, пришла к нам из Лангедока, из тех времен, когда это был чисто женский город, окруженный смешанными дистриктами.

В то время на город наседали со всех сторон, а он успешно сопротивлялся во многом благодаря влиятельной гильдии женщин-купцов. Время от времени город осаждали, жительницы начинали голодать и в критический момент выбирали самую упитанную из своих рядов, судили ее за надуманные грехи — обычно как ведьму, — называли ее «жабой», убивали и съедали, что

позволяло пережить осаду и сохранить независимость, в том числе финансовую.

Позднее на праздниках начали сжигать чучело жабы, якобы привлекая деньги к участвующим в процессе, а в нынешнее время — просто держали у себя статуэтку жабы или плакат с ее изображением.

Самая мякотка скрывалась в том, что жаба, нарисованная на плакате для нашего журнала, была синей — то есть явно «мужского» цвета, — да еще и с характерным моноклем, в точности как у господина президента, а под лапами виднелись связки хвороста.

То есть это была такая шутка для ценителей, причем для ценителей-женщин, подставляющая в некотором смысле весь журнал, а в особенности руководство, которое этот намек проспало.

Я вышел из VPN, посмотрел статью про денежную жабу на всеобщей энциклопедии: да, про Лангедок пара фраз, причем никакого каннибализма, просто «поверье пришло из региона…», все очень политкорректно, спокойно и красиво.

Ха, мужские сказки и легенды, пересказанные для женщин, тоже теряют огонь. Наверное, так оно и должно быть, чтобы выносить к общему очагу не измазанные кровью и дерьмом ножи и

дубины, а что-то более симпатичное…

Прошел по всем статьям в женской части номера, специально проглядел каждую иллюстрацию, но, кроме жабы, ничего провокативного не нашел.

Нажал на интерком, дождался, когда Саня буркнет мне «Ну чего там?», и сказал:

— Саня, правки по номеру отправил тебе и первому выпускающему, там есть ряд вопросов, и напомни — плакат мы же отдельно заказываем, потом уже в типографии его складывают перед прошивкой?

— Да, плакат отдельно, там бумага другая и цвета немного отличаются, я уже отправил на печать — а что?

— Останови, пожалуйста, если это еще возможно, мне надо кое-что уточнить.

Через пару минут в корпоративный мессенджер прилетело от Сани: «Остановил, но разбирайся быстрее, там процесс».

Я глубоко вздохнул, пробормотал: «Жогская хрень!» — и пошел на женскую половину редакции. Раньше между половинами была дверь, но однажды ее не открывали пару месяцев, предпочитая общаться в корпоративном защищенном мессенджере, и за это время потеряли ключ.

Саня был в ярости, и в итоге дверь демонтировали, а на ее место повесили плотную штору — и теперь уже к этой шторе не прикасались неделями и месяцами.

Никто не запрещает мужчинам заходить на женскую половину, а женщинам — на мужскую. Не важно, работа это, или дом, или, может, просто какое-то общественное пространство.

Но, проходя сквозь границу, подчас невидимую, хотя и всегда явную, ты словно кровью расписываешься в том, что у тебя есть дело к людям противоположного пола и оно достаточно срочное и важное для того, чтобы нарушить устоявшееся течение их жизни своим присутствием.

— БатюТвоегоЧеПугаешь! — скороговоркой на высокой речи рявкнула Траана, стоящая у ксерокса с кипой документов.

Она занималась юридическими вопросами редакции, причем как женскими, так и мужскими: у нее был диплом заочно оконченного мужского

юридического факультета. В интернете, где она чаще всего и вела дела, ее не страшил никто — да хоть даже сам господин президент!

А в реале зашедший с мужской половины коллега мог вызвать инфаркт.

— Где Алаяна? — уточнил я, вежливо ускорив речь.

— Тристаседьмой, тренингведет, — чуть замедлилась Траана. — ЩаПостойСекунду.

А потом набрала воздуха в легкие и на грани ультразвука, так, что у меня едва не разорвало барабанные перепонки, заорала:

— ВолодяВофисеКАлаяне!

И неодобрительно глянула на меня.

Я в ответ уставился на нее, но, вспомнив школьные уроки, на которых мы рассматривали невербальное общение диких мужчин и женщин между собой, тут же отвел взгляд. Если верить школьным учебникам, такие вот «гляделки» могли закончиться только гормональным всплеском у обоих, реже — у одного, после чего мы либо подрались бы прямо здесь, либо занялись бы сексом.

Конечно, и я, и Траана — из высшего круга. Оба всю жизнь тренируемся сдерживать в себе животное. Она замужем, и наверняка ее муж ни-

когда не опаздывает на супружеский час, так что внезапные гормональные бури ей не грозят, а я могу распознать семь признаков своей растущей агрессии и сдержать себя.

Но лучше не провоцировать.

— О Володя. — Алаяна говорила со мной даже не на общей речи, когда женщины замедляются, а мужчины ускоряются. Она говорила на чистой низкой, правильно артикулируя и подчеркивая окончания даже четче, чем это делаем мы сами, общаясь между собой. — Что привело?

— ЖабаПровоцируетКонфликт. — Я попробовал было выговорить это максимально высоко, на женской речи, но в конце фразы позорно пустил петуха и перешел на комфортную мне «общую»: — Вы нарисовали денежную жабу с президента. Исторически это спорный символ каннибализма и ритуального сожжения ради процветания общества.

Алаяна кивнула мне, мы прошли в ее кабинет. Едва усевшись, она косо глянула на меня, усмехнувшись и тут же отведя глаза — четко по правилам, так, что я не успел даже на мгновение воспринять это как вызов.

— Ты единственный заметил, молодец, — сказала она. — Плакат уже в типографии. Без плаката

тираж не продадим.

— Я остановил печать.

На лице Алаяны я заметил промелькнувшую тревогу. Она уставилась на меня пристально, словно собираясь начать поединок взглядов, но за мгновение до того, как это стало неприличным, моргнула и отвела глаза.

— Через полгода выборы, — сказала она.

— Все знают, что выиграет какая-то девка и у дистрикта будет госпожа президент на следующие восемь лет, — ответил я.

— Это для тебя «какая-то», — ответила Алаяна. — А у нас сейчас острая фаза перед выборами. Этот плакат — часть нашей внутренней избирательной кампании. Выпад одной из кандидаток против другой. Похожесть жабы на господина президента — это один слой из сотни. Мужчины — в большинстве своем — не считают ни одного. А женщины увидят, и будет небольшой скандал, который на вас, впрочем, никак не отразится.

— Это связано с тем, что журнал — не чисто мужской или женский, а общий? — уточнил я.

— С этим связано в первую очередь, — призналась Алаяна. — Володя, ты лезешь туда, где очень горячо. Прошу тебя — не впутывай сюда Саню. Пропусти плакат.

— Саня должен знать.

Я уже понимал, что зря сюда лезу. Здесь была завязана политика, здесь были спонсорские деньги от анклава и реклама, которую у нас размещали, а у конкурентов — нет. Но и просто так взять и подставить главреда я не мог.

— Чего ты хочешь? — спросила Алаяна и пристально взглянула мне в глаза.

Сочетание такого вопроса и такого взгляда имело очень много подтекстов. Мы оба были из высшего общества и оба понимали, что она не имеет в виду секс. Но животное начало внутри меня — и, я уверен, внутри главреда женской части редакции — зашебуршилось, оценивая собеседника в качестве потенциального партнера.

Она была старше меня лет на пять, слишком высокая, слишком худая. У нее наверняка было уже не меньше четырех детей — такая высокая должность подразумевала крепкий брак и большую семью.

А я для нее был слишком низкостатусным, слишком молодым и, наверное, слишком низкорослым и недостаточно атлетичным.

— Я хочу, чтобы все было по правилам, — ответил я.

— Никогда все не бывает по правилам. — Она

отвела взгляд, показывая, что не рассматривает меня как партнера, и мы оба чуть расслабились. — Твоя жена сейчас курирует пару залов под присмотром твоей же матери, руководящей музеем. Я могу перевести ее с небольшим повышением в министерство культуры, это откроет для нее новые возможности.

Я задумался. Лезть в женские дела — вещь опасная. Если мать узнает, что я сделал что-то подобное, взорвется весь дом, и двоюродный дед, являющийся лидером мужской половины нашего клана, пинком выкинет меня из дома.

С другой стороны, если Айранэ, моя жена, повысит свой статус, это откроет новые возможности и для меня, особенно если она забеременеет и родит четвертого ребенка.

— Об этом никто не узнает, — утвердительно сказал я.

— Естественно.

— И у Сани не будет неприятностей из-за плаката.

— Никаких, — уверенно ответила она. — Неприятности будут у меня, но это мой выбор.

Я встал и вышел из ее кабинета, заканчивая разговор. Если бы она была мужчиной, мы бы еще минут десять рассыпались в бисере фраз, подтвер-

ждающих наше взаимное уважение, хлопали бы друг друга по плечам, ритуально показывая, что близость второго нам не неприятна.

Но в разговоре мужчины и женщины не требуется дополнительное подтверждение договоренности: любой такой союз временен, любая договоренность держится только на взаимной выгоде.

И — иногда — на сексе или ненависти к общему врагу.

Плакат ушел в печать, а я весь остаток дня занимался лонгридом, который делал на основе работы в командировке, про завод, создающий оборудование для спутников.

Завод был новаторским, и он использовал как мужские, так и женские наработки в части технологий и архитектуры решений.

Объединяла это все команда из десятка женщин и троих мужчин, общающихся между собой, естественно, по сети.

Я, как мужчина, брал интервью у одного из мужчин и по разговору понял, что у него нет полной картины: но вынужден был писать статью с его слов. Правильнее всего было бы отправить письмо с несколькими вопросами одной из архитекторов-женщин, но это выглядело бы оскорбительно по отношению к интервьюированному мною специалисту, и потому при подготовке я извивался как уж на сковородке, стараясь обойти в материале все места, в которых он сомневался во время разговора.

Работа меня затянула, и я совсем забыл про Раннэ, которая ждала меня к семи тридцати. Обычно я задерживался на работе, иногда — надолго. Сегодня у меня была задача, к тому же по-настоящему интересная, и я обо всем забыл.

В семь сработала напоминалка от дяди Лёни о том, что завтра будет семейный ужин и от меня ждут, что сегодня я куплю свежее мясо.

Непостижимым образом это вытащило из памяти Раннэ, я тут же понял, что уже опаздываю, сохранил файлы и побежал, по пути прощаясь с ребятами. Саня работал в своем кабинете, я прекрасно видел его за стеклянными дверями, но прощаться заходить не стал, так как это в лучшем случае затянулось бы минут на пять, а их у меня не было.

К парковке у ТЦ я подъехал в семь пятьдесят две. Я собирался выйти и передать место пилота девушке, но она уверенно села на пассажирское кресло, махнув рукой — мол, чего стоишь?

По ее виду я понял, что она не в духе — причем основательно. Спрашивать было бы себе дороже, поэтому я просто поехал в сторону своего дома, предполагая, что там передам машину Раннэ и пусть дальше она делает что хочет.

На этот раз ехал я гораздо лучше, чем утром, заглохнул едва пару раз, и дважды мне удалось разогнаться до четвертой передачи — благо поток позволял.

Следить за дорогой и одновременно за Раннэ я не мог, все мое внимание занимало управление

автомобилем, но, проехав больше двух третей пути, я внезапно отметил, что со мной что-то не так.

Я был возбужден и все происходящее воспринимал в контексте фрикций, комментируя внутри себя чужие поступки, перестроения и торможения с помощью мата и эвфемизмов.

В какой-то момент мне стало тяжело дышать, и я припарковался у обочины. Взглянув на Раннэ, я понял, в чем проблема. У нее начинался Блеск.

Губы покраснели и увеличились, глаза ушли чуть в глубину и теперь светились, ноздри расширились.

От нее пахло сексом. Долбаный жог, она в этот момент и была сексом! Я еще пытался отстегнуться и выскочить из машины, когда она медленно, как в старинном фильме ужасов, протянула ко мне руку и дотронулась кончиком ногтя до моей верхней губы.

Меня снесло в одно мгновение. Все годы обучения, все правила медитации и самоконтроля, десятки способов не допустить собственного транса — оно не работало против Блеска.

Сознание оказалось заперто в глубине черепа, испуганно наблюдая за тем, как тело — точнее, два тела, — полностью покорившись животному

началу, яростно исследуют друг друга, избавляясь от своей одежды и одежды партнера, а затем сливаются вместе, с криками, стонами, пытаясь расширить вокруг себя пространство, занятое сиденьями, рычагами, кнопками и стеклами автомобиля.

Никогда до этого момента я не сталкивался с женщиной в Блеске. Впрочем, кому я вру, никогда до этого я не спал ни с кем, кроме жены, — а о том, чтобы она не впала в животное состояние Блеска, я должен был заботиться, свято соблюдая супружеские часы.

И сейчас я внезапно понял, чего лишал себя сам все эти годы. Случившееся оказалось болезненным — Раннэ, равно как и я, не контролировала себя, и кусалась, и рвала меня на части ногтями, и била, заставляя подстроиться под свой темп, ритм и ощущения.

Это было грязно — я чувствовал себя животным, у меня лезли вверх инстинкты, подавляя тонкий слой знаний и правил, стирая его, как яростный водопад срывает с кожи мыльную пленку.

И это было потрясающе ярко и чувственно. Оргазм разорвал меня на части, на несколько мгновений лишив не только речи — о таком я слышал, — но и зрения, и слуха, и осязания.

— СлезьСлезьСлезьСлезьСМеня, — бормотала на высокой речи Раннэ, притом что сверху была именно она. — БатюТвоегоБатюБатюКакЭтоСлучилось!

Тело ее было расслаблено, глаза пусты — Блеск сошел, и я больше не чувствовал возбуждения. Я как можно осторожнее снял ее с себя и положил на сиденье рядом.

Я взглянул на нас обоих — и если у меня рубашка и костюм просто лишились пуговиц, а штаны съехали вниз с так и не расстегнутым ремнем, то комбинезон Раннэ висел на ней клочьями.

Зато на ней не было заметных ран, кроме покрасневших запястий и небольшой царапины над левой ключицей, а у меня от шеи до низа живота шла глубокая царапина, плечо сзади довольно сильно болело, притом что у Раннэ были окровавлены зубы, и я догадывался, какой именно кусок мяса она пыталась откусить.

В запотевшее окно постучали, и я, не пытаясь понять, что происходит, просто открыл его, и внутрь машины проник холодный воздух.

Снаружи стояла офицер самообороны. Она поднесла ко рту микрофон и сказала что-то на высокой речи.

— Вы будете жаловаться на проявление Блеска

вне установленных зон? — раздался механический голос с ее пояса.

Должностные лица, вынужденные по работе общаться с противоположным полом, носят такие устройства, которые ускоряют или замедляют вашу речь. Естественно, речь не о высшем классе: нас слишком долго учат правильному произношению, чтобы мы потом все это смазали механическими интонациями.

— Я не буду подавать заявление, — ответил я хрипло.

— ВПРВТЖЛТ? — абсолютно неразборчиво спросила офицер у Раннэ.

— ЯПодтверждаюЧтоМеняНеУдерживалиНасильно, — старательно замедлила свою речь Раннэ так, чтобы я услышал ее слова.

Офицер посмотрела на нас неодобрительно, и я понял: она решила, что мы любовники, которые специально использовали Блеск для получения острых ощущений.

Она нажала у себя на поясе комбинацию из пары кнопок, и из динамика раздалось мелодичное, явно записанное в студии:

— Хорошего вечера.

Я закрыл окно и обернулся к Раннэ, которая достала с заднего сиденья легкую куртку и натя-

нула ее до колен. Впрочем, при каждом движении куртка тут же подскакивала вверх, обнажая бедра.

— ПростиПростиПрости, — забормотала она так, что я едва слышал, что она говорит. — ДураДураДура!

И в этот момент я вдруг понял, что вся моя жизнь внезапно раскололась на две части: то, что было до сегодняшнего дня, — и то, что будет дальше.

Потому что происшедшее в тесном женском автомобиле оказалось самым ярким событием в моей жизни. Все, что было раньше, все, включая подростковые чувственные эксперименты, тот случай, когда я едва не утонул и меня откачивали на реке, свадьбу и регулярный секс с Айранэ, — все это недотягивало даже до тройки по шкале, на которой сегодняшнее безумие с Раннэ встало на уровень твердой десятки.

Мне пришлось отвезти ее домой, поругавшись на въезде в анклав с бабкой — офицером самообороны, которая не верила, что я удалюсь из анклава сразу после того, как довезу Раннэ до дома.

Когда я через двадцать минут покидал это место — на женском такси, естественно, в анклав

другие не ездят, — старуха смотрела на меня неодобрительно, и я вдруг понял, что теперь, что бы ни происходило дальше, на меня часто будут так смотреть и мужчины, и женщины.

Домой я добрался глубокой ночью. Никто меня не встречал, зато на тумбочке в прихожей лежали две записки.

Одна — от дяди Марата, о том, что машину взяли в работу и сделают через пару дней, а пока я могу воспользоваться «экватором», семейным электромобильчиком.

Вторая — от дяди Лёни, который написал, что так и не дождался от меня мяса, поэтому купил его сам и теперь я должен ему семнадцать рублей, потому что дядя Лёня на мои деньги купил лучшее мясо и с хорошим запасом.

Он намекал на то, что если бы мясо брал я сам, то мог бы уложиться в десятку.

Но мне было все равно.

Телефон пикнул — пришло очередное сообщение от отца: «Поставь Будильник — это важно». Я смахнул сообщение, хотя отметил про себя: отец пишет про это приложение уже не первый раз.

Едва положив голову на подушку, я выключился.

Я проснулся оттого, что меня гладили по голове. Ощущение теплой руки на моих волосах было щемяще-знакомым и в то же время настолько чуждым, что я мгновенно вынырнул из сна, впрочем не открывая глаз.

И сразу же из омута памяти выплыло: мама.

— Я вижу, ты проснулся. — Она говорила на идеальной «низкой» речи, как и Алаяна, — даже более четко, чем я или кто-то из дядьев. — Ты играешь с огнем.

— У нее начался Блеск, у меня не было ни единого…

— Плевать мне на твою дикую, это твои проблемы и проблемы твоей жены, — резко оборвала меня мать, показывая, что и эта часть моей истории ей знакома. — Против меня начали какую-то интригу, и я знаю, что ты в этом замешан. В нашей среде не принято говорить прямо, и обычно намеки довольно туманные. Сегодня звезды сошлись, и все оказалось прозрачно. Айранэ забирают из моего музея с повышением. Рассказывай, мальчик.

Конечно, я мог отказаться. В конце концов, это была всего лишь мать, а не кто-то из дядьев, которые действительно воспитывали меня, любили и направляли все эти годы, с того момента, как в

два года я покинул женскую половину.

Бóльшая часть мужчин — я про коммунаров, конечно же — не знает имен своих матерей, и ничего, живут спокойно. Но видимо, было что-то такое в ее голосе, что пробивалось сквозь десятилетия отчуждения, сквозь холодные годы, в которые мы виделись так редко и вели себя как незнакомые друг другу люди.

— Денежная жаба, — ответил я честно.

В конце концов, первой нарушила наш договор Алаяна, редактор журнала. Мать не должна была ничего узнать, но она узнала, и у меня могли начаться проблемы с женской частью нашей семьи. Если это выйдет на уровень дедов, мне не поздоровится.

То, что мать пришла сама на мужскую половину, означало, что она готова закрыть глаза на это мое вмешательство, хотя бы потенциально… В зависимости от того, какой ущерб я нанес.

— Мне нужно больше информации, — потребовала мать.

— Свежий номер, в женской части — плакат с денежной жабой на куче хвороста, и жаба похожа на президента. Я обнаружил это и потребовал от Алаяны поменять изображение, она отказалась, ссылаясь на то, что невозможно убрать плакат из

номера без большого скандала и срыва сроков. Но гарантировала, что у мужской редакции не будет проблем. А взамен на мое молчание предложила продвижение для Айранэ и выход из-под твоей опеки, обещая, что ты ничего не узнаешь. И я согласился.

— Мелкая хофская сучка Алаяна, — нараспев произнесла мама. — Она не знает, с кем связалась. Володя, несмышленыш, ну куда ты лезешь? Женская политика — не просто грязная. Она убивает. Еще до выборов несколько сотен трупов, и женских, и мужских, найдут по всему дистрикту. Раньше тебя защищало мое имя, но теперь ты вошел в игру и ввел в нее Айранэ. Да, вы где-то с краю и мало кому интересны, но вас начали разыгрывать против меня и моих покровителей… А значит, вы под ударом. И я не смогу вас защитить.

— Можно ли как-то отыграть назад? — спросил я. — Исправить?

— Нет, Володя, здесь движение только в одну сторону, — ответила мать. — Постарайся не лезть глубже. Я поговорю с твоими дедами, после перевода Айранэ твой статус вырос, может быть, они смогут это использовать, а ты — не проворонить свой шанс. Я думала, что твоя жена еще

слишком молода для сложных интриг… Но ты запустил цепь событий, и вы либо выплывете, либо потонете.

Я открыл глаза. За то время, что мы не виделись, мать изменилась. Она еще больше похудела, при этом ее глаза светились изнутри, а в лице чувствовалось что-то хищное.

За год мама стала выглядеть более высокоранговой — хотя, может, это произошло раньше, просто я не замечал.

— Твой музей… — начал я, но она мама перебила:

— Главный культурный центр дистрикта. — Она усмехнулась. — Мы поглотили несколько музеев поменьше, и теперь я вторая женщина в министерстве. Я беременна пятым ребенком, и если будет девочка…

Она не продолжила, но я и так понимал: если будет мальчик, она удержит текущее место. А если девочка — пойдет вверх, возможно, очень высоко.

Государство платило за каждого ребенка, независимо от пола. Но для обычных женщин из анклава оно давало только деньги, ну и плюс небольшое повышение статуса.

А для элиты, высшего круга — открывало новые

дороги, доступные только тем, кто заботится о будущем страны. Заботится, рожая для нее новых высокоуровневых мальчиков и девочек с хорошими генами.

Воспитывая их, оплачивая дорогое обучение, уводя нашу страну как можно дальше от хофов и жогов, нашего дикого, животного прошлого.

— Поговори с отцом, — загадочно сказала она.

Отец со мной общался всего несколько раз за всю жизнь. Сначала меня это тяготило, потом расстраивало, а после свадьбы как отрезало — я просто вычеркнул его из своей жизни.

Встречаться с отцом я, конечно же, не собирался.

Мать вышла из моей комнаты, не прощаясь. Холодная, жесткая, красивая. Она напоминала африканскую статуэтку из черного дерева, одну из тех, что стояли в комнате покойного дяди Семы. Дядя в свое время много путешествовал, налаживая связи нашего дистрикта даже не с соседними — с дальними, теми, в которых мужчинам, чтобы понять друг друга, надо переходить на упрощенный, древний язык, потому что «общий» у них совсем не общий…

Я вспомнил, как сидел на коленях у дяди Семы, а он показывал мне монетки из разных стран и

рассказывал про дальние края. Про магарадж в Индии и вождей в Южной Америке, про то, как в Австралии нашли глубоко в пустыне мужское племя, которое, узнав о том, что весь мир живет в симбиозе мужчин и женщин, объявило всему миру войну, и теперь их территория имеет статус заповедника и огорожена гигантским тысячекилометровым забором.

Его истории всегда отличались от того, что нам рассказывали в школе. Понятно, что отец не очень любил возиться со мной — собственные сыновья, взрослея, вызывают у мужчин отторжение на уровне гормонов, — но из всех дядьев больше всего обо мне заботился именно дядя Сема…

Я тряхнул головой, отгоняя воспоминания. В дверь постучали, и, не дожидаясь разрешения, зашел дед Митяй.

Всемогущий, третий человек в мужской иерархии дистрикта, глава всей милиции.

— Ты охренел? — уточнил дед, закрывая за собой дверь и поворачивая ключ.

— Ты про мать? — уточнил я.

— Плевать мне на твою мать и клубок ее подруг, мелкий ты гад. — Двоюродный дед сел в кресло у письменного стола, бегло оглядев мои журналистские заметки. — Ты вчера попал в аварию и

не позвонил в милицию.

— Дед, слушай…

— Это ты слушай! Как я могу требовать от всего дистрикта соблюдать законы, если мой собственный внук их игнорирует? Сколько она тебе заплатила?

— Шестьдесят рублей, — признался я.

Сразу после аварии я заглянул в базу ремонтников, нашел аналогичные моему случаи, выбрал по верхней планке и показал Раннэ; она оплатила сразу, хотя для нее это наверняка немалая сумма.

— Шестьдесят? Хорошо. — Дед мотнул головой. — Тебе поставят штраф в двести рублей. И в газете об этом напишут: «Известный журналист, попав в аварию, не сообщил об этом в органы милиции. В соответствии с законом ему был предъявлен прогрессивный штраф в двести рублей, который был оплачен на месте».

— Я не смогу, у меня нет двухсот рублей, — начал было я, но дед перебил:

— Я заплачу, ты не беспокойся. А потом договорюсь с твоим редактором и буду удерживать из твоей зарплаты половину, пока не расплатишься полностью! Но честь семьи должна быть вне подозрений. Ты уже не пацан с палкой, ты, жогская

задница, взрослый мужик!

До этого момента я ни разу не видел деда в такой ярости, тем более — употребляющего мат.

— И еще. — Дед достал из кармана увесистую пачку денег, начал было ее пересчитывать, затем бросил всю на стол. — Девка эта твоя, дикая, как ее?

— Раннэ, — ответил я.

— Раннэ! Ты уже и имя ее запомнил! А имена детей своих небось без подсказки не сможешь назвать!

Тут дед был, конечно же, не прав. Я, как и любой порядочный мужчина, мог без проблем перечислить имена всех своих племянников и двоюродных братьев, а это почти два десятка имен. Собственных детей у меня было трое, две дочери и сын, и все трое пока жили на женской половине. Причем у девчонок были «детские» имена, типа Лена или Света, запоминать их не имело смысла, тем более что видеть дочерей и общаться с ними мне категорически запрещалось.

Вот вырастут до четырнадцати, выберут себе настоящие, взрослые имена — тогда и запомню уже, тем более что тогда настанет время, когда я должен буду начать искать им женихов.

А сына моего звали… Звали… Айранэ говорила,

я еще записал тогда…

— Сына зовут Лёня, — вспомнил я. — А дочек — Света и Лиза.

Насчет дочерей я был совершенно не уверен, но и дед наверняка никогда не запоминал детские женские имена, так что я ничем не рисковал.

— Хорошая у тебя память, — буркнул дед Митяй. — Жаль, мозгов нет. В общем, поедешь в анклав, найдешь свою Раннэ, подпишешь с ней документ, по которому у вас друг к другу нет никаких претензий. Она сейчас у себя, у нее вчера был Блеск, так что законный выходной, отлеживается.

— А деньги зачем?

— А потом ты пойдешь в управление самообороны и заверишь документ по всем правилам! — Дед Митяй посмотрел на меня как на кретина, взял пачку денег и взъерошил ее. — У женщин все действия так или иначе влияют на статус. Если к ним пришла высокоуровневая девка и попросила заверить документ, они заверят его сразу, и это будет для всех выгодно. Если придет низкоуровневая, они назначат ей срок рассмотрения, неделю или месяц. А ты никакого уровня не имеешь, твои документы будут рассматривать вечность и не рассмотрят никогда. Поэтому ты

будешь предлагать им деньги. Да, это пошло, это незаконно и это, на мой взгляд, чудовищно глупо. Но выхода нет.

Я встал, натянул штаны и накинул футболку. Подошел к столу и рассмотрел пачку — самые мелкие, рублевые купюры — зато много, сотни две, если не больше.

— А если я не заверю этот документ? — уточнил я. — Чем грозит?

— Вариантов множество, — ответил дед. — Она может подать на тебя в суд. Или, например, родит пацана и потребует, чтобы наш клан его забрал. Но это мелочь, потому что в таком случае мы тебя прикроем и ребенка воспитаем. А вот если она родит дочь и отдаст нам, то твои бабки нас всех зароют! И даже твоя мать тебя прикрывать не станет, чтобы не ссориться со старшими. А еще Раннэ может потребовать от тебя исполнения супружеского часа, например. Прецеденты были. Это сразу понизит статус твоей жены, ее карьере конец, опять же твои бабушки нас размажут. Она может умереть от последствий вчерашнего Блеска, ну или просто умереть внезапно, а женский суд скажет, что это из-за Блеска. Будет процесс, на котором кто-то основательно поднимет свой статус, — и как ты думаешь, за счет чего? Точнее,

за счет кого? За счет твоих матери и жены! Ты головой думал, когда вчера отказался подавать заявление на Блеск вне отведенных для этого мест?

Когда я позвонил Сане Никитичу, мой главред пояснил, что с ним уже связался Митяй и что он меня сегодня на работе не ждет.

В голосе начальника не было сочувствия, но я слышал понимание — он не злился. Не знаю, что ему сказал двоюродный дед, в любом случае с этой стороны проблем я мог не ждать.

Документ с отказом от претензий был уже распечатан, причем сразу в четырех экземплярах. Дед проследил, чтобы со своей стороны я его подписал при нем.

На «экваторе» я до того уже ездил — бесцветная маломощная машинка, просто средство передвижения. Никакого сравнения даже не с «драгоном» — с «ведуньей» Раннэ он не выдерживал. На въезде в женский анклав меня не остановили — такие машинки часто использовали доставщики еды, курьеры и технические службы как мужчин, так и женщин.

Дом, в котором жила Раннэ, при свете дня оказался довольно приличным с виду: покрашен в лазурный с белым, плюс светло-голубая окантов-

ка многочисленных маленьких балкончиков.

Когда я выходил, кто-то из девок сзади присвистнул. Подозреваю, что здесь, в дешевом спальном районе анклава, редко бывает кто-то из мужчин высшего класса. А сдерживать эмоции низший класс не привык.

У подъезда был домофон, но прямо передо мной в дом вошла без ключа девчонка лет восемнадцати. Я дернул дверь — она открылась.

В документе, который передал мне дед, содержались паспортные данные — как мои, так и Раннэ. В том числе полный адрес. Когда я подошел к лифту, там стояла зашедшая ранее девчонка. Увидев меня, она ойкнула и, передумав лезть в кабину, рванула в сторону лестницы.

Я поднялся на седьмой этаж, нашел нужную дверь и нажал кнопку звонка, вызвав длинную оглушительную птичью трель.

— Прив… — начал было я, но тут же понял, что дверь мне открыла не Раннэ, а сильно похожая на нее девушка.

— ЭтоКоМне! — коршуном из глубины коридора вынеслась моя знакомая. — ДурнойСовсем?

Она потянула меня вглубь квартиры, мы продирались мимо коробок, свисающих со стеллажей предметов женского туалета и полуодетых ма-

некенов с причудливо вытянутыми в разные стороны руками.

Я не сразу понял, что мы идем вдоль дверей, часть из них была открыта или приоткрыта, и за некоторыми я видел девок, все как одна — молодые и во многом похожие на Раннэ.

Когда мы проходили мимо, они совершенно одинаковым движением оборачивались на нас и смотрели мне в глаза не мигая. Выглядело это пугающе.

— ТыСУмаСошел? — спросила меня Раннэ, втолкнув в маленькую комнатку и тщательно заперев за собой дверь. — ЕслиУКогоТоНачнетсяБлескОстальныеТожеВзорвутся!

Я всю жизнь общался только с женщинами, которые тщательно соблюдали супружеский час, и о Блеске знал только из учебников и криминальной хроники, ну и еще вчера испытал его на себе.

А вот дед Митяй наверняка знал о нем больше, но вместо того, чтобы переложить вопрос на юридическое агентство, имеющее женское представительство, отправил в анклав меня самого.

Эта мысль требовала обдумывания, но не сейчас.

— Мне надо, чтобы ты подписала отказ от пре-

тензий, — привычно ускорился я.

Это ускорение речи далось мне гораздо проще, чем вчера: я привыкал говорить с женщинами.

— ПрислалБыКурьером, — недовольно сказала Раннэ, взяла у меня бумаги и начала читать.

Я подошел ближе, чтобы указать на важные, по моему мнению, места, когда она, не глядя, выкинула в мою сторону руку и попросила:

— СтойТам.

— Почему? — удивился я. — У тебя же Блеск был вчера, ты сейчас «пустая» в части гормонов?..

Она посмотрела на меня как на идиота:

— ЗдесьДвадцатьДевчонокЗаСтенами.

Я не понял этого момента, но на всякий случай отошел в сторону. Раннэ дочитала, тяжело вздохнула, потом долго рылась по шкафчикам в поисках ручки.

У меня была своя, но я не предложил, внезапно осознав, что ничего не понимаю в происходящем и могу этим жестом опять что-то испортить.

Она подписала все четыре экземпляра, потом придирчиво осмотрела их, один даже понюхала и пометила галочкой в углу, видимо, чтобы оставить себе.

— ТыПахнешьТакБудтоЯТебеЕщеНравлюсь, — сказала она, отдавая мне четыре листа.

— Ты мне нравишься, — признался я.

Раннэ заставила меня остаться в комнате, сама вышла и некоторое время что-то кричала — почти на ультразвуке, у меня не было ни единого шанса разобрать сказанное.

Ей отвечали, потом она что-то еще говорила. Это заняло не больше минуты — затем она вернулась, взяла меня за руку и потащила за собой.

Теперь все двери были закрыты, а в коридоре горел свет. Я разобрал запах — пахло кориандром и немного женским потом. Запах был именно тем, который я вчера чувствовал от Раннэ.

Мы вышли из дома. В дневном освещении я увидел, что ее лицо осунулось и выглядит она гораздо хуже, чем вчера. По крайней мере, чем вчера утром.

— Ты не заболела? — уточнил я.

— ДуракУМеняВчераБылБлеск, — огрызнулась она.

Я окончательно перестал понимать, как мне себя с ней вести. То, что она назвала меня дураком, с одной стороны, казалось очевидным оскорблением, а с другой — словно котенок ударил лапой, скрыв когти, — вроде бы и напал, но совсем не страшно и не больно.

Когда я сел в «экватор», она уверенно плюхну-

лась на пассажирское кресло.

— ТыБезМеняНеЗаверишь, — сказала она. — ПрямоПоворотНалевоИПоворотНаправоДваКвартала.

В управлении женской самообороны на входе дежурила размазавшаяся по стулу пухлая женщина лет под сорок. Я, конечно, совершенно не разбирался в женских статусах, но тут было очевидно: этой даме не повезло занять хоть сколько-то приличное место в жизни, и статус у нее очень низкий.

Она долго ковырялась в аппарате на поясе, прежде чем оттуда раздался мелодичный голос:

— Сообщите цель визита.

— РМЖЧХ, — на ультразвуке сообщила Раннэ.

Охранница, глядя только на меня — куда-то в область солнечного сплетения, — проигнорировала ответ Раннэ и еще пару минут копалась в аппарате, после чего динамик на ее груди озвучил:

— Вам на второй этаж, кабинет двадцать шесть, в порядке живой очереди.

Раннэ посмотрела на охранницу, та ответила взглядом, некоторое время они словно сверлили друг друга, потом Раннэ отвернулась, взяла меня за руку и потащила вперед — хотя уж второй-то

этаж я мог и сам найти.

Но, обернувшись, я обнаружил, что охранница смотрит потухшим взором на то, как мы держимся за руки, и понял, что моя спутница использовала этот жест как некий аргумент в их споре.

— ДавайДокументы, — сказала она около нужного кабинета.

Там выстроилась очередь — четыре женщины, довольно невысокие, только одна моего роста, то есть все из низшего класса.

Раннэ взяла документы и вошла в кабинет без очереди. Очередь ей не возразила, но из кабинета я услышал ультразвуковой незнакомый голос — кто-то внутри явно был недоволен явлением Раннэ.

Через мгновение ультразвук стих, а еще через секунду дверь открылась и вышла Раннэ, но уже с папкой, в которой бумаги было явно больше трех листов.

Дальше начался какой-то жогский бардак. Мы шли к очередному кабинету, Раннэ заходила внутрь без очереди, чаще всего ее просто пускали, иногда кто-то возмущался, и тогда моя спутница что-то вопила на ультразвуке.

В кабинетах тоже иногда орали. Но заканчи-

валось все почти мгновенно, каждый раз Раннэ выходила с видом победительницы, а папка в ее руках становилась все толще.

Мы прошли через полтора десятка кабинетов, затем вернулись в некоторые второй раз, а потом — и третий.

При этом сидевшие в очередях женщины начали ворчать — я заметил, что за это время они не продвинулись вперед ни у одного кабинета.

Это был мир, незнакомый и непонятный мне. Если бы мне пришлось проходить через все это самому — даже не представляю, как я смог бы это сделать, да еще и за один день.

В итоге из очередного кабинета Раннэ вышла без папки и сообщила:

— НадоОплатитьПошлинуСорокКопеек.

Мы прошли в кассу, и я оплатил пошлину. Раннэ с чеком вернулась в последний кабинет, вышла оттуда с тремя листами, забрала себе помеченный, свернула его вчетверо и спокойно сунула сверху в платье, так что из лифа торчал небольшой белый уголок.

— МыСделалиЭто, — улыбнулась она.

— Ты сделала это, — ответил я, не желая брать на себя даже часть этого триумфа.

Когда мы вышли и я сел в машину, Раннэ оста-

лась стоять снаружи. Видимо, здесь мы должны были расстаться. Я уже отъехал на приличное расстояние, когда в зеркале заднего вида разглядел ее далеко позади — она так и смотрела мне вслед.

На выезде из анклава меня тормознули, и две тетки из самообороны деловито осмотрели «экватор», заставили открыть все дверцы и багажник, а одна из них сосредоточенно обнюхала пассажирское сиденье, глядя на меня искоса, словно надеясь, что я признаюсь в каком-то страшном грехе.

Но каяться мне было не в чем, и в итоге меня пропустили. Из анклава я поехал сразу в ГУМД — главное управление милиции дистрикта, где спросил у скучающего сержанта на вахте, где я могу заверить отказ от претензий.

Сержант молча протянул руку, я вложил туда два документа. Он внимательно прочел первый, затем просмотрел второй и сказал:

— Там за углом сберкасса, оплати полтора рубля пошлины. И дальше два варианта: если хочешь по правилам — отдаешь в семнадцатом кабинете лейтенанту пошлину и документы и через неделю получаешь свой заверенный экземпляр.

— А если не по правилам? — уточнил я через

минуту, поняв, что сержант молчит, потому что ждет от меня этого вопроса.

— А не по правилам — купишь там же пару пачек белой бумаги и отдашь мне. Я все заберу, отойду минут на двадцать и потом сразу вынесу тебе заверенное по всей форме. Ну как?

Я рассмеялся.

— Пойдем по второму варианту.

Тут был большой нюанс: сержант на самом деле просил не взятку, точнее, не совсем взятку. Наши чиновники — я имею в виду мужских, насчет женских могло быть точно так же, но этого я не знал — время от времени начинали против чего-то бороться.

Против глобального потепления, против лишней бюрократии, против опозданий, хамства и очередей.

Каждый раз при этом у исполнителей на местах что-нибудь исчезало, и хорошо, если это была бумага или степлеры, гораздо хуже — если премии или надбавки.

Потом борьба сходила на нет, люди в высоких креслах получали галочки, ордена и моральное удовлетворение, а бумага и надбавки возвращались туда, откуда их ранее забирали, приводя в восторг тех, кто во время этого искусственного

кризиса выживал, вместо того чтобы жить.

В сберкассе стояла очередь в мужское окно, и я направился в женское. Еще вчера я бы по инерции встал в мужское и потратил бы полчаса жизни впустую, но количество моего общения с женщинами за последние сутки неожиданно перешло в качество, и я понял, что меня совершенно не смущает вариант воспользоваться женской частью инфраструктуры.

Женщина в окошке нервно косилась на меня все время, пока оформляла мне пошлину, принимала деньги, отсчитывала сдачу и выдавала две пачки бумаги.

Я на всякий случай проверил все реквизиты — она все сделала правильно.

За то время, пока я оплачивал пошлину, мужская очередь продвинулась на одного человека из десяти. Один из стоящих дернулся было к женскому окну, но почти сразу вернулся. На меня глядели как на инопланетянина.

Сержант уточнил:

— Чего так быстро? Неужели очереди нет?

— Да я в женском взял, — ответил я спокойно.

— Главное — туалеты не спутай, — невпопад пошутил сержант.

Теперь он смотрел на меня с опаской и, видимо,

на мгновение даже засомневался, имеет смысл брать с меня бумагу или лучше отправить по длинному, но официальному пути с недельным ожиданием.

Но в итоге выбрал правильное решение.

Через двадцать минут он еще не вернулся, и через полчаса, а через сорок спустился дед Митяй.

— Давай за мной, — потребовал он.

Мы поднялись в его логово на третьем этаже. Здесь, в мягком прохладном полумраке вытянутого начальственного кабинета, стоял легкий, невыветриваемый запах табачного дыма.

— Садись, — потребовал двоюродный дед, и я сел через два стула от него. — Ты сейчас в женском окне пошлину оплатил?

— Да, — ответил я. — Это законно.

— Но никто так не делает, — ответил дед Митяй. — Ты должен был завалиться на подписании документа в анклаве. У них практикуется коллективная ответственность. То есть когда какие-то неприятные документы согласуют в десятке инстанций и в итоге начинаются проблемы, то виноваты все разом, а значит — никто. Как ты смог за полдня подписать у всех? Я тебе дал двести рублей, но даже с ними это неделя, не меньше! Там же полсотни очередей!

Я достал из кармана пачку денег и кинул ее на стол перед дедом. Пошлины я оплачивал из своего бумажника, то есть к деньгам деда не притронулся.

— Раннэ прошла по всем кабинетам. Без очереди. Я понятия не имею, что она там говорила.

— Это проблема, — ответил дед. — Я-то как раз представляю, что она им говорила. Она им рассказывала, что за дверью стоит мужик из высшего класса и что, если они не хотят катастрофы, пусть лучше подпишут, иначе ты на нее в суд подашь. То есть она вывернула ситуацию наизнанку, поставив себя и весь женский анклав в уязвимое положение, и, чтобы избежать проблем, они все быстренько заверили документ, в котором ты и Раннэ отказываетесь от претензий.

— Она… Она пугала их мною? — уточнил я.

— И даже, может быть, мною, — углубил дед. — Вопрос в другом — почему она решила тебе помочь? У меня есть ощущение, что эта дикая разыгрывает какую-то свою партию. Может быть, конечно, я все усложняю и вопрос просто в гормонах. Насколько я понимаю, до тебя у нее нормального секса с мужчинами не было, а Блеск — штука такая, она взрывает мозг… Ты, кстати, как?

— Я — в порядке, — ответил я с уверенностью, которой на самом деле не испытывал. Мысль о том, что мы с Раннэ больше не увидимся и я никогда не испытаю той яркости жизни, в какую на несколько мгновений окунулся вчера, я старательно гнал прочь.

— Не уверен, — сказал дед, пристально глядя на меня. — Купи подарок Айранэ. Дорогие сладости.

Он двинул пачку денег обратно ко мне.

— Зачем? — удивился я.

— Это такой старинный обычай. — Деду явно было не по себе. — Когда ты женат, но у тебя появляется кто-то на стороне, ты делаешь жене подарок. Этим ты, во-первых, сообщаешь ей о том, что случилось, пока не сообщили другие. Ну и во-вторых, подчеркиваешь, что не гордишься происшедшим, и даешь понять, что в ваших отношениях ничего не меняется.

Я приоткрыл рот, пытаясь осознать сказанное дедом. А потом уточнил:

— А если жена по какой-то причине занимается сексом с кем-то, кроме мужа…

— Она делает ему дорогой подарок, портсигар или фляжку, — ответил дед Митяй. — Это традиция, которая уходит корнями в глубокую древность. Как бы мы все ни пыжились, мы всё

еще животные. И рано или поздно бóльшая часть из нас, даже самые рафинированные и тренированные, сцепляются с кем-то взглядами, не могут устоять, потом гормональный взрыв, бац… и ты уже натягиваешь штаны, стараясь не встречаться глазами с недавним партнером, и идешь домой, к жене… Ну, или к мужу.

Я вспомнил, как полтора года назад Айранэ подарила мне дорогую фляжку, инкрустированную серебром. Без повода. Тогда я рассказал об этом дяде Марату, а он почему-то ответил: «Не переживай, это ничего не значит».

Теперь и сам жест, и слова дядюшки раскрывались с совершенно другой стороны.

— Почему этому не учат? — спросил я. — Никто же такого не рассказывает?

— А зачем? — Дед усмехнулся в усы. — Но на самом деле рассказывают. Ты помнишь сказку про Сиреневого Дракона?

Я помнил. И — да, там князь был бесплодным и собирал коллекцию портсигаров, и при этом у него было десять сыновей. Раньше я не понимал, как так — бесплодный и куча детей? А теперь через портсигары это становилось понятно.

— Володя, сегодня Айранэ первый день вышла на новую должность. Я даже не представляю, ка-

кой стресс она испытывает. У нее сейчас человек сорок в подчинении, причем, если раньше она управляла исключительно женским коллективом, сейчас ей придется работать и с мужчинами. Постарайся не усложнять ее задачу.

— Не усложнять? — переспросил я.

— Просто соблюдай супружеский час и не пытайся говорить с ней больше, чем обычно.

Я кивнул.

«Не говорить больше, чем обычно» означало вообще с ней не разговаривать. Когда мне две недели назад предложили длительную командировку, которая могла двинуть мою приостановившуюся карьеру, я сказал об этом дяде Лёне, а уже дядюшка перетер с кем-то на женской половине, и я от дяди получил согласие жены.

— Подтверди мне, пожалуйста, что от твоей Раннэ не будет неприятностей, — попросил вдруг дед.

— Уверен, не будет, — сказал я легко и не соврал.

Поскольку у меня было ощущение, что вопросы, конечно же, возникнут. Но не от Раннэ, которая наверняка выполнит свою часть договоренности.

Проблемы будут с моей стороны, потому что я

в себе не так уверен.

Мужчины и дети празднуют день рождения, женщины — именины. В день, когда девочка впервые испытывает гормональную бурю Блеска, она меняет собственное отношение к самой себе и имеет право выбрать новое имя вместо общего.

Раньше я не задумывался об этом, но получается, что мужчины всю жизнь ходят с общими именами, детскими, так и не дойдя до момента, когда можно выбрать свое, уникальное. Даже у меня есть несколько знакомых Володь, пара Лёнь и, наверное, десяток Митяев.

И в то же время я знаю только одну Анаит, единственную Айранэ и уникальную Раннэ. Все они выбрали имя после первого Блеска.

Причем, насколько я понимаю — этому нигде не учат, но это очевидно, — девочки из высшего класса берут имена на «А», а остальные — на любые другие буквы алфавита. Может быть, там есть еще правила и на самом деле в имени Раннэ зарыта бездна смысла — но мне это неизвестно.

Я всего лишь мужчина с общим именем. Тут мне немного даже обидно, так как я мог бы быть каким-нибудь Арасланом или Альдемором. Хотя нет, это звучит слишком глупо и смешно.

Если вы хотите купить сладости для женщины

на именины, обычно — для жены или матери, в редком случае — для тетушки, сестры или бабушки, — вы идете в женскую лавку.

Это один из немногих чисто женских магазинов, в которых толпятся именно мужчины. Сами женщины, как правило, отлично знают, что им нравится, и заказывают доставку.

Я выбрал одну из самых дорогих лавок, внутри пахло сладкими специями, а за прилавком стояла высокая дама — возможно, хозяйка магазина. Она, конечно же, жила вне анклава, и у нее наверняка были муж и дети.

— Мне нужен подарок для жены, — сказал я, вежливо ускорив речь.

— На именины? — уточнила дама на хорошей общей речи. Чуть быстрее, чем я привык, но вполне разборчиво и понятно. — Или подороже?

— Подороже, — сказал я, понимая, что в этот момент краснею.

— Первый раз? — Я взглянул на хозяйку магазина и понял, что она смеется надо мной. — Первый раз делаешь такой подарок жене?

— Это имеет значение? — уточнил я.

— Зависит от того, следует ли ваша семья укладу. — Хозяйка подмигнула мне. Это был некий новый, ранее не встречавшийся мне уровень

фривольности. — Насколько традиционная у вас семья?

— Самая что ни на есть, — ответил я. — Клан из семидесяти человек под одной крышей. Деды и бабки правят, родители постепенно забирают у них власть, мое поколение ищет лазейки, чтобы начать жить, а не чахнуть в тени предков.

Хозяйка магазина расхохоталась, тонко, высоко — еще вчера меня бы, наверное, резануло этим поступком, но сейчас я совершенно точно понял, что она смеется не надо мной, а над моей шуткой.

— ТогдаНуженПервыйПодарок, — на грани моего восприятия сказала хозяйка, заметила, что мне сложно ее понимать, и замедлилась. — В первый раз сладости должны быть чуть горьковатыми. Больше какао, меньше сахара. Миндаль обязательно, никакого желе. Ты первый ребенок в семье?

— Это тоже важно? — поразился я.

— Мы можем расставить акценты так, что подарок будет идеальным, — сказала хозяйка. — Еще сотню лет назад магазинами сладостей владели хофы. Они очень внимательны к деталям.

Я впервые в жизни слышал от собеседника слово «хофы» не как часть матерной конструк-

ции. В учебниках истории это слово, конечно, встречалось — но даже преподаватели старались заменить его эвфемизмами и не произносить.

Хофы и жоги. Женские дети и мужские дети, атавистические выродки, запрещенные в большинстве стран мира, напоминание о тех временах, когда не было еще человечества, а были два вида животных — мужчины и женщины, каждые сами по себе.

Жоги опасны за счет умения управлять собственными гормональными выбросами. Они могут влиять на окружающих, к тому же коварны и злопамятны. Поэтому жогов запретили давно и в случае обнаружения их чаще всего просто убивают на месте.

Хофы не опасны. Женские отродья очень педантичны, умеют идеально подбирать сочетания вкусов, цветов и звуков. Самые гениальные повара, композиторы и художники были хофами… Или жогами, так как среди жогов тоже встречались весьма творческие личности.

Когда мы начали их уничтожать, культура лишилась целого пласта новых творений. А в музеях и консерваториях до сих пор царствуют произведения зловредных жогов и неудачливых хофов.

Неудачливых — потому что в большинстве стран мира они тоже запрещены. У нас их, в отличие от жогов, не убивают, но селят отдельно от людей, им запрещено получать образование. Им дают монотонную, простую работу. В очень редких случаях кто-то из хофов пробивается сквозь все препятствия и получает подряд на реставрацию картин или смешение пряностей для сети ресторанов быстрого питания.

Но при этом они не имеют права работать вместе с людьми и даже просто показываться на людях. Многие считают, что это позор и угнетение, но большинству все равно.

А для наших пастырей, для господина президента и всех прочих хофы — всего лишь напоминание о нашем животном прошлом, от которого мы ушли так давно и так недавно и к которому, по их словам, возврата нет и быть не может.

И в таких условиях успешные хофы на виду у всех существовать не могут.

Они и не существуют.

Их как бы нет.

— То есть это традиция хофов? — уточнил я.

Вопрос получился слегка угрожающим, но хозяйка магазина пропустила двусмысленность вопроса мимо ушей, ответив только по сути:

— Ну, все знают, как педантичны хофы. Дай хофу задачу на полчаса, и она сделает ее за месяц, но так, что вопрос будет закрыт навсегда.

— Вы так говорите, словно у вас есть знакомые хофы, — сказал я.

И в этот момент она замерла, пристально глядя на меня, и я понял, что попал в точку, а она увидела, что я это почувствовал. Мы несколько секунд смотрели глаза в глаза, я почувствовал внутреннее возбуждение, нарастание агрессии и первым отвел глаза, потому что понимал, чем это может кончиться.

— Прошу прощения, — выплюнул я, максимально ускорив речь.

— ТакНельзяТакНельзя, — забормотала хозяйка. Затем взяла себя в руки и добавила на общей: — Поклянитесь, что не раскроете никому.

Я прижал руки к груди и торжественно — насколько это возможно для мужчины, говорящем на ускоренной для них общей, — сказал:

— Клянусь, что все услышанное здесь останется между нами.

В магазине мы были только вдвоем, уровень цен отпугивал большинство покупателей. Хозяйка подошла к двери, перевернула табличку

с «Открыто» на «Закрыто», затем вернулась за стойку и села так, что теперь я был выше нее.

— Это позор нашей семьи. Мать в юности увлекалась разными идеями, в том числе анархистскими, ну, теми, по которым все началось не с симбиоза, а с паразитирования. То есть мужчины паразитировали на женщинах. Идея не новая, но в каждом поколении находятся те, кто горит ею. Мама была такой. Она отказалась выходить замуж и несколько лет прожила в анклаве за пределами дистрикта с другими анархистками. Родить женского ребенка непросто, но все же не так сложно, как мужского. Она родила. А потом семья нашла ее и вернула домой. Вместе с хофом. Ребенка скрыли от всех, матери нашли хорошую партию, и она вышла замуж за моего отца. До четырнадцати лет я понятия не имела, что у меня есть такая… Сестра. Потом был мой первый Блеск, и я почувствовала ее, а она — меня. Это тяжело объяснить, но мы ощутили общность. Я нашла ее, ее держали взаперти, в темной комнатке без окон, голой, едва умеющей сложить несколько слов. Хофы плохо обучаются, но ее не учили вовсе. Я устроила такую истерику, что ее переселили жить ко мне. Она стала частью меня. Я не могу объяснить это иначе.

Хозяйка магазина смотрела в сторону, и я видел, что на ее глазах набухают слезы. Если бы она происходила из низшего класса, этот эмоциональный всплеск мог бы привести к чему угодно, но принадлежность к высшим нивелировала риски.

— Но ты ведь потом вышла замуж? Переехала в дом к мужу?

— Нет, конечно. — Она невесело рассмеялась. — Разлучить нас оказалось невозможно, поэтому я осталась в доме своего клана. Это мой муж перебрался к нам. Он приехал из дистрикта на далеком юге, там началась гражданская война, его семья попала в число проигравших, и их клан рассеялся по миру. У него было отличное образование, деньги, происхождение. Но другие семьи не рассматривали его — люди без семьи для высших уже не совсем люди. А для меня он стал настоящим подарком. Моя мама нашла его и привела в наш дом. Отец, который и тогда не знал про хофа, и до сих пор не знает, был категорически против. Но если женщины хотят настоять на своем, они свое получают. Так мой муж вошел в наш клан, и если уж быть откровенной — в итоге выиграли мы все. Хоф помогает мне с рецептами, магазин стал популярным, и не думаю, что оши-

бусь, если скажу, что мы — лучшие в дистрикте. У нас с мужем четверо детей, он руководит строительной компанией, семья нами довольна. Но если кто-то узнает…

— Не от меня точно, — сказал я твердо и повторил: — Точно не от меня.

После этого мы подобрали сладкий подарок для Айранэ. Основу из горького шоколада с миндалем скрыли солоноватыми взбитыми сливками, выполнив их в виде трех куполов по краям с одним — на этот раз сладким — по центру. Сверху хозяйка наложила паутинку из тончайших меренг и сделала в куполах тоненькие разноцветные желейные окна.

При этом она уточняла разные детали: насколько я старше жены, насколько она выше меня, сколько у нас детей и кто из детей родился первым — мальчик или девочка.

В итоге я выложил за торт двадцать три рубля, но цена не показалась мне запредельной, а в душе осталось ощущение, что я все сделал правильно.

Кроме торта, я взял большой кулек фундука в сахарной глазури и десяток шоколадных медвежат для племянников.

До дома я доехал как раз к моменту, когда на мужской половине выставили столы и начали

готовить шашлык.

Торт для жены я передал через дядю Лёню, который одобрительно хмыкнул, рассматривая конструкцию с куполами сквозь прозрачный футляр, а сам присоединился к организации праздника.

Покатал на плечах самых младших племянников, ответил на вопрос Олежки про то, правда ли, что есть страны, в которых нет зимы, — рассказ понемногу вышел на тему вращения Земли вокруг наклонной оси, и к беседе присоединились мои двоюродные братья, ведь воспитание молодежи всегда ложится на плечи следующего по старшинству поколения.

Дядья тем временем сообщили, что мясо готово, и всех позвали за стол. Выпили по стопке коньяка, причем налили даже Пашке, моему тринадцатилетнему племяшу, для которого женщины уже подбирали невесту в его школе. Первую в своей жизни чарку он выпил неправильно, поперхнулся, коньяк пошел носом, и все захохотали, а я бил его по спине и требовал, чтобы он тут же выпил вторую, так как первая не дошла куда следует.

Потом выпили еще, спели пару застольных — начинали, как обычно, деды, потом они жестами позволяли присоединиться к хору всем дядьям,

кроме Марата, у которого слуха не было совсем. А потом и нам, причем мне — одному из первых, из чего я понял, что у дедов зла на меня нет и вроде как проблема с Раннэ исчерпана.

Потом выдавали мелким подарки, в том числе я раздал шоколадных медведей. Разделили племяшей на команды и заставили соревноваться, болея за своих и помогая им по мелочи.

Я был доволен и пьян, когда меня отвел в сторону дядя Лёня и сообщил:

— Айранэ в больнице. Ничего серьезного, но я бы на твоем месте съездил.

Первой мыслью было, что она отравилась моим тортом, — но оказалось, что она даже не доехала до дома. Первый день на новой работе затянулся, она, конечно же, постаралась показать себя с лучшей стороны…

И что-то пошло не так.

Универсальные больницы, в которых лечат и женщин, и мужчин, ошибочно считаются средними. Так повелось, что в анклавах и коммунах есть больницы для своих — там процветают гомеопатия и традиционная медицина разной степени полезности.

Есть еще самые дорогие, частные клиники, в которых тоже ценз по полу: мужская и женская физиология имеют различия, и — как бы ни кричали наши любимые руководители о том, что мы вместе, — когда дело доходит до дорогостоящей гормональной терапии, мы внезапно оказываемся в разных больницах.

А нормальные, дотируемые государством больницы, в которых идет непрерывный поток пациентов по обязательному страхованию, — общие. И там, как ни странно, работают зачастую лучшие врачи, которые, независимо от пола, отлично знают и женскую, и мужскую физиологию.

Лечащим врачом Айранэ оказался мужчина. Моя мать, как выяснилось, уже устроила разнос по этому поводу главному врачу, кстати, женщине, но та отказалась менять Гошу Володиевича на кого-то еще, отметив, что он лучший специалист в дистрикте по отравлениям.

— Отравили чаем или пирожными, яд синтетический, нам известен, обычно смертельный. Но дозу дали слишком большую, Айранэ вырвало, организм немного почистился, дальше уже мы подключились. — Врач уверенно говорил на общей, ускоряя речь для моей матери.

— Уверен, что угрозы нет? — уточнила мать.

— Абсолютно, — ответил Гоша Володиевич. — Угроза может быть извне, если вы считаете, что покушавшиеся могут продолжить, рекомендую запросить у самообороны офицеров, чтобы они дежурили у палаты. Ну и еду — только от вас, никаких приношений от гостей.

К Айранэ меня не пустили. Она лежала, опутанная трубками, бледная, без сознания, за прозрачной стеной.

— ЭтоПоМнеУдар, — сказала мать, едва мы отошли от врача. — ЭтоАлаяна.

— Почему ты так думаешь? — уточнил я.

— Я уже ответила на их выпад. — Мать немного успокоилась и замедлила речь. — Там целая цепь интриг, они хотели использовать Айранэ против меня, но я сделала так, что это стало невозможно. И тогда она оказалась невыгодна им на этой должности.

— То есть это отравление — результат твоих

действий? — спросил я.

— Точнее, твоих, — жестко ответила мать. — У меня она была в полной безопасности. Ты выторговал ей место, на котором она угрожала мне. Я вырвала клыки атакующим, но я не могу прикрыть твою жену, когда она работает не у меня.

Я смотрел на Айранэ и понимал, что там, на больничной койке, лежит, в общем-то, чужой мне человек. Мы делим постель, мы приводим в этот мир новых людей, мы самим своим существованием обеспечиваем друг другу хорошую карьеру — но при этом мы понятия не имеем о том, что там у второго в голове. О чем она думает? Что ее заботит? Если бы вдруг Айранэ оставила в своем доме сестру-хофа, будь она у нее, я бы никогда об этом не узнал.

И в то же время между нами что-то было. Что-то, что пробивалось сквозь рамки, которые выставляло государство, семья и общество, настаивая на том, что надо жить так и только так.

Я вспомнил, как позавчера поцеловал ее в щеку после секса. Об этом жесте не знает даже она сама, но это проявление того странного, той ниточки, что связывает нас по-настоящему, поверх созданных семьей и обществом стальных оков, которые на самом деле совершенно нас не держат, требуя

лишь покупать ритуальные подарки при случайном сексе на стороне.

Мать, убедившись, что не сможет больше улучшить положение Айранэ, посулила главврачу золотые горы, если все кончится положительно, пообещала череду неприятностей в случае, если все пойдет не по плану, и уехала домой.

А я остался и сидел у стеклянной стены еще часа два, размышляя о том, что с нами происходит и что мне делать дальше.

— Ты ничем ей не поможешь, — сообщил Гоша Володиевич, подавая мне стаканчик с плохим кофе из местного автомата. — Езжай домой, не смущай санитарок.

В этот момент я обратил внимание на то, что он на самом деле очень невысок, да к тому же еще и кряжист. Общаясь с ним, я как-то по умолчанию считал, что говорю с ровней, человеком из высшего класса.

И он всем — манерой общения, повадками, внутренней уверенностью в своей правоте — всячески подтверждал это.

Но вот это «не смущай санитарок» повернуло во мне какой-то внутренний рычажок, и я понял, что мой собеседник вырос не в нормальной семье, не в клане, а в коммуне, среди сотен пацанов

и всего лишь с несколькими воспитателями, как правило далекими от педагогики и не способными справиться с ордой подрастающих маленьких мужчин.

Он смог вырваться из трясины, получить хорошее образование. Наверняка женился — и наверняка поздно. Жену нашел сам. От одной этой мысли меня охватывал трепет. Как можно самому выбрать себе пару? Как потом делать карьеру? Как отвечать за этот свой выбор?

У него не было дядьев, через которых он мог бы передать жене важное, то, что, может быть, смущаешься пояснить даже себе. Не было матери, которая бы контролировала жену, уберегая ее от дурных решений.

Гоша Володиевич сделал себя сам. Он собирался стать родоначальником собственного клана. Он принимал на себя ответственность, которую по правилам нашего общества принимать не мог.

Ответственность за себя.

За жену.

За этих жоговых санитарок.

— Ты сам выбрал жену? — спросил я и сразу понял, что вопрос очень грубый.

— Не совсем, — ответил врач, прихлебывая из своего стаканчика. — Я был интерном, уже

задержался там, никто бы не дал мне работу практикующего врача, пока я не женат, а я даже не представлял, как к этому подступиться. Санитарки не подходили, это тупик для карьеры. Да и вообще они замуж не хотят, для них это тюрьма. Девушки-интерны сплошь из хороших семей, я для них никто, меньше чем пустое место, чудо такое — смотришь, а скальпель в воздухе висит, вот так, я думаю, они меня видели.

— И как же в итоге? — уточнил я.

— Главврач нашла пациентку с гормональным сбоем. Из анклава, самой бездны, но она программист хороший, самоучка. У нее Блеск мог начаться почти сразу после предыдущего. Представляешь? Три раза подряд — и организм не выдерживает, она труп. Она лечилась после двух Блесков подряд, врачи сказали, что в следующий раз могут не откачать. Главврач предложила, я пошел посмотреть на нее. Красивая. Умная. Говорит быстро, конечно, — поначалу ни жога не понимал! В школе же толком общей речи не учат, во всяком случае в анклаве и коммуне. Кому нужно по работе, потом доучиваются. Ей было не нужно.

— Главврач предложила вам обоим?

— Нет, только мне. Сказала, что если не я

— умрет она в следующий раз. Вроде как тестировала меня на зрелость, или еще что… Я ее, вообще-то, не понимаю. Точнее, сегодня вроде бы понимаю — а завтра она что-нибудь отмочит, и не понимаю, а она же мой руководитель! Ну, в общем, забрал я историю болезни, моя будущая жена была моим первым пациентом-женщиной, ну, понятно, как у интерна. Разговаривал с ней. А перед выпиской предложил сойтись. Попробовать.

— И как?

Гоша Володиевич допил кофе, тяжело вздохнул и выкинул стаканчик в мусорку.

— Она тоже не дура, понимала, что Блеск ее убьет. Поначалу мы оба были уверены, что ничего не получится. Ну, вроде как болезненная терапия. Лекарство, которое выглядит ничуть не лучше болезни. Это я про совместный быт. Секс опять же… Никто ведь не учил, в интернете чушь какая-то ненатуральная. Ей больно, мне неудобно, мы говорить об этом не умеем! Понятно, что гормоны у нее в норму приходят, она живет, но радости это не доставляет. А потом само сложилось. И я понял, как что делать, и она начала чувствовать, когда надо, а когда нет. В еде нашли блюда, которые обоим нравятся. Завтракаем и

обедаем каждый своим, а ужин — общий… Женились, ее на работу взяли в крупную компанию, мне практику дали. Потом дочь родилась; сейчас, если сын будет, стану завотделением, главврач прям вот твердо пообещала. Дом от государства, дотации — я никогда не чувствовал себя таким защищенным.

Я ощущал, что ему хочется выговориться и при этом общаться ему не с кем. Не было у него ни дядьев, ни двоюродных братьев. Круг высшего общества его не принял, что вполне логично, и моим собратьям по классу он был неинтересен. А все, с кем он рос, остались далеко позади, среди аутсайдеров.

— Когда она проснется? — кивнул я на Айранэ.

— Когда разбудим, — ответил Гоша спокойно. — Может, завтра, а может, через пару дней. Организм еще пока чистится, процедура эта неприятная и болезненная, зачем девушку зазря мучить… А вы как женились?

— Как обычно, — ответил я. — Мать выбрала перспективных девочек в нашей школе и провела переговоры с их родителями. В итоге осталась одна — она устраивала мою мать, а я устраивал ее родителей. С сексом проблем не было, дядья мне все рассказали, как что делать, чего ни в коем

случае не делать. Радости поначалу тоже особой не было, как-то пресно, что ли… Обязаловка. Потом научились получать немножко радости. Я — точно, она вроде бы тоже. Однажды ко мне приходила тетушка, сказала, чтобы я во время секса одну вещь не делал, а другую — наоборот, делал обязательно. Как-то так…

Гоша Володиевич тяжело вздохнул. Я чувствовал, что у него есть еще вопросы, но он стесняется их задавать. И тогда я спросил:

— А во время Блеска у вас было?

Гоша кивнул:

— У нее ведь синдром Раута-Трапса, Блеск в любой момент может начаться. Регулярный секс снял проблему отчасти, но не полностью. Несколько раз было. Ужас! Я вообще себя не контролирую, тело само решает, один раз она мне губу порвала, в другой — я ей ребро сломал.

— А удовольствие? Ну, от секса?

— Какое там! — махнул рукой Гоша Володиевич. — Никакого удовольствия, только боль, вина, сочувствие… Каждый раз очень тяжело переживали, особенно она, приходилось убеждать, что все нормально, не брошу, переживем.

Мы попрощались, затем я посмотрел на Айранэ, прижал ладонь к стеклу, убрал и некоторое

время смотрел на свой отпечаток. Заболела голова — видимо, это было «раннее похмелье», о котором меня когда-то предупреждал дядя Лёня: когда выпьешь, но не допьешь, а потом такой вот «недопитый» еще несколько часов бодрствуешь.

Я вышел из больницы в смешанных чувствах. Для Гоши Володиевича секс с женой под Блеском был ужасен, возможно, потому, что он терял контроль над собой. Я — если быть совсем честным — никогда себя не контролировал. Более того, меня все время контролировали снаружи, вся моя жизнь была бегом от стенки до стенки в замкнутом пространстве.

А во время Блеска Раннэ я вырвался из клетки, был вне правил, в какой-то мере — свободен. И может быть, поэтому с Раннэ почувствовал удовольствие так ярко. А может, и вправду это какая-то перверсия и я извращенец?

Дома меня никто не ждал, записок не было, я разделся, приготовил одежду на завтра и лег спать.

Боялся, что головная боль не позволит уснуть быстро, но на удивление, едва коснувшись головой подушки, я уже спал.

Разбудил меня звонок телефона. Саня Никитыч скороговоркой потребовал, чтобы я ехал в Ивановскую коммуну — одно из мест, где воспитывался мужской молодняк. Впрочем, там же, имея шанс ни разу не встретить ни единой женщины, многие проживали всю жизнь.

Коммуна — это анклав, вывернутый наизнанку.

Предполагалось, что я возьму интервью у руководителя коммуны, Гоши Васиевича. При этом сразу я не спросил, а потом решил не перезванивать, но такая поездка для специалиста моего уровня считалась почти оскорбительной.

Ладно бы это был заезжий певец, мировая звезда. Или кто-нибудь из министров. Но — руководитель коммуны? Мелкий чиновник, который, скорее всего, даже нормально не говорит на общей речи — только на низкой?

С другой стороны, ехать в редакцию, где я почти наверняка не сдержался бы и пошел выяснять отношения с Алаяной, которая явно была причастна к отравлению Айранэ, мне не хотелось.

На выходе из мужской половины меня встретил дядя Марат.

— «Драгона» починили, — сказал он. — Встало почти в семьдесят рублей, я из своих заплатил,

но жду, что ты вернешь до конца месяца.

— Конечно, — кивнул я беспечно, но, едва получив ключи, задумался. А откуда я возьму такую сумму? Насколько я знал, у женщин была целая история с кредитами, какие-то сложные маневры, когда можно перехватываться деньгами и быстро возвращать без процентов или почти без процентов.

Но у мужчин только один вариант — занять у кого-то из своих. Второй — заложить что-нибудь в мужском банке — я не рассматривал.

Можно еще пойти в один из общих банков, там, по слухам, есть шанс выцыганить как раз кредитную карточку из тех, которыми пользовались женщины… Но я заранее представлял, как на меня будет смотреть операционистка.

«Драгон» сиял — судя по всему, его не только починили, но еще и отполировали, и стало ясно, что он цвета темной морской волны. Я не баловал машину мойкой, не полировал ни разу за четыре года и потому почти привык, что автомобиль у меня черный.

А он — темно-зеленый! Красавец!

Внутри тоже сделали химчистку, и я с наслаждением сел в светлый кожаный салон. Пахло новой машиной.

— Сегодня будет отличный день, — уверенно сказал я.

До Ивановской коммуны добрался без происшествий, на въезде потребовали оставить машину на стоянке. Действительно, в коммунах бóльшая часть улиц — пешеходные, и внутрь запускают только служебные авто, развозки и грузовые, ну и автобусы.

Запарковав «драгона», я с удовольствием провел ладонью по выгибающемуся мощному крылу и двинул в сторону администрации.

Но, не сделав и двух шагов, встретился взглядом с одним из уборщиков в розовой форме заключенного.

Он был выше остальных мелких нарушителей и выделялся среди них, как медведь в своре псов.

А еще это был мой покойный дядя Сема.

И он смотрел мне в глаза, не отводя взгляда, пока охранник не крикнул:

— Ну чего застыл? Мусор сам себя не соберет!

— Какой у него срок? — спросил я, подходя.

— Четырнадцать дней, два отработано. — Охранник облизнул губы, вставая с места. — Выкупить хочешь? Он должен будет дать согласие. Новые правила!

— Я согласен, — сказал дядя Сема, не переставая

смотреть мне в глаза.

— Сколько? — уточнил я.

— Рубль семьдесят за каждый день. За двенадцать получается… Получается…

— Двадцать рублей сорок копеек, — произнес дядя Сема. — Двадцать один рубль для ровного счета.

— Двадцать два, и я сам заполню документы. — Охранник посмотрел на меня и усмехнулся.

Я достал бумажник и долго пересчитывал — вышло двадцать один семьдесят. Попросив подождать, вернулся к машине и выгреб там из бардачка горсть двадцатикопеечных, которые хранил для паркинговых аппаратов в центре.

— Еще бы копейками набрал, — проворчал охранник, но от денег не отказался.

Через четверть часа мне передали документы, по которым я имел право на использование работ Вани Изевича в течение двенадцати дней. При этом я обязался кормить его и соблюдать его право на восьмичасовой сон и двухчасовой отдых каждый день, а также на выходной не реже, чем раз в восемь дней.

— Ну привет, племянник, — сказал дядя Сема, как только мы отошли от будки охранника.

— И тебе привет, дядя Сема. Или как тебя сейчас

звать — дядя Ваня?

Дядя Сема прикрыл глаза и остановился, я вынужденно встал рядом с ним. Он начал щелкать пальцами, отбивая ритм, затем притоптывать ногой и гудеть, изображая саксофон.

И я тут же вспомнил, как в детстве, когда я был совсем ребенком, он устраивал небольшие джазовые представления для всей семьи — мужской части. На женской половине джаз не жаловали, зато там был балет, к которому бóльшая часть мужчин совершенно равнодушна.

— Ладно, ладно, ты мой дядя, и я тебя отлично помню, — признал я. — У меня здесь важное дело, я должен…

— Ты должен был найти меня, и это единственное, зачем тебя сюда отправили, — сказал дядя. — Тот, кто тебя сюда направил, — враг твоей семьи.

— Нашей семьи? — уточнил я.

— Твоей, — настаивал дядя Сема. — От меня семья отказалась. Записали в умершие, вычеркнули из всех списков. То, что я вернулся, несет угрозу для всех вас, но у меня не было вариантов. Я должен спасти своего сына.

Дядя Сема убедил меня, что взятие интервью — затея совершенно несостоятельная и не только

не важная, но еще и вредная.

Мы вернулись в мою машину, дядя Сема сразу полез что-то искать под ковриками и щупать обшивку, а через минуту вынул пару заклепок и снял кусок обшивки потолка, достав оттуда какой-то чип.

— Прослушка, — сказал он, раздавив его об асфальт. — Когда машина была в ремонте?

Слово за словом он вытянул из меня всю историю с Раннэ, аварией, Алаяной, матерью и Айранэ в больнице.

— Аварию тебе подстроили, Раннэ ждала твою машину. Ты сказал, что она въехала в тебя на скорости?

— Да, — кивнул я.

— У женщин реакция лучше, чем у мужчин, а она, насколько я понял, даже не пыталась тормозить. Хочешь, я объясню, что происходит, — ну, бóльшую часть — а потом расскажу про свою роль и немного про твою?

— Буду признателен, — сказал я.

— Твоя мать целит в президенты дистрикта, — начал он. — Не протестуй, ты просто не знаешь, как устроена женская политика. Да, ее нет в числе кандидатов, но у женщин все не так, как у мужчин. Подними данные за прошлые выборы

или выборы в соседних государствах — и обнаружишь, что ближе к концу гонки, за пару недель до финиша, лидеры внезапно отказываются от своих притязаний и просят передать их голоса кому-то из темных лошадок.

— Я бы знал, — сказал я, хотя, на самом деле, ну что я вру? Откуда бы я знал? Мать мне никогда ничего про себя не рассказывала, и о том, что она руководит музеем, я узнал в двенадцать лет от дяди Марата.

— Она может не стать главным кандидатом, — не обратил внимания на мой демарш дядя. — Если на нее не найдут компромата или найдут слишком жесткий. Женская политика — это система противовесов. Твою мать поддержат, если обнаружат, что у нее есть пара скелетов в шкафу, но они не светятся от радиации.

— История с Айранэ…

— Это совсем другое, — считай, проявление слабости, — сказал Сема. — Если бы твою жену перевели в другой департамент и за пару месяцев подняли на должность, которая формально такая же, как у твоей матери, это бы означало, что твоя мать слишком слабая, не профессионал. Насколько я понимаю, твоя мать договорилась, и жена получила новую должность, но при этом

— без малейших шансов на продвижение. И тогда противники твоей матери отравили ее, что тоже бьет по твоей матери, но не так сильно. Скорее это жест, чем удар.

— Какая гадость эта ваша женская политика, — скривился я.

— Мужская ничуть не лучше. Более того, я открою сейчас секрет, который ни для кого вверху не тайна. Мужчины — одни из самых активных участников в женской политике. Время, когда дистриктом правит мужчина, считается передышкой, а когда наступает период подготовки к женским выборам, вся политическая, финансовая и культурная элита, невзирая на пол, возраст и прочие мелочи, включается в борьбу. Твой дед, твои дядья, твои бабки — вы все часть этой истории. Вот ты сейчас второй выпускающий редактор. Но Айранэ получила должность выше, и она наверняка скоро забеременеет, тебя толкнут на должность первого выпускающего, а потом — в главреды. Может, в другой журнал. Может, дадут портфель в министерстве. Ты — одна из пешек вашей семьи, бегущих к финишной линии, чтобы стать ферзями.

— А ты? — уточнил я.

— А я добежал до последней линии и выбрал

стать конем, — грустно улыбнулся дядя Сема.

— Подожди, подожди. — Я вдруг вспомнил важное. — Твоя жена. Тетя Алоя. Она потом еще раз вышла замуж!

— Я не желал ей зла, — скривился дядя Сема. — Не любил никогда, каюсь, но зла не желал.

— Что с тобой произошло?

— Если я начну с этого, ты выкинешь меня из машины и все кончится прямо здесь. Поэтому я зайду издалека, и разговор продлится чуть дольше. Ты готов?

— Давай попробуем, — ответил я.

Телефон в кармане пискнул сообщением. Я опоздал на интервью, но это было меньшим из зол. Я хотел во всем разобраться.

— Около полутора миллионов лет назад произошло смещение тектонических плит, и Африка соединилась с Евразией.

— И впрямь издалека, — ядовито начал я, но дядя Сема поднял руку, показывая, что не собирается останавливаться.

— В Африке находилась мужская ветвь человечества, в Евразии — женская. Точнее, несколько видов женских ветвей, часть из которых потом оказалась несовместимой с мужскими и была уничтожена.

— Мужчины — злодеи, это было паразитирование, а не симбиоз…

— Да замолчи уже, — потребовал дядя. — Все не так. Точнее, и так тоже. Вообще, самое главное — дети от смешанных браков получались сильнее и умнее. У них позже начинался период фертильности и продолжался дольше. Они сами по себе жили дольше. Сейчас доказано и даже не скрывается, хотя особо не афишируется и тонет в потоке лживой информации, что мужчины до объединения жили в среднем двадцать семь лет. Если доживали до сорока — то дряхлыми стариками. Женщины жили чуть дольше, но все равно в среднем не больше тридцати лет. А их общие дети легко достигали полтинника, причем еще в сорок сохраняли фертильность и плодоносили.

— Ну, это все спорно…

— Это доказано, я занимался археологией, благодаря своим довольно специфичным интересам, и эта тема к ним относилась. Итак, у нас есть условные две ветви, которые не могут общаться, потому что слишком разные, но их совместные дети идеальны по сравнению с собственными уродцами. Был долгий период темных веков, даже темных тысяч лет, когда мужчины использовали женщин, а женщины — мужчин. Не одновремен-

но и не в одном месте. Там, где превалировали женские племена, держали в плену племенных самцов-мужчин. А там, где главенствовали мужчины, — эксплуатировали женщин как самок для вынашивания детей.

— Предположим, — сказал я.

— А теперь важное. — Дядя Сема поднял палец. — Тоже никто не скрывает, но и не акцентируют. И мужчины и женщины рождались обоеполыми, к моменту половой зрелости определяя свой пол. Один. Но среди мужчин становиться самкой считалось унизительным, мужчины хуже приспособлены для вынашивания детей. А у женщин наоборот, те, кто становился самцами, считались более тупыми и не могли добиться высоких должностей в их обществе.

— И самой историей было предначертано…

— Ну что ты сбиваешься на агитки? — взорвался дядя Сема. — Ты понимаешь, как глупо ты выглядишь при этом? Никем ничего не было предначертано! Совместных детей мужчин и женщин использовали как рабов! Как племенной скот! Их не учили речи, их держали в кандалах! И в мужских поселениях, и в женских! Да, да! А когда они в итоге — практически в один момент, в двух разных концах мира — устроили глобаль-

ные восстания и организовали собственные государства, вырезав десятки, сотни тысяч людей из женских и мужских племен, это была потрясающая катастрофа, оказался уничтожен весь пласт древней культуры, погибли наши предки, убитые другими нашими предками!

— Про восстание я что-то читал, — признался я.

— В учебнике ему посвящен один абзац, — сухо сказал Сема. — Оно стало возможно за счет того, что уже человеческие, происшедшие от смешанных спариваний мужчины и женщины нашли общий язык. Мужчины ускорили свою речь, женщины замедлили. Они оказались достаточно умны для этого, в то время как исключительно мужские и женские племена все это время были уверены, что их противники не имеют никакой речи — с ними же невозможно поговорить.

— И это ведь хорошо? — уточнил я.

Дядя Сема посмотрел на меня грустно и усмехнулся:

— Это породило чудовищную цивилизацию, которая балансирует на нескольких ножах. Самое главное — отсутствие по-настоящему общих интересов. Сейчас уже не так страшно, но еще полторы-две тысячи лет назад мужчины

и женщины жили рядом друг с другом, вообще не пересекаясь между собой. Секс считался сакральным таинством, а общались только высокопоставленные женские и мужские шаманы. Когда вдруг по каким-то причинам терялась связь, вымирали целые цивилизации. Сотни тысяч мужчин и женщин. Потом на их место приходили более крепкие, те, в которых женщины и мужчины смогли найти общий язык.

— Я понял, дядя, ты хорошо знаешь историю. — Я подмигнул ему. — Можешь перейти дальше? За что тебя изгнали?

— Еще рано, — ответил он. — Но уже близко. Ответь, ты любишь своего сына?

Я помедлил, выбирая слова, а потом осторожно сказал:

— Ну да. Не то чтобы прям вот так…

— Это сознательная любовь, а не инстинктивная, — перебил меня дядя. — Дело в том, что мы — животные, как бы это ни пытался отрицать господин президент. И наш собственный вид — мужчины. А у женщин — женщины. Фактически твои дети — это результат насилия над тобой, и для твоей жены — также. У нас нет инстинктивной любви к своим детям, понимаешь? У кошек, у коров, у куриц в какой-то степени — у них есть!

А у нас — нет!

— Хорошо, — кивнул я. — Предположим, это все искусственно и, возможно, отчасти ты прав. Но даже если и так — мы же растим своих детей. Мы даем им воспитание…

— Потому что наш тип цивилизации пока может балансировать на лезвии ножа! Но я не об этом. Володя, моя главная проблема была в том, что я хотел своего ребенка. Я бредил этим. Настоящего.

— Все наши дети настоящие. И у тебя были сын и две дочери от тети Алои. — Я не понимал, о чем он говорит.

— Я хотел своего мужского ребенка, — тихо, на грани слышимости сказал дядя Сема.

И в этот момент первым побуждением было выкинуть его из машины. Выкинуть, закрыть дверь и уехать нажраться.

Пить коньяк, курить сигары, играть в шахматы со случайными партнерами.

Делать что угодно, чтобы из головы вычистилась эта фраза.

Хотя бы чуть стерлась, не была такой ядовито-яркой.

Меня чуть не вырвало, когда я сдерживал себя, чтобы не вытолкать дядю.

— Ты же из высшего слоя, — сказал я. — И вообще, физиологически мужчины не приспособлены. У женщин можно определенными техниками, лекарствами… Говорят, небольшой процент рождается даже в браке… Но мужчины — нет! Разве что в Индии делают операции, противозаконные, с высокими рисками…

— Делают, — кивнул дядя. — В нескольких ашрамах. Но на самом деле не только там. Еще есть клиника в Швейцарии и клиника в Бразилии. Новейшее оборудование, просто чудовищные цены и шанс на успех — почти восемьдесят процентов.

— Только не говори…

— Скажу, что уж там. Я сделал операцию, а потом родил ребенка.

— У меня есть брат — жог, — сказал я, и это ощущалось как «кто-то взорвал мой дом». — Тебя изгнали до операции?

— Задолго, — ответил дядя. — Я напился и случайно признался Марату. Марат перепугался и побежал к Олеже, деду, для тебя — прадеду, сейчас он уже мертв, и подозреваю, что та история поубавила ему жизни. Он вызвал меня, я сказал как есть, что думаю об этом. Из женской половины почти никто не знал, из мужской все

старшие в курсе. Мне собрали денег на несколько месяцев жизни, я пообещал никогда не возвращаться, инсценировали мою смерть. И я покинул и дистрикт, и Россию, и весь Славянский Союз, уверенный, что никогда больше не вернусь.

Я завел двигатель и тронулся, выезжая с парковки. В зеркало заднего вида я обнаружил, что за нами следит милиционер, который сейчас снимал на телефон момент нашего отъезда.

— Но ты вернулся, — сказал я сухо.

— Под чужим именем, да. Я умираю, — ответил дядя. — За Ягайло идет охота. Хуже того, на таможне меня узнали, но не посадили в тюрьму, а придумали мелкое нарушение, за которое дали несколько дней исправительных работ. Чтобы подставить тебя, а через тебя твою мать.

Суть интриги начинала вырисовываться, но кое-чего я еще не понимал.

— Если ты все это понял, почему не признался, кто ты? Испугался тюрьмы? Но ведь итогом будет что-то худшее?

Дядя хрипло рассмеялся.

— Завтра утром, в одиннадцать, в аэропорту «Единение» дистрикта Тверь приземлится транспортный самолет из небольшого дистрикта Аргентины. В нем будет контейнер, внутри кото-

рого, в холодном прозрачном гробу, окутанный трубками, лежит мой сын. Система жизнеобеспечения рассчитана на неделю, включилась она четыре дня назад. Вначале прекратится подача легкого наркотика, который держит Ягайло в состоянии полусна. Затем уменьшится подача кислорода и прекратится подача питательных веществ.

— Он умрет? — уточнил я, останавливаясь около поста милиции на выезде из коммуны.

Дежурный махнул рукой, даже не выходя из «стакана», и я двинулся дальше. Хмурый взгляд милиционера мне не понравился, обычно постовые улыбались, глядя на длинный «драгон» с вычурными хромированными воздухозаборниками.

— Он — нет, — ответил дядя. — Он выберется. Но люди вокруг него могут начать умирать, его быстро вычислят и уничтожат. И все окажется бессмысленным.

Я ехал к общественному парку «Нежность». Еще двадцать лет назад это был женский парк, на мужских картах он обозначался белым пятном, как будто там находилось непроходимое болото.

Но город рос, и внезапно выяснилось, что два комплекта зон отдыха в самом центре — это

слишком дорого там, где можно выстроить небоскребы или многоэтажные паркинги. Мужской аскетичный парк с худосочным леском, тренажерами, парой открытых кафе и большой площадкой для бродячих цирков, зоопарков и аттракционов закрыли.

А гигантский многоярусный женский парк с зонами для загара, женским любительским театром, четырьмя лесными массивами под времена года, тиром и целым каскадом разноуровневых прудов — с водопадиками, мостиками и маленьким яхт-клубом — оставили.

Бóльшая часть мужчин не приняла новый парк, и по его дорожкам и аллеям ходили в основном женщины.

И я был среди большинства, пока четыре года назад не сделал один из первых своих лонгридов по совместным местам отдыха. Тогда я сходил в театр, пострелял в тире и даже позагорал немного у бассейна на крыше маленького торгового центра на краю парка, вызвав ажиотаж среди возрастных дам, завсегдатаек этого места.

Мне понравилось. Не ажиотаж, конечно же, — тем более что потом меня вызвал к себе двоюродный дед и высказал, что, если бы у любой женщины там начался Блеск, это вызвало

бы цепную реакцию у остальных и в итоге я бы выбрался оттуда в лучшем случае инвалидом. И никаких компенсаций я бы не получил: любой суд, как женский, так и мужской, а тем более смешанный, заточенный на такие дела, признал бы, что я сам спровоцировал гормональную бурю у почтенных посетительниц парка.

Но сама идея такого места — обильная зелень, множество птиц, белки, которые не боятся людей, лодочки на одного или двоих — восхищала меня и приводила в трепет.

После того случая я еще несколько раз возвращался к теме парка в своих материалах. Написал, например, ряд статей о том, что до сих пор остались вещи, которыми пользуется один пол, а для другого это позорно. И парк «Нежность» описывался как потеря для тех, кто не ходит в него просто потому, что он якобы женский, хотя на самом деле давно общий.

В другом материале я упоминал «Нежность» как обязательное место для посещения туристами любого пола. Еще как-то писал о необычных видах отдыха для совместного времяпрепровождения.

Мужчины и женщины не проводят время вместе, это знают все. Кроме господина президента

и его официальной пропаганды, частью которой, конечно же, является и наш журнал.

Но самое странное — что за последние годы я уже не раз видел прогуливающихся вместе мужчин с женщинами, и если в моем детстве такая картина была случаем исключительным, то сейчас — просто редкостью.

— Куда мы едем? — уточнил дядя.

— В «Нежность», — ответил я. — Знаешь место получше?

— Меня устраивает, — сказал он и съежился в автомобильном кресле.

Останавливаясь на светофорах или толкаясь в небольших пробках на узких центральных улицах, я поглядывал на него.

Он изменился. То есть дядя Сема и раньше был слегка другим, не такой высокий, не такой изящный, как большинство наших родственников или других мужчин из привилегированного класса. Но теперь, особенно с учетом короткой арестантской стрижки, он стал совсем похож на обычных мужиков из коммуны: коренастый, грубоватые черты лица.

— Ты изменился, — сказал я, когда мы встали перед очередным поворотом.

Здесь была короткая зеленая стрелка и доволь-

но много машин в очереди, в основном женских. В какой-то момент машина позади нас не выдержала и объехала всех, заруливая в поворот уже на красный. Там, за поворотом, ее тут же принял экипаж женской дорожной самообороны.

— Ты вообще понимаешь, как сложно родить мужчине? — Дядя прикрыл глаза и говорил полусонно. — Вернемся к истории, мой мальчик. По одной из версий, у которой есть ряд сторонников, особенно среди женской профессуры, мужчины как вид были обречены на вымирание. Уберем эмоциональные и недоказуемые вещи, оставим чистые факты. Мужчины, как и женщины, рождались гермафродитами и получали однозначные половые признаки в момент полового созревания. Но если у женщин рожающие особи были в почете — то есть самые сильные, самые яркие, самые умные, — то у мужчин наоборот. Неудачники, самые слабые, болезненные, глупые. Обратная эволюция. Мы бы вымерли. Ну или выродились.

— К чему ты это? — уточнил я. — То, что ты называешь «фактами», — всего лишь одно из проявлений мизандрии. Никаких доказательств этой теории нет, а если подобные ситуации и складывались в отдельных культурах сотни ты-

сяч лет назад, объединять все мужские племена по этому признаку как минимум ненаучно.

— Но это объясняет, почему рожают именно женщины, — ответил дядя. — И еще многое, о чем нет смысла говорить сейчас. Я лишь хотел подвести к тому, что мне пришлось пройти очень тяжелую терапию. Организм современного мужчины не приспособлен к родам. Ни физически, ни гормонально. Нужные органы у нас не развиты, они рудиментарны. Современная наука упорно называет их атавизмом, но это ложь. Три с половиной года я провел в клинике… И стал отчасти женщиной.

— Я сейчас тебя высажу, — предупредил я, завершая поворот и проезжая мимо отряда дорожной самообороны; может, это было паранойей, но патруль смотрел прямо на скорчившегося в пассажирском кресле дядю. — Я не готов слушать эту гадость.

— У нас нет выбора, — тихо заметил он. — Я веду к тому, что меня пичкали гормонами, мне сделали восемь последовательных операций. И в итоге предупредили, что даже все эти жертвы не избавляют меня от риска умереть во время беременности или родов и практически гарантированно убьют меня через несколько лет после

того, как на свет появится малыш.

— Родится жог, — поправил я.

— Можно и так сказать, — подтвердил дядя. — Избавлю тебя от подробностей. Мною занимались лучшие специалисты, и в итоге Ягайло сейчас шесть лет, а я еще жив. Но уже сгнил внутри, и моя смерть — вопрос даже не месяцев, и я опасаюсь, что и не недель, а дней.

— Почему вы не остались там, где вы были? — уточнил я, останавливаясь у парка. Женская стоянка неподалеку была забита сотнями автомобилей, а здесь, на мужской, разместилось всего с десяток, и из них — две женские из самообороны, с мигалками. — Зачем мучить себя и… ребенка?

Дядя не ответил. Он отстегнул ремень, со стоном выпрямился, вылез из автомобиля и отошел в сторону, дождавшись, пока я поставлю машину на сигнализацию и догоню его.

— Тут опять нужно немного предыстории. — Он говорил, медленно шаркая рядом со мной по гравийной дорожке, которая вела вдоль увитой плющом ограды к воротам. — В мире два миллиарда человек. Из них девятьсот миллионов — мужчин, остальные — женщины. Еще около ста тысяч хофов, то есть девочек-выродков, монополых и бесплодных. И всего пара сотен — жогов,

монополых, бесплодных мальчиков. Большинство государств на всей планете считают, что эти девочки и мальчики несут угрозу цивилизации. Они вне закона, их отлавливают, уничтожают.

— В нашем дистрикте хофов не убивают, — подчеркнул я.

— Мы входим в «сиреневый пояс», в двадцать восемь стран и образований, в которых хофы вне закона, но при этом им не грозит смерть. Есть еще «малиновый пояс» — шесть стран, где хофы могут жить полноценной жизнью, получать образование, открывать свой бизнес, даже преподавать. Представляешь?

— Андорра, — сказал я.

— Самый близкий нам пример, — ответил дядя. — Да, скульптуры и картины из Андорры с удовольствием покупают по всему миру. Но я хотел сказать не об этом. Нет ни одной территории, где у жогов были бы такие же права, как у хофов в этих шести странах.

— Потому что жоги опасны. — Я вспомнил совместные уроки в школе, на которых учителя рассказывали нам, почему стоит бояться жогов. — Они воздействуют на окружающих. Социум, в котором завелся жог, заболевает. Насилие, суицид, депрессии, даже убийства.

— Это всё мифы, сочиненные людьми, которые ни разу в жизни не видели жогов, — желчно сказал дядя. А потом тише добавил: — Но рациональное зерно в этом есть. Глубоко под шелухой домыслов… Есть четыре страны, где жогов не убивают за то, что они жоги. Это ряд доминионов континентальной Индии, несколько дистриктов в Аргентине, Гватемала и Республика Антарктида. И везде подразумевается, что жога в шесть лет должны выхолостить.

— Что? — уточнил я. — Это как? Яйца отрезать?

Дядя хрипло засмеялся.

— Купи мне яблочного сока, — попросил он.

Мы как раз проходили мимо лоточницы с горой сахарной ваты разных цветов, батареей леденцов от мелких до настолько больших, что их слизывание заняло бы у меня не одну неделю. За лотком стоял небольшой автомат с газировкой и соками. Я передал даме двадцать копеек и получил два высоких стакана с разноцветными трубочками, при этом она смотрела на нас вытаращенными глазами; видимо, мужчины у нее покупали не часто.

— Вкус детства, — сказал дядя, отпив немного сока через трубку; я свою трубку выкинул в

мусорное ведро у лотка и теперь пил прямо из стакана. — Холощение жога подразумевает, что у него вырезаются и прижигаются несколько желез, после чего ребенок теряет возможность гормонального воздействия на окружающих.

— Теряется знаменитая жоговская магия, — кивнул я с пониманием.

— Можно и так сказать, — ответил дядя. — Но есть нюанс. Дело в том, что, если провести процедуру под наркозом, через некоторое время выработка гормонов железами жога может восстановиться. Такие случаи были. А если без наркоза — способности уходят навсегда.

— Насколько это больно? — уточнил я.

— Два с половиной часа непрекращающейся пытки, — ответил дядя. — И если бы мы ничего не предприняли, Ягайло прошел бы через это и остался бы жить в Аргентине. Ему бы выделили дом, приносили еду, позволили завести домашних животных и ухаживали бы за ними. Мой сын стал бы талисманом целого города. Его носили бы на карнавалах на троне на высоченном помосте. А если бы на страну обрушилось несчастье — эпидемия или землетрясение, — он мог бы стать искупительной жертвой, его бы тихо придушили. Но бóльшая часть жогов в Аргентине доживает

до естественной смерти — лет в тридцать — от старости и болезней.

— Ну, звучит не так уж страшно, — сказал я. — Два часа пыток — это ужасно, конечно, но зато потом почти нормальная жизнь. Лучшее, что можно придумать для жога… С учетом, что это все же жог!

— Чтобы понять мое решение, тебе надо увидеть Ягайло. — Дядя допил сок и выкинул стакан в урну; мы встали, и сейчас идущие мимо посетительницы парка обходили нас по широкой дуге. — Я полагаю, он так перепугался операции, что воздействовал на меня. У меня, как у породившего его мужчины, есть некоторый иммунитет к его чарам… Но видимо, недостаточный. И я в итоге бросил друзей, любимого человека, спонсоров… Подставил всю коммуну. И только сейчас начинаю осознавать…

Некоторое время мы молчали.

— Помнишь сказку «Жог и медведь»? — спросил я.

— Их две. Это та, где жог просит поесть и медведь готовит ему жаркое из собственной лапы, или та, где они торгуют и медведь остается с кучей мусора, а жог — с деньгами?

— Первая, — сказал я. — Меня в детстве она

очень впечатлила. Ты понимаешь, что твой сын опасен? Для всех вокруг? Он уже убил тебя, ты сам сказал это, и его используют против меня, моей матери, моей семьи. Ты несколько дней как не испытываешь его влияния и начинаешь приходить в себя.

— Это мой сын, — сказал дядя. — У меня нет выбора.

Мы дошли до пруда. Вдоль берега, на набережной, вымощенной гранитными плитами, висели розовые фонари. Кто-то забыл их выключить утром, и они слабо светились.

По глади пруда каталось несколько лодок, на ближайшей обнимались две девушки лет двадцати из низшего класса, а суденышко медленно дрейфовало по ветру.

— Вот смотри, — сказал дядя. — Им не надо объяснять друг другу соль шутки. Не надо замедлять речь. Они могут общаться намеками — и прекрасно понимать друг друга. Они могут носить одежду друг друга, кушать одну и ту же еду, смотреть одни и те же передачи.

— И что? — уточнил я. — Всегда есть путь наименьшего сопротивления, но это не значит, что он единственно правильный. В молодости почти все из низшего класса проходят через этот

период. Но если не брать такие крайние случаи, как твой, то, продолжая так жить, они останутся без детей, без карьеры. Двадцатилетние мальчики или девочки, держащиеся за руки в центре города, вызывают умиление. Сорокалетние — брезгливость.

— У меня не вызывают, — проворчал дядя. — Это все пропаганда. Она навязывается нам снаружи и противоречит нашей природе! Хорошего выхода не существует. Но можно быть просто счастливым!

Я посмотрел по сторонам, затем отвел дядю в сторону, взяв за рукав его арестантской робы, — впрочем, бóльшая часть присутствующих наверняка ни разу в жизни не была ни в одной коммуне и понятия не имела, как мужчины одевают своих правонарушителей.

— Ты оторвался от реальности, — сказал я жестко. — Не знаю, как там в Аргентине или Швейцарии, но в Славянском Союзе прекрасно понимают: мир держится на связи мужчин и женщин. Да, мы часто не понимаем друг друга. Да, у мужчин анекдоты про женщин, а у женщин — про мужчин, и мы не смеемся над их шутками, а они — над нашими. Но вся наша культура, цивилизация, все наши планы на будущее завя-

заны на то, что мы должны быть вместе! Если мы отойдем от этого, то просто вымрем!

В этот момент лодка с двумя девушками причалила к берегу, причем явно специально ближе к нам. Одна из них, довольно высокая для низшего класса, ростом чуть выше меня, затараторила что-то на высоком наречии, даже не пытаясь, на мой взгляд, адаптировать свою речь.

— Я не понимаю, — вежливо ускорился я, при этом с опаской выискивая у собеседницы и ее подруги на лице признаки начинающегося Блеска.

К счастью, девушки оказались всего лишь немного пьяны.

— ЭтоЖенскийПаркВалитеОтсюда, — довольно разборчиво заявила вторая. — ВыМешаетеНамОтдыхать!

— Вот, я об этом и говорю, — на низкой речи, так, чтобы собеседницы точно не могли разобрать, прокомментировал дядя. — Присутствие женщины в мужском месте или мужчины в женском портит веселье. Какую основу для цивилизации можно обсуждать?

Девушки пошептались между собой, первая начала раздражаться, второй же было весело.

— МояПодругаСчитаетЧтоВыДолжныУйти, — пояснила она. — АЯСчитаюЧтоВысокийДол-

женУйтиАНизкийПоставитьНамВыпивку.

— Ты им нравишься, — сказал я дяде. — И они считают, что ты из низшего класса.

— Разница между классами — исключительно работа гормонов, — ответил дядя, настороженно глядя на девушек. — У наших женщин нет Блеска, а мужчины с детства учатся не входить в транс. После пятнадцати нас женят между собой, заставляют соблюдать супружеский час, в результате гормональный фон всегда ровный, мы растем почти до тридцати лет, у нас лучше логические и когнитивные способности.

— Ты знаешь журнал «Лебедь»? — уточнил я у девушки. — Общий?

— ТыРаботаешьТам? Редактор?

— Выпускающий редактор.

Она тут же защебетала что-то своей подруге, та смотрела на меня недоверчиво, потом выдала длинную тираду и, недовольная, пошла от нас обратно к лодке. Через несколько мгновений она уже усиленно гребла в сторону противоположного берега.

— МояПодругаЗнаетВашЖурналНоВыЕйНеНравитесь, — заявила оставшаяся. — УменяВиситПостерСоСлономВПачкеНаСтене!

Я помнил этот постер, это был зимний выпуск

полтора года назад. Постер делала мужская часть редакции, но по ТЗ от женской, получилось очень свежо и интересно. Объединили традиционно женскую тему балета и мужскую — цирка. Даже получили премию культурного фонда президентских инициатив за тот номер, не в последнюю очередь — за счет картинки.

Я пошел в сторону «зимней» части парка, с лиственницами и соснами. Дядя шагал за мной, девушка — за ним.

— Она ждет, когда ты нас оставишь, — сказал дядя. — Ты должен испытывать дискомфорт от ее присутствия.

— Мне странно, почему она выбрала тебя, ты же старый и выглядишь как низший, — проворчал я. — Не то чтобы она мне была нужна…

Девушка улучила этот момент, чтобы бесцеремонно обнять дядю сзади и пристально посмотреть на меня — мол, понимаю ли я намеки?

Дядя с трагическим выражением лица шел вперед, хотя ему было тяжело от наседающей сзади девушки.

— Мужские племена были в основном собирателями, а женские — охотниками, — сказал он, замедляясь даже относительно низкой речи, чтобы наша спутница его точно не поняла. — Она

чувствует мою слабость. Я стар, хотя по возрасту должен быть еще фертилен, и она инстинктивно предполагает, что сможет со мной справиться в любой ситуации.

— ГовориНаОбщейРечи! — потребовала девушка.

— Ответь ей, что я не умею, — попросил дядя. — Может, это ее отпугнет.

— Он не умеет ускорять речь, — сказал я на общей. — Он слишком стар, глуп и болен.

Девушка оттолкнула дядю, посмотрела на него внимательно, сморщилась, а потом, не прощаясь, быстро пошла обратно к пруду.

— Это было то, что надо, — проворчал дядя. — Хотя и несколько оскорбительно.

— Странно, что она вообще к нам подошла, — сказал я.

— Ты просто не в теме. Молодые мужчины и женщины часто находятся во взаимном поиске. Многих не устраивает то, что им предлагает государство — за деньги в лупанариях с заключенными или в общих семьях, когда какой-то небольшой анклав договаривается с коммуной и они как-то там распределяют дежурства, вместе заводят детей и вроде как живут такими суррогатными кланами на пару сотен человек. И тогда

они идут в общие места и там ищут друг друга, но находят, конечно же, редко — и, естественно, это относится только к низшему классу. Потому что в высшем к двадцати годам все уже давно женаты и плюс к этому ваш класс за счет регулярного секса, который является частью культуры, не выделяет определенные гормоны.

— А ты выделяешь, — сказал я с сомнением.

Дядя кивнул, решив обойтись без очередной лекции. Мы шли по узкой тропинке, на которой вдвоем еще можно разминуться, а втроем уже нет. Пару раз впереди среди деревьев мелькали силуэты, но они, видимо, замечали нас заранее и успевали улизнуть на другие тропинки, а то и просто в лес, благо он был довольно редким.

— Ягайло шесть лет, да? — уточнил я после нескольких минут прогулки, осознав, что дядя не горит желанием продолжать разговор.

— Да, шесть, но для жога это уже подростковый возраст. Считай, что ему тринадцать-четырнадцать, и тогда не попадешь впросак.

Некоторое время снова молчали. Я начал раздражаться. В конце концов, это я был нужен дяде, а не он мне.

— Я считаю, что надо просто обратиться к деду Митяю, — сказал я. — Пусть он решает.

— Он убьет и Ягайло, и меня, — ответил дядя. — А тебя отправит в другой дистрикт, в вечную ссылку. И даже скорее не в дистрикт, а в другое княжество, а то и еще дальше.

— Звучит не так страшно, как знакомство с жогом.

Некоторое время мы молчали. Дядя наклонился и выкрутил из земли гриб, отряхнул его и откусил кусок.

— Это сыроежка, — сказал он. — Ты знал, что их можно есть сырыми?

— Все грибы надо обрабатывать перед едой, — ответил я. — Это жесткое правило. Там могут быть эти, как их… Прионные инфекции!

— Даже если так, — дядя усмехнулся, — я не успею это прочувствовать. Когда я был маленький, мы с дядей Митяем были в лесу. Со всеми дядьями, дедами, братьями… И он показал мне сыроежку и сказал, что наши предки ели их сырыми, но нам нельзя. И я запомнил это. А вот сейчас попробовал.

— И как? — уточнил я.

— Как и бóльшая часть запретных плодов — редкая гадость. — Дядя выкинул надкусанный гриб. — Наверняка можно его обыграть. Немного слабосоленой красной рыбы, белое вино,

подсохший хлеб с крупными порами… Чего-то не хватает… Маринованный красный лук! Надо маленький кусочек рыбы на маленький кусочек хлеба, прожевать наполовину, запить глотком чуть теплого белого вина, дожевать, проглотить, а затем откусить сыроежку и понюхать маринованный красный лук.

— И будет хорошо? — скептически уточнил я.

— По крайней мере не будет этого мерзкого привкуса, — ответил дядя. — Чтобы было совсем хорошо, надо исключить сыроежку из рецепта вместе с маринованным луком.

— Ты понимаешь, что жог… Твой сын… В сегодняшнем рецепте — это сыроежка? — спросил я.

— Зови его, пожалуйста, Ягайло, — ответил дядя. — Мне будет приятно. А в личном общении зови его Яго. Ему будет приятно. И не называй его жог.

Мы неожиданно вышли к длинному ангару тира. На дверях было написано: «Винтовочных патронов нет! Только пистолет/револьвер!»

Я зашел внутрь, там было пусто.

— Вжбрвж! — выпалила смотрительница тира, потом осознала, что мы — мужчины, и стремительно убежала за дверь.

— Пойдем отсюда, мне здесь не нравится, —

сказал дядя.

— Потому что твои предки были собирателями, а женские — охотниками? — язвительно уточнил я.

— На самом деле они все наши общие предки. Но определенная склонность к коллекционированию у мужчин и к достижению однозначных целей у женщин точно есть.

Тем временем смотрительница вернулась, поправляя портупею с тремя пыльными приборами, среди которых я узнал рацию с микрофоном, динамик и рекогнайзер.

— Здравствуйте, я очень рада вас видеть, — безэмоционально произнес динамик на поясе, после того как она сказала очередное «вжрмх!» в микрофон. — Вы меня понимаете?

— Да, отлично понимаем, — ответил я. — Аренда револьвера — сорок копеек час, патрон — пять копеек, так? Можно на полчаса и двадцать патронов?

— Обычно берут на час и патроны сотнями, — сообщила смотрительница.

Но у меня совсем не осталось денег, и потому я, проведя рукой вокруг — никого, кроме нас, не было, — настоял на своем.

Передавая мне патроны, смотрительница вни-

мательно разглядывала дядю. Она была старше меня, и в другое время я бы не обратил внимания, но сегодня мир окончательно сошел с ума, и, дождавшись, когда дама отошла достаточно далеко, чтобы ее прибор нас не слышал, я спросил:

— Сема, я все же не понимаю, почему ты для них интереснее, чем я. То есть рассудком можно понять, но они же интуитивно выбирают именно тебя!

Дядя надел наушники, проследил, чтобы я тоже нацепил свои на голову, затем методично засунул в барабан шесть патронов.

— Потом поговорим! — крикнул он.

Стреляли вначале с десяти метров, затем с пятнадцати и в самом конце — с двадцати пяти. На десяти метрах мы шли вровень, на пятнадцати дядя отстрелялся чуть лучше, на самой длинной дистанции я отстал уже серьезно.

Когда мы выходили, смотрительница что-то сунула дяде в карман. На улице он, не глядя, передал мне бумажку.

— Ты знаешь, что там? — уточнил я.

— Имя и номер телефона, — ответил дядя. — Ты не понимаешь, как это все работает. Тебя с детства воспитывали во *лжи*, и ложь въелась в тебя, ты видишь искаженную картину.

— Просвети меня, — попросил я.

Дядя расхохотался и свернул с протоптанной дорожки в редкий сосновый лес, пиная листья. Видя, что я остался стоять на тропинке, он издал гортанный крик и бросился вглубь, вынуждая меня бежать за ним.

Бежал он не очень быстро, еще и прихрамывал, поэтому меньше чем через минуту я догнал его и схватил за руку.

— Вас учили, что вы — высший класс, белая кость. Самые умные, самые красивые. Высокие, изящные, удачливые. Что вами восхищаются, интересуются, что ваш путь — единственно верный.

— Предположим, — кивнул я. — И что здесь ложь?

— Всё, — ответил дядя. — Физиологически вы такие же, как и те, кого считаете низшим классом. Вес мозга, когнитивные функции, прочность костей у младенцев не отличаются ничем. Но дети в семьях питаются чаще и полнее, получают качественное образование и потому в среднем лучше растут и развиваются. Детям в коммунах и анклавах достаются объедки — а тамошние учителя часто понятия не имеют о предметах, которые преподают. Здесь и появляется разрыв.

— Мы физически выглядим иначе.

— Да, это гормоны, — усмехнулся дядя. — Учитывая, сколько гормональных терапий я прошел за последние двенадцать лет, эту тему я изучил на отлично. Что такое «мужской транс»?

У меня мелькнула в воспоминаниях Айранэ, ночь, неровная женская кровать…

— Гипнотическое состояние, в которое мужчина входит под влиянием выброса нескольких гормонов, — ответил я. — Наследие животного прошлого.

— А Блеск?

— Гормональная буря у женщин, тоже досталось от животных, и мы как человечество постепенно избавляемся от этого.

— Чушь! — заорал дядя, и испуганные птицы поднялись с окружающих деревьев. — У наших предков не было ни Блеска, ни Транса! У них были определенные свойства, связанные с гормонами, и частично мы можем это наблюдать на примере жогов и хофов. Подними летописи, посмотри, как описывают мужской транс времен Пунических войн. Они пишут, что приходилось стараться, чтобы не выйти из него! Детей учили входить в транс! А сейчас? Сейчас их учат не входить! И Блеск, и Транс становятся сильнее из поколения

в поколение. Потому что не ваша культура, не ваши договорные холодные браки, а Блеск и Транс являются единственной гарантией, что человечество, состоящее из мужчин и женщин, не вымрет!

— Глупость, — поморщился я. — Полный бред.

— Не бред. — Дядя захихикал. — Природа! И ты, и твоя мать, и господин президент, и многие десятки тысяч высших по всему миру считают, что можно размножаться насильно. Сводить людей между собой, печатать журналы унисекс, делать общие парки — и постепенно все станет хорошо!

— А ты считаешь, что это не так? — уточнил я.

— Да, — просто ответил дядя. — Не так. Если бы все было так, как вы утверждаете, человечество вымерло бы уже давно. Потому что вы со своими задачами не справляетесь. Не существует общей культуры. А единственное, что реально держит нас на плаву, — это то, с чем вы боретесь. Блеск и Транс. Гормоны, которые бушуют в нас. Вы выхолащиваете природную часть себя, занимаетесь сексом по расписанию с нелюбимыми людьми, считая, что так выполняете долг перед человечеством. Плодите детей в формальных семьях.

— Я бы на месте дедов тебя убил, — сказал я после недолгого молчания. — Ты же враг.

— Сам сдохну, — проворчал дядя. — Ну так вот, я это к чему. Сегодня все видят, что ты успешен. Ты, твоя мать, твои дядья и тетки, твои дети. Это заметно по вашим автомобилям, костюмам, по вашей работе, по тому, как вы читаете по утрам газету в кафе. Но вам, чтобы разбудить хоть какие-то чувства в себе, приходится ругаться друг с другом. Выяснять, кто круче, — и тогда гормоны, прибитые бессмысленным сексом к полу, хотя бы слегка реагируют.

— У всех так.

— А вот и нет! — расхохотался дядя. — Те, кого вы называете «низшим классом», живут совсем иначе. У них нет регулярного секса между мужчинами и женщинами, он им недоступен так, как доступен вам. И потому у женщин постепенно поднимается уровень гормонов и в какой-то момент происходит взрыв — Блеск. А у мужчин отсутствие секса приводит к тому, что они почти в любой деятельности впадают в Транс, при этом уровень гормонов не уменьшается, а переходит в другое качество. Женщина перед Блеском и мужчина после долгого воздержания привлекательны друг для друга, иногда — неудержимо привлекательны, и любая мелочь может взорвать ситуацию, и вот уже у женщины Блеск, а

мужчина отвечает ей, входя в Транс.

— Это вопрос воздержания, — ответил я. — Смотрительница тира заинтересовалась тобой до того, как мы подошли вплотную. Что это было?

— Ваш безэмоциональный секс, — ответил дядя и подмигнул мне. — Обман природы. Организм ждет, что ты начнешь выделять правильные гормоны, чтобы привлечь противоположный пол. А ты ничего не выделяешь, ты выплескиваешь семя без любви, а твоя жена принимает его без особого удовольствия, и обманутая природа считает, что вы все еще подростки, слишком мелкие для настоящей любви, и вы растете. Да! Вы вырастаете на двадцать, иногда и на тридцать сантиметров выше, чем вроде как низший класс, только потому, что у вас не работают гормоны так, как это задумано природой. И это, между прочим, чувствуется. Низший класс мозгами понимает: надо лезть в высший класс, чтобы зарабатывать деньги, влиять на политику, создать собственный клан… Но при этом смотрит на вас, на высший класс, и не чувствует ничего! Ни-че-го! Вы сексуальны для их мозгов, но совершенно не привлекательны для их тел! Поэтому я, который не вырос в юности и остался невысоким, для них гораздо привлекательнее.

— Наш уход от животной природы…

— Неестественная чушь, — категорично сказал дядя. — Культурная надстройка. Рано или поздно будет какой-нибудь катаклизм, и вас сметет. А низший класс с Блеском и Трансом переживет это. Вы не двигаете прогресс вперед, вы тащите мир в тупик, но природе плевать, она все равно найдет способ обойти это, а в крайнем случае — ну вымрете, и что? Есть пингвины, есть дельфины, есть муравьи. Кстати, я правильно понял, что у тебя нет денег?

Он сел на поваленное дерево и похлопал по стволу рядом с собой. Я обнаружил, что мы в глубине парка, рядом стоял высокий щит, набранный из кусков дерева и коры, с кучей дырок и разного рода неровностей. На щите сверху было написано «Гостиница для насекомых», и по щиту действительно ползало их множество.

— Да, с деньгами плохо, — ответил я. — И после того как я не взял интервью, об авансе можно даже не заикаться.

— Есть другой способ, и тебе придется к нему прибегнуть. — Дядя еще раз похлопал по стволу рядом с собой, и я сел, хотя и не был уверен, что, когда встану, не обнаружу на брюках пятен от смолы. — Как думаешь, кто в семье заведует

деньгами?

— Дед Митяй, — уверенно сказал я.

— Что за глупость, — рассердился дядя. — Дед Митяй отвечает за безопасность семьи. Никогда ни в одном клане безопасника не сделают казначеем. Ты знаешь тетю Ару?

Для него — тетя, значит для меня — бабушка. Я попробовал вспомнить кого-то со схожим именем, и через некоторое время всплыло — Арташи. Про нее ходил слух, что ее выставили из семьи и она жила не на женской половине семейного гнезда, а где-то отдельно.

— Баба Арташи, да? — уточнил я. — Ее ведь изгнали? Или что-то вроде?

— В мое время она жила вместе со всеми, но не любила общаться не по делу, и потому даже тогда слухов про нее роилось множество. Она заведует всеми деньгами семьи, и мужской, и женской части. Ты можешь прийти к ней напрямую и попросить денег. И она даст. Потому что она любит давать деньги младшим поколениям, но вокруг нее выстроили стену, сквозь которую никто просто так не полезет.

— Звучит странно.

— Полагаю, тебе нужно лучше понимать, что происходит… Давай я расскажу историю, — пред-

ложил дядя. — Это произошло со мной, когда мне только исполнилось девятнадцать лет. Это был совсем другой я, потому назову его, к примеру, Ильей.

Нам трудно представить, насколько велик мир. Славянский Союз включает в себя полторы сотни дистриктов, княжеств и прочих территорий — но это всего лишь двадцатая часть суши.

Бейрут — торговый город-государство на берегу Средиземного моря. Власть там принадлежит Торговому совету, состоящему из одиннадцати женщин-купцов, держащих в своих руках большой кусок всей торговли Старого Света и Африки, — и это не только их море, но и Черное, и Белое, и Красное.

Когда ты покупаешь автомобиль или дом в родном дистрикте, можешь не сомневаться: несколько рублей из твоих кровных пойдет в казну бейрутских купцов. Это было первое назначение Ильи, за него бились серьезные люди, и в итоге он оказался третьим помощником второго консула Славянского Союза.

Для понимания — Илья заваривал кофе для не самого высокого мужского руководства.

Еще для понимания — в Бейруте правили женщины, и у Славянского Союза там было два консульства: женское — для настоящих дел, а мужское — для культурных контактов, то есть тупик, болото, трясина.

И Илья там занимался… Ничем. Через три

месяца такой работы ему написал дед Олежа и спросил, как двигается карьера, и он честно ответил, что никак. Что перспектив нет.

Переписка была по электронной почте, по защищенному каналу, и через две минуты после того, как Илья отправил свое письмо, он получил ответ: «Тебе позвонят, отнесись серьезно».

На следующий день ему действительно позвонила тетя Ара, про которую в семье ходил слух, что она безумна и потому ее запирают в ее комнате и шанса застать ее вне дома нет, а дома — ну понятно, когда и как молодой парень попадет на женскую половину? Илья ее и видел-то мельком пару раз в жизни.

По телефону она говорила отрывисто и не очень понятно. То есть старалась замедлить речь, но получалось не очень. Что-то вроде:

— Дом с колоннами… Обязательно… Запомни! Важно! Индрагора!

Как-то у нее так получалось, что суть она проглатывала, а какие-то детали говорила четко. За двадцатиминутную беседу Илья в итоге понял, что должен идти в район Хамра, найти там дом со вторым этажом из розового мрамора и спросить Индрагору.

И — сторговаться с ней о покупке дома с колон-

нами над набережной и заплатить за него четыре тысячи двести динаров, не больше и не меньше. На рубли это было около пятнадцати тысяч, то есть, с одной стороны, приличные деньги, а с другой — не настолько, чтобы купить в одной из торговых столиц мира дом над морем.

Но задача есть задача, дед Олежа просил отнестись серьезно. Илья поговорил со своим начальством, они легко отпустили его, потребовав, чтобы по возвращении он разгреб бумажную корреспонденцию за один из прошлых годов — работа часов на восемь не разгибаясь. Что самое неприятное — никому не нужная работа.

И вот Илья покрыл лицо — в Бейруте правили женщины, а значит, мужчины во многом ощущали себя товаром и потому береглись от зноя и ветра — и пошел в назначенное место. Денег у него было немного, поэтому передвигался он пешком. Ростом для высшего класса не выдался — а потому по дороге к нему несколько раз приставали местные женщины, а уж взглядов и шуток — на плохой общей — он получил с избытком.

Ты наверняка думаешь, что мужская низкая речь одинакова во всем мире — во всяком случае, в Старом Свете и Северной Африке. Так нас учат, и во многом это правда. Но есть особенности.

Основные слова действительно одинаковы, но много сленга, много нюансов, оборотов, неправильного, по нашему мнению, использования приставок и окончаний…

В общем, Илья спрашивал дорогу у водоноса, у уличного художника и у постового — каждый из них посылал его в другую сторону, и то, что через два часа блужданий он вышел к дому со вторым этажом из розового мрамора, было скорее случайностью.

Охранница испугалась его. Она вскочила и заорала на высокой женской речи, а потом убежала. Он стоял и ждал в прихожей, снаружи свистел ветер, осыпая двери песком, Илье хотелось скинуть паранджу и умыть потное и пыльное лицо, но приходилось стоять в душной приемной и ждать непонятно чего.

Минут через десять дверь приемной открылась, и высокая красивая дама — лет тридцати, может, чуть младше — завела охранницу, держа ее за ухо. Охранница с ужасом смотрела на Илью.

— Сектантки, — на хорошей общей сказала дама. Она была одета в розово-серый брючный костюм, скорее европейский, чем арабский. Дань традициям отдавал алый шарф тончайшей выделки, покрывающий ее голову, ключицы и

шею. — Навязали мне такую работницу, мужчину вблизи ни разу в жизни не видела, в их роду мужчин распределяет главная мать, и у нее не было ни единого шанса…

Едва ухо было выпущено из рук, охранница бухнулась на колени, закрыла ладонями глаза и начала что-то читать высоким, сливающимся речитативом.

— У вас ко мне дело? — Дама спрашивала Илью, но смотрела на охранницу с таким выражением, будто там была не молодая женщина, а обгадившийся на паркет щенок.

— Госпожа Индрагора? — уточнил Илья.

— Просто Индрагора, без «госпожи», — ответила она. — Не так уж я и стара.

— Моя тетушка поручила мне купить у вас дом с колоннами над…

— Тсс! — шикнула Индрагора и махнула рукой — мол, следуй за мной.

Они поднялись по лестнице из розового мрамора на второй этаж, и там Илья впервые увидел, как работают по-настоящему богатые купцы Бейрута.

Во-первых, кондиционер. В помещении оказалось холодно, примерно как поздней осенью на улице в нашем дистрикте.

Во-вторых, полно мебели. Столы, пуфики, диваны, кресла, журнальные столики, полочки, статуэтки. Если бы Илья не знал, что это рабочий кабинет, он бы предположил, что это мебельная антикварная лавка, в которой продают только розовое и голубое.

— Омой лицо, — предложила Индрагора, указав на умывальник в глубине комнаты.

Показывать лицо незнакомой женщине в Бейруте было неосторожно, а в отдельных случаях и откровенно глупо. Но Илья устал, вспотел, и ему было уже плевать. Он снял верх своей одежды, скрывающий лицо, откинул крышку умывальника, пустил воду в кране и с удовольствием омылся, включая шею и даже ключицы, ничуть не заботясь о том, что вода льется дальше, под одежду.

Надевать после омовения грязный и потный верх оказалось за пределами его силы воли, и потому Илья прошел к столу, за которым сидела хозяйка, с непокрытым лицом.

— Итак, вы хотели бы купить дом с колоннами над морем, — сказала она, указав Илье на чашку из тонкого фарфора, в которой уже парил дымком ароматный жасминовый чай.

— Да, — кивнул он и сделал небольшой глоток.

Чай, хотя и был горячим, освежал, и Илья в пару глотков выпил все.

— Это будет стоить вам тысячу двести динаров. — Хозяйка откинулась в кресле, и Илья понял, что сейчас ему придется принять одно из самых странных решений в своей жизни.

Тетя Арташи просила договориться на четыре двести, и сейчас он мог, например, согласиться с ценой дамы — и оставить в своем кармане три тысячи. Или же не оставить — а отдать их тете, показав, насколько он хозяйственный.

Но что-то подсказало ему — все не так просто.

— Дом с колоннами не может стоить меньше восьми тысяч, — сказал Илья уверенно. — Только ради вас я готов заплатить семь восемьсот.

— Да вы издеваетесь! — Индрагора поежилась. — Восемь тысяч! Ослиный бред, прошу прощения за резкость! Тысяча триста — это крайняя цена, с которой я могу согласиться!

Они торговались около часа, на трех тысячах она встала намертво, утверждая, что больше за дом с колоннами никто и никогда не заплатит.

Илья к своему бейрутскому периоду был женат уже несколько лет, у него родился сын, но до этого момента он был уверен, что его привлекают только мужчины, а с женщинами он готов

был возлечь исключительно из чувства долга и ради продолжения рода. В оправдание Ильи скажу, что жена относилась к нему примерно так же и недопонимания у них по этому вопросу не возникало.

Но к концу торговли, когда они приблизились к четырем тысячам и Илья уже откровенно продавливал Индрагору, он вдруг понял, что она его возбуждает.

Илье было сложно говорить на общей, ускоряя речь, и не менее сложно понимать то, что отвечают, замедляясь, женщины.

Но в тот день он вошел в какой-то особый транс. И смог довести сумму ровно до четырех тысяч двухсот, а потом обнаружил, что лежит, совершенно обнаженный, на розовом ковре, а сверху на нем изгибается Индрагора.

В этот день он понял, что может получать наслаждение от женщины и что то, что его тянет к мужчинам, — не приговор.

Забегая вперед — они еще несколько раз встречались с Индрой, и секс с ней был гораздо приятнее тех ритуальных движений, которые практиковали Илья с женой. Но того яркого, чувственного момента, как в первый раз, он больше не переживал, и постепенно их встречи сошли

на нет.

Тогда, выйдя из указанного ему душа, Илья не обнаружил в кабинете ни единой души, зато его одежду отряхнули от мелкого песка и прошлись по ней парогенератором, чтобы освежить.

Он вновь облачился в свою кандуру и вышел, не понимая, что делать дальше. Вечером Илья написал деду Олеже, что договорился, о чем его просили.

Через два дня ему передали кошель с золотом — ровно четыре тысячи двести. В этот день Индра ждала его, у них опять был секс, но без огня, воспламеняющего чресла и взрывающего череп изнутри.

А потом Илью начали приглашать на какие-то круглые столы и совещания, где бейрутские мужчины во власти — оказывается, были и такие! — решали вопросы благоустройства, строительства, рассматривали разные прожекты и обсуждали археологические раскопки; выяснилось, что история и археология для мужчин в Бейруте являются самым модным и одобряемым увлечением.

Илья легко влился в их круг. Оказалось, что Славянский Союз может многое предложить в части строительной техники и благоустройства; он вы-

бил для Бейрутского мужского клуба — высшей знати города — приглашение на раскопки под Челябинском, в древний мужской город Аркаим.

За год Илья достиг большего, чем все мужское консульство за предыдущие десять лет. Он получил должность третьего консула, его жалованье выросло в четырнадцать раз, про него начали сочинять анекдоты. В дипломатической среде Славянского Союза он стал очень популярен.

Потом его перевели в Лонду, и это был формально мужской город, которым на самом деле правили женщины. Между Бейрутом и Лондой он заехал домой и обнаружил, что его ждет целая коллекция портсигаров, а жена беременна.

Его место в супружеском часе занял твой отец, брат Ильи. Они оба считали, что положение двусмысленное, хотя понятно, что доводить женщину из семьи до Блеска нельзя и выносить сор из клана тоже недопустимо, а Илья поначалу не мог финансово потянуть полноценный дом в Бейруте, а потом как-то все закрутилось…

В тот приезд Илья сходил на женскую половину по приглашению тети Арташи, и они долго разговаривали.

Беседовали о многом. О том, что «дом с колоннами над морем» — это здание Торгового совета

и оно, конечно же, не продается. Но продается лояльность отдельных его членов, и это, скажем так, почти законно. Несколько сотен динариев стоит небольшая услуга. Три тысячи — серьезная. Шесть тысяч — очень серьезная. Четыре тысячи двести — это не цена какой-то конкретной услуги, а просто сумма, которую придумала Арташи как часть испытания для Ильи.

За эти деньги его ввели в малый наблюдательный мужской совет Бейрута как консультанта. Он смог подружиться с участниками совета — но все могло кончиться иначе, например, он мог не ходить на совещания или поссориться с кем-то из тех, кто принимает решения.

А еще Илья понял: у тети Арташи есть странность. Она не умеет общаться с теми, кто ей не должен. Она ведает всеми деньгами клана, но, если ей нужно будет поздравить внучку с днем рождения, она предпочтет вначале дать взаймы внучке десяток рублей и только потом поздравить и подарить куклу стоимостью в сотню.

Она привыкла, что если вкладывает куда-то деньги, то рассматривает предмет вложений как часть себя. И с людьми у нее то же самое.

Когда Илью изгнали, он пошел к ней и попросил денег. На операцию. Много денег, клан никогда

бы ему столько не дал. Она дала. И — ты не поверишь. Когда он после этого общался с ней, она единственная из всей семьи проявляла признаки настоящей любви, искреннего участия…

Сейчас я — словно заразный кусок мяса, и раз уж ты первый ухватился за меня, я предпочту не расширять круг общения с семьей. Но знай: если бы не встретил тебя, я бы пошел к ней.

Дядя Сема сказал телефон бабушки Арташи — он знал его наизусть. Я тут же позвонил ей и на общей речи попросился в гости, сказав, что испытываю финансовые затруднения.

— ВолодяЯПомнюТебя, — ответила она. — ПриезжайСейчас.

Я опасался оставлять дядю в парке, учитывая, насколько плотоядно смотрели на него некоторые женщины, но он заявил, что проблем точно не будет.

«Драгон» на полпути к дому бабушки замигал алым глазом с приборной панели, показывая, что даже легендарные животные требуют питания. Но денег на топливо у меня не было, кроме того, по опыту я знал, что у меня есть еще километров сорок — по плотным городским дорогам.

Бабушкин дом находился рядом с женским анклавом. Более того, он оказался единым целым с каким-то административным зданием, граница между городом и анклавом проходила прямо через него.

Сам дом выглядел обыденно — трехэтажный зеленый особняк с небольшой парадной, слегка облупившийся, в стороне от дороги, со шлагбаумом, который поднялся, едва я вырулил на въезд.

Дверь открылась автоматически, едва я протянул руку к видеофону, чтобы нажать на кнопку вызова.

Внутри оказалось светло и чисто, высоченный потолок, люстра из хрусталя, все сплошь белоснежное, с редкими вставками позолоты.

— Дворец, — выдохнул я.

— Я передам Аре, — раздалось сзади на низкой мужской речи.

Я резко обернулся и обнаружил около дверей низкорослого, коренастого мужчину лет пятидесяти. На нем был теплый белый халат с золотой окантовкой карманов и золотым же кушаком.

— Ты… Вы… — начал было я.

— Ой, да к жогу эти церемонии, — ответил мужичок. — Я любовник твоей бабушки, ну и всякие поручения выполняю. Она с незнакомыми мужчинами оч-ч-чень не любит общаться, и тут я ее сильно выручаю. А ночами ей постель грею.

— Вы спите в одной постели?

Сам факт того, что у бабушки любовник моложе ее и она этого не скрывает, меня не шокировал. Старшее поколение после определенного возраста начинало чудить: кто-то учился на пилота и покупал себе частный самолет, кто-то начинал разводить кроликов, а кто-то пешком уходил в

кругосветное путешествие.

Вписывались и в разного рода крайности, не всегда законные, о чем иногда перешептывались мужчины на своей половине между друзьями и родственниками своего поколения. Некоторых стариков со скандалом выгоняли из дистрикта, чтобы не позорили клан, выдавая им определенное содержание ассигнациями.

Но — по-настоящему спать в одной постели с женщиной? Не потому, что нет денег на вторую комнату с отдельной кроватью, а потому, что этого… Хочется?

— Я пару раз орал, просыпаясь, когда понимал, что рядом со мной баба, — доверительно прошептал мужичок. — А потом привык, и вроде даже ничего так, есть свои плюсы.

— Не хочу об этом слушать. — Я поднял перед собой ладони. — Это для меня слишком.

— Как знаешь. — Мой собеседник совершенно не обиделся и махнул рукой, указывая дорогу. — Тебе вон туда, там лифт. Или, если хочешь, по лестнице, но она крутая.

Я прошел дальше и обнаружил там, в центре комнаты, стеклянную шахту лифта с кованой белоснежной кабиной внутри. Вокруг шахты вилась вверх лестница без перил, с высокими и

узкими ступеньками.

Ступив на лестницу, я обнаружил, что перила есть, но они совершенно прозрачные, а свет в комнате выставлен так, чтобы их можно было увидеть, только зная, что они здесь, — ну или внимательно вглядываясь.

На втором этаже у самой лестницы стояла женщина. Точнее — девушка. Еще точнее — девочка, судя по лицу, лет двенадцати, но очень высокая, на две головы выше меня, к тому же совершенно бесцветная, еще и с алыми радужками глаз.

— Хрбржд, — сказала она, гордо вскинула голову и удалилась.

Дверь лифта открылась, оттуда вышел давешний мужичок и сообщил:

— Это Аня, она хоф. Женский ребенок.

— Бабушкин? — уточнил я, готовый уже к любым извращениям после того, как узнал, что в этом доме мужчины спят с женщинами в одной постели.

— Не, ты чего, Ара против таких вещей. Она старой закалки, с принципами. Ара лет пять назад помогала матери хофа, потом эта мать умерла, и хофа должны были забрать в приют. А там вообще не жизнь, мы с Арой съездили, посмотрели на низкие потолки, где даже дети не

могут ходить выпрямившись, и на еду, которую могут недоварить или пережарить, и никого это не волнует, и решили забрать Аню к нам. Я потом сто раз пожалел.

— Чего так? — уточнил я.

— Она мужчину тогда первый раз в жизни увидела. До этого ее скрывали в анклаве и от властей, и от мужчин… И при виде меня она подпрыгнула до потолка — а она прыгучая, ужас! — завопила на ультразвуке и забилась под кровать Ары, мы ее — вот не шучу! — часа три оттуда доставали. У Ары кровать-то большая, там рота женского спецназа заблудится… В итоге ко мне она худо-бедно привыкла, но, если появляется незнакомый, она говорит что-то вроде «таких, как ты, не должно существовать» и как можно быстрее уходит.

Я кивнул. Тут, конечно, все вывернуто наизнанку — это скорее таких, как Аня, не должно существовать. Говорят, что даже после связи мужчины и женщины может появиться хоф, шанс один из двухсот тысяч или около того.

Раньше считали, что такой ребенок может быть зачат только в союзе между двумя женщинами, но потом смогли доказать, что бывает по-всякому. В отличие от жогов, хофы рождаются без изуверских операций и убивающей гормональ-

ной терапии.

— Сюда, — показал мужичок. — Ара тебя ждет.

Я открыл дверь и обнаружил, что вхожу в женскую спальню. Комната в пятьдесят квадратных метров почти целиком была заполнена разноуровневыми пуфиками, кроватями и диванчиками.

Сбоку от входа стояло отдельное кресло, сделанное как единое целое со странной конструкцией в виде деревянного колеса с педалью.

— ЭтоПрялка, — заявила бабушка Арташи, сидящая в этой штуке. — ОченьУспокаивает.

— Э… Добрый вечер, — сказал я.

— ДеньЕще, — поправила бабушка. — СколькоДенегНадо?

Я предполагал, что сумму определит она сама, и к такому вопросу оказался не готов. Вначале хотел попросить тысячу — на некоторое время мне этого должно было хватить, — но потом вспомнил, что дядя говорил: Ара любит тебя тем больше, чем больше денег дала тебе в долг.

— Двадцать тысяч, — сказал я и понял, что мои губы пересохли.

Бабушка посмотрела на меня в упор, и я вдруг понял, что у нее золотые зрачки. Контактные линзы! Она пользовалась контактными линзами,

чтобы глаза были в цвет домашней обстановки!

— ДвадцатьМногоЗаДвадцатьТыГодПроживешьУМеняСЖеной, — сказала она после недолгой паузы.

— Моя мать… — начал было я объяснять, что все не так просто.

— АнаиткуУговорюБорзаяСтала, — оттаратория бабушка. — Договорились? Год.

— Договорились, — ответил я как можно более твердо.

Хотя сама мысль переехать в этот дом, в котором бабушка спит с молодым любовником в одной кровати, а вместе с ними живет хоф-подросток, ненавидящий мужчин, казалась дикой.

— Са-а-а-ня! — рявкнула бабушка Арташи. — ДвадцатьТысяч!

Через минуту в комнату вошел мужичок.

— Чего орать-то, написала бы по телефону, — проворчал он.

Он прошагал к ней почти вплотную, передавая стопку сотенных, и стало видно, что сидя старуха почти одного с ним роста; при этом есть у них что-то общее в мимике, в том, как они держат себя, как переглядываются.

И то, что Саня мог спокойно пойти и взять где-то двадцать тысяч — мой заработок за несколько

лет, — тоже удивляло и говорило о том, что они действительно вместе.

— НеУмри, — сказала бабушка Арташи, передавая мне деньги. — Обижусь.

Саня гулко рассмеялся, — видимо, это была шутка.

— Постараюсь, — ответил я серьезно.

И тут же понял, что тихое течение моей жизни сменилось бурным потоком, несущимся над скрытыми в воде острыми скалами. Так, как вчера едва не умерла моя жена, Айранэ. Как сейчас умирает дядя Сема. Как умрет мой братец-жог Ягайло, если его обнаружат на территории дистрикта, — потому что по закону жогов у нас нет и при обнаружении и милиция, и самооборона обязаны сразу открывать огонь на поражение, а если нет с собой оружия — вызывать подкрепление.

— САйранэВсеХорошо, — сказала бабушка, пристально глядя на меня; я чуть расслабился — новость действительно была отличной. Баба Ара, видимо, уловила это и улыбнулась. — ИдиУжеИВозвращайся.

После этих слов Саня обнял бабушку и поцеловал ее в щеку. Меня передернуло. Все привычны к тому, что вокруг полно обнимающихся девушек или парней — да, это повод для шуток, в том чис-

ле неприличных.

Чаще всего это кто-то из низшего класса, и, в общем-то, понятно, что людям свойственно проявлять привязанность к близким.

Но… Мужчина, обнимающий женщину на глазах у кого-то малознакомого? Даже плакаты, которые делают по заказу господина президента, не осмеливаются на подобное — там я видел в лучшем случае отца с маленькой дочкой в обнимку, ну или двух мальчишек-подростков с матерью, в социальной рекламе «высших» семей.

Как относиться к этой ситуации — с бабушкой, — я пока для себя не решил; впрочем, это и не было самой большой из моих текущих проблем.

По пути в парк «Нежность» я заправил машину, причем взял лучшего газа, максимальной очистки, — стоил он раза в два дороже, а прирост в скорости давал едва ли процентов на десять, поэтому обычно я так не кутил.

Дядю я обнаружил там же, где оставил, на поваленном стволе, но сейчас с обеих сторон от него сидели две совсем мелкие, лет пятнадцати-шестнадцати, девчонки и пели что-то на женской.

Увидев меня, они замолчали и принялись недовольно сопеть, когда я уводил дядю, но ничего не сказали и даже не привстали.

— Я так понял, это их место, они тут часто бывают, — пояснил дядя, когда мы немного отошли. — Вначале они меня испугались, но потом пошептались и решили, видимо, что со мной даже лучше. Пили дешевое вино, мне предлагали.

— Главное, что с тобой ничего не случилось. — Я чуть приобнял дядю, сразу отпуская. — Бабушка Арташи дала денег. Двадцать тысяч.

— Сними квартиру в анклаве, — потребовал дядя. — Я скажу, к кому можно обратиться.

— В анклаве? — переспросил я.

Город поделен на три неравные части. Основная — с кварталами для традиционных семей вроде нашей, с административными зданиями,

университетами, складами, банками, офисами, портом, парками.

Женская — анклав плюс несколько «островков», куда мужчинам лучше не соваться; во всяком случае, в одиночку.

И мужская — несколько коммун, примыкающих друг к другу, но имеющих разные входы и каждая свою администрацию, а также несколько своих «островков» по всему городу, куда соваться нежелательно уже женщинам.

За городом располагались заводы, фермы, рудники. Раньше они были либо мужскими, либо женскими, но постепенно из-за социально-экономических особенностей — налогов, штрафов, пропаганды — все они становились «общими», и на их основе появлялись «общие коммуны» — суррогатные семьи, в которых жили работники таких предприятий.

Иногда из таких «общин» выделялись несколько семей, сплоченных какой-либо идеей, и становились самостоятельным кланом, а государство выдавало им подъемные на строительство дома, ну и большие выплаты на каждого следующего ребенка, как нормальным «высшим» семьям.

Время от времени раскрывались аферы, когда выяснялось, что нет никакой нормальной семьи

или клана, а есть группа мошенников, решивших обмануть государство.

И вот если и выбирать, где скрываться от государства, то я бы поискал такую «фальшивую» семью, готовую ради денег на что угодно. Государство любит отчитываться о том, сколько новых семей появилось за последний год, и не любит отказываться от своих иллюзий. Никто там особо ничего не проверяет.

— Только анклав, — подтвердил дядя. — Жог выделяет много феромонов; как только станет известно, что в дистрикте жог, сразу начнут проводить регулярные тесты по всему городу. И единственное место, где этого делать не будут, — анклав.

— Блеск? — догадался я.

— Общий Блеск, так называемая Буря, — ответил дядя.

Меня передернуло. Известно, что, когда в одном месте живет много одиноких женщин, их циклы Блеска подстраиваются друг под друга и в какой-то момент случается Буря, то есть у многих женщин начинается гормональный взрыв, он вызывает реакцию у остальных, и на несколько часов весь анклав превращается в поле не то боя, не то праздника.

Если в этот момент туда забредет половозрелый мужчина, шанс выжить у него по статистике не больше тридцати процентов, а выйти без серьезных травм — и того меньше. Если там окажется женщина, у которой Блеск был совсем недавно, — то же самое, лучше запереться покрепче и напиться снотворного.

Зато для остальных женщин, особенно если они не получили травм и увечий в процессе, Буря часто оборачивается излечением от разных болезней. А еще — несколько месяцев никаких проблем с регулярными болями, от которых дамы из высшего общества с трудом спасаются на своих разноуровневых гигантских кроватях, выбирая, где и как примостить себя, чтобы не было так плохо.

Обычно администрация анклава старается разными способами избежать Бури. Проводит локальные праздники, иногда — совместные с мужскими коммунами, для отдельных частей анклава. Штрафуют тех, у кого регулярно бывает Блеск, то есть кто не заботится о том, чтобы сбросить часть гормонального давления с мужчинами.

Но раз в год, перед началом осени, когда везде появляется много свежих дешевых овощей, ан-

клавы обязательно проходят через Бурю. Многие на это время переезжают в другие районы, другие, наоборот, из общих кварталов тянутся в анклав.

При этом администрация точно знает, когда их анклав взорвется, а вот обычные жительницы — нет, и иногда приехавшие ждут до нескольких недель, проходят свой личный Блеск и вынуждены убраться восвояси, так и не дождавшись Бури, чтобы не рисковать жизнью.

— Ты знаешь, когда будет Буря? — уточнил я.

— В Твери это не секрет для многих. Второй или третий день бабьего лета, — ответил уверенно дядя. — Что характерно, из женского сегмента интернета эту информацию вычищают, как только кто-то раскрывает тайну или догадывается, а в мужском есть упоминания в исторической литературе. Кстати, в Севилье этот день рассчитывается так же, и, к примеру, Дон Кихот Ламанчский, пытавшийся остановить Бурю, специально ехал в Севилью к точному сроку и описывал, как именно он его высчитал.

— И едва выжил, — усмехнулся я, вспоминая книгу.

— Потому что с Бурей может бороться только идиот, — проворчал дядя. — В нашем анклаве она начнется послезавтра. Если я ошибся, то на день

позже. Сможешь снять квартиру? Есть у тебя кто-нибудь в анклаве или спросим моего человека?

Раннэ ответила не сразу.

— ЯТебяУзнала, — заявила она после того, как я поздоровался и представился. — ТвойНомерЗабилаВТелефон.

— Мне нужна квартира в анклаве, — сказал я. — Отдельная. Не меньше двух комнат, желательно с двумя выходами, первый или последний этаж. Недалеко от стены.

— ЯНайдуНаберименяВечеромЯНаРаботе, — выпалила Раннэ на грани восприятия и положила трубку, не дождавшись, пока я переварю ее ответ.

— Никогда не мог с ними разговаривать по телефону, — признался дядя, пристегиваясь.

Мы сидели в «драгоне», я достал из бардачка несколько пачек табака и пару трубок. Дядя не отказался. Я забил свою быстро и уже дымил в открытое окно, а он все еще возился, делая смесь и стараясь набить как-то по-особенному.

Когда он наконец затянулся, я уже почти накурился.

— Я и вживую с ними тяжело общаюсь, — сказал дядя. — Из всех женщин мира было всего человек десять, с кем я мог нормально разговаривать. Кстати, твоя мать среди них.

— У вас что-то было? — спросил я, внезапно

ошарашенный догадкой.

— Нет, конечно, — ответил дядя. — Променять хорошую дружбу на посредственный секс? Это нужно быть полным кретином! Хотя, с другой стороны, я таких кретинов знаю немало…

— Вы друзья? — уточнил я.

Представить свою мать в роли чьей-то любовницы я вполне мог, она шла по головам и делала карьеру. В каком-то смысле моя мать олицетворяла идеал женщины из высшего класса. И мысль о том, что она станет президентом дистрикта, ложилась на ее жизнь аккуратно, так, будто всегда там и была, и только удивляло — почему так поздно?

А вот представить ее другом мужчины… Настоящим другом… Мужчины, который не является политиком…

— Были друзьями, пока я не предал семью, — усмехнулся дядя и с удовольствием затянулся. — Хороший табак, но ты его неправильно хранишь, пересушишь же! Надо выставлять в бардачке влажность чуть выше. Так вот, насчет Анаит. Она ведь знала, что мужчины мне нравятся больше, чем женщины. Ее от одной мысли о таком выворачивало, но она меня покрывала от остальных. Она, получается, делила твоего отца с моей

женой… Постоянно подкалывала меня этим. Несколько раз серьезно помогла советом. Делала мне пропуски на раскопки женских поселений — когда у меня крышу сорвало от того, что я хотел доказать себе, что я нормальный, это весь мир сошел с ума…

— Доказал? — уточнил я. — Себе?

— На тот момент да. — Дядя усмехнулся, затягиваясь в очередной раз. — Но ты же понимаешь, мы для себя и прокуроры, и адвокаты, а наш внутренний судья слушает того, кто сегодня красивее поет. В то время красивее пел адвокат. Потом было время — прокурор.

— А сейчас?

— А сейчас они оба умерли и судья отсчитывает оставшиеся мне секунды, — ответил дядя. — А я молю предков, чтобы не увести за собой в могилу еще и сына.

Некоторое время мы сидели с трубками, и я думал о том, что это же вредно. И плакаты везде висят, особенно почему-то в анклаве, хотя женщины в Славянском Союзе и так практически не курят.

И налоги на табак подняли запредельно. И в школах говорят о том, как глупо курить. Но добились только того, что курение стало элитарным

занятием, доступным далеко не каждому. Я пару лет назад покупал курс обучения на шестьдесят часов, чтобы понять, как хранить, как смешивать, как правильно выбрать под себя трубку…

— Ты доверяешь этой своей дикой? — спросил дядя, которого долгое молчание утомило. — У меня есть по ее поводу подозрения.

— Расскажи лучше про Лонду, — ответил я. — Я помню, ты приезжал оттуда несколько раз, и всегда с подарками.

— С дорогими подарками, — кивнул дядя. — Но если честно, ты мне поначалу не нравился. Ты был визгливым и глупым, одним из массы вздорных мальчишек. Я в первый свой приезд подарил твоему отцу очень дорогую снайперскую винтовку… Он в свое время служил в армии, был офицером спецназа, участвовал в каких-то переделках. Так что я решил, что ему будет приятно, — в конце концов, он выполнял мои обязанности в том, что касалось моей жены. А он вывел меня на улицу и хлестнул ладонью по лицу, сказав, что это должен быть первый и последний подарок от меня.

— Почему? — уточнил я.

— Он не объяснял, — ответил дядя. Он выбил из трубки остатки табака в пепельницу и принялся

тщательно вычищать чашку. — Полагаю, его устраивала жизнь с двумя женами. Для меня это дико и непонятно… Но раз это всех устраивало, я принял его пожелание как данность. При этом я не мог перестать выражать свою благодарность и перенес ее на тебя и твоего брата, Ярика. Но довольно быстро стало понятно, что Ярику я не нравлюсь, а тебе оказалось интересно со мной. И с этого момента я в каждый приезд дарил тебе подарки и рассказывал о дальних странах, в которые летал по своим дипломатическим или археологическим интересам.

— Это было волшебно, — сказал я. — Ты ведь в Лонде занимал пост генерального посла Славянского Союза?

— Последние восемь месяцев, — ответил дядя. — Вершина моей карьеры. Наверное, имеет смысл рассказать о том периоде, но не когда я стал послом — а чуть раньше. Итак, Илья пошел вверх по карьерной лестнице…

…Многие считают, что Лонда — сырой и промозглый город. Если сравнивать с Бейрутом — да, это так. Но если взять, например, средний город Славянского Союза, то такой уж большой разницы не обнаружишь.

Опять же, считается, что именно в Лонде самые совершенные джентльмены и самые куртуазные дамы, но — ничего подобного. Твой отец был бы там в числе образцовых мужчин, да и ты бы не затерялся.

Это в части манер, гордости и внешнего вида. Но есть нюансы. Они окружают себя ритуалами, клубами для своих, шутками из тех, что невозможно понять, если не знаешь еще тысячу подобных острот из прошлого и не имеешь в багаже несколько через кровь и пот усвоенных заплесневелых книг. Читать эти книги невозможно, но их заставляют учить в школьные годы, и эти люди потом выплескивают родившуюся в период угнетенной юности ненависть к миру, не пуская в свой клуб тех, кто не дышал плесенью над плохо написанными историями.

Как ты можешь понять из описанного выше — Лонда Илье не понравилась. Он попал туда как второй заместитель посла, и с первого дня на него повесили множество обязанностей: ходить

по приемам, собирать слухи, писать отчеты про разных британских политиков, причем не только про мужчин, но и про женщин.

Его самого тоже «срисовали», и в конце первой недели рядом с ним появилась женщина. Старше на несколько лет, того же типажа, что Индрагора, умная, сильная. Красивая.

Если бы Илью интересовали женщины, он был бы обречен. Но на тот момент он уже признал для себя, что это ему неинтересно, и научился жить в удовольствие, скрывая то, что он считал своей основой, а окружающие — пороком, и от своей семьи, и от дипломатического корпуса, и от всего мира.

Обойдусь без подробностей — тебе наверняка будет в лучшем случае неинтересно, а в худшем — противно, да и к истории это относится не очень явно.

Ее звали Авалона, женщина из хорошей семьи. Наш клан насчитывает около двухсот лет, ее клан имеет доказанный возраст в полторы тысячи лет живой истории, подтвержденной источниками. Я тогда был заворожен самим фактом — полторы тысячи лет мужчины и женщины уживались вместе, в одной семье! У их женщин были имена, которые передавались из поколения в поколе-

ние, и каждая следующая приставляла к имени номер, то есть она была Авалона двенадцатая из рода Честер.

У нее был доступ к тарди… Ты не знаешь? Удивительно! Да, официально об этом не говорят, но неофициально, кажется, знают все! Ты обращал внимание, что твоя мать или другие статусные женщины иногда говорят на низкой речи лучше, чем мужчины, удивительно четко и правильно? Это легкий наркотик, тардилогус. Он не вызывает привыкания, но при частом употреблении замедляет речь, после чего женщине становится сложно общаться уже с себе подобными. Обычно тарди выдается женщинам на определенных должностях в небольших количествах.

Но если женщина имеет реальную власть, она берет себе столько, сколько надо. В крайнем случае — покупает на черном рынке, благо тарди, в отличие от флюенса, достать несложно. Флюенс — это уже тяжелый наркотик, вызывающий мгновенное привыкание, мужская версия. Ускоряет тебя, позволяет понимать и говорить на высоком языке. Илья однажды принимал флюху, ему нужно было сделать большой отчет для руководства. Он работал больше суток без перерыва, потом уснул, а когда проснулся — первым делом

начал искать остатки флюхи. Когда не смог найти и достать, у него была депрессия на несколько дней, и он зарекся пробовать эту гадость снова.

Впрочем, я отвлекся. Ава стала лучшим другом для Ильи, они сталкивались на всех раутах, встречах, приемах. И она каждый раз принимала тарди — чтобы говорить с ним на одном языке.

Она отвела его в Муравейник — ресторан, куда можно зайти только парой, мужчина и женщина, и из которого можно выйти только этой же парой. Высокий ценз! Но и кухня того стоила.

Ава показала Илье запасники Британского королевского музея — места, в котором рождается мировая политика. Ты и сам наверняка понимаешь, как это работает, но, наверное, не пытался сформулировать для себя, да?

Дело в том, что наше восприятие и себя, и происходящего вокруг зависит от контекста. В контекст входит наше воспитание, наше окружение… Семья, государство. Но базис нашего контекста — это история! Если вписать в наш контекст, что современное человечество возникло из-за того, что мужчины были насильниками или что женщины были манипуляторами, в происходящем не изменится ничего. Но при этом поменяется все. Любой поступок мужчины или женщины

приобретет нужный оттенок.

Британский королевский музей хранит в себе массу доказательств. И того, что племена мужчин были более слабыми — в какое-то время, в каких-то местах. И того, что мужчины подчиняли женщин — в другие времена и в других местах. И того, что мужчины и женщины сошлись вынужденно, чтобы выжить, на «паритетных», как любят говорить политики, началах — в третьих временах и местах.

Когда нужно — политики вытаскивают соответствующие доказательства. Научные монографии трансформируются в популярные сериалы, а те — в статьи для глянца, и вот уже во всем мире считают, что женщины изначально порочны или что мужчины с рождения дикари и только женская власть может предотвратить мировую катастрофу.

Твоя мать, мальчик мой, заведует одним из крупнейших мировых музеев. Ее влияние на политику даже не дистрикта — всего Славянского Союза — сложно переоценить. Конечно, она не сможет сменить правящий сегодня дискурс, но она может расцветить его нужными акцентами.

Ава объяснила Илье, как это работает, на примере запасников самого авторитетного музея в

мире. Он был заворожен. Он требовал истины, а она в ответ давала доказательства того, что истины в его понимании не существует.

Они разговаривали по многу часов. Она помогала ему составить портреты британских политиков и аристократии Лонды. Она была язвительной и яркой, умной и интересной собеседницей. Ава и Илья вплотную подошли к тому порогу, за которым зияет распахнутым одеялом постель.

Но она не знала его секрета. Она делала к нему шаг за шагом, но не чувствовала ответного жеста. Илья считал себя умным, его карьера двигалась вперед, но он оказался слеп в отношении Авы. Он считал ее своим другом. А она не понимала, почему они не переходят невидимую грань, оказавшуюся внезапно непробиваемой стеной.

В Аве проснулись страсть и азарт. Женщины изначально охотницы, это мужчины — собиратели. Ава решилась на страшное. Конечно, благородная британская женщина к тридцати пяти годам оказалась уже замужем, у нее росли дети, но отношения в семьях аристократических семейств — это отдельная тема… Она специально не занималась сексом полтора месяца. И однажды, когда они с Ильей ночью встретились на старинном женском кладбище — да, это были весьма стран-

ные отношения, — у нее начался Блеск.

Она считала, что Илья тоже хочет ее, но не делает шага со своей стороны исключительно потому, что боится или чего-то не понимает.

Блеск — это природный механизм, который гарантирует, что женщина окажется достаточно привлекательной для мужчины поблизости… А мужчина поблизости не сможет устоять.

Тело Ильи отреагировало соответственно. Ава была болезненно яростна, она все же из благородного сословия, и, подозреваю, это был первый ее Блеск с подросткового возраста. Она чуть не убила Илью, а он чуть не убил себя об нее.

В этом сексе не было удовольствия, только насилие, причем неприятное для обоих, и, если до Блеска Ава считала, что нравится Илье, гормональная буря расставила все по местам. Она почувствовала, что не привлекает его, но в Блеске не контролировала себя, загнала добычу в угол и получила с нее то, что считала причитающимся.

Потом она вызвала карету «скорой помощи», ехала рядом с Ильей, плакала, лепетала что-то. Блеск снял эффект тарди, и он не понимал, что она говорит. Илье наложили семнадцать швов, у него было три перелома, не считая треснутых ребер.

Два дня он провел под лекарствами, едва вос-

принимая происходящее вокруг. За это время происшедшее стало достоянием узкого круга дипломатов Британского Королевства и Славянского Союза. Зародился и сдулся пузырь международного скандала.

Ава уехала в Австралию вместе с мужем и тремя детьми, там тоже была ветвь их клана. Илья из второго заместителя стал первым; кроме того, ему открыли допуск в три аристократических клуба Лонды и дали право носить кожаные штаны в присутствии короля.

При этом многие перестали с ним общаться, а другие смотрели на него как на диковинку — вот, смотрите, парень из Славянского Союза, которого изнасиловала британская аристократка!

Илья следующие три года раз за разом доказывал себе и окружающим, что его новая должность — не случайность и не прихоть власть имущих. Были и бессонные ночи за документами, и длинные пьяные вечера с нужными людьми, и даже пара любовных историй, в которых удовольствие смешивалось с работой…

И результатом стали две вещи. Первая — должность полномочного посла в сердце Британского Королевства. И второе — практически сразу после — понимание, что ему нужно не это.

Илья добрался до вершины пирамиды, встал там, окинул взглядом мир вокруг и понял: ему не нужна пирамида… Ему нужна, если уж продолжать аналогию, яма с археологическим раскопом. И он спрыгнул.

— Ты понял, что хочешь ребенка? — уточнил я.

— Илья… — начал было дядя, усмехнулся и исправился: — Я хотел испытывать любовь. Политика — это мир фальшивых чувств, полная противоположность тому, что нужно мне. Внешне я был успешен. Своей стране, семье, дипломатическому корпусу я приносил деньги и влияние. Тетя Арташи через меня проводила некоторые свои операции, из Лонды удобно было торговать, в чем-то даже удобнее, чем из Бейрута, — и я помогал ей. Где-то с таможней, где-то с нужными людьми, кораблями и грузами. Для Анаит я выбивал экспедиции в страны, входящие в Британский Союз.

— Ты стал функцией, — сказал я.

— Да, — признал дядя. — Я стал инструментом. Уникальным, точно настроенным, тонким инструментом. В то время я всерьез думал о самоубийстве, рассматривал разные варианты. Начал коллекционировать яды со всего мира. И однажды вдруг понял, что смерть — это слишком

просто. Что есть более сложный путь, в котором я могу пройти через момент настоящего счастья, прежде чем окажусь в той же точке — на грани собственной гибели.

Я кивнул. Мне все еще было непонятно, как это — хотеть своего «мужского» ребенка, как это — провести кучу операций, допустив врачей до самых сокровенных уголков тела.

Как это, в конце концов, — вынашивать ребенка в своем мужском организме, никак не приспособленном для этого, при этом принимая горстями препараты, чтобы удержаться между двумя безднами, в одной из которых умираешь ты, а во второй — твой ребенок.

Но это было прикосновение к чужой мечте. Чужой, чуждой, безумной и даже отвратительной в своей неестественной физиологичности… Самоубийственной мечте, которую дядя смог осуществить.

— Жогов никто не любит.

— В правильных условиях он не опасен, — мгновенно переключился дядя. — Ты знаешь сказку про трех королей?

— Название знакомое, — ответил я.

— Там три короля много веков правили все более жестоко, уничтожая свой народ, а когда

однажды народ восстал и захватил дворец, то на тронах сидели мумии, и оказалось, что все это время люди правили собой сами, никто, кроме них, не был виноват в чудовищных жертвах. Это мужская сказка, но самое интересное, что в Британском королевском музее я нашел исторический трактат, женский, в котором описывалась реальная история, ставшая прототипом этой сказки. Дело было в Валахии, на землях нынешней Румынии, полторы тысячи лет назад. В то время в Европе жогов не убивали сразу, их просто оскопляли в детстве, до полового созревания, чтобы они не выделяли феромоны, влияющие на окружающих.

Иногда — довольно редко — кто-то умудрялся сохранить ребенка в тайне, тот вырастал и имел все шансы насладиться своей короткой жизнью спокойно в кругу семьи. Но однажды в одном месте дотянули до полового созревания недалеко друг от друга сразу три жога примерно одного возраста.

Гормонально они так устроены, что чувствуют друг друга. Они собрались вместе, подчинили окружающих — мужчин и женщин — и захватили власть в королевстве. Узнав об этом, соседи пошли на них войной — и жоги захватили со-

седей.

Остальные страны огородились — был вырыт гигантский ров, его окружили стеной, которая до сих пор местами осталась; возможно, ты слышал — «Арианов вал». Тогда он был высотой до десяти метров, через каждые двести шагов — деревянные заставы с сигнальными кострами.

Все страны вокруг ждали нападения, тратили деньги и силы на этот ров, эту стену, на то, чтобы вырубить вокруг лес, поставить новые башни, снарядить новые тысячи бойцов.

Так продолжалось почти сто лет. Представляешь? Сто лет постоянного ожидания войны, когда вся экономика направлена на это. В конце концов Арьята Святая решила, что хватит бояться, и пошла войной на Трех Королей. Собрала гигантское войско, одно из самых больших в древней истории.

Но никаких жогов армия не обнаружила. Потому что жоги живут до тридцати лет. В идеальных условиях — до сорока. А еще им на самом деле не нужны никакие завоевания, жоги не любят войну, они не жестоки и вне нашей логики. Они просто хотели, чтобы их не трогали.

То есть реальный исторический факт: трое жогов объединились с целью самозащиты и

воздействовали вместе на враждебных селян. Осознав, что теперь им точно конец, посредством этих селян захватили власть, потом с помощью плененных солдат присоединили к себе напавшие на них соседние страны, а как только угроза миновала — отпустили всех, кого завоевали, и жили спокойно где-то в глуши.

А обычные люди, и мужчины, и женщины, вначале долго раздували призрак угрозы, а потом десятилетиями боялись придуманного страшилища.

— И никто не подумал о том, что жоги живут всего тридцать лет? — уточнил я. — За целый век?

— Думали, наверное. — Дядя пожал плечами. — Может, решили, что теперь там много жогов и они стараются воспроизвести себя. В летописях об этом нет ничего, но можешь мне поверить: когда люди решили бояться, они будут это делать с полной отдачей. Бояться можно в удовольствие, а вот иметь мужество и женственность — это тяжелая работа.

Мы заехали в магазин мужской одежды. Дядя долго совещался с продавцом, потом мерил, выбирая из десятка вариантов, в итоге заставил меня выложить полторы сотни за три комплекта

дорожных костюмов — компромиссных между комфортом и официозом.

Когда дядя вышел в одном из этих костюмов, в желтой сорочке в фиолетовую полоску и в серой фетровой шляпе, я увидел в этом изможденном мужчине того человека, которого знал много лет назад. Денди и щеголя, яркого, красивого дипломата.

Раздался телефонный звонок.

— ЯОсвободилаСьКогдаПриедешь? — на плохонькой общей выпалила в трубку Раннэ.

— Едем, — ответил я.

В дороге дядя еще раз уточнил:

— Ты доверяешь этой дикой?

— Пожалуй, больше, чем тебе, — ответил я.

— Она изнасиловала тебя, — заметил через некоторое время дядя. — Ты не можешь знать, что ее Блеск был случайным, а не запланированным.

— Она обычная программистка на фабрике.

Дядя молчал, тревожно глядя на дорогу, потом сказал:

— Позволь мне немного поговорить с ней.

— Только прошу, не испорть все, — ответил я. — Сейчас она готова нам помочь, хотя вовсе не обязана.

— И это тоже странно. — Дядя скептически

поджал губы.

На этот раз перед въездом в анклав выставили бетонные коробы, набитые мешками с песком, и пришлось змейкой обруливать их.

— Близится Буря, — сказал дядя. — Готовятся. Я все правильно рассчитал.

Офицер самообороны, пухлая невысокая женщина под пятьдесят, внимательно смотрела на то, как мы проезжаем, но даже не попросила у нас документы.

— Странно, — сказал я.

— Ничего странного, — ответил дядя. — Буря произойдет в любом случае, но, если в анклаве не окажется мужчин, она будет «холостой», как в женских тюрьмах, когда идет неполный выброс гормонов и следующая Буря может случиться уже через неделю. А чтобы устраивать Бури не чаще, чем раз в год, нужны мужчины. Сакральная жертва. Правда, по моим данным, вопрос решается несколько иначе, чем заманивание случайных гостей.

— И как же? — спросил я, но дядя не ответил.

Он смотрел на то, как команда из полутора десятков женщин разбирает рекламные тумбы. Я обратил внимание — с улиц исчезли тумбы и урны. Столбы электросетей сверкали свежей

гладкой эмалью на два метра вверх.

Внутри меня пробежала дрожь. Анклав действительно готовился к Буре.

Едва я запарковал машину, к ней подошла Раннэ, она попробовала открыть заднюю дверцу, не получилось, постучала мне в окно. Я разблокировал замок, и она села сзади.

— КоМнеНельзяУМеняДевчатаЧувствуютБурюМогутСорваться, — сказала она на торопливом общем языке. — ЯПослеБлескаМнеМожно.

— Один вопрос, — ускорил свою речь дядя. — Кто приказал тебе врезаться в Володю?

Я внутренне застонал. Святые предки, ну я же просил! Я хотел было уже начать объяснять, что у дяди была травма, что он сталкивался с Блеском в совсем других условиях, когда увидел в зеркале заднего вида, что Раннэ занервничала.

— Адра? Асура? Аланнэ? — Дядя Сема бомбардировал девушку именами.

— Нет! — возмутилась она. — ВыДумаетеЭтоВрагиАнаит? ЭтоСамаАнаит!

Я обомлел. Значит, все и правда было подстроено? Причем — моей матерью?

— ДайТелефон, — потребовала Раннэ. — Быстро!

Я после недолгого раздумья протянул ей гаджет.

Она достала шнурок, соединила наши аппараты и несколько минут что-то делала, даже не спросив у меня код разблокировки.

— Я же говорил, — сказал дядя на низкой речи. — Я знал.

— Тебе просто повезло, — ответил я и мысленно добавил: «старый параноик».

— ДержиКнопкуГромкостиВниз, — протянула мне телефон Раннэ.

Я так и сделал. Ничего не произошло. А потом она заговорила — на обычной высокой речи, за гранью моего восприятия, а телефон внезапно начал переводить, причем не как аппараты у офицеров самообороны, с механическим звуком, а мелодично, красивым голосом, хотя и не очень похожим на голос Раннэ. Сама она выдавала длинную тираду, потом замолкала, ожидая, пока справится переводчик, а потом продолжала:

— Технология распознавания и синтеза готова и работает давно, но, когда ее пытались внедрить на уровне государства, туда приехали культисты и устроили резню. Это произошло в Японии семнадцать лет назад, уже тогда был способ спокойно общаться между мужчинами и женщинами.

— Я слышал об этой истории, — подтвердил дядя.

— На уровне личного пользования это никто специально не отслеживает, — продолжила тем временем Раннэ. — Многие девушки в айти пользуются такими программами, чтобы слушать, что говорят парни. Так делать рискованно, за это могут оштрафовать и даже отправить в лупанарий, а в отдельных случаях и в тюрьму, но обычно смотрят сквозь пальцы. Я рассчитываю, что вы никому не скажете.

— Промолчим, если ты… — начал дядя, но я перебил:

— Точно не скажем.

Раннэ улыбнулась мне, и я вдруг понял: она очень красива. Если бы кто-то еще неделю назад сообщил мне, что я смогу дать такую характеристику девушке из низшего класса, я бы только рассмеялся в ответ, они же все одинаковые. Низенькие, полноватые, глупые. Но сейчас я смотрел на нее — и понимал, что она мне нравится. По-настоящему. И от этого мне становилось страшно, потому что происходящее сейчас со мной показывало, что либо вся моя прошлая жизнь была ложью, либо я сейчас двигался куда-то не туда.

— У нас был большой стартап, мы делали программу для тестирования и удаленной работы. Ранее в Швейцарии провели тест и выяснили, что

мужчины и женщины в отдельных дисциплинах работают лучше и быстрее, то есть у кого-то лучше получается аналитика, у кого-то тестирование. Одни языки программирования лучше для мужчин, другие для женщин. Наша программа позволяла провести целую группу тестов и сформировать команду под определенную задачу. Мы протестировали семьсот человек, пятьсот девушек и двести парней, и сформировали три команды по двадцать человек. Эти команды работали удаленно, через нашу программу, не зная, кто с другого конца — мужчины или женщины.

— Опасный эксперимент, — медленно сказал дядя.

— Наши команды добивались результата в четыре раза быстрее, чем отдельно женские или мужские, и в шесть раз быстрее, чем смешанные, в которых мужчины должны общаться с женщинами по работе.

— Что пошло не так? — спросил я.

— Нас закрыли без объяснения причин, — сказала Раннэ. — А долги разделили на всех. Это очень большие деньги. Мы два года работали в долг. Офис, техника, зарплаты. Если работать на фабрике три жизни, я смогу отдать половину.

— И в этот момент к тебе пришла Анаит, — ска-

зал дядя.

— Нет, она пришла через три месяца после провала, когда уже стало ясно, что жизнь кончена. А еще — когда мне все уже высказали, так как все началось с моей идеи.

И тут меня осенило. Ну конечно, элемент контроля. Группа программистов из низшего класса создает инструмент, который может работать вне государств, объединяя мужчин и женщин, позволяя им выпускать программы, которые могут быть чем угодно. Игры, мультфильмы, обучающие курсы, банковские продукты. Дешевые и качественные, в большом количестве — и безо всякого контроля.

Даже если забрать себе то, что сделано, вскоре все узнают, что так можно, — и появятся аналоги вне государств.

— Вас не обвиняли в терроризме? — уточнил я.

— Анаит, когда пришла ко мне, сказала, что нас могли обвинить в терроризме, но не объяснила, — сказала Раннэ. — Но за что? Это всего лишь код!

— Это не код, — проворчал дядя. — Это изменение принципов сотрудничества между мужчинами и женщинами. Выход низшего класса из собственных рамок. Сейчас, чтобы начать

хорошо зарабатывать, ты должна выйти замуж, родить нескольких детей, быть в системе. Ваша программа позволяет хорошо зарабатывать незамужним и неженатым, бездетным специалистам. Вы снимаете крючки и ограничители, которые наши предки развешивали веками. И я уже вижу, что вы прорветесь. Не сегодня, может быть, не завтра. Но прорветесь, и система сломается.

— И человечество вымрет? — уточнил я.

— У природы в рукавах много тузов, — ответил дядя. — Как-нибудь вывернется. Когда женские племена встретились с мужскими и появился новый вид — наши предки, мужские и женские шаманы наверняка в ужасе заламывали руки и кричали, что человечество деградирует и вымирает.

— Вы сейчас говорите какой-то бред, — сказала Раннэ. — Мы всего лишь сделали программу. Причем она настолько на поверхности, что мы ночами работали, опасаясь, что кто-то нас опередит.

— Анаит спасла вас, — сказал уверенно дядя. — В мире полно фанатиков, разных культов и сект. Можешь мне поверить, со многими из них я сталкивался, когда обитал в Индии, Бейруте, Лонде и Аргентине. С некоторыми даже жил под одной

крышей. Ваша программа условно доказывает, что мужчины и женщины равны и могут общаться друг с другом, не зная, кто с другой стороны. Это ломает много несущих стен. Я знаю людей, и мужчин, и женщин, и тех, кто не является в полной мере ни теми, ни другими, которые убили бы вас за одну мысль о такой программе.

Некоторое время мы все молчали, потом я сказал:

— Моя мать пришла к тебе с предложением, так?

— Да. — Раннэ бледно улыбнулась. — Она сказала, что я талантливая девочка и было бы жаль, если бы я потратила жизнь на выплату долгов. Она боялась, что ты — хейс…

— Кто? — удивился я.

— Женское жаргонное название мужчины, предпочитающего мужчин, — ответил дядя. — И с чего она так решила? Володя женат, у него трое детей.

— Анаит сказала, что в его роду был кто-то такой. Скоро выборы, она хотела знать это наверняка. А это точно определяется только во время Блеска. Я не хотела в этом участвовать, честно, это оскорбительно и неправильно, так нельзя, я понимаю.

— Она не могла, — сказал я тихо.

— Как мать — не могла, как политик — легко, — ответил дядя. — Чем ближе выборы, тем меньше в ней матери. Что дальше?

— Нас было трое, — тихо сказала Раннэ. — Три маршрута, по которым мог поехать Володя. Бамперы с усилителем, так чтобы разбить его машину, но при этом не разбить свою. Уговорить его, чтобы он не звонил в милицию и сел за руль, а вечером забрал ту из нас, кто в него врежется. Не иметь секса больше месяца перед этим. Вечером перед встречей выпить гормональное, чтобы точно начался Блеск.

— Это изнасилование! — рявкнул дядя.

— Да что ты заладил! — заорал я на него. — Это было волшебно! Лучший секс в моей жизни!

— Врешь! Себе врешь! — Дядя уже кричал в полный голос. — У тебя травма!

— Правда? — спросила сзади Раннэ.

— Что правда? — внезапно успокоился дядя.

— Что лучший… В жизни? — Раннэ поджала губы, ее глаза блестели.

— Правда, — нехотя ответил я.

Она широко улыбнулась, затем неожиданно для меня перегнулась через спинку сиденья и чмокнула меня в щеку.

— У меня тоже был лучший! — сказала она. — Ну, правда, это было первый раз по-настоящему. Потому что до этого было только два раза в лупанарии, с обдолбанными преступниками, фу, гадость.

Меня от одной мысли передернуло. Когда человек совершает преступление, его сажают в тюрьму. При этом он может скостить срок, отбывая его в лупанарии. Тогда человека моют, лечат и продают. Мужчин — женщинам, женщин — мужчинам. При этом есть тяжкие преступления, при которых скостить срок переходом в лупанарий нельзя, и бывают болезни или травмы, при которых это противопоказано.

В лупанариях хорошо кормят, есть возможности для отдыха и развлечений, даже вроде бы что-то платят. Если ты не хочешь чувствовать, что с тобой делают, — можешь принимать легкие наркотики.

Большинство людей из низшего класса, которые нарушают закон, выбирая между тремя годами в тюрьме или годом в лупанарии, выбирают второе не раздумывая.

Высший класс — пятьдесят на пятьдесят.

— Если «фу», то зачем два раза? — уточнил тем временем дядя.

— Первый раз, потому что стала совершеннолетней, и вроде как надо, и государство дает бесплатный билет, — сказала спокойно Раннэ. — Но тогда я знала, что будет неприкольно, все знают, но почти все пробуют. Ну, считается, что надо. А второй раз отмечали первые результаты нашей программы. Напились вина. И Татка, она у нас самая старшая, сказала, типа, а пошли, я угощаю, и все такие — а пошли, пошли… И так весело до этого было, что казалось — хорошо будет, вот обязательно! А оно оказалось гадостью. Лежишь, смотришь в потолок и думаешь, когда оно все кончится. А этот, сверху, дергается, как кусок мяса на железном заборе с пропущенным током, и тоже, наверное, думает, когда же все это кончится.

— И так всегда, — прошептал дядя.

— Нет! — дружно крикнули мы с Раннэ.

— Вы — жертвы психологических травм, — уверенно сказал дядя. — Но не буду настаивать, жизнь — лучший учитель. Раннэ, ты нашла квартиру?

— Да, — кивнула она с готовностью. — Только не совсем квартиру. Это наш старый офис. Там есть пара диванов, душ, туалет. У нас там оплачена долгосрочная аренда, еще полтора ме-

сяца. Хозяйка отказалась возвращать деньги. Мы сейчас там по пятницам собираемся, немножко выпиваем, едим пиццу, вспоминаем старые добрые времена.

— Сейчас среда, — произнес дядя. — У нас два дня?

— На днях начнется Буря, — ответила Раннэ. — Мы не будем собираться. И я девкам скажу, что сдала офис на неделю.

— Далеко от стены?

— По прямой — километр. Но около стены или общежития, или административные здания, вы там ничего не найдете.

Дядя протянул руку, через некоторое время девушка поняла и вложила ему ключи — карту-проходку и пару металлических.

— Адрес? — уточнил дядя.

— Семнадцатая линия, дом шесть, офис один А, — сказала Раннэ. — У него свой вход, рядом с подстанцией, она гудит, вы услышите.

— Володя, дай ей пятьсот рублей.

— Не надо денег, — возмутилась Раннэ.

— Мне так будет спокойнее. — Он говорил с нарастающим раздражением, я почувствовал, что если прямо сейчас не улажу этот вопрос, то в ближайшее время он учинит скандал.

Я на ощупь вынул из пачки пятисотенную купюру и протянул ее Раннэ. Она выглядела совершенно несчастной, когда брала деньги, и в последний момент я перехватил ее руку, крепко сжал и подмигнул.

Она неуверенно улыбнулась, я улыбнулся в ответ — между нами словно проскочил разряд, и я понял, что, если бы здесь не было дяди, дело бы закончилось сексом.

— Мы сами доберемся, — сказал дядя.

Раннэ неохотно высвободила свою руку из моей, вышла из машины, с первого раза не захлопнула дверь, со второго хлопнула слишком сильно.

Я опустил окно и крикнул ей вслед:

— Увидимся!

Она обернулась и выпалила какую-то длинную фразу на высокой речи. Видимо, микрофон телефона на таком расстоянии уже не ловил, потому что перевода не последовало.

На город опускались сумерки.

— Твоя мать — стерва, — сказал дядя, когда мы вырулили с парковки; я одной рукой рулил, второй выставлял на навигаторе адрес.

— Бздргщ! — заорала нам вслед пьяная тетка лет сорока на высокой речи, когда мы проезжали

мимо.

— Дешевый район, — поморщился дядя. — Сплошное быдло.

— Не желаю этого слышать, — ответил я. — Сплошной негатив.

Он некоторое время молчал, потом легонько похлопал меня по руке на руле.

— Извини, племяш. Я устал, мне страшно. Я скоро умру и боюсь, что не смогу спасти своего сына от такой же участи.

— Что-нибудь придумаем, — ответил я, хотя уверенности в этом не было совершенно.

— Они найдут нас, — выдал почти сразу дядя. — Те, кто ведет игру против твоей матери. И она, не размышляя, убьет меня и сына. Чтобы мы не навредили ей.

— Ну тогда не едем в офис Раннэ, — сказал я. — Разворачиваемся?

— Нет, — ответил он. — До Бури мы в безопасности. До Бури нас никто не тронет.

Через пару минут я припарковался за подстанцией, где моя машина — очень выделяющаяся в анклаве — была не видна ни от офисов, ни с дороги.

Дверь действительно была там, где гудело больше всего.

В предбаннике офиса с одной стороны стояло несколько стопок коробок от пиццы, с другой — батарея пустых бутылок из-под недорогого вина. В воздухе еле пахло застарелым потом, хотя, возможно, мне лишь казалось.

— Бардак, ужас какой, — заворчал дядя.

Я открыл нараспашку окно, впуская прохладный вечерний воздух и надсадный звук подстанции. Затем сходил за ведром с тряпкой, нашел упаковку плотных мусорных пакетов и принялся за уборку.

И практически сразу провалился в транс. Очнулся физически уставшим, но морально отдохнувшим. Офис был вычищен, дядя уже спал в одной из двух переговорок, укрывшись старым вытертым пледом.

Я вынес шесть пакетов с мусором, затем сел в машину, набил трубку и закурил — второй раз за день, а ведь раньше обходился разом в неделю…

После того как покурил, завел машину и поехал в больницу. Из анклава меня выпустили без вопросов, но смотрели пристально.

В больнице я легко нашел Гошу Володиевича, он в ординаторской на общей речи распекал пару девушек — видимо, ординаторов. Суть я не уловил, потому что едва я открыл дверь, как он

замолчал.

— А, помню тебя, — указал он на меня пальцем. — У тебя здесь жена, Айранэ, лежала.

— Лежала? — уточнил я, холодея.

— Она стабильная, приезжала ваша бабка, ну, такая, прямая и громкая, выматерила тут нас всех, и тебя, и твою мать, и увезла Айранэ.

— Баба Агни, — опознал я по описанию. — Хранительница очага в клане, с женской стороны.

— Сколько у вас народа в семье? — уточнил Гоша Володиевич.

— Около семидесяти человек, — ответил я. — Чуть больше половины женщины, чуть меньше — мужчины.

— И за сколько лет так разрослись?

— За двести, — ответил я. — Только мы не разрослись. Мы откололись. Несколько семей в клане торжковских князей поддержали революцию. Клан нас проклял, потом гражданская война, наша сторона победила, переехали сюда. Моя прапрабабка была президентом дистрикта. Дед тоже должен был стать, но его зарезали накануне выборов. Министров, начальников департаментов и тому подобного в каждом поколении полно.

— Белая кость, — легко признал Гоша Володие-

вич. — Мне сложнее, я в нашем клане первый. А там уж, лет через двести, пусть устраивают революции, откалываются, занимают министерские посты. Мое дело — начать.

И он подмигнул мне.

А я — ему.

Мы пожали друг другу руки, и через сорок минут я уже въезжал в анклав.

— Зачастил, — сказала на общей офицер самообороны.

— Понравилось мне у вас, — ответил я.

— Да, скоро будет весело.

По тону, мрачновато-предупреждающему, я понял, что она имеет в виду Бурю.

Еще через двадцать минут я сполоснул лицо и устроился на диванчике во второй переговорке.

Лег, не раздеваясь, и несколько минут не мог понять, что мне мешает, пока не осознал: впервые за много лет я ложусь спать в «уличном», последний раз я такое себе позволял в княжеском колледже после большой пьянки.

Но усталость взяла свое, и вскоре я спал.

Самое странное пробуждение в моей жизни — я проснулся от того, что гладили мою руку. Сознание включилось не сразу, некоторое время бесновалось мое подсознание, которое внезапно придумало жуткую историю.

О том, как я прошел цикл операций и гормональной терапии и с помощью искусственного оплодотворения забеременел. При этом выжил, а затем родил, и вот сейчас мой ребенок, почему-то девочка, — хотя, конечно же, мужчины даже в теории могут родить исключительно жогов, которые скорее мальчики, чем девочки, а на самом деле нечто совсем иное, — робко и ласково гладил меня по руке.

И я, с одной стороны, понимал, что получил то, что искал, — истинную, настоящую любовь без всяких оговорок, а с другой — осознавал, что этим шагом предал все то, чем жил до сих пор, и шагнул в пропасть ради вот этих мгновений полета.

Причем во сне я испытывал непередаваемую нежность к дочери, а звали ее Азура, и, находясь на грани между сном и пробуждением, я сказал:

— Я люблю тебя, Азура.

И тут же получил пощечину, а над ухом защебетала Раннэ, а мой телефон произнес:

— Кто такая Азура?

К этому времени я кое-как проснулся, еще не полностью, но сон стремительно ускользал.

— Какая Азура? — уточнил я.

— Ты сказал, что любишь ее!

Раннэ, не ожидая ответа, схватила свой телефон и с поразительной скоростью, едва отрывая палец, начала что-то печатать.

— Это был сон, — сказал я. — Мне приснилось, что я родил ребенка. Девочку. Ее звали Азура.

— Бред. Бред-бред-бред-бред! — отозвался телефон на неразборчивую речь Раннэ. — Но все сходится. Единственная Азура на весь Славянский Союз — старая кляча в древлянском княжестве, ей уже лет сорок, а то и больше!

— Ты ударила меня… Из ревности?

Постепенно просыпаясь, я вдруг осознал: Раннэ здесь быть не должно. Да, это ее офис, и у нее наверняка есть второй комплект ключей, но что она здесь делает?

А еще — ревность! Это чувство, которого я как представитель высшего класса практически не знал и не испытывал, чаще всего встречалось мне в литературе и фильмах для низших, которые я изредка смотрел, чтобы скоротать скучный вечер.

Прямо об этом не говорилось, но подразумева-

лось: почти все низшие собирались в однополые компании, и многие в молодости проходили через этап самопознания, когда был один — а то и несколько, последовательно — «самый лучший друг».

В среде высших об этом, конечно же, говорили с презрением и обязательно показывали: мы не такие, мы не животные, мы — за разнополые связи. Нормальный секс возможен только между мужчиной и женщиной, потому что только он может привести к зачатию и именно на нем стоит цивилизация.

Но пропасть между мужчинами и женщинами не позволяла нам стать по-настоящему близкими. То есть были, конечно, легенды и байки — про Тиму и Авениру или про Васю и Арентию, о том, как они смогли перейти какой-то невидимый рубеж близости и стали чем-то большим, чем просто муж и жена, но это воспринималось скорее как пропаганда, как сказка, чем как настоящая история про людей, живущих рядом с нами.

И потому я так сильно удивился.

— Нет! Нет, конечно, как ты мог подумать! — возмутилась Раннэ. — Ты же не близкий друг. Ты же мужчина! Ох нет…

На некоторое время она замолкла, потом при-

коснулась сухой горячей ладонью к моей щеке, провела медленно вниз, к ключице, под рубаху и там до боли сжала мою грудь, не переставая глядеть мне в глаза.

— Я не понимаю, как я могу что-то к тебе испытывать, — сказала она, продолжив медленно гладить меня. При этом движения ее руки меня будоражили. — Ты ведь не женщина. Мужчины — для продолжения рода. Чистая физиология.

— Для высшего класса это единственный путь, — ответил я. — И мы считаем, что секс со своим полом — это физиология. Атавистические инстинкты, животное начало. *Грязная* физиология.

Пока я говорил, Раннэ медленно, словно ее притягивало, а она уже не могла сопротивляться, склонялась надо мной и, едва я закончил речь, поцеловала меня.

Ее губы были сухими и горячими, при этом одновременно мягкими и сильными, ее язык словно искал ответы — и я попытался дать их ему.

— У меня никогда не было своего мужчины, — сказала она на вдохе, оторвавшись от меня на мгновение.

И я вспомнил бабушку Арташи и ее любовника — Саню. Пожалуй, они единственные из всех

окружающих меня действительно были вместе, то есть у нее был он, а у него — она. Все остальные жили на своих половинах и просто встречались время от времени, когда того требовали супружеский час или семейные дела.

Но сейчас все было иначе. Я точно знал, что в данный момент Раннэ со мной не потому, что так правильно. Не из-за супружеского часа, не из-за гормональной бури, которую надо как-то пережить. Не потому, что господин президент оплатил сорок баннеров на тему «Спите с противоположным полом, спасите цивилизацию».

Я был ей интересен, и она не понимала этого в себе, но и не могла с этим бороться.

Момент, когда мы скинули одежду, не отложился в памяти. Вот только что мы целовались, довольно целомудренно гладя друг друга, а в следующий момент я прижимаю ее предплечья к кожаному офисному дивану, а сам медленно вхожу в нее, глядя на то, как ее лицо искажается очаровательной гримаской предвкушения.

— Не так! — шепнула она через мгновение.

Где-то на краю сознания мелькнула мысль, как это дико — слышать и не понимать сказанного ею, но через мгновение получить перевод, благодаря телефону, когда уже интуитивно знаешь,

чего именно она хотела.

Мы перевернулись, и теперь Раннэ была сверху. И она совсем не торопилась насадиться на меня полностью — ее скорее интересовали собственные ощущения. Она словно играла со мной, но я чувствовал — для нее это момент самопознания, секс, который меньше, чем секс, — и одновременно гораздо больше.

Пару минут она экспериментировала с положением, с глубиной, при этом опираясь на мои плечи, а затем — довольно болезненно — на грудь. Это она почувствовала почти сразу и перенесла вес на чресла, насаживаясь полностью и вызывая у меня короткий стон наслаждения.

— Тебе тоже нравится? — спросила она, разрушая отчасти магию.

— Безумно, — ответил я. И дальше честно признался: — Борюсь с желанием перевернуть тебя лицом вниз и взять самый высокий темп, какой смогу.

— Подожди немного… Еще немного…

Она раскачивалась на мне, закусив губу, то прикрывая глаза, то распахивая их как можно шире и внимательно глядя на мое лицо.

Во мне боролись две половины — одна переполнялась нежностью и хотела гладить, не

меняя темпа и положения, а вторая требовала немедленно, жестко, возможно, даже грубо перевернуть ее и показать, кто же ведет в этом танце.

Я гладил — но был все время на грани, словно внутри меня сидел дикий зверь, а цепь, которой он прикован к клетке, все время истончается.

— Сейчас! — простонала Раннэ, и я понял ее до того, как телефон перевел.

Цепь лопнула, животное вырвалось, заполняя меня, и дальше были только ярость, страсть и ощущение того, что все так, как должно быть.

Потом мы лежали рядом, а я понимал, что диван на двоих, конечно же, не рассчитан. Нам приходилось плотно прижиматься друг к другу. При этом я пытался гладить ее по предплечью, а она меня — по щеке.

— Почему ты молчишь? — спросила она.

Что я мог ответить? Что я всегда молчу после секса, потому что обычно занимаюсь этим только с женой, а значит, могу говорить с ней только на общей речи, сил на которую обычно уже не остается?

Что после секса говорить уже не о чем — все выполнили свой долг, и остается только надеяться, что на этот раз жена понесет и мы все будем рады, вся семья, весь клан, а для нас с женой это будет

еще и ступенькой вверх по карьерной лестнице?

Что большая часть моих разговоров с женщинами — это оправдания перед старшими родственницами после каких-то мелких прегрешений или короткие разговоры с постовыми из самообороны на блокпостах вокруг анклавов?

— Мне понравилось, — сказал я через некоторое время.

— И все? — Раннэ тут же перевернулась и села мне на живот, упершись коленями с двух сторон. — «Понравилось»?

Я понимал, что, видимо, должен сказать что-то еще. Конечно, это был потрясающий секс. То, что произошло под Блеском, было гораздо ярче, но не так глубоко: тогда я себя не контролировал, и в какой-то мере мною просто воспользовались, а сейчас все произошло по обоюдному согласию.

И это было действительно сильно. Не вымороченный супружеский час, не статусный секс после спора с какой-нибудь сухой воблой на работе — у меня такого не было, но несколько раз я был близок к подобному и прекрасно понимал, что не застрахован от этого.

И — да, мне понравилось. Объяснять — насколько, как ярко, как это меняет мой мир, переворачивая самую его основу? Кому — женщине?

Как перенести в ее голову то, что происходит в моей? Никак.

И потому я ответил:

— Очень понравилось.

А она склонилась надо мной, словно для поцелуя, но вместо этого больно, до крови укусила меня за губу, а потом встала и накинула на себя мою сорочку.

— Это был волшебный полет осознания, — сказала она, глядя в окно. — Я поняла, о чем говорят все эти дебильные чиновники, о чем пишут в учебниках старые сморщенные уродины и о чем шепчутся толстеющие тетки в очереди в собес. Они говорят о том, что им недоступно, о том, о чем они догадываются, но никогда не узнают. Они пытаются впихнуть свои глупые представления и тупые случки с нелюбимыми мужчинами в наши головы, и мы позволяем им.

Но сегодня я поняла, что они понятия не имеют о том, о чем вещают. Потому что пару дней назад я поймала намек, что в этом мире есть чудеса, и пришла сегодня проверить. И знаешь, магия есть. Она внутри нас. И ты — мой ключ к этому волшебному миру, и, если ты попытаешься сломать это, я найду тебя в любом месте и убью. Или не убью. Или не найду. Мне пока еще сложно все

уложить.

И кстати, да. Мне тоже понравилось.

Раннэ подошла ко мне, наклонилась и клюнула меня в губы. В последний момент я взял себя в руки и не отстранился, хотя прокушенная губа еще болела. Это был не укус и не поцелуй: по ощущению, она словно метила меня, как животные метят территорию. Ритуальное движение.

Она вышла — видимо, направилась в душ, — а мимо нее в переговорку зашел дядя, не обращая на нее внимания.

— Мы опаздываем, — сказал он, сморщив недовольно губы.

— Ко скольки нам? — уточнил я.

— В одиннадцать сядет самолет.

Я взглянул на телефон — девять двадцать. Дороги здесь минут сорок. После того как борт приземлится, багаж сразу не выдадут, то есть в лучшем случае в одиннадцать тридцать перевозчик соизволит взглянуть на наши квитанции и проверит, занесли ли посылку с моим двоюродным братцем-жогом в накладные аэропорта.

То есть времени у нас было навалом, и мы никуда не опаздывали. Я внимательно посмотрел на дядю и обнаружил, что он нервничает.

— Тебе не нравится Раннэ? — уточнил я.

— Это неестественно, — сказал он. — Она не может мне нравиться или не нравиться. Наша цивилизация держится на том, что мужчины спят с женщинами и от этого рождаются дети, но мы слишком разные для того, чтобы нам это «нравилось»!

— Раннэ мне нравится, — сказал я. — Очень.

— Да, я слышал, — нервно ответил дядя. — Весь

квартал, я думаю, слышал. Твой отец… Я никогда не понимал его, но, полагаю, ему тоже это… Нравилось.

— Мы можем разговаривать через ее программу. Понимать друг друга.

— Чушь! — Лицо дяди перекосилось. — Разговаривать — да! Понимать — нет! Женщина может понять женщину, мужчина — мужчину. Это — естественно! Ни одна программа в мире не сможет сломать разницу в скорости, в восприятии, в осознании себя и своего места в мире!

— Не помешаю? — Слов Раннэ я не услышал, только перевод из телефона. — Вы тут так орете.

Она подошла к нам, спокойно скинула мою сорочку и начала не торопясь одеваться в свое. Ее тело было более округлым, чем у Айранэ, при этом Раннэ, конечно же, была ниже ее — лишь чуть выше меня.

И ее тело, эти округлые изгибы, эти формы — это все волновало меня, будило что-то внутри. Я взглянул на дядю — он тоже смотрел на Раннэ, но в его взгляде не было ни желания, ни восхищения. Скорее неприятие, отчуждение.

— Ты говорил, что прошел гормональную терапию, — сказал я тихо. — Ты понимаешь, насколько она тебя изменила?

— Никто этого не понимает, — также тихо ответил дядя. — Но я — совершенно точно не тот человек, которым был до операций.

— Ты не человек, — ткнула в него пальцем Раннэ. — Не мужчина, не женщина. Я не чувствую тебя. Вообще никак.

На некоторое время мы все замолчали. Раннэ повернулась ко мне спиной, и я не сразу понял, что надо застегнуть молнию на комбинезоне. Я не помнил, чтобы расстегивал ее перед тем, как мы оказались друг в друге, но этот момент я мог просто проскочить, не заметив.

— Тебе пора, — сказал дядя Раннэ. — И нам тоже.

— Увидимся, — ответила Раннэ мне, подошла вплотную, крепко обняла и поцеловала, впихнув свой язык в мой рот. В этом было больше насилия, чем чувственности, но, к собственному удивлению, я понял, что это тоже может меня возбуждать.

— Хофская дрянь, — сказал дядя, когда за Раннэ захлопнулась дверь. — У нас будут с ней проблемы.

— Не будет, — ответил я.

Но при этом чувствовал — будут, и еще какие. В первую очередь из-за того, что я не хотел возвра-

щаться домой. Меня не прельщал обязательный супружеский час. Я не хотел держать худое, словно высушенное тело жены, укутанное в рубашку для выполнения долга, как мертвец в саван.

Меня передернуло от неожиданных ассоциаций. При этом я понимал: она ведь не виновата. Я месяц за месяцем, год за годом входил в нее, получая пусть не слишком яркое, но удовольствие — и выполняя свой долг перед собой, перед ней, перед семьей и перед страной.

Айранэ не виновата в том, что моя мать подложила под меня Раннэ и у нас внезапно вспыхнула страсть, достойная гомосексуальных эпосов прошлого.

— У меня есть долг, — сказал я.

— Главное, чтобы долги не стали единственным, из чего ты состоишь, — парировал дядя.

Я быстро сполоснулся, побрился — в душе оказался набор женских станков, и я воспользовался одним из них, поменяв лезвие на новое. Женский станок брил чуть хуже, зато не оставлял порезов.

Дядя нетерпеливо постучал себя по запястью. Часов у него не было, но жест считывался.

— Успеваем, — ответил я. — Еще ждать будем в аэропорту.

На выезде из анклава уже стояли большие

противотанковые ежи, обтянутые колючей проволокой. Издалека показалось, что всё, выехать не получится, но вблизи стало ясно, что проезд есть — но только если очень аккуратно, с риском в любой момент оцарапать машину.

Офицер самообороны смотрела на нас всё время, пока мы медленно пробирались между ежей.

— Она на грани Блеска, — сказал дядя.

— Как ты это определяешь? — уточнил я.

Сам я тоже мог это понять, но только если был бы рядом с ней — и больше по своей реакции на ее феромоны, чем по ее внешнему виду.

— Глаза, цвет лица, движения, — ответил дядя. — Перед Блеском они становятся плавными, зрачки расширяются, мигают реже. Но по большому счету опасности нет, Буря почти всегда начинается вечером или ночью, и, если не провоцировать Блеск специально, они будут держаться до общего взрыва.

— А что их может спровоцировать? — уточнил я.

Дядя некоторое время молчал, а потом сказал:

— Это непростой вопрос… По большому счету — что угодно. Особенно присутствие мужчины рядом. В общем, если остановят, окно полностью не открывай.

До аэропорта добрались даже быстрее, чем я думал, — за полчаса. Немного потолкались на съезде со скоростной трассы, причем я заметил, что женских машин почти нет, а стационарный пост самообороны стоит вообще пустой, хотя возле аэропорта в нем почти всегда есть несколько офицеров, сейчас же не было даже самооборонов-ских мотоциклов на стоянке за постом.

— Сегодня, Буря будет сегодня. — Дядя тоже отметил опустевший пост. — Поторопись.

Я запарковался на мужской стоянке, в самом дальнем, пустом конце — по просьбе дяди, — и направился к мужскому входу, но дядя взял меня за руку и потащил к женскому.

Двери были открыты, но внутри — ни души, только вялая уборщица с оранжевым бейджиком протирала стойки с терминалами, а на табло значилось: «Все рейсы из Твери на сегодня и завтра отменены. Входящие рейсы регистрируются по упрощенной процедуре».

— Нам туда. — Дядя потащил меня к служебному входу, а затем по лабиринту коридоров, в которых мы пару раз натыкались на удивленных женщин, пытавшихся отыскать глазами наши бейджи и поражавшихся еще сильнее, не находя их.

— Это вообще законно? — спросил я, когда мы вышли на грузовую площадку.

— Законность любого поступка оценивается по нескольким шкалам, которые меняются в зависимости от потребностей и приобретаемых навыков, — ответил дядя. — Если тебе очень нужно и ты знаешь, как обойти закон без наказания, то, скорее всего, ты не считаешь свои действия незаконными. А если при этом понимаешь, что именно тебе грозит в случае неудачи, и готов заплатить — если поймают, — то становишься практически неуязвим, обходя все крючки.

Здесь, на грузовой площадке, дядя преобразился. Он выпрямился, став словно выше, и теперь шел уверенной, пружинящей походкой. Я старался не отставать.

Люди перед ним расступались, погрузчик вильнул, чтобы объехать, — в то время как дядя шел вперед, даже не думая освобождать дорогу технике.

Полагаю, местные, видя высшего в хорошем костюме, считали, что он тут по праву и его дело слишком важное, чтобы пытаться вмешиваться.

— Вон тот, — сказал дядя, высмотрев небольшой самолет чуть в стороне. — Еще разгружают, мы успели.

Когда мы подошли, дядя достал из кармана бумажку с нацарапанным на ней номером.

— Мне нужен этот груз, — сказал он.

Пара грузчиков смотрели на дядю, не понимая, кто он такой и что здесь делает. Из самолета на трап вылез их старший, который быстро сообразил, что происходит что-то необычное, и забубнил в рацию.

— Это по плану? — тихо спросил я.

— Нет, но пока не страшно, — ответил дядя и хищно улыбнулся. Таким ярким, таким целеустремленным я его не видел никогда. — Дай телефон.

— А почему мы просто не получили груз в терминале? — уточнил я.

— Потому что этот груз не должен пройти рентген, — ответил дядя. — Вот это было бы совсем не по плану.

Тем временем вдалеке показался маленький электрокар бело-синей расцветки, внутри сидели двое милиционеров-транспортников — сержант и старший лейтенант. Едва машина остановилась около нас, старлей выскочил и направился к дяде.

— Дипломатическая служба, как я понимаю? Документов, как всегда, нет?

— Документов нет, но я могу сделать звонок генералу Волкову, и он поручится за меня, — ответил дядя. — Вы его голос, если что, узнаете?

— Голос сейчас отлично подделывают. — Старлей почесал нос. — Я сам наберу дежурного, попрошу связать с генералом. Как вас представить, чтобы он не послал нас всех к предкам?

Дядя протянул мне обратно телефон, на мгновение задумался и выдал:

— Передайте, что это его жогов мертвый племянник.

— Я не могу просить дежурного материться при генерале. — Старлей развел руками. — Есть другие варианты?

Дядя Сема свел руки в замок, сильно сжал пару раз, а затем произнес:

— Пусть дежурный скажет: «Это ваш мертвый племянник», а когда генерал уточнит — а он уточнит, я его знаю: «Какой еще жогов мертвый племянник?» — дежурный должен будет подтвердить, что именно такой, произносить «жогов» не придется.

Теперь задумался старлей. К чести его — ненадолго, и уже через пару мгновений он, отвернувшись от нас, что-то бубнил в телефон.

Прошло не меньше пяти минут, прежде чем

он обернулся к нам и передал мобильник дяде. Лицо старлея выражало удивление, видимо, он ожидал, что генерал в итоге обматерит всех или просто откажется говорить, но случилось чудо, и Митяй Волков захотел поговорить с этим странным высшим с повадками дипломата.

— Дядя, давно не слышались… — вкрадчиво начал дядя Сема, отвернувшись от старлея так, чтобы я слышал разговор, а милиционер — нет. — Не согласен… Нет… Володя тоже здесь. Нет, я не шантажирую тебя им! Нет, он не заложник! Ну ты же умный… Давай я не буду говорить… Самое страшное. Еще страшнее. Да, страшнее атомной бомбы. Просто подумай. Бинго, дядя! Ты же не хочешь, чтобы твоих племянника и внука задержали за попыткой ввезти в дистрикт жога? При чем здесь твоя карьера? Вопрос в Анаит. Да, конечно, я в курсе… После такого ее шансы… Ну не ори, дядя, не надо! Ты же умный мужик! Разыграешь все как надо… Да, я буду сопротивляться… Да, я труп, я в курсе…

Некоторое время дядя молчал, потом передал трубку старлею. Тот некоторое время слушал генерала, при этом смотря на нас, и постепенно глаза его расширялись. Потом он сказал:

— Есть! — и некоторое время смотрел на свой

телефон как на ядовитую змею, а потом обернулся почему-то ко мне и уточнил: — Какие дальнейшие распоряжения?

— Что? — удивился я.

— Я поступаю в ваше распоряжение, — недовольно отозвался старлей. — И если вы скажете, что я должен пристрелить этого человека, я его пристрелю.

При этом милиционер кивнул на дядю Сему.

— Нам нужен вот этот контейнер. — Дядя протянул милиционеру листок, но тот его не принял; тогда я взял бумажку и сам передал старлею.

Через пять минут мы взгромоздили контейнер, больше похожий на гроб, в небольшой милицейский электрокар и втроем — места для сержанта не осталось — поехали к выходу из аэропорта. В дороге старлей что-то бубнил в рацию, при этом довольно опасно ведя автомобиль. На пропускном пункте нас ждал распахнутый шлагбаум, и уже через пару минут мы оказались около моего «драгона».

Мы сгрузили контейнер — весом под центнер, не меньше — на бетонное покрытие. Сержант козырнул мне и отъехал метров на двести, где встал, вышел из машины и продолжил общаться по рации, не сводя с нас глаз.

Дядя хмыкнул, ощупал контейнер, что-то с силой нажал с обеих сторон, и крышка отъехала. При этом внутри что-то горело, достаточно ярко для того, чтобы я видел лучи даже при солнечном свете.

— Это твой брат, Володя.

В гробу, озаряемом пущенной по периметру светодиодной лентой, лежал странный, уродливый мальчишка в синем комбинезоне. В его запястья хищно впивались отростки капельниц, а в рот входила черная трубка.

Лицо брата было похоже на залежавшуюся картошку — морщинистое, бугристое, с лунками маленьких, запавших закрытых глаз. Руки выглядели изящно и даже аристократически — во многом за счет длинных серо-зеленых ногтей, далеко выступавших за кончики пальцев.

Дядя нажал что-то с боков «хрустального гроба», и теперь откинулась прозрачная крышка. Наверх вырвался пар — я понял, что внутри «гроба» очень холодно.

Дядя ловко вытащил иглы из катетеров, извлек трубку изо рта брата, затем достал Ягайло, на руках отнес в машину и пристегнул на заднем сиденье. Вернувшись, забрал из гроба большую сумку, располагавшуюся в ногах, потом закрыл

«хрустальный гроб» и вернул верхнюю крышку контейнера, добившись явственного щелчка.

— Он не красавец, — осторожно сказал я.

— Подожди, пока он откроет глаза, — ответил дядя.

Я сел за руль и тронулся. Выезжая с парковки, я увидел в заднее зеркало, что за нами выруливает милицейский микроавтобус с мигающими лампами, но без сирены.

— Это по плану, — сказал дядя с заднего сиденья.

Выехали на скоростную трассу, я вел осторожно, боясь навредить сидящему сзади Ягайло.

— Гони быстрее, — попросил дядя, и я поддал.

Через несколько минут появился странный обволакивающий гул. Я посмотрел по зеркалам — ничего нового, пара мужских машин да милицейский «микрик».

— Не нервничай, — сказал дядя. — Это вертолет, дядя Митяй подстраховывается, чтобы не потерять нас. Он впустил жога в свой дистрикт, для него это теперь дело чести.

Дядя еще не договорил, как зазвонил телефон. Я нажал кнопку на магнитоле, включая громкую связь.

— Володя, ты там? — Это был дед Митяй.

— Я здесь, — ответил я.

— Я хотел бы потолковать с тобой о семье, — сказал дед. Он явно нервничал. Обычно он говорил куда более уверенно и спокойно, а сейчас в его тоне была скорее родственная ласка, как у любимого дядюшки, говорящего с племянником, который нашкодил, не понимая этого. — Ты, наверное, считаешь, что мы всю жизнь тебя использовали. Ты всегда был таким, знаешь… Идеальным. Сад, колледж. Женился вовремя, жена тоже идеальная, карьера… С теми, кто ошибался, мы гораздо больше общались…

— К чему это, дед? — уточнил я.

— Мы тебя теряем, — ответил дед Митяй. — И я считаю, что это наша вина. Моя. Твоей матери. Ты вполне можешь не выжить. Есть шанс, что тебя убьют уже сегодня.

Гул вертолета чудовищно раздражал, к тому же я из-за него плохо различал, что говорит дед.

— Можно вертолет чуть выше? — спросил я.

— Сейчас, — мгновенно отреагировал дед. Некоторое время в телефоне была тишина, затем гул вертолета сильно уменьшился. — Так лучше?

— Гораздо, — ответил я.

— Если у тебя есть претензии к семье… — продолжил дед и умолк.

Не дождавшись продолжения, я сказал:

— Ты в курсе, что аварию с дикой подстроила мать?

— Нет, — мгновенно ответил дед. — Зачем?

— Чтобы удостовериться, что я не хейс. Чтобы женщина во время Блеска точно уверилась в том, что я нормальный. Гетеросексуален.

Некоторое время дед молчал, потом сказал:

— Ей нужны были гарантии. Она могла стать президентом четырнадцать лет назад. Но тогда Сема нас сильно подставил. Она могла спросить меня, я-то точно знал. Все на нашей половине в курсе, у кого какие недостатки. Ты — слишком правильный, Володя. Тебе всегда все удавалось, ты стал прямой и ломкий, в тебе нет гибкости. Но ты точно не хейс.

И вновь воцарилось молчание.

— Семья — это больше, чем просто мужская и женская половины, — сказал дед Митяй. — Мы сильны тем, что разные. Врачи, политики, юристы. Мужчины, женщины. Мы поддерживаем друг друга. Заботимся. Если твоя карьера замерла — ты можешь обратиться и можешь быть уверен…

— Моя карьера не замерла, — сказал я сухо.

— В этом как раз проблема, — ответил дед. — У

тебя все было хорошо, и ты не обращался к семье кроме как по мелочам. Если бы ты сбил ночью пьяного или вляпался в скандал в незаконном лупанарии, ты бы лучше понимал, что такое семья.

— Может, в таком случае мне не очень хочется понимать это лучше, — сказал я едко.

И в этот момент я почувствовал, как что-то изменилось. Мне стало неожиданно спокойно и хорошо, я понял, что машина, которую я обогнал минуту назад, тоже входит в число следящих за нами, то есть в ней сидят не милиционеры, а безопасники.

Мои мысли ускорились. Я почувствовал, что дед Митяй искренен, он не врет мне, но при этом и недоговаривает. Он тянет время, ожидая чего-то важного. И это важное было где-то впереди.

Едва осознав это, я уже тормозил, выкручивая руль, чтобы съехать в ближайший отворот — на пять километров раньше, чем нужно.

— Что происходит? — спросил дед Митяй.

— Засада, перед съездом в анклав, — ответил я.

— Сраный жог, — выплюнул дед. — Ягайло, ты слышишь меня?

Я хотел было сказать, что жог еще в отключке, но тут понял: нет. Он уже очнулся, и, судя по всему, то, что я начал соображать сильно быст-

рее, — это его влияние.

— Слышу, деда. — Голос у жога был нутряной, глубокий и низкий. По голосу я представил бы древнего коренастого старика — но никак не пацана. — Ты меня не любишь. А я тебе родной. Я тебе семья.

— Ты слишком опасен, — ответил дед Митяй и отключился.

Едва съехав с автомагистрали в город, я потерял ощущение всемогущества. Это было как гнать на всех парах, обгоняя остальных в потоке, и вдруг потерять обороты, плетясь вместе со всеми со скоростью черепахи.

— Привет, братик, — сказал сзади Ягайло. — Папа говорил мне о тебе. Ты хороший. Я тебе помог, но не сильно, я еще слабый.

В голове у меня все смешалось, словно витраж разбился на тысячи осколков и сейчас собирался обратно.

Теперь я знал, что Ягайло на самом деле красивый. И классный. И — лучший брат на свете. Что мой дядя Сема — требовательный и иногда занудный, но при этом очень верный и очень надежный.

И точно так же я знал, что никогда не подведу их.

— Не надо этого, — сказал я.

— Это бессознательное, — ответил за Ягайло дядя. — Он не контролирует. То есть какие-то вещи он может осознанно применять, но именно вот это вот — оно базовое. На уровне запахов, феромонов.

— Тебе страшно, ты меня боишься, — сказал Ягайло. — Из-за того, что я вот такой. Но я не виноват. Я таким родился.

— Ты ни в чем не виноват, — горячо уверил его дядя, и в этот момент я понял, что у них этот разговор длится вечно, сейчас — лишь краткий его эпизод.

— Я не такой, и потому меня не любят, — уперся Ягайло. — Но я не могу стать таким, как все. Я могу сделать так, чтобы меня любили, но только те, кто рядом.

— Этого достаточно. — Дядя почти ворковал. — Надо просто общаться только с теми, кто рядом. Этого достаточно.

Тем временем я подъехал к анклаву, шлагбаум перед нами подняли, едва посмотрев внутрь. Машина со слежкой и милицейский микроавтобус остались в городе, не рискуя соваться в женский район накануне Бури.

Судя по стихающему гулу, сопроводив нас до

анклава, вертолет тоже решил, что его миссия выполнена, — и ссориться с женщинами, преследуя нас на территории самообороны, никто не будет.

— Ты это предвидел? — уточнил я у дяди, затормозив, едва въехал за шлагбаум: перед нами медленно ползла процессия из полутора десятка фургонов со скоростью не больше пяти километров в час.

— Все пошло не по плану, — ответил он. — Все должно было произойти не так. Я собирался незаметно забрать Ягайло, пересидеть пару ночей в анклаве и с помощью доверенных людей переправиться через киргизские степи в Кашмир, где Ягайло приняли бы таким, какой он есть. Но меня арестовали, я потерял время. Ты вообще оказался тут из-за чужих козней. То есть все понятно — Анаит подставляют через тебя и меня, а я вынужден латать дыры и догонять поезд, который с каждым мгновением все дальше и дальше.

— И что теперь? — спросил я.

— Нас всех убьют, — спокойно ответил Ягайло. — Вопрос только как и когда.

Его голос — независимо от того, что именно он говорил, — успокаивал. И смерть уже не казалась чем-то страшным или даже неприятным.

Ну, убьют так убьют, все ведь умирают в конце

концов.

— Не поддавайся, — сказал дядя. — Попробуй выработать критическое отношение к голосу Ягайло.

— Папа! — возмутился жог.

— Ты еще ребенок! — вспыхнул дядя. — То, что ты наслушался от патагонских шаманов всякой чуши, не значит, что ты должен внушать ее единственным людям, которые могут тебя спасти! План у нас простой, но очень опасный. Буря длится от четырех до восьми часов, время гормонального безумия, когда секс и насилие выплескиваются на улицы. В этот период часть обезумевшей толпы из анклава пытается вырваться в город, и, по статистике, нескольким небольшим группам — удается.

— Их ловит милиция, — подтвердил я. — Усыпляют газом.

— Они не скрываются, потому что безумны, — продолжил тем временем дядя. — Нас в это время ждать не будут. Мы прорвемся вместе с Бурей, а потом скроемся за пределами анклава. И у нас будет несколько часов для того, чтобы покинуть дистрикт, пока милиция считает, что мы заперты Бурей.

— Папа, ты чего-то недоговариваешь, — сказал

Ягайло.

— Да, Яго, недоговариваю, — согласился дядя. — Женщины во время Бури не чувствуют таких хейсов, как я, они видят вместо нас пустое место. Но если вдруг поймут, что я рядом, то постараются меня уничтожить. Я для них — невидимый враг, интуитивный. Но что еще страшнее — у них просыпается ненависть к жогам. И если они почувствуют тебя, то, скорее всего, разорвут на части, а потом на части разорвут тех, кто разрывал тебя. Я читал доклад о том, как женщины во время Бури в Токио нашли жога… Погибло около четырехсот женщин, а от мальчика не осталось ни одного фрагмента больше мизинца.

В этот момент у машины, за которой мы ехали, чуть отодвинулся в сторону задник тента, и я увидел внутри мужчину в оранжевом ошейнике.

Такие неснимаемые штуки носили только осужденные за особо опасные преступления — те, кому не предлагали отработать часть срока в лупанарии за быстрое освобождение.

Но ходила легенда, что им предлагали «Право Бури» — выпустить их в начале Бури в анклаве. Добровольно или же принудительно — не знал никто, точнее, те, кто знал, не рассказывали. Я полагал, что там тоже была некая градация — са-

мым отъявленным преступникам и мерзавцам вариантов не давали, а тем, кто был плохим парнем, но все же не совсем уж чистым злом, могли и предложить выбор.

Буря не должна быть «холостой», то есть в анклаве должны быть мужчины, хотя бы несколько. И вот эти, с оранжевыми ошейниками, становились сакральной жертвой, которой общество расплачивалось за право спокойно пережить еще один неистовый праздник.

Метров через пятьсот фура перед нами отвернула в сторону, и теперь мы ехали за другой, которая вскоре встала, перегораживая проезд, и несколько крепких молодых девок начали разгружать ее, при этом что-то напевая. Я включил переводчик на телефоне, и он как-то безэмоционально, речитативом выдал:

Эх, грянем
Да снова
Заветное
Слово,
Снимая
Покровы
До самой

Основы.

— Они почти в Буре, — прокомментировал дядя. — Чтобы не свалиться в Блеск раньше времени, они входят в транс, очень похожий на мужской. Рассуждать и принимать какие-то сложные решения они уже не могут, но зато вполне способны продолжать простые действия. Но транс нуждается в чем-то вроде поддержки и синхронизации, и они поют… Вот это.

Фура была большой, но разгрузили ее очень быстро — молодые женщины, судя по всему, действительно вошли в транс и синхронизировались между собой, потому что довольно тяжелые коробки и ящики они кидали, почти не глядя, и точно так же ловили и складировали.

Один из нижних ящиков в штабеле треснул, и из него выкатилось яблоко.

— Во время Бури просыпается аппетит, поэтому на улицах будет много еды, — прокомментировал дядя. — Если еды будет недостаточно, женщины начнут кусаться… Буря в голодные времена — это отдельная история.

— Я что-то такое читал. — Вспомнились школьные годы, учебник истории, вроде бы за седьмой класс, с конной женской статуей на обложке. — Вроде бы в Торжке, во время осады Бату-хан-

шей…

— Ха! — рявкнул дядя. — Торжок! В Африке такое до сих пор время от времени случается, просто это не те новости, о которых позволено знать народу!

Тем временем фура разгрузилась, тронулась вперед и на ближайшем перекрестке вывернула в сторону.

Мы же поехали дальше — по пустым улицам. Теперь я обращал внимание на некоторые мелочи и видел, что то тут, то там стояли ящики с фруктами и хлебом, а еще были столбы и помосты, которых я раньше не замечал.

При этом почти все проезды во дворы и даже мелкие улочки были закрыты наглухо, а иногда и забаррикадированы.

— Поток направят в одну сторону? — спросил я.

— В несколько разрешенных, — ответил дядя. — Постараются разделить на четыре или пять колонн тысяч по семь-восемь человек. Иначе подавят друг друга.

— Папа ходил смотреть Бурю, — сказал Ягайло. — Ему там плохо было.

— Я готовился. К сегодняшнему дню. Теория — это хорошо, но нужно было проверить все

то, что пишут в монографиях и диссертациях. Я трижды переживал бурю в женских анклавах в Аргентине. Внешне там все немного по-другому, — например, никто не заморачивается с тем, чтобы держать фрукты в ящиках, а заключенных выпускают до начала Бури, и не только осужденных на смерть, как у нас.

Тем временем мы подъехали к офису, я запарковал машину за подстанцией, и мы вышли на улицу — совершенно пустую и тихую. Здесь, на краю делового квартала, не было ни одного светящегося окна.

— Мне нужны травы, — сказал дядя. — Идите пока в офис, я видел здесь пустырь, и там вроде бы как раз то, что нужно.

Мы с Ягайло зашли в офис. Он сразу нашел в переговорке мяч с надписью «Идея» и начал азартно пинать его по всему помещению, приглашая меня поучаствовать в этом веселье.

Я прислушался к себе: мне хотелось поиграть с ним, но не сильно. И я видел в этом скорее свое желание, чем его влияние.

— Ты думаешь, я тебя заставляю? — обиделся Ягайло. — Я таким не занимаюсь. Ты же свой. Ты братик мой.

Я пытался вспомнить, почему он в самом нача-

ле показался мне уродливым, — но не понимал. У него было трогательное бульдожье лицо, доброе и в то же время нескладное. Не красавец — но в нем чувствовалась мужская харизма, грозившая раскрыться лет через десять так, что девушки, особенно из низшего класса…

А нет, девушки его, скорее всего, не интересуют.

Я попытался вспомнить, а кто вообще интересует жогов, — и понял, что об этом никто и ничего не пишет.

— У тебя есть вопрос, — утвердительно сказал Ягайло, пиная мне мяч; я остановил его и пнул обратно. — Очень личный.

Я замялся, но все же спросил:

— Ты ведь жог… Кто тебя вообще может интересовать, ну, для дружбы? Для особой дружбы?

Ягайло ловко подцепил мяч носком ноги, подкинул, начеканил несколько раз на коленке, затем подбросил выше и раз пять отбил его головой, совершенно не напрягаясь при этом.

Для меня даже набить десяток раз на колене было совершенно невозможно, а он этим не очень-то хорошо накачанным мячиком для офисных тренингов творил что-то невообразимое.

— Это сложный вопрос, но я отвечу, — сказал он,

подхватив мяч в руки. — Дело в том, что и жоги, и хофы, по меркам людей, асексуальны. То есть нам нравится тактильный контакт, обниматься, может, немного толкаться и так далее. Я раньше думал, что это так у всех, но потом поговорил с патагонскими шаманами, и они мне объяснили. У вас, у обычных, есть инстинкт размножения. Он может толкать вас в ответвления, которые приведут к зачатию ребенка или не приведут, но именно он толкает вас во все эти, как говорил один мой приятель, «блудняки». У нас, у хофов и жогов, нет такого инстинкта. Мы — тупик. Нам достаточно того, чтобы нас любили, нами восхищались, ставили нас в пример. Дослушивали до конца — это очень, очень важно! При этом мы можем засунуть что-то в другого человека или позволить засунуть в себя, но это не просто не самоцель… Это вообще про другое. Не про нас как про настоящих. Представь певца, который обожает петь, но при случае может немного и станцевать. И он попадает в город, где вообще не ценят песни, зато танцоров носят на руках. И он — специально! — перестает танцевать, просто чтобы показать им, что пение — тоже важно. Вот это вот про нас.

— Ты объединяешь хофов и жогов, — осторож-

но начал я. — Но вы ведь совсем разные.

— Да ерунда, — ответил Ягайло. — Я дружил с несколькими хофами. Им проще, их не преследуют, им не пытаются ничего отрезать. В некоторых странах им позволяют даже нормально жить. У нас одинаковое восприятие мира. Нам просто нужно, чтобы нас любили и не относились к нам как к уродам. У хофов это получается чуть лучше, у жогов — сильно, сильно хуже. Да, они рисуют картины или создают барельефы. Они «аккуратисты и педанты с большим творческим потенциалом», как говорил мой приятель. А мы — мы ходячие биохимические фабрики. Я могу есть все подряд: картон, мел, гнилье. А потом случается стресс, меня пугают, или же происходит что-то, что меня восхищает, — и я выдаю на окружающих людей коктейль из феромонов. Можно сказать, что у меня постоянный Блеск, только вот я не пытаюсь никого принудить к сексу, я просто хочу, чтобы меня оставили в покое или там чтобы вместе со мной насладились красотой симфонии или картины!

Я смотрел на него и одновременно верил ему и не верил, понимая, что он — недоговаривает. К хофам относились проще не потому, что они безопасны.

— Я чувствую, что ты думаешь. — Ягайло направил на меня палец. — Ты думаешь, что я опасен. Но подумай вот о чем: в нескольких странах жоги спокойно живут веками и поколениями. И ничего, никто там не сходит с ума целыми городами, не случается внезапных войн и революций! Есть хорошие и плохие люди. Есть хорошие и плохие жоги. Но почему чаще всего никто не спрашивает меня, хороший я или плохой? Почему меня сразу пытаются убить? Пара плохих жогов испортила нам эту, как ее, слово такое мутное…

— Репутацию? — подсказал я.

— Тоже хорошее слово, — обрадовался Ягайло. — Такое же мутное. А они, может, и не были плохими, но их раз попытались убить, второй, потом предложили отрезать яйца — вот они и разозлились. А если жог разозлился, тут всякое возможно.

Он сел около доски, взял маркер, снял крышку и начал посасывать стержень.

— Спирт любишь? — спросил я.

— Ох ты ж святые предки, — опомнился Ягайло, отбрасывая от себя маркер. — Только папе не говори!

— Да у тебя на лице все написано, — растерялся я.

И действительно, губы у Ягайло стали синими от маркера. Тем временем раздался хлопок — это вошел дядя Сема. Он шумно разулся, затем вошел в переговорку, в которой сидели мы, и сразу обратил внимание на посиневшие губы.

— Много успел съесть? — сурово спросил он.

— Вообще почти ничего, братик сразу отсек, — отчитался Ягайло. — Я даже не заметил!

Дядя тяжело вздохнул и сел рядом со мной. Он хотел что-то сказать, но только снова тяжело вздохнул. Наконец он собрался с силами:

— Жоги могут есть что угодно. Ты сталкивался с тем, что требуют беременные?

— А они требуют чего-то особенного? — уточнил я.

— Ха! — Дядя криво улыбнулся. — Внутри них зреет новая жизнь, организм отдает что может, а чего не может, требует ему выдать. Селедку в сахаре, мел. Я, когда был беременным, обожал персиковое мороженое, но не просто есть — а кушать его, занюхивая пивом. В общем, организм беременного человека находит способы донести, чего ему не хватает. Жог — как будто постоянно беременный. Вкусы меняются каждый день. Внутри — гормональная фабрика. При этом, если позволить себе жрать что хочешь, начи-

наются эмоциональные качели с постоянным выбросом феромонов. Снижаются когнитивные функции, повышается эмоциональность, и рано или поздно…

— Жог становится плохим, — закончил Ягайло. — Папа, я не хотел пугать братика. Я, вообще-то, на диете. Постоянно.

Я посмотрел на них и внезапно увидел то, что было понятно с самого начала. Во-первых, они были похожи между собой. Во-вторых, они были похожи на меня — не зеркально, конечно же, но какие-то черты вроде фамильной ямочки на подбородке или вытянутых ушей прослеживались.

В-третьих, они были командой. Не семьей в нашем понимании, когда старшие заботятся о младших и зачастую несут им добро, которое младшим вообще не нужно.

Они действительно понимали друг друга и уважали, без страха или давления. Я почему-то вспомнил Гошу Володиевича, врача, и подумал о том, что у него в семье так же. И еще — что у нас с Раннэ тоже могло бы быть так же, если бы вообще могло быть.

— Яго, тебе придется уснуть, — сказал тихо дядя. — Мы положим тебя в мешок и вынесем сквозь Бурю.

— Я не хочу в мешок, — так же тихо ответил Ягайло. — Почему я должен в мешок?

— Это даст тебе небольшой шанс, — объяснил дядя. — Если ты останешься здесь, тебя найдут и убьют, как только закончится Буря. А если согласишься, чтобы тебя вынесли в мешке, то, возможно, проживешь долгую жизнь.

При этом дядя на словах «долгую жизнь» был настолько неубедителен, что мы с Ягайло переглянулись — мол, чувствуешь фальшь? — и оба кивнули: чувствую.

Зазвонил телефон, это была Раннэ.

— Тебе надо уходить из анклава, сегодня будет Буря, — сказала она.

— Мы здесь именно из-за Бури, — ответил я.

— Все будет плохо, я чувствую, если ты не уйдешь, будет плохо, — пыталась надавить Раннэ.

Я тяжело вздохнул. Дядя и Ягайло смотрели на меня — они слышали, что говорила низшая, и, по-моему, им было важно, что на это отвечу я.

— Я остаюсь.

— Дурак! — крикнула Раннэ и повесила трубку, не дожидаясь ответа.

Некоторое время мы сидели в тишине, затем дядя сказал:

— Володя, я благодарен тебе. И она мне никогда

не нравилась, даже если вычесть из уравнения то, что ее наняла твоя мать для этой унизительной проверки. Но сейчас она права, мы тут все дураки. Сейчас — последний шанс оставить нас.

Они уставились на меня оба, дядя Сема и Ягайло.

— Ничего не забыли? — уточнил я; они переглянулись. — Я же под постоянным воздействием Ягайло. Он мне кажется роднее и ближе любого родственника, кроме тебя, дядя Сема.

Дядя сглотнул, в его глазах мелькнула паника. Он явно рассчитывал на меня, и этот небольшой сценарий, в котором я выступал в роли марионетки, должен был просто еще сильнее уверить меня в том, что я делаю все правильно.

— Я начал вам помогать до того, как встретил Ягайло. Не знаю, сколько в моем отношении к тебе, братец, твоих легендарных феромонов, а сколько — моей родственной любви, на которую, кстати, прошу сильно не рассчитывать. Но я остаюсь с вами не из-за этого. Я остаюсь потому, что за последние дни понял, что всю жизнь прожил в жоговом пузыре фальши и лжи, и только сейчас понемногу начинаю осознавать, кто я вообще такой и что мне нужно.

— И что тебе нужно? — уточнил дядя.

— Чуть больше любви и правды в моей жоговой жизни, извини, братец.

Ягайло пожал плечами, — видимо, для него использование слова «жог» в качестве ругательства не было чем-то необычным.

Тем временем дядя пошел в душ с веником сорняков, я направился следом.

— Яго может съесть ее грязной, ему так даже вкуснее, — сказал дядя, промывая траву. — Но чистая трава дает понятный эффект, а грязная смазывает его. Пустырник, полынь и болиголов, еще пары травок я здесь не нашел, но этого должно быть достаточно на час-полтора. А если мы будем выбираться дольше, то, скорее всего, в любом случае не выберемся.

— Ты говорил, что уже бывал в Бурях в Аргентине.

— Да, бывал. Первый раз наблюдал за всем из окна на втором этаже. И это было ошибкой — потому что под Бурей женщины легко залезают и на второй, и на третий этаж. Зато я выяснил, что меня, как хейса, они действительно не видят. Второй раз я ходил по улицам между ними. В третий раз — искал нужную мне команду, которая была бы достаточно крепкой, чтобы прорваться за стены анклава, и при этом небольшой, чтобы

не заинтересовать милицию слишком быстро. В тот раз я слишком сильно приблизился к разъяренной женщине, она случайно ударила меня, поняла, что там, где нахожусь я, — не пустое место… И попыталась убить.

— Но ты выжил, — сказал я. — А значит…

— Я не горжусь этим, — ответил дядя. — Просто еще одна вещь из множества, которыми я не горжусь в своей жизни. Я остался жив, насколько это вообще ко мне применимо, а обычная женщина, виноватая лишь в том, что встретилась со мной, находясь во власти Бури, — осталась лежать там, на улице анклава в Айресе. Яго, попробуй.

Дядя передал моему брату несколько веточек. «Лакомство» выглядело неаппетитно, если не сказать — отталкивающе, но Ягайло спокойно взял и сгрыз, при этом я мог поклясться, что ему понравилось.

— Ну как?

— Успокаивает, слегка клонит в сон. Есть небольшой эффект… — Тут Ягайло задумался. — Наверное, ближе всего к мескалину.

— Ты кормил сына наркотиками? — Я выставил палец в сторону дяди.

— Тише, тише, — ответил тот. — То, что для тебя — наркотик, для Яго — всего лишь топливо

для его внутренней биохимической фабрики. Ты можешь перечислять подряд яды, лекарства, химические элементы, а он будет тебе отвечать, что и какой эффект производило на него. То, что гарантированно убьет меня и надолго уложит в постель тебя, для него — всего лишь ингредиент, более или менее полезный.

В этой тираде меня заинтересовало то, что дядя разделил нас с ним. То есть некий яд мог уложить меня в постель, но его бы убил. Я не стал выяснять отдельно, что он имел в виду, но для себя отметил, чтобы вспомнить в нужный момент.

Раздался звонок.

— Выключи ты уже его, — потребовал дядя. — Ничего хорошего тебе не скажут.

А я смотрел на аппарат как на змею и понимал, что действительно надо было выключить его. Но — раньше. Потому что определитель номера высвечивал имя человека, который был забит в адресную книгу моего первого телефона самым первым и кочевал из одного мобильника в другой, но на сегодняшний день ни разу мне не звонил.

Имя моей матери, Анаит.

— Алло, — произнес я в трубку.

— Володя, ты меня огорчаешь, — очень четко,

с идеальной артикуляцией сказала мать. — Я говорила с твоими отцом и дедом, ты всех нас огорчаешь.

Отца она, конечно, зря сюда приплела. С ним мы никогда не общались, кроме тех случаев, когда снимались для семейных фотографий, в какой-то момент наше фото — отец, мать, трое на тот момент детей — висело на билбордах по всему городу с каким-то слоганом вроде «Крепкая семья — это то, что отличает нас от животных».

— Ты приняла тарди? — спросил я, хотя это и так было очевидно.

— Володя, ты понимаешь, что ты не игрок? Ты — пешка, тебя просто переставляют с одной клетки на другую, и если я хотела вывести тебя в ферзи, то мои противники собираются разыграть тебя по-глупому, сдать на первых же ходах.

— А ты не думала, что у меня могут быть свои цели? — уточнил я. — Что меня бесит, когда меня используют? Проверяют? Переставляют с клетки на клетку?

— Ты во власти иллюзии, что можешь что-то решать самостоятельно. — Мать заметно ускорилась, теперь артикуляция была уже не столь идеальна. Я чувствовал, что она раздражена. — Я знала, что тебя используют против меня, ин-

формация была от проверенного человека. Но почему-то я решила, что ты хейс, как твой дядя. Это была моя ошибка, и еще большая ошибка — что я решила проверить тебя, вместо того чтобы поговорить с твоими отцом и дедом. Это был даже не тупик, это был провал! Еще и Раннэ запуталась, у девочки хорошие мозги, но совершенно нет стиля!

— Ты про то, что я ей понравился? — уточнил я.

— Я про то, что она пыталась меня шантажировать и давить на меня!

Дядя, который стоял рядом со мной и все слышал, закатил глаза. Было очевидно, что Раннэ в его глазах только что набрала довольно много баллов. Не знаю, как со стилем, а с инстинктом самосохранения у моей любовницы точно были проблемы.

— Что ты предлагаешь? — спросил я. Взмахом остановил порыв дяди, который собирался забрать у меня телефон. — Какой выход ты видишь?

— Ты должен уехать оттуда как можно быстрее, — мгновенно ответила мать. — Айранэ дома, ей еще плохо, но она уже пришла в себя. Расследование близко к завершению, но мы не сможем

наказать виновных, если у них будут доказательства того, что ты ввез в дистрикт жога. Такую бомбу наша семья не выдержит.

— Хорошо, что ты заговорила о семье, — ответил я. — Тут со мной мой любимый дядя и мой двоюродный брат. Меня всю жизнь учили, что семья — это главное. Как я могу их оставить? Предложи план, в котором они выживут.

Дядя скривился, он не верил, что я могу что-то выторговать у матери.

— Они умрут сегодня, во время Бури, — твердо ответила мать. — Скрыть жога от женщин в таком состоянии невозможно. Если вы попытаетесь выбраться вместе, вас убьют, всех троих, потому что мои враги уже знают, где вы, — я, правда, надеюсь, что их знание ограничено Анклавом, а не тем офисным зданием, за аренду которого, кстати, несколько лет подряд платили из моих денег.

— Наших, — уточнил я.

— Что?

— Наших денег, семейных, — сказал я. — Дед мне объяснял, еще когда я был совсем ребенком, что в клане нет богатых людей, у всех только на карманные расходы, зато богата сама семья. Ты пользовалась деньгами клана.

— Это не важно, — сказала мать. — Володя,

последний шанс. Когда я положу трубку, твой горизонт возможностей опустится так низко, что тебе придется ползти.

— Я остаюсь, но ты можешь мне сказать, с какой стороны анклава будет меньше милиции этой ночью. И когда мы выйдем, я помогу дяде скрыться, и ты никогда больше о них не услышишь.

Некоторое время в трубке было молчание. Я догадался, что мать с кем-то разговаривает, и понял — там, рядом с ней, дед Митяй, а еще, возможно, отец.

— Выходите у Ратуши. Там кажется, что стена высокая, но внутри анклава гаражи, а снаружи много деревьев примыкают прямо к стене. Возьмете короткую лестницу, поднимитесь на стену, спуститесь по деревьям. Дядя Митяй прикроет.

Она положила трубку.

— Ты же не думаешь?..

— Нет, конечно, — ответил я. — Пойдем в другую сторону.

Завершенный разговор что-то во мне перевернул, и я пытался понять — что именно. Перебирая слова матери, я добрался до самых первых и вдруг понял.

Отец.

Идеальный высший, мужчина мечты, отличная

карьера — причем не по протекции своего отца или того же деда Митяя, а своя, чистая. Поссорился с отцом, честно отслужил в армии несколько контрактов, мотался по делам Славянского Союза по всему миру, начинал снайпером, с офицерской должностью, потом был командиром разведроты. Потом ранение, вернулся в дистрикт, открыл свое детективное агентство, раскрутил его, а когда достиг потолка — принял предложение перейти в милицию на полковничью должность, причем еще долго отказывался, так как не хотел служить под дедом Митяем.

Проблема была только в одном: любой мой двоюродный брат получал от него больше подарков и внимания, чем я. Конечно, став отцом, я во многом понял его…

Но тогда мне было тяжело.

И вот сейчас он снова принимает участие в моей судьбе. Его не было рядом, когда я оканчивал колледж. На мою свадьбу он заглянул на десять минут — только для того, чтобы обнять невесту и прошептать ей на ухо что-то, от чего она покраснела от лба до груди.

А когда решил, что я ошибся, он тут же прибыл, чтобы подправить мою судьбу. Ну конечно, у идеального мужчины не может быть неидеаль-

ного сына!

Дядя тем временем нарезáл траву и ссыпал ее в контейнер для завтраков, видимо найденный на офисной кухне.

— Когда будет Буря? — спросил я.

— В любой момент, — ответил он. — Но скорее всего, часа через три. Ближе к вечеру матери из авторитетных устроят какое-нибудь представление — может, публичную порку или показ мод. Что-то яркое и неожиданное. Это вызовет Блеск у нескольких женщин поблизости, пойдет цепная реакция, и разразится Буря.

— Показ мод? — удивился я.

— В Бельгии четыре года назад затеяли показ мод, моделями взяли не высших, как обычно, а просто девчонок из анклава. Ну и одежда — повседневная, но с какими-то вычурными деталями, да еще ноги и верх груди закрыли, а интимные места у некоторых моделей обнажили, едва завесив чем-то прозрачным. Как результат — массовый Блеск, переходящий в Бурю, на полторы недели раньше, чем они планировали. Не слышал этой истории?

— Нет, — признался я.

— Потому что это женские информационные потоки. Ты читаешь и смотришь то, что для тебя

вынесли даже не мужские фильтры, а фильтры для состоятельных мужчин высшего класса из Славянского Союза. Впрочем, что я тебе рассказываю, ты ведь и сам — часть такого же фильтра.

Я кивнул. Конечно, я никогда не сидел на новостях, но, читая материалы для журнала в качестве одного из выпускающих редакторов, я отлично чувствовал, что можно пускать в номер, а что нельзя. И регулярно заставлял авторов переписывать их материалы, если они не соответствовали актуальной политике дистрикта или всего Славянского Союза.

— Так вот, племянник, — дядя усмехнулся, — чаще всего Буря начинается по плану. Вот уже несколько веков матери, чувствуя ее приближение, выдают какое-нибудь показательное шоу, и с него все и начинается. В Славянском Союзе чаще всего это порка: выводят пару мужчин и пару женщин, оглашают приговор, снимают с них портки и проводят показательную экзекуцию.

— Какая дикость, — скривился я.

— Это не дикость, — рассмеялся дядя. — Дикость — это когда в разъяренной толпе гибнут сотни людей, в том числе молодые, сильные, талантливые, — а не несколько старых и больных. Дикость — это когда Буря идет не по плану,

как оно случилось в Бельгии. Ты помнишь Тиму Ринатовича Старобинца?

— Смутно, — ответил я. — Вроде какой-то казнокрад? Его еще посадили на двенадцать лет за растрату?

— Ха! Это была показательная порка! Тогда выяснилось, что вместо двенадцати зданий для коммуны за несколько лет построили только восемь, копнули, а там такие деньги украдены! И это вылезло через независимую прессу, там и мужчины, и женщины были замешаны. Наша семья, кстати, тоже, хотя и краем.

— Да ладно, — удивился я.

— Мы вкладываем во все прибыльные проекты, — кивнул дядя. — А там прибыльность зашкаливала, можешь мне поверить. И вот представь — скандал неминуем, сейчас рванет так, что ошметки дерьма долетят до самых верхов! И наши мудрые руководители, прошедшие через множество бурь и Бурь, выбрали козла отпущения из своих рядов и провели показательную экзекуцию.

— Это сработало? — удивился я. — Независимые журналисты замолчали?

— Нет, конечно, — в ответ удивился дядя. — Ты чего? Но социальный взрыв был умело направ-

лен в нужную сторону, нашли «главного злодея», показательно его «выпороли», предварительно сняв с него портки. Было очень шумно, официальная пресса, включая ваш журнал, кстати, раскрутила эту историю так, словно никогда такого раньше не было, ну а теперь, после такого, и подавно не будет. И когда волна схлынула, независимые попробовали опять поднять вопрос — мол, где деньги-то? Почему главные виновники не наказаны? Но это было уже неинтересно для большинства. Большинство уже пережило катарсис этой истории и не ждало от нее больше ничего захватывающего. Так и остались независимые с кучкой вечно недовольных диссидентов. А потом еще и самых несговорчивых отловили и отправили по лупанариям за мелкие правонарушения, так что власть наша убытков не понесла.

— И наша семья…

— Врать не буду, точно не знаю. Но полагаю, что участвовала, была внутри этого всего, работала на общий результат. Кстати, Тима Ринатович давно уже вышел, я видел его в Айресе, мы с ним там по одному небольшому делу пересекались. Сильно несчастным или сломленным он не выглядел.

Я кивнул, это вполне укладывалось в мое представление о нашей семье — и о нашем госу-

дарстве. Но при этом — реальная порка? Кнутом? На площади? Одновременно — мужчин и женщин?

Поймав ощущение, что вот-вот впаду в мужской транс, я закрыл глаза и на несколько секунд погрузился в медитацию.

— Сидим ждем, — сказал дядя, когда я открыл глаза.

Я прошел по офису. В сущности — обычные кабинеты, разве что чуть ниже потолки да более обшарпанные стены, чем у нас.

Посидел на обычном стуле — неудобно, в поясницe упирается, на спинку полностью не откинуться. Посидел на «директорском» — еще хуже. Все же мужская и женская физиология различается довольно сильно. А может, все проще, и здесь более дешевая мебель.

А скорее всего — и то и другое.

В одном из кабинетов я нашел полку с книгами. Среди учебников по языкам программирования и по управлению проектами разработки обнаружилось четыре пухлых томика в мягкой обложке: «Айна и Дайана», «Последний шанс императрицы», «Смертельный Блеск» и «Буря в Пустыне».

Я усмехнулся. Да, мужчины читают женские романы — равно как и женщины мужские. Но до

нас доходят с противоположной стороны только лучшие образчики, зачастую — после глубокой редактуры, а то и адаптации.

А сегодня уже начали появляться «общие» книги, и наш журнал прям со всех ног бежит знакомить читателей с каждой такой новинкой, впрочем, как правило, не получающей в итоге особенно широкой известности.

И самые тиражные издания — вот такие, в мягких переплетах. У женщин — про переживания и чувства, про разгадывание загадок и достижения в нашем, вещном мире; у мужчин — про путь к недостижимому, про честь, долг и стоицизм даже там, где и без этого можно неплохо прожить.

Я раскрыл «Айну и Дайану», и первым делом мне в глаза бросилось то, что книга напечатана на желтоватой бумаге, очень мелким кеглем, а на странице есть фоновая картинка в виде то ли феникса, то ли дракона.

— Не ищете легких путей, да? — пробормотал я.

Пролистал несколько страниц, зацепился взглядом за знакомую фамилию — Волковы. Быстро перелистывая, я обнаружил, что в книге были Волковы, Рождественские и Гинцбурги — как минимум три известные в Славянском

Союзе фамилии.

— Это вообще законно? — пробормотал я и решился прочесть кусок из середины.

> …извернувшись ужом, Слава Волков умудрился вскочить на узкий парапет и, балансируя с риском рухнуть с семнадцатого этажа Академии, несся к Дайане.
>
> – Спасайся! Беги отсюда! – кричала ему девушка, но он не понимал ее.
>
> Его преследовали побеги хищного плюща, на которых время от времени распускались гигантские фиолетовые цветы и плевали ядом.
>
> Молодой мужчина не видел этого, его тянуло магией проклятия к Дайане, и в этом заключалась его слабость – но и его преимущество. Любой другой на его месте был бы уже захвачен растением или отравлен смертельным снарядом, но Слава несся вперед, не обращая внимания на такие мелочи, ибо у него была куда более важная цель.
>
> Дайана рванула с шеи последний амулет и бросила Славе. В этот момент очередная лиана выстрелила ему в ноги и

на этот раз оплела щиколотку. Юноша вырвал ногу, но потерял темп, к тому же споткнулся, и вот уже добрый десяток ядовитых плевков устремился к нему…

А он рухнул на землю, к размеченным несколько веков назад волшебным дорожкам и кустам, выстриженным в виде опасных колдовских зверей, которые охраняли покой преподавательниц и их коварных учениц.

– Амулет! Лови амулет! – кричала Дайана, понимая, что у юноши нет никаких шансов, – околдованный и неуклюжий, к тому же неспособный понять ее слова, он несся вниз, не осознавая, что в ближайшие мгновения его жизнь закончится, поставив точку в пари между Айной и Дайаной.

– Ты проиграла, – сообщила Айна, на этот раз одетая в длинное шелковое платье глубокого фиолетового цвета, входя в кабинет.

Дайана развернулась от окна и спросила:

– Как посмела ты явиться сюда? И – раз уж ты здесь – как ты прошла сквозь мои

заклинания и обереги?

– Первокурсницы и то плетут заклятия лучше. – Айна села на стол, закинув ногу на ногу, и тут стало видно, что длина платья не добавила ему скромности – боковой разрез почти до талии обнажил стройную загорелую ногу. – Ладно, если честно, то я просто передвинула дверь. Все твои обереги остались там, где она была раньше, и я легко вошла. Привязывай магию к принципу, а не к месту, сама же говорила об этом на лекции.

Дайана только сейчас обратила внимание, что дверь сдвинулась на полтора метра вправо. Ее обуревали горе, страх и предчувствие неизведанного.

Глубоко вдохнув, Дайана активировала огненное кольцо на левом мизинце и радиоактивную удавку на правом. Это запустило комплексное заклинание, включающее чары в перстнях, пальцах, брошках и в каждом маленьком камешке в сетке, окутывающей ее длинные волосы.

– Драться хочешь? – уточнила Айна.

– Я не вижу другого выхода, – призна-

лась Дайана. – Ты убила Славу Витевича, ворвалась в мой кабинет, и самое главное – ты пыталась подорвать мой авторитет как декана на утренней лекции!

Айна придержала платье, спрыгнула со стола и, не обращая внимания на то, что коллега готова обрушить на нее волны смертельной магии, подошла к Дайане вплотную, прижалась к ней грудью, и тихо сказала:

– Я не враг тебе.

А потом на мгновение прикоснулась губами к губам Дайаны – в поцелуе не было чувственности, но не было и угрозы, – развернулась и вышла из кабинета.

Дайана рухнула в кресло, не понимая, что же только что произошло. Но еще меньше она понимала, почему, почему не запустила разрушительные арканы, способные испепелить дерзкую посетительницу.

– Я должна разобраться с этим всем, – сказала она тихо и посмотрела на свою левую руку. Та дрожала. – И еще – разобраться в себе.

Снятие взведенных заклинаний за-

няло куда больше времени, но в любом случае Дайана не собиралась ходить по Академии, даже в столь смутное время, с магией, способной обрушить здание или вознести его к небу в мгновение ока.

– Можно? – раздалось из-за двери.

Дайана узнала голос Ариши, старосты второго курса демонологии. Девочка была талантлива, но нетерпелива, что не очень хорошо именно для ее специальности. Впрочем, если она справится с собой, к шестому курсу вырастет в хорошую магиню. А нет – ну, какой-нибудь демон получит сытный ужин.

– Входи, – сказала Дайана, уже окончательно вернув самообладание.

– Матушка, внизу обнаружили голого мужчину без сознания, – сказала Ариша, сделав приличествующий ситуации книксен. – Я попросила подруг отнести его на конюшни. Они проверенные ученицы, но, сами понимаете, Блеск не спрашивает твоих оценок…

Дайана взмахнула рукой, и Ариша умолкла – ее губы склеились, а рот наполнился горьким настоем полыни.

– Ты получишь награду, но – никому ни слова. – Декан факультета разрушительной магии прикосновением ладони открыла гигантскую сейфовую дверь и исчезла из своего кабинета.

Через мгновение она оказалась в лаборатории боевых испытаний – там первокурсницы отрабатывали друг на друге ледяные стрелы. Дайана прошла сквозь строй, лишь пару раз отразив неуклюжие холодные иглы, а перед выходом порекомендовала их преподавательнице обязательно наказать весь класс за недостаток старания.

От лаборатории до конюшен Дайана добежала за минуту, не думая о том, что кто-то может удивиться, видя спешащую главу факультета.

– Свободны, я награжу вас, – сказала она, взмахнув рукой, и у троих второкурсниц склеился рот.

…В конюшне лежал Слава Волков. Пожалуй, слишком изящный на вкус Дайаны, ей нравились мужчины покрепче, – но очень неплохо скроенный.

Почувствовав приближение Блеска,

Дайана сделала мудру воздержания, и Блеск послушно отступил. Она знала, что за это придется заплатить болями в пояснице, отдающими вниз, но пойти на поводу у своего тела она сейчас никак не могла.

Поведя руками над распростертым на полу юношей, Дайана восстановила ход событий. Вот он падает, вот почти ловит в последний момент амулет – но тот выскальзывает из его тонких холеных пальцев. А в следующий момент он дергает себя за левый мизинец – и его одежда вспыхивает, предмет за предметом, каждый раз притормаживая его полет так, что перед самой землей он почти остановился…

Но все же не совсем – и удар выбил из него дух.

– Ага, так тобой крутим не только мы, – промурлыкала Дайана. – Вот что хотела мне сказать Айна! Жоговы волхвы!

Она еще раз посмотрела на Славу и тут же отвела взгляд. Еще раз прерывать Блеск на подходе она не собиралась, а значит, не надо играть в салочки со сво-

им телом.

Дайана сорвала с денника попону и накрыла ею юношу.

Затем очертила перед собой круг, и там появился Вася, по пояс голый, упражняющийся с боевым серпом.

– Мне нужна твоя помощь, – твердо сказала Дайана, магически замедлив свою речь, чтобы мужчина ее понял.

– Сейчас? – удивился Вася.

Он всегда удивлялся, хотя не было еще случая, чтобы его помощь понадобилась Дайане не прямо сейчас. У нее не хватало времени на всякие игры, и она – такова уж ее природа – каждый раз дотягивала до последнего, когда Блеск уже стучал в двери, грозя взорвать весь дом.

– Именно, – сказала Дайана и шагнула в знакомый портал, протягивая руку к кушаку на штанах Васи.

— Интересно? — спросил Ягайло, подсаживаясь ко мне.

— Скорее странно, — ответил я. — Когда читаешь классику или даже обычные мужские книги, тебя ведут по тексту, и чаще всего ты не чувству-

ешь этого. А тут я читаю и вижу изнанку: вот здесь автор хотела заставить читателя переживать, вот здесь — замереть в предвкушении, а вот здесь — старалась ошарашить. Но это чужие для меня смыслы, поэтому механика не работает, и, вместо того чтобы двигаться с потоком, я вишу над этим и вижу шестеренки и плохо обструганные палки, которые должны были незаметно подталкивать меня по сюжету.

— Ты просто взял дешевую муть. — В комнату зашел дядя. У него на груди висели две большие пластиковые бутылки, из каждой торчало по трубочке. Через одну он набирал воду, полоскал во рту и выпускал во вторую. — Если говорить о вершинах женской приключенческой литературы, такой как «Стенающие и молчащие», «У сумерек есть оттенки» или «Распродажа смирения», то автор поставит тебя на место женщины, и ты безо всякого сопротивления пройдешь по всем хитросплетениям сюжета, не замечая ничего вокруг.

Дядя в очередной раз набрал воду, прополоскал рот и выплюнул через трубочку.

— И почему тогда эти твои шикарные книги не издают? — спросил я. — Ну, для мужчин? Или хотя бы в «общих» сериях? И что ты там так активно выполаскиваешь?

Дядя в очередной раз прополоскал рот, подняв вверх палец — мол, у меня есть ответы, но надо немного подождать.

— По первому… Тебе надо понимать: то, что постулируется властью, — курс на объединение мужчин и женщин, крепкие семьи, дети, рожденные в браке, и прочее — это хорошая мина при плохой игре. В мире несколько мощных сил, каждая из которых тянет цивилизацию по своему пути, и у каждой такой силы есть условные красные линии. Пока остальные этих линий не пересекают, все живут мирно. Как только кто-то где-то переходит такую линию, начинается реакция. Иногда это мгновенная война, иногда — теракт, иногда — смена правительства в одной или нескольких странах.

— Это надолго, — махнул рукой Ягайло. — Папа завелся.

Дядя неодобрительно посмотрел на сына, еще раз побулькал, выплюнул и продолжил:

— Когда я был молод и работал дипломатом, у нас бродила идея, что в мире борются две силы: консервативная, ратующая за сохранение статус-кво с как можно более четким разделением между мужчинами и женщинами, и прогрессивная, которая хочет стереть все рамки и границы

за счет технологической революции. Мы, конечно же, все были прогрессистами. Читали женскую и «общую» литературу, подписывались на рассылки и паблики на всех языках… Но потом, уже сильно позже, стало ясно, что нет этих двух лагерей.

— А какие есть? — спросил я, видя, что дядя вновь полощет рот и явно при этом ждет моей реакции.

— Весь спектр, от самых дремучих до тех, кто готов проповедовать прогресс с помощью террористических актов. Причем они пересекаются между собой, и те, кто одной рукой запрещает интернет, так как он стирает разницу между мужчинами и женщинами, другой вкладывают гигантские суммы в возникновение новых семей. Беспроцентные ссуды на дома, реклама на билбордах и так далее. Нет черного и белого, есть только мутный шар, в котором при совпадении множества условий на миг вырисовывается тот или иной цвет. Это — о тех, кто правит. А вот те, кто действует, — они всегда какого-то конкретного цвета.

— Секты, тайные общества, некоммерческие организации?

— А также правительства, спецслужбы и

коммерческие организации, — дополнил дядя. — Твой журнал, стартап, в котором работала Раннэ, женская самооборона. Издательство, выпускающее эти вот мусорные книги. Для простоты возьмем нашу семью. Наша семья — это сила, которая конкурирует с другими силами за инструменты. Через тебя они отчасти имеют возможность управлять журналом «Лебедь», через твоего отца и дядю Митяя — мужской милицией, через твою мать — государственным музеем, а в перспективе — и всем дистриктом. Силы конкурируют между собой, вынуждены считаться друг с другом и не переступать красные линии. А линии эти все время стираются и рисуются новые.

— Наша семья настолько крута? — уточнил я.

— Нет, конечно! — расхохотался дядя. — Это просто пример, чтобы ты понял. Наша семья — часть некоего условно-прогрессистского объединения семей дистрикта, это объединение — часть партии Славянского Союза, которая по историческим причинам называется «консервативной», хотя она скорее либеральная и борется с «либеральной» партией, которая гораздо более консервативна, чем мы, но при этом обе партии входят в единую силу, которая называется «образованный высший класс» и борется за

сохранение статус-кво с минимальным поступательным прогрессом. А дальше мы все вместе входим уже в очень консервативный мировой блок и на этом уровне боремся с прогрессистским террором, который пытается через стартапы реализовать объединение мужчин и женщин по всем направлениям, со стиранием культурных, а в некоторых, особо радикальных случаях — и физических различий. Ты слышал об экспериментах вмешательства в геном? Когда девочек еще до рождения физически замедляют, а потом у них нет проблем в общении с мужчинами?

— Не слышал, но звучит страшновато, — сказал я.

— Были такие эксперименты, лет сорок назад, в Эмиратах, когда там к власти пришел ультрарадикальный прогрессорский мужской блок, «Молодые эмиры», как они себя называли. Потом была «Война в заливе», уничтожили всех, включая замедленных девочек, хотя они ни в чем не виноваты. Мы уничтожили. Не наша семья, естественно, но сила, небольшой составляющей которой мы являемся. В общем, когда встает вопрос: «А может, напечатать лучшие женские книги для мужчин и лучшие мужские книги для женщин?», всегда находится тот, кто скажет: «Да-

вайте не будем рисковать». При этом интернет давно уже сломал физические рамки, остались только психологические. Ты легко найдешь любую женскую книгу в сети. Ты просто не ищешь, не знаешь, что искать.

— А ты откуда узнал?

— Папа всю беременность провел в постели, — ответил Ягайло за своего отца. — Одиннадцать месяцев почти без движения, причем от видео его тошнило, а классическая мужская литература пропитана ненавистью к таким, как он и я, так что выбора у него не было.

— Да, это правда, — кивнул дядя. — Я читал женскую литературу. Палп-фикшн, массовое чтиво. Вот как раз то, что ты держишь в руках. «Айна и Дайана» — ее я тоже читал, там одним из основных героев вывели твоего отца, он в то время был очень популярен, поэтому я запомнил эту книгу.

— Это вообще законно? — уточнил я.

— Нет, конечно! — рассмеялся дядя. — Но это часть игры. Если бы наша семья подала в суд, был бы скандал, расследование, писательница, Прайя — довольно известная, скандальная баба, — заявила бы, что имела в виду другого человека с таким же именем, вот у него и глаза другого

цвета, и шрам на ягодицах описан, которого у оригинала нет. Слава бы демонстрировал комиссии задницу, комиссия бы с лупой искала там шрам, желтая пресса азартно бы это все смаковала, книга бы продавалась в десять раз лучше. Мы бы выиграли суд, но получили негативный информационный фон, а Прайя — небольшой штраф с предписанием в следующих изданиях сменить имя персонажа, причем заработала бы на этом несколько миллионов, в самом крайнем случае — еще пару месяцев в лупанарии, из чего сделала бы для своих книг еще одну пиар-акцию.

— «Пара месяцев в лупанарии?» — зацепился я. — Ты так просто об этом говоришь?

— Мальчик мой, пора вырастать из коротких штанишек. — Дядя сказал это очень жестко, почти грубо. — Ты ценишь себя и свое тело слишком высоко. Так высоко, что если с тобой что-то случится, например ты станешь инвалидом или над тобой надругается неприятный тебе человек, то ты сломаешься. Это — часть твоей культуры. Ломаться от того, что с твоим телом происходит что-то неприятное. А низший класс детство и юность проводит в жоговом бардаке, который называет своим домом. Для большинства из них тело — такой же инструмент, как молоток или

ручка. Самостоятельно окунать в нужник они его не будут, но если это надо, чтобы добраться до цели, — не увидят чего-то совсем страшного.

— Это ужасно, — скривился я.

— Это твоя слабость и отчасти глупость! — рявкнул дядя. — Ты живешь в сытости и благости и осуждаешь тех, кто, чтобы добиться того же, вынужден рассматривать свое тело как инструмент?

Он действительно кипел. Дядя Сема перестал себя контролировать и последнюю фразу буквально выплюнул вместе со слюной.

— Ладно, ладно, я ханжа и лицемер, а низший класс — замечательные мальчишки и девчонки, которых моя семья доит много поколений. — Я примирительно поднял руки. — Давай оставим эту тему и поговорим когда-нибудь потом, у камина, в спокойной…

— Не будет никакого камина, — перебил меня дядя. — Те операции, которые я сделал, чтобы родить Ягайло, довольно скоро меня убьют. Я использовал свое тело как инструмент на дороге к мечте. И сточил его полностью. Если бы это был молоток, стало бы видно, что его хватит на десяток ударов, а потом он рассыплется в труху.

— Молотки не рассыпаются, — сказал Ягайло

и усмехнулся. Предстоящая смерть отца его не смущала и не пугала — подозреваю, они говорили об этом не раз и не два и давно уже привыкли к этой теме настолько, что могли шутить о ней без неловкости.

Я пока не мог.

— Этот молоток слишком часто использовали не по назначению. — Дядя отвечал сыну, но смотрел на меня. — Высший класс считает тело храмом, чем-то святым. Точнее, постулирует, объясняя это тем, что нужно соблюдать «супружеский час» и строгать детей. Но если ты выполняешь обязательную программу, то можешь изменять супругу, придерживаясь нехитрых формальностей в виде дорогих подарков… И даже впадать в ересь гомосексуальных связей, главное, чтобы никто об этом не знал! Но это все ложь, ложь, ложь! Я добровольно вышел из схемы. Я не хотел лгать ни себе, ни окружающим. Я хотел жить своей жизнью, хотел вместо потока суррогатной любви получить хотя бы каплю, но настоящей!

— И теперь умираешь, — сказал я, не сдержавшись.

— И это мой выбор, — неожиданно успокоился дядя. — Ладно, хватит проповедей, тем более что

ты сын своего отца и переубедить тебя мне все равно не удастся, как нет смысла рассказывать волку о прелестях вегетарианства. Перейдем ко второму вопросу — что я делаю с бутылками.

— Биохимия, — подсказал сидящий рядом со мной Ягайло.

— Именно, — кивнул дядя. — Хейсы невидимы для женщин в Буре. Чтобы вынести Ягайло, нам с тобой нужно будет стать невидимками, но если я для них заведомо невидим, ты-то мужчина, полностью гетеросексуальный, а значит, тебя используют и убьют, едва ты появишься на улице.

— Я быстро бегаю, — усмехнулся я, хотя перспектива меня откровенно пугала.

— Чушь, — ответил дядя. — Я планировал этот день несколько лет и отдавать события на откуп случайности не собираюсь. Мы опрыскаем тебя водой с содержанием моей слюны, и ты станешь неинтересен большинству женщин, главное — не подходи к ним близко.

Звучало не слишком приятно, но я кивнул — это увеличивало мои шансы выжить, а потому не было смысла отмахиваться просто из-за отвращения.

При этом я отметил, что дядя снова походя нарушал мои границы. Мое тело действительно

было моим храмом, и обрызгаться водой с содержанием его слюны означало сломать часть рамок, выстроенных в самой моей основе.

— Я дам тебе пульверизатор, и если увидишь, что на тебя обращают внимание, побрызгаешься еще, — сказал дядя.

В этот момент снаружи раздался визг, затем еще один, а через несколько секунд я вынужден был зажать уши, так как этот крик проникал в самое мое нутро, требуя бежать, не разбирая ничего впереди.

Очнувшись, я обнаружил себя перед дверью, и дядя с братом пытались меня удержать. Криков я больше не слышал.

— Что это было? — спросил я.

— То, чего я не предусмотрел, — ответил дядя. — Ты относишься к небольшому проценту мужчин, которых крик входящих в Бурю женщин вводит в истерическое состояние. И ты слишком сильный для нас.

Ягайло протянул мне пару салфеток, показав на уши — мол, суй туда, а затем, не следя за моими дальнейшими действиями, пошел обратно в переговорку.

Я пожевал салфетки, засунул жеваные шарики в уши, и едва я это сделал, как снаружи снова

завизжали.

У меня все внутри сжалось, меня тянуло немедленно вырваться на улицу, найти самое большое свободное пространство и броситься бежать — в жогов горизонт, подальше отсюда, как можно дальше.

Но на этот раз импровизированные беруши ослабили удар, и я смог удержаться.

Дядя тем временем вытащил две трехлитровые бутыли с водой, прикрутил на одну из них насадку-пульверизатор, достал два плаща, расстелил их на полу и начал обрызгивать.

Ягайло быстро и жадно грыз нарезанную траву. Меня передернуло — даже не от самого этого факта, а от того, с каким наслаждением он поглощал это неаппетитное блюдо.

Закончив с плащами, дядя жестом показал мне, чтобы я поднял руки, а потом прошелся по мне из бутыли, стараясь сильнее опрыскать подмышки, пах, ладони и ноги ниже щиколоток.

Когда мы закончили и я обернулся к Ягайло, тот уже спал, а изо рта у него торчал клок недожеванной травы.

И — он снова стал уродливым, мой двоюродный братец. А я освободился от влияния его феромонов.

Дядя тем временем накинул на меня один из плащей, подошел к Ягайло и начал заворачивать его во второй. Я сунул руки в рукава, застегнулся — плащ оказался мне велик, — затем помог дяде укутать брата.

Потом настало время сумки — я помнил ее, дядя достал этот баул из гроба, в котором прилетел Ягайло. Братец был аккуратно уложен в сумку в позе эмбриона, потом дядя застегнул три последовательных клапана, сбрызгивая каждый из пульверизатора, а в конце тщательно обработал всю сумку, не исключая торчащую из нее трубку, через которую, видимо, дышал братец.

Время от времени с улицы доносились вопли, но все реже и не такие громкие. Когда брат был окончательно упакован, дядя жестом показал, чтобы я вынул беруши.

— Уже не опасно, — сказал он. — Буря запускается, когда в одном месте собирается большое количество женщин на грани Блеска, и в самом начале те, кто уже потерял рассудок, кричат, инициируя остальных. Но когда бóльшая часть уже под властью Бури, кричать почти перестают. Могут, например, в азарте преследования, но это уже холостой крик, не опасный.

— Мы сразу идем? — уточнил я.

— Нам нужно пройти около километра, если по прямой, до стены, — ответил дядя. — И при этом не умереть, не потерять никого из спутников и найти группу, которая попробует штурмовать стену, а потом присоединиться к ней, где-то к полуночи. Сколько ты отведешь на это времени?

— Час? Полтора? — спросил я.

— Часа три, полагаю, — ответил дядя, поджав губы. — Надеюсь, Яго с этого снотворного проспит около четырех часов. Сейчас восемнадцать сорок, то есть до двадцати двух нам надо пересечь стену.

Три часа на один километр? Я пожал плечами. Ну, дяде виднее.

— Не пытайся с ними говорить, — сказал дядя. — Вообще не открывай рот, даже в маске. Дыши носом.

— В какой маске? — удивился я и тут же получил от дяди армейскую маску-противогаз. — Зачем это?

— Не тупи. — Дядя покачал головой. — Что такое Буря?

— Феромоновый взрыв, — ответил я и кивнул. Да, понятно, я не должен попасть под влияние феромонов женщин в Буре.

В плаще, шляпе и противогазе я напоминал се-

бе какого-то трубочиста из древних сказок. Дядя при этом оделся в бежевый замшевый пиджак, светлые штаны и белые кроссовки, сделанные под классические туфли.

— Дипломат на отдыхе? — спросил я, приподняв противогаз.

— Самая удобная одежда в мире, — ответил дядя. — Это не дешевое удовольствие, но стоит каждой копейки, уж поверь мне… Не очень практичный цвет, но во время Бури, чтобы не привлекать внимания, я должен чувствовать себя естественно, а это моя самая любимая одежда.

Я пытался забрать у него сорокакилограммовый баул с Ягайло или хотя бы разделить с ним ношу на двоих, но дядя решительно отказался, буркнув что-то вроде «свое не тянет» и «я к этому десять лет готовился».

Мы вышли на улицу, и я впервые в жизни чувствовал, что мир вокруг меня враждебен, и не был уверен, что смогу решить любую проблему.

Из защиты у меня были лишь плащ и полулитровая бутылочка с распыляющей насадкой, а впереди пер танком мой дядя, — по его собственным словам, уже совсем не тот человек, на коленях у которого я сидел в детстве.

Еще не стемнело, но сумерки близились. Дядя

уверенно дошел до машины, жестом показал мне, чтобы я открыл багажник, а затем вытащил оттуда длинный фонарик-дубинку, подаренный когда-то давно отцом — непонятно зачем.

Видимо, дядя приметил эту штуку заранее.

Я направился было к водительской двери — решив, что часть пути мы проедем на авто, — но дядя жестом показал закрывать машину, мол, пойдем пешком.

Вдалеке раздался жуткий крик, который, впрочем, не вызвал у меня приступа безумия.

Дядя махнул рукой — туда.

В сторону крика.

Метров двести прошли по промзоне спокойно, не встретив никого. Затем через перекресток прямо перед нами, метрах в пяти, пробежала дама в возрасте, одетая в полинявшие фиолетовые спортивные лосины и лиф.

Несмотря на потрепанную одежду, выглядела она очень неплохо для низшей своего возраста, — во всяком случае, я так думал, пока она не взглянула на меня, не заметив в упор.

Глаза у нее буквально светились, словно намазанные фосфором, но при этом в них не было ни единой мысли.

Она шумно втянула ноздрями воздух, взглянула на улицу по другую руку от себя и продолжила бег, не сбавляя шага.

Разглядывая спортивную даму в Буре, я притормозил — а дядя шел вперед, не останавливаясь. Поэтому мне пришлось совершить рывок, догоняя его, и в этот момент я понял, что выданный мне противогаз для подобного совершенно не приспособлен.

Я пробежал всего метров пятьдесят, но за это время проклял все на свете, ибо дышать было жоговски тяжело.

Тем временем дядя свернул во дворы, и я проследовал за ним. Сзади раздался крик — не

агрессивный, а словно кого-то звали. Я почувствовал в голосе знакомые нотки, но дядя пер вперед, и останавливаться, чтобы потом снова бежать в противогазе, испытывая собственные легкие на прочность, я не стал.

Мы не обсуждали перед выходом маршрут — и теперь я чувствовал, что это было ошибкой. Потому что я бы, конечно, шел по улицам — а дядя решительно срезал через дворы, бесцеремонно раздвигая висевшее на веревках постельное белье и перешагивая через невысокие бортики палисадников, топча грядки с морковью и высаженные чьей-то заботливой рукой гладиолусы.

Он шел чуть быстрее, чем шел бы, торопясь, я. Мне не нравился его темп, не нравился его маршрут, мне не нравилось быть здесь, идти в маске, мне не нравилось рисковать жизнью.

В этот момент что-то во мне перевернулось, и я вдруг понял, что выгляжу ребенком, который сам что-то выбрал, а потом канючит и ноет, когда вдруг понимает, что его выбор, возможно, не лучший.

Всю жизнь я шел проторенными тропами. Каждый мой выбор — будь то работа, жена, машина или одежда — на самом деле не был настоящим выбором, а всего лишь обманкой, когда взрос-

лые подводят ребенка к прилавку, на котором лежат россыпи дешевых безобидных игрушек, заслоняя собой витрины с игрушками дорогими и опасными.

Сейчас я впервые сошел с намеченной для меня тропы, и оказалось, что совсем рядом с хайвеем располагаются пропасти и болота, о которых я раньше даже не знал, — а точнее, знал, но не имел ни малейшего шанса на них взглянуть.

«Это мой выбор», — пробормотал я, и на удивление стало гораздо легче. Нет, дядя не сбавил темп, а фильтры в противогазе не начали пропускать воздух лучше. Но теперь мой организм словно получил подтверждение, что да, мы понимаем, во что ввязываемся, и да, мы точно знаем, что рано или поздно это все кончится.

И я поймал ритм, в котором уже не спотыкался и не пытался перевести дыхание, а просто шел и дышал, шаг в шаг, за своим своенравным мятежным дядькой.

Мы почти прошли насквозь гигантский квартал, когда в трехэтажном доме разбилось окно на втором этаже и оттуда выскочил мужик, низший, лет, наверное, сорока, с застарелым шрамом через все лицо, от левой брови через кривую картофелину носа к правой стороне нижней челюсти.

Он был обнажен, полностью выбрит и выглядел испуганным.

Точнее — он был в панике. Разбив окно своим телом, он выпрыгнул на утоптанную землю под окнами и, не останавливаясь, понесся туда, откуда мы только что пришли.

Я отвлекся на мужика только на мгновение, но, обернувшись обратно, не обнаружил дядю там, где рассчитывал его увидеть. Ни там, ни в месте, куда он должен был дойти, продолжая двигаться в том же темпе.

Пластиковые линзы противогаза чуть запотели, а вокруг уже начинали сгущаться сумерки, поэтому я оттянул маску, чтобы протереть специальной тряпочкой линзы…

…Они были прекрасны. Я видел их: одна, обнаженная, сидела гаргульей на крыше трехэтажного здания и следила, хищно облизываясь, за убегающей жертвой. Другая бежала, легко отталкиваясь голыми ногами, за кустами, загоняя добычу и время от времени негромко вереща, — на ней была рваная туника, которая, скорее всего, останется клочьями на окрестных кустах еще до исхода часа.

Еще несколько бежали за ближайшими зданиями, я не видел их, но чувствовал. Прекрасные,

волшебные, я готов был им подчиниться… Но они меня не замечали.

Гаргулья изящно спрыгнула с крыши третьего этажа и прошла всего в паре шагов от меня. На вид ей было не больше двадцати, низшая, чудесно восхитительная.

Я медленно потянулся к ней, я хотел, чтобы она меня растерзала или наградила, я хотел, чтобы меня заметили, но она спокойно, не торопясь, прошла мимо.

А когда я попытался броситься за ней, сильный удар обрушился на мою голову.

Она сидела отвернувшись.

У нее был ярко-желтый костюм аквалангиста и два мятых серых кислородных баллона за спиной, но я все равно узнал Раннэ.

— Он, конечно, идиот, но ты вообще дурная, — говорил дядя, ускоряя голос до общей речи. — Тебе-то это зачем?

— ОнНеДолженУмеретьСтарыйТыКозел!

— Да уж, мотивация на уровне древних баллад…

— Я все слышу, — сказал я.

Голова нестерпимо болела. Я тронул рукой — там оказалась повязка. Влажная. Поднес руку к глазам — кровь.

Огляделся — мы были в общей женской комнате, на стенах висели плакаты из глянцевых журналов с полуобнаженными мужчинами и женщинами, на подоконнике стояла клетка с парой мышей, одна из которых крутила колесо, а вторая с интересом смотрела на нас.

Вдоль стены стояла плита на десяток конфорок, а в центре комнаты — гигантский узкий стол, накрытый выцветшими разноцветными клеенчатыми скатертями внахлест. Над столом висело с десяток веревок, на которых сушились футболки, блузки, юбки и тренировочные штаны.

За закрытым окном были видны отсветы заходящего солнца на окнах дома напротив.

— ДурнойДурнойДурной. — Раннэ присела рядом, гладя меня по лицу и очень аккуратно — по больному месту на голове. — ЗачемТебеЭто!

– *Ты* ударила меня? — спросил я.

— Конечно она! — воскликнул дядя. — Иначе ты бы кинулся к этой ужасной суке и стал бы следующей жертвой.

— Жертвой? — уточнил я.

— Такое чувство, что ты не понимаешь сути Бури, — сказал дядя. — Буря — это не только гормональный взрыв, Блеск в своей самой страшной форме. Для участниц это охота, чистый азарт. Они собираются в стаю, находят жертву и загоняют ее.

— ЯСпаслаТебя, — заявила Раннэ. — ГоловаПройдет. МожетПереборщилаЧуть. На.

Она дала мне два маленьких цилиндра и показала, что надо вставить их в ноздри.

— УгольныеФильтры! ПротивогазПлохойНичегоНеВидишьФильтрыХорошие.

Я сунул фильтры в ноздри, дышать стало вроде бы даже хуже, чем в противогазе. Но при этом я хорошо видел все вокруг и в случае чего мог дышать через рот.

— Идем, и так задержались. — Дядя осторожно поставил баул на стол, присел к нему спиной и надел его, как рюкзак.

Перед тем как сунуть в рот нагубник, Раннэ нагнулась ко мне и шепнула:

— ОтТебяВоняетХейсом.

— В этом и суть, — ответил я.

Мы вышли на улицу. Теперь крики раздавались уже со всех сторон, но никого из женщин я не видел.

Пройдя едва сотню метров, дядя внезапно остановился, поднял руку, призывая к осторожности, а затем махнул ею, как бы говоря — «уходим левее».

Нам попалась старая беседка-курилка с деревянными скамейками, пустой стойкой для трубок и взломанным ящиком для табачных принадлежностей. Я не понимал, почему мы сошли с дороги.

— Там впереди баррикада, — сказал дядя. — Метрах в двухстах. А за ней я видел женщину в полном скафандре по типу водолазного, серьезнее, чем у тебя.

Он говорил на общей, поэтому Раннэ его поняла и кивнула.

— ЭтоКомандаСпасенияТыНеЗнал? УНасВБу-

реУчаствуютТопыВсегоСлавянскогоСоюзаВсеЗнают. ИхОтслеживаютПоНательнойБиометрииИСоСпутников. ЕслиЧтоНеТакКомандаСпасает.

— Сила предков, — выругался дядя. — Здесь было лучшее место, чтобы перелезть через стену. Весь план в задницу!

— ПоднимемсяНаКрышуСамообороны, — предложила Раннэ.

Это было здание напротив. Мы перешли улицу, Раннэ подпрыгнула и ухватилась за низ пожарной лестницы. Ловко залезла на нее, что-то там пошерудила, и лестница выдвинулась вниз, почти до самой земли.

— Я не затащу Яго, — мрачно сказал дядя.

Я аккуратно взял сумку с братом и надел ее на спину. Оказалось не так тяжело, как я представлял.

Первые два этажа прошли легко, а начиная с третьего каждый выдох отдавался в ране на голове как удар молотком по гвоздю, входящему в череп.

Я даже не заметил, когда перестал дышать носом, а последние несколько ступеней преодолел чуть ли не в бреду и не отказался от очень своевременной помощи Раннэ, которая вытащила меня на крышу пятиэтажки.

За мной вылез дядя, судя по всему даже не запыхавшийся. У меня возникло подозрение, что и Яго он мог втащить легче, чем я.

Здесь, на крыше, был разбит небольшой сад, в центре которого стояли барбекюшница с мангалом, большой тандыр и печь с несколькими уровнями для горшков и противней.

Ближе к краям крыши размещались визоры с фильтрами ночного видения. Я посмотрел в один из них и почти сразу увидел большую, человек на двести, толпу женщин, которые роились вокруг чего-то непонятного.

Я перевел визор, выискивая что-то еще, и почти сразу увидел убегающую женщину, за которой гнались несколько других.

— ЯБыОбнялаТебяНоТыВоняешьХейсом, — обвинительно сказала Раннэ сзади.

«В этом и план», — чуть не пошутил я, но вовремя сообразил, что шутка может быть воспринята как оскорбительная.

— ОниЕеНеУбьют. — Раннэ смотрела без увеличивающего визора, но явно туда же, куда и я. — ОнаХорошоБежалаИЗдорова.

Пока она это говорила, я увидел развязку — одновременно три женщины длинными, невозможными в обычной жизни прыжками

перегородили дорогу своей жертве, вынуждая ее резко сбавить темп, а затем и остановиться.

Четвертая подошла к ней, ухватила за волосы, намотав их на руку, и то ли поцеловала, то ли укусила. Следом за ней подошла следующая и вроде как дала жертве пощечину.

Их было десятка два, загонщиц, которые настигли жертву и сейчас подходили к ней по очереди и словно предъявляли свое право на нее как на жертву. Когда последняя отошла, жертва явно была жива, но вряд ли счастлива — она лежала, свернувшись калачиком, и дергалась то ли от боли, то ли от рыданий.

— ЕслиНеВстанетВыживет, — сказала Раннэ. — НаНейЗапахЗакончившейсяОхоты.

— А мужчина может выжить? — спросил я.

— МужчинаВсегдаВстаетЭтоИнстинктИЕгоЗагоняютВыживаютТолькоСлучайно.

Я еще раз посмотрел на лежащую женщину — она отползала в сторону от дороги, не рискуя подняться.

Вспомнил свои ощущения от охотницы, прошедшей рядом, — и меня передернуло. Да, я совсем себя не контролировал и наверняка, если бы меня загнали, после этого встал бы.

— А мужчин…

— Трахают? — спросила без удивления Раннэ. — ЗависитОтХарактераОхотницыИПривлекательностиМужчины. ВКонцеНадоПоказать-ВластьНадЖертвой. ИногдаНеТрахают. ОднажДыОдинОбгадился. ОнВыжил.

Я взглянул на Раннэ — она смотрела на меня с недовольством. Ей не нравилось, что от меня пахнет хейсом. Думаю, что если бы меня нашли и загнали, то в конце бы не стали использовать. Я вонял хейсом, а это хуже, чем обгадиться.

Я повел визором по анклаву. Иногда видел охотящихся, пару раз — убегающих жертв, мужчину и прихрамывающую женщину. Прихрамывающая пробежала мимо большой группы охотниц, которые не обратили на нее внимания. Я поднял глаза на Раннэ.

— ЧужаяЖертва, — ответила она невозмутимо. — ЧужихТрогатьНельзя. НайдиСвоюИОхоться.

Я встал от визора и теперь уже пристально изучал Раннэ. Она смотрела на анклав, делая вид, что не замечает моего внимания.

— Сколько раз ты участвовала в Бурях? — спросил я.

— Четыре, — ответила она мгновенно. — ИМнеНеСтыдно. НеВсемПовезлоКакТвоейЖенеРаз-

житьсяМужчиной. БуряМеняетТебяНоЖитьСтановитсяПроще.

— Ты все помнишь?

— Нет. — Раннэ покачала головой. — Ощущения. Образы. ВкусКрови. ЧувствоПобеды. ГоречьНеудачи. Настоящее.

— То есть ярче, чем обычно, так? — уточнил я.

— Гораздо, — ответила Раннэ, повернулась ко мне и неожиданно схватила меня, обняла и поцеловала, прижавшись всем телом, и почти тут же оттолкнула и принялась плеваться. — ФуФуХейс!

— Я отмоюсь, — пообещал я. — Если выживу.

На губах остался ее вкус: сладковато-кислый. Меня будоражило все происходящее; общее настроение насилия и азарта, охватившее анклав и до недавнего времени больше пугавшее меня, неожиданно переплавилось в некое странное возбуждение.

И если бы здесь не было дяди, а запах его слюны не вызывал у Раннэ такого отвращения…

То я бы здесь, конечно, никогда не оказался.

— Племяш, у меня есть план. — Дядя вышел из кустов, вырывая меня из сумбурного потока мыслей. — Нам нужно за площадь Неизвестной Матери, у Южных Ворот. Там над створками в стене окно.

— ОноБронированное, — с легким презрением заметила Раннэ.

— Стекло бронированное, — согласился дядя. — А вот пластик, насколько я вижу, обычный. Надо сломать пластик и открыть механизм створки. Я знаю фабрику, на которой делают эти окна, в молодости был на ней на экскурсии. Не уверен, что вспомню, как именно и что надо поворачивать, но это единственный шанс.

— СЧегоТыВзялЧтоОкноОткрываетсяВообще? — Раннэ явно не нравился план. Подозреваю, она хотела, чтобы мы остались здесь, на крыше, до конца Бури.

— Тридцать лет назад открывалось, — сказал дядя. — Мы с приятелями немножко занимались контрабандой. Жить как-то надо было.

— Ты из богатой семьи! — возмутился я. Мне лично не приходилось ни воровать, ни заниматься контрабандой.

— У меня были дорогостоящие пороки, — прямо сказал дядя и посмотрел мне в глаза, показывая одновременно, что ему плевать на мнение Раннэ и что выбора у меня все равно нет.

— ДоКонкурсаНеУспеем, — обреченно сказала Раннэ.

— Как раз во время Конкурса пойдем, никто и

не заметит, — ответил дядя.

Они переглянулись, понимая друг друга: он — чего опасается собеседница, она — на что собеседник рассчитывает.

— Конкурс? — уточнил я.

— Кульминация Бури, — ответил дядя. — Самые удачливые загонщицы, поймавшие жертв, собираются вместе со своими командами. Несколько площадей в городе забивается такими командами до отказа, лидеры выходят в центр и начинают давить.

— Давить?

— ПоказыватьСебя. ФеромоновыйБой. МогутОратьИлиТолкаться. НоЧащеСтоятМолчатПоОднойСбегаютПроигравшиеОстаетсяОднаСамаяСильная.

— Чем это опасно? — уточнил я.

— До момента выбора — почти ничем, — ответил дядя. — А потом начинается безумие. Вся эта история называется «Конкурс красоты», и в момент, когда выбрана победительница, она спускается с помоста, ее целуют, обнимают, прикасаются к ней…

— ЭтоОченьЯростноВсеБезумно, — вмешалась Раннэ. — ИОченьЛично. ОниСтановятсяСемьей. ПочтиУВсехПроисходитБлескВнутриБу-

ри. ЕслиКтоТоЧужойЗатесалсяДажеЖенщинаВБуреНеИзЭтихОтрядов… ИхУбивают.

— Нам надо пройти сквозь них в момент выборов, — сказал дядя. — Им будет плевать на нас.

— НоЕслиВыборыБудутКороткимиНасУбьют.

Я кивнул. Насколько я понял, выборы могли длиться как пару минут, так и несколько часов, это зависело в первую очередь от силы тех, кто участвовал в «Конкурсе красоты».

Нам могло повезти — а могло не очень.

Раннэ смотрела на меня, она считала, что решить должен я. Что ж, я подошел к сумке с Ягайло, присел, взял лямку на одно плечо, затем встал и почувствовал, что дядя помогает мне довесить сумку на вторую руку.

Обернулся — но это был не дядя, а Раннэ.

Спуск оказался в чем-то проще, а в чем-то сложнее. Проще — тем, что было не так тяжело и гвоздь не вбивался в раненую голову.

Тяжелее — тем, что меня слегка мутило и я иногда ловил себя на мысли, что не понимаю, где я и что делаю, а значит, в любой момент мог отпустить стальную перекладину и упасть.

Внизу дядя забрал у меня сумку, и дальше мы пошли за ним. В какой-то момент дядя встал, вытащил у меня из кармана бутылку с распыли-

телем и начал на меня пшикать.

Раннэ всем видом показала, что ей это отвратительно, отошла на десяток шагов и отвернулась, а затем еще несколько сотен метров держалась поодаль, но потом все же приблизилась на расстояние вытянутой руки.

В какой-то момент я увидел лежащего в кустах у дороги обнаженного окровавленного мужчину и устремился было к нему, но Раннэ тут же дернула меня обратно. Я даже не узнал — жив он или нет.

Однажды нас обогнала женщина с горящими глазами, в рваной майке и очень длинной, но изодранной юбке. Она так быстро пробежала прямо между нами с Раннэ, а потом скрылась во тьме впереди, что я даже не успел понять, молодая она или старая.

Скоро стал слышен гул, потом мы вышли к площади, метров сто на сто, с высоченным памятником Неизвестной Матери.

Памятники эти, как правило, копировали старинные фигурки, найденные при археологических раскопках древних женских поселений. Обычно у фигуры были налитые, свисающие вниз — иногда довольно сильно — груди, полный живот, крепкие ноги.

Но именно у этой статуи была фигура стареющей высшей — то есть грудь была большой, но лишь чуть проседала под своим весом, а живот, хотя и не лишенный полноты, все же не был безобразно большим, как у многих других Неизвестных Матерей.

Правая половина лица была уверенной, даже чуть хищной — а левая сплющена, наверняка точно так же, как у найденной в раскопе древней фигурки.

А еще эта Неизвестная Мать держала в руке гигантский факел, в котором горело мощное газовое пламя, освещая все вокруг.

Площадь была заполнена женщинами целиком, а в центре, на помосте с тремя столбами и цепями — здесь явно перед Бурей была та самая экзекуция, — стояли шесть женщин, напряженно глядя друг на друга.

Я не мог их разглядеть, я был слишком далеко, но физически чувствовал, насколько они сильны, яростны и прекрасны. И я знал, что должен остаться здесь и выбрать и поддержать самую сильную и прекрасную из них…

Раннэ протащила меня через всю толпу. Ни на нее, ни на дядю «конкурсантки» такого сильного влияния не оказали, и ни я, ни они не поняли,

почему это я вдруг решил, что вхожу в местную охотничью стаю и должен помочь с выборами.

Я пришел в себя, когда уже приблизились к воротам, — толпа осталась сзади, метрах в пятидесяти.

Около ворот, на груде сломанных ящиков, в куче осклизлого яблочного жмыха, лежал труп, изломанный и окровавленный. Меня чуть не вырвало, и я отвернулся, даже не рассмотрев, мужчина это или женщина.

Дядя аккуратно скинул рюкзак, прислонив его к стене недалеко от покойника, а сам принялся неожиданно ловко карабкаться по стальным полосам и шипам на деревянных воротах кверху.

Там он переполз на стену, ухватился за балясины декоративного балкончика под окном, вылез наверх, как-то зацепился за балясины ногами, достал из кармана нож и начал колдовать с пластиковой рамой.

— Это надолго? — спросил я.

— Кто ж знает… Не отвлекай…

Раннэ подошла ко мне сзади и ущипнула за шею. Когда я обернулся, ее там не было, она ущипнула меня с другой стороны.

Я тяжело вздохнул и сел на булыжную мостовую. Взглянул на площадь — помост был

неожиданно хорошо виден даже отсюда — и с ужасом понял, что там, наверху, остались только две «конкурсантки», а значит, выделенное нам время подходит к концу.

— Как мы закинем Яго наверх? — спросил я.

— Закинем, — эхом отозвалась Раннэ.

В ее голосе я почувствовал какую-то бездумность и в этот момент понял, что ее «накрывает». Не знаю, что было тому виной — сама Буря, происходящая вокруг, «конкурс красоты», мое присутствие, что-то еще или все вместе, — но она явно на всех парах двигалась к Блеску, и даже то, что от меня воняло хейсом, ее больше не смущало — или смущало уже недостаточно.

— Дядя, у нас проблемы, — сказал я.

— УНасНетПроблем! — пропела Раннэ, хотя понять меня, говорившего на низкой, мужской речи, на мой взгляд, у нее шансов не было.

— Сейчас! Еще минуту! Тащи поддоны! — крикнул сверху дядя.

Действительно, неподалеку была целая груда поддонов — под трупом лежал только один, остальные валялись чуть поодаль.

Я взял один — тяжелый! Раннэ схватила другой, явно копируя мои действия. За пару минут мы набрали импровизированный помост, на

который могли закинуть Ягайло, чтобы затем втащить его в окно.

Тем временем дядя нажал на створку, и она приоткрылась — но совсем чуть и так зафиксировалась.

— Не то положение! — в ярости заорал дядя. — Сейчас!

А потом меня охватила эйфория.

Я был мир, и мир был — счастье.

— Нет, нет, нет! — орал кто-то сзади, голос казался знакомым, но это не имело значения. Я бежал вперед, чтобы немедленно отдать долг чести новой прекрасной королеве.

Это было настолько чудесное ощущение, чувство, когда всё, всё кристально прозрачно и не надо делать выбор, не надо ничего решать — можно просто жить, позволяя самой волшебной и яркой королеве в мире царствовать, направляя меня туда, где я буду нужен.

Кто-то был рядом, кто-то мешал, и я отмахнулся походя, снося помеху далеко в сторону.

Передо мной расступались, меня трогали, дергали за одежду, вырывая клочья, но это не имело значения.

В конце, перед помостом, было так плотно, что мне пришлось залезть на спрессованных в еди-

ное целое женщин и идти по их плечам, а потом я вышел на деревянный помост и встал на одно колено перед самой прекрасной королевой из всех существующих.

Перед своей матерью.

Она толкнула меня, я упал на помост спиной, а она прошлась по мне, наступив на живот, а затем на левое плечо, и проследовала дальше.

В этот момент сознание начало возвращаться. Я вдруг понял, что лежу в центре помоста посреди бушующей в Буре толпы. В голове было так пусто и звонко, что эта мысль билась о стенки черепа, не прибавляя при этом осознанности.

То есть я уже понял, что происходит, но пока не мог осознать — плохо это или хорошо.

Совсем рядом кружился, рыча и визжа, водоворот счастья вокруг матери, то и дело из него выскакивали обнаженные или полуобнаженные женщины, девушки и старухи, обессилевшие от счастья, а их место занимали всё новые и новые.

Я приподнялся и увидел вдалеке — внутри анклава, там, откуда мы пришли, — команду «водолазов» — спасателей.

Они явно следили за матерью, чтобы вмешаться, если ей будет что-то угрожать.

С другой стороны, у ворот, в одиночку пытался

поднять сумку на поддоны дядя. У него не хватало сил, а над ним зияло распахнутое окно — и до него было совсем рукой подать.

Отчаявшись, дядя расстегнул сумку и вынул оттуда Ягайло, пытаясь, видимо, привести его в чувство и заставить самого заползти наверх.

В момент, когда дядя открыл сумку, тональность криков вокруг матери сдвинулась — от счастья к неуверенности и почти сразу к тревожности.

И в этот момент я вышел из состояния апатии, разум полностью вернулся ко мне и я — вместе со множеством женщин — рванул в сторону дяди, понимая, что все равно опоздаю, что и его, и Ягайло порвут прежде, чем я успею…

А что я успею?

Я видел, как дядя бросил сына — тот так и не пришел в сознание — и пошел, расставляя руки, прямо на бегущих на него женщин.

В этот момент раздался какой-то жуткий, чудовищный, неприятный свист. Я сморщился и посмотрел на его источник — это была та спасательная команда в «водолазных» костюмах.

От звука бóльшая часть женщин на площади упала на колени, а кто-то и ничком, однако остались несколько — в основном пожилых, но еще

крепких, похожих чем-то на статую Неизвестной Матери, — которые, словно сквозь буран, перли в сторону дяди.

Тот, чувствуя, что у него появляется шанс перекинуть сына, тут же обернулся к Ягайло, и над площадью раздался новый крик, вплетающийся в завывание сирены.

А я разглядел, как от трупа поднимается Ягайло с окровавленным ртом и бездумными глазами.

Звук сирены умолк. Я обернулся и увидел, как убегает спецназ в скафандрах. А в следующий момент женщины по всей площади начали подниматься, и в голове у меня снова оказалось пусто.

А потом я понял, что жога Ягайло надо сжечь. Его надо уничтожить, жог слишком опасен, он не должен существовать, и для этого я взял какие-то обрывки тряпок и понес их на помост.

Меня снова толкали, трогали, кто-то даже гладил.

Наверху, вокруг одного из столбов, собрали кучу деревяшек из разломанных поддонов, штакетника, выломанных из самого помоста.

Я помогал женщинам укладывать дрова, а потом — приковывать себя к столбу. В какой-то момент я неожиданно понял, что надо не просто

сжечь жога Ягайло, но еще и то, что жог Ягайло — это я. А значит, сжечь надо именно меня и прямо сейчас, пока не случилось непоправимого.

Неожиданно выяснилось, что этот столб рассчитан на женщину — а значит, выше, чем нужно, и меня надо подтолкнуть кверху, чтобы закрепить в оковах. Мне подсовывали под ноги деревяшки, я вставал на них и тянулся все выше и выше.

И когда моя мать среди расступившейся толпы принесла факел, я едва не заплакал от умиления — мама всегда и все делала так вовремя, так продуманно!

И только одна мысль грызла меня, мешая наслаждаться справедливым возмездием. Если я жог Ягайло — то откуда у меня мать? У жогов нет матерей!

Я хотел спросить об этом у мамы, но она уже была совсем рядом, она смотрела на меня с такой любовью и печалью, а в руках у нее был огонь, свежий, яркий, чистый, благостный огонь, готовый уже стереть меня с полотна этого мира, запятнанного моим присутствием.

Выстрел снова прочистил мне голову.

На этот раз я почувствовал дикую боль в вывернутых руках, на которых висел, и в ребрах, и под ребрами. Мать стояла совсем рядом, она смотрела

не на меня.

Я глянул туда же.

Там, прижимая Ягайло к груди, выл около поддонов дядя.

— Вгршш, — сказала мать, оборачиваясь ко мне.

— Не понимаю, — просипел я, постаравшись ускорить речь хоть немного.

— УмерМелкийГад, — сказала мать, затем повернулась ко мне спиной и рявкнула: — СнимитеУжеМоегоСына!

И то, что она сказала это на общей, чтобы я понял, показало: мать не так уж и зла на меня.

Когда меня снимали, я потерял сознание.

Надо мной мерно пошатывался потолок, рядом бормотали на женской речи — высоко, непонятно, быстро.

Я почему-то ждал боли по всему телу, но ее не было. Попробовал привстать — не смог. Попробовал поворочаться — получил не очень болезненную, но обидную пощечину.

Скосив глаза направо, обнаружил там коренастую низшую с заячьей губой, в серой облегающей футболке с пятнами пота под мышками и лиловых лосинах. В левой руке у нее была странная изогнутая игла, правой она держала меня, видимо, ниже колена, а во рту у нее был зажат пучок каких-то кусков то ли проволоки, то ли щетины.

На вид я бы дал ей лет тридцать, но с низшими очень легко промахнуться, мы как-то взяли в журнал корректора, и я был уверен, что ей под сорок, а потом оказалось — двадцать три, просто полная и неухоженная, что, впрочем, для низших не редкость.

Ехали в чем-то вроде автобуса. Сам я, видимо, был привязан к койке — точнее, к каталке, так как мое ложе чуть покачивалось в такт движению. Причем зафиксировали меня и по ногам, и по рукам, и по груди, и даже лоб перетягивало чем-то упругим.

— Где я? — просипел я на мужской, низкой речи — даже не пытаясь ускориться и прекрасно зная, что меня не поймут.

Так и произошло. Низшая посмотрела на меня, криво усмехнулась, показала иглу, исказила лицо зловещей гримасой — как у злодея из дешевых фильмов — и склонилась над моими ногами.

Прислушавшись к ощущениям, я понял, что она что-то делает с моей левой икрой. Впрочем, ни боли, ни особого страха не было.

— Чем вы меня накачали? — Мой голос звучал незнакомо, и, еще не закончив фразу, я понял, что говорить бессмысленно: низшая не поймет моего медленного бормотания. — А, жогова жизнь…

Я лежал и смотрел вверх — надо мной, в метре с небольшим, слабо колыхался металлический потолок автобуса, выкрашенный в масляный черный цвет. Присмотревшись, я обнаружил, что на потолке через определенные промежутки темно-красным цветом проставлены то ли оттиски, то ли наклейки, настолько темные, что почти сливаются с потолком.

На какой-то момент у меня даже возникло ощущение, что это всего лишь моя фантазия, порождение мозга, реагирующего на то, чем меня накачали.

Но потом стало ясно, что это именно рисунок — точнее, эмблема. Некоторое время я не мог понять, что именно там изображено, тем более что свет был направлен на меня и потому потолок оказался в тени.

В конце концов я решил, что там нарисован древний ручной пулемет со щитком, а под ним — какие-то цифры, возможно «62».

На этом мои силы иссякли, и я щелчком ушел в забытье.

В следующий раз я очнулся, когда мою каталку везли уже по какому-то коридору.

— Очухался, болезный? — Надо мной склонилась морда низшего — мужчинки лет пятидесяти, с клочковатой седой бородой и устрашающего размера бровями. — Ничего, ничего, сейчас мы тебя определим.

Все вокруг было расписано восьминогими крылатыми конями, глазастыми грибами, мечами, из которых вырастали дубовые ветви, увитые плющом и прочим галлюциногенным бредом.

— У тебя торжокский говор, — сказал я.

— Ну так а мы где? — удивился мужичок. — Мужское общежитие при Торжокской академии искусств. Эй, не дергайся! Упадешь!

Тут я понял, что больше меня на каталке ничто не держит, — и действительно чуть не упал. Пут больше не было, я просто лежал. Понемногу возвращалась боль — ныли ребра, пульсировало огоньком в икре под правым коленом.

— Как я здесь оказался? — спросил я.

— Как, как… Бабы тебя привезли, из спецназа самообороновского. Они перед заданием к нам заезжают, пар спускают с парнями, а потом после задания еще раз. Я когда помоложе был… А, чего вспоминать! В общем, пару лет назад осечка у

меня вышла, и все, больше меня не дергают, а если так посмотреть, то оно даже и спокойнее, хотя тогда знаешь как переживал?

— Подожди, подожди. — Я собрал мысли в кучу. — Хочешь сказать, они вас имеют? Чтобы на задании потом у них Блеска не было? А потом после задания снова сбрасывают возбуждение?

— Грубый ты. — Мужичок посмотрел на меня с неодобрением. — Вообще, все вы, высшие, вроде как умные, сильные. А на самом деле — мозги у вас работают не в ту сторону. У вас жизнь простая, вам бабу выдают, едва только стручок вставать начинает, ну и бабам вашим то же самое. А у нас посложнее, а детки рождаться должны, и если ты — баба, которая в спецназе служит, то Блеск во время операции ну никак не нужен. И что делать?

— И что? — уточнил я, хотя заранее понимал, что мне скажут.

— А то! То, то самое! Берем сложное и упрощаем! Есть спецназ, есть мужское общежитие! Сложили вместе, получили так, что всем хорошо! У нас некоторые парни влюбляются даже, ленты свои белые расшивают!

Я про белые ленты не понял, но приметил, что у моего собеседника на плече в серую рубаху

вшита синяя лента. Причем сама рубаха была кружевной, с растительными узорами в виде цветов и листьев.

— Охолонись, — вспомнил я слово, которое когда-то слышал в Торжке же и которое мне тогда очень понравилось, но в родном дистрикте — в Твери — было совершенно не к месту. — Все понятно.

По взгляду на мужичка было видно, что охолоняться он не собирается и что внутри он все больше и больше распаляется, словно подбирает аргументы для меня — и когда подберет самые действенные, которыми сможет сжечь меня на месте, тогда и выскажет.

Тем временем мужичок вкатил мое ложе в какую-то конуру, метра два на пять, с запахом хлорки и остаточным — застарелого мужского пота. По обеим стенам тянулись узкие двухъярусные кровати, по две с каждой стороны, а у окна располагался небольшой, но явно крепкий деревянный стол.

— Слезай, — недружелюбно предложил мужичок.

— Меня Володя зовут. — Я решил, что надо все же как-то завязывать отношения.

— Нормальное имя, — мрачно ответил собе-

седник, показывая, что друзьями мы уже вряд ли станем.

Я спустил ноги с каталки — до пола было еще сантиметров тридцать, пришлось соскальзывать. И это оказалось больно — от простого, в общем-то, движения сразу заболели ребра, перехватило дыхание, а еще остро пронзило голень.

Не удержавшись на ногах, я скрючился на полу. Было больно, но, подтянув ноги к животу, я нашел положение, в котором стало почти нормально.

— Не выеживайся тут, все равно не поверю, — заявил мужичок.

На мне была длинная женская сорочка — под колени любой девке, мне она доставала до щиколоток. Когда я упал, сорочка задралась, и я обнаружил у себя на икре странную конструкцию — небольшую коробочку с алым светодиодом, от которой прямо в мышцу шел провод, выходил с другой стороны и обхватывал ногу под коленной чашечкой.

Место, где провод протыкал мышцу, болело.

— Есть нормальная одежда? — уточнил я, даже не пытаясь встать.

— Найдем что-нибудь.

Мужичок подошел ко мне, опустился на корточки, словно собираясь поднять меня — хотя

куда ему, хилому? — но сам понял глупость намерения, встал и вышел из комнаты, вытаскивая за собой каталку.

Постанывая, я перевернулся на колени, оперся на ближайшие нары, с длинным «а-а-ах!» привстал и залез на ложе, тут же сворачиваясь в клубок в поисках положения, где ребра будут болеть не так сильно.

При этом лечь получилось лицом к стене, я даже и пытаться перевернуться обратно не стал.

Некоторое время ничего не происходило, и я начал проваливаться в какой-то муторный сон, в котором я почему-то должен был родиться еще раз, из недр гигантской статуи Неизвестной Матери. Я плавал там в вязкой гудронной жиже, и мне было хорошо, а снаружи раздавался неразборчивый голос мамы, которая явно собиралась вытащить меня из моего уютного состояния.

— Вгржж! — рявкнул голос рядом, и это была не мать. Механический переводчик продублировал:

— Вставай, нам пора. Я Тиара.

Я попробовал перевернуться, и это вызвало каскад боли, которая прошла по мне кривой волной. Перевернуться удалось, и я даже смог сесть на кровати. Рядом стояла девка в офицерской форме

самообороны, коренастая, мощная, с грубыми чертами лица, словно высеченными из гранита.

На койке напротив лежала стопка одежды: серые рубаха, штаны, белье — ужасные подштанники, судя по размеру, до колен — и светло-коричневые кожаные чешки.

Я с трудом встал — это было больно, но на удивление ноги держали — и прошел мимо Тиары к одежде.

— Мне надо переодеться, — сказал я хрипло.

— Переодевайся, я сняла напряжение, — равнодушно сказала она.

Видимо, это значило, что угрозы Блеска нет. Выбирая между дефиле в гигантской женской сорочке и переодеванием при офицере, я предпочел второе.

В сознательном возрасте я полностью обнажался только при Раннэ и — очень редко и ненадолго — при Айранэ.

Мне, наверное, следовало испытывать стыд или страх, но на удивление я не чувствовал ни того ни другого. Повернувшись спиной к офицеру, я снял сорочку, в последний момент не удержавшись от стона — было очень больно тянуться. Затем спокойно, не торопясь, надел подштанники, штаны и рубаху.

Под рубахой обнаружились две атласные ленты — белая и синяя. Вспомнив рассказ мужичка, взял синюю и намотал ее на плечо, засунув край ленты за намотанное.

Затем сел на кровать и — снова со стоном, не удержавшись — попробовал надеть чешки, но не справился, сгибаться оказалось тоже больно.

— Гржвх, — сказала Тиара, что тут же перевела коробочка у нее на поясе:

— Так мы до вечера провозимся.

Она встала передо мной на одно колено и ловко надела мне чешки, после чего вышла из комнаты, подразумевая, видимо, что я должен следовать за ней.

Я с трудом встал и обнаружил, что идти, в общем-то, могу. Тяжело садиться, ложиться, вставать и переворачиваться — но уж если встал, то двигаться хоть и больно, но не мучительно.

Довольно быстро нашел темп — не слишком быстрый, но и не совсем медленный, — при котором можно было хромать более-менее нормально.

Тиара убегала вперед, потом притормаживала, ждала, пока я почти нагоню ее, при этом кривила недовольно губы и снова уносилась, чтобы опять остановиться и ждать.

Я вышел за ней во внутренний двор общежития. Вечер ласковым закатным солнцем не доставал до низа двора-колодца, но освещал витражные окна третьего и четвертого этажей, а также верхушки тополей, росших внутри двора.

На вкопанных наполовину старых шинах, раскрашенных в яркие кислотные цвета, сидели полтора десятка девок-низших, все в форме офицеров женской самообороны, и у всех на кителях слева красовалась нашивка в виде красной соски.

«Соска, не пулемет», — понял я.

На груди у всех был еще шеврон с именем, группой крови и надписью «КМ». Тиара подошла к одной из сидящих, взяла у нее китель и надела поверх форменной рубашки, став практически неотличимой от остальных.

Некоторые разглядывали меня, тихо переговариваясь, другие делали вид, что не обращают внимания, но все равно нет-нет да бросали осторожные взгляды.

— Я пленник? — спросил я громко.

Тиара тут же вскинулась и в один прыжок оказалась возле меня, словно заслоняя от остальных.

— Ты гость, — перевел ее фразу коммутатор

на поясе. — А я твой проводник… Гид по Торжку. Сейчас мы съездим на одну увлекательную экскурсию.

Все девки дружно грохнули смехом, — видимо, «экскурсия» предполагалась необычная. Два офицера приблизились и заговорили с Тиарой, но, конечно же, на неразборчивом, слишком быстром женском языке.

Отключенный рекогнайзер не переводил. У меня от стояния на месте заныли ребра, и я скрючился, чтобы стало чуть легче.

Через некоторое время подруги Тиары отошли, и она встала напротив меня, таращась в упор. Под ее взглядом я слегка распрямился.

— У меня нет опыта общения с мужчинами, — сказала она через коммуникатор. — И я вообще не мастер разговаривать. Мне двадцать шесть, и я ни разу не рожала. И не рожала бы. Но я уже четыре года младшая тетка…

Видя непонимание в моих глазах, она скривилась, сплюнула и пояснила:

— Старший лейтенант в мужской терминологии. Начинаешь с младшей сестры в училище, потом, когда выпускаешься, — сестра, потом старшая сестра, потом младшая тетка. Если ты не замужем и без выводка детей — то матерью по

нашим рангам ты никогда не станешь, а замуж… Ну, у меня собака-то сдохла через месяц, а мужа я или сама прибью, или он меня ночью придушит в первую же неделю.

Тиара замолчала, настороженно поглядывая на меня. Возникло ощущение, что она задала какой-то вопрос и ждет ответа, но я вопроса не почувствовал. Рекогнайзер не передавал интонаций, — возможно, в этом и заключалась проблема.

— При чем здесь я?

Тиара тяжело выдохнула — все это время она, судя по всему, не дышала.

— Ты сын Волкова. Сын Анаит. Твои родители — легенда. Сделай мне ребенка. Я сразу напишу расписку, что ты ничего не должен, что не имею претензий. Я рожу дочь, мне дадут «тетку», потом я совершу какой-нибудь подвиг и прорвусь дальше, без этого жогового замужества!

Она смотрела на меня широко открытыми глазами, не моргая и вроде бы не дыша.

— Я женат, — ответил я и тут же осознал, насколько слабо, беспомощно и глупо это звучит.

Вроде как я на самом деле готов в любой момент, да вот только жена будет против! Да, типа можно купить ей миндальный торт с безе и взби-

тыми сливками, но у нее на сладкое уже аллергия, а кроме того, мама мне сказала не разговаривать с незнакомыми тетками…

— Я сплю только с теми, кто мне близок, — поправился я.

— Тебя поимела кто-то из наших, в Блеске, когда вы впервые увиделись, а потом ты с ней еще раз спал, — тут же ответила Тиара. Судя по всему, первый ответ — про то, что я женат, — был для нее более убедительным.

Она знала про Раннэ, и у меня теперь, судя по всему, была определенная, не сказать чтобы слишком лестная, репутация.

— Если тебе нравится, когда баба в Блеске, можно и так, — превратно истолковав мое молчание, продолжила Тиара. — Надо будет подождать пару недель, я сейчас «пустая», у нас по уставу после дежурства в Бурю положено скидывать напряжение.

— Прямо по уставу? — удивился я. — Не рекомендация, а прям правило такое?

— Конечно. — Тиара пожала плечами. — А как иначе? Перед Бурей скидываешь — чтобы в Буре прикрывать подруг в строю, а не «заблестеть» ненароком. При этом вокруг тебя куча теток в Буре, это дергает тебя гормонально, и когда воз-

вращаешься, ты как граната без чеки — точно рванешь, но непонятно, сейчас или через пару секунд. Как ты на дежурство выйдешь, да даже на тренировку, если можешь «заблестеть» в любой момент? Ты же всех подставишь!

«Скидываешь» — это, видимо, эвфемизм для секса без обязательств. Чтобы даже мысли не закралось о том, что соединение мужчины и женщины может подразумевать что-то еще, помимо обычной физиологии.

— А как к этому относятся… ваши партнеры? — уточнил я.

— С академией у отряда договор, — ответила Тиара. — Белая лента — готов, синяя — не готов. Белые ленты получают деньги и разные возможности. Есть один парень, я его часто выбираю, он скульптор и хочет свою мастерскую, у них одна на кучу народа. Он меня звал натурщицей, ну, когда у него будет уже отдельное место.

— Может, тебе за него замуж выйти?

— Что он мне плохого сделал? — рассмеялась Тиара. — Нет, замуж я не пойду, это не для меня. Скажи, что тебе нужно? Чего ты хочешь? Здесь, в Торжке, я многое могу.

Она просто не понимала. Для нее — впрочем, как и для большинства низших, независимо

от пола, — секс был всего лишь физиологией. Сейчас, когда я задумался об этом, передо мной открылась настоящая бездна.

Высшие выстраивали по кирпичику стену, которую скрепляли привнесенными смыслами. Любовь, ответственность, привязанность, долг, семья, обязательства перед будущими поколениями, перед детьми и родителями, перед кланом — все это укладывалось одно к одному, цеплялось друг за друга, но там, в основе, в глубине, был всего лишь секс.

Простая физиология.

И упасть туда, вниз, теряя по пути все эти смыслы, для меня было невыносимо.

Но и объяснить это Тиаре вот так, через коммуникатор, я никак не мог.

А еще — я вроде как предал все эти смыслы, когда переспал с Раннэ во второй раз. Первый можно понять: это был Блеск. Это не просто извиняло меня, это ставило меня в позицию потерпевшего, жертвы обстоятельств.

Но — второй раз… Я стал животным? Низшим? Отринул все ценности семьи, предал любовь?

А с другой стороны, ведь не было же любви. Я вспомнил, как в школе смотрел через приоткрытую дверь на Айранэ, которая стирала со

школьной доски мел, и мне казалось, что она — божественна, что в ней сходятся все линии Неизвестных Матерей.

Это точно была юношеская влюбленность, и я был не просто рад — я был счастлив, когда тетя Акато вызвала меня к себе и сообщила, что мои родители договорились с родителями Айранэ и она станет моей женой.

Но это было короткое счастье, которое разбилось о то, что после свадьбы мы стали даже более чужими, чем были до.

Внезапно я понял, что, если бы тогда я добивался Айранэ, если бы нам не разрешали встречаться, если бы в наших отношениях была хоть капля запретности, если бы я приложил хоть какие-то усилия, — все могло бы сложиться совсем иначе.

— Это невозможно… — начал я говорить, но тут во двор въехал длинный черный автобус с закрашенными окнами и большой красной соской, над которой было написано «Кровь с молоком».

И тут я вспомнил: я читал про этот отряд, давно, чуть ли не в школе. Это было элитное подразделение, которое участвовало во множестве разных конфликтов, вроде бы и в Хаффе, когда там после какого-то теракта грянула гражданская война, и в Таллине — во время страшных событий сорок

лет назад, — и много где еще.

Одно из самых боеспособных подразделений Славянского Союза. И именно они, судя по всему, обеспечивали безопасность моей матери во время Бури в дистрикте Тверь, а потом взяли меня и увезли сюда…

Зачем?

Затем, что я связался с жогом, а у матери на носу выборы, и если я рядом, то с меня спросят, а если далеко — то нет.

Тут же, словно сметенная ветром луковая шелуха, осыпались все мысли о женском и мужском, о боли, о моей судьбе.

Я вспомнил, что произошло вчера ночью, как мы пытались вытащить Ягайло и как он предал меня, заставляя сжечь самого себя.

Если бы Ягайло не убили — кстати, как это сделали? девки из спецназа бежали оттуда как от чумы, — то умер бы я.

И — что теперь с дядей? Он остался жив, — во всяком случае, я видел его в здравии перед тем, как потерял сознание.

А еще — почему меня не разорвали на части, когда я кинулся к матери, выбранной «королевой красоты»?

— В автобус, — потребовала Тиара, толкая меня

в спину.

Передо мной встала плотная тетка в бронежилете поверх форменной рубахи и затараторила на верхней, женской речи, не пуская меня вперед.

Тиара что-то сказала, и через мгновение меня оттеснили в сторону, а две женщины стояли друг напротив друга и орали так высоко и быстро, как при мне, по-моему, еще не говорили ни разу.

Через пару минут они успокоились и меня пустили в автобус. Там крепко пахло женским потом, табаком и оружейной смазкой. Едва за мной закрылась дверь автобуса, как он тронулся, и я чуть не упал — Тиара в последний момент подхватила меня и протолкнула вперед, я прошел мимо первых двух рядов, когда сзади кто-то шлепнул меня по заду, что вызвало дружный женский смех.

Я выпрямился. Это было больно — в скрюченном положении ребра почти не тревожили, но если вытянуться — напоминали о себе каждый миг, реагируя на любое движение.

Но я не мог иначе, я выпрямился, будто проглотив палку, а лицо мое стало серьезным и сосредоточенным, словно я шел выпить чаю с любимым дядюшкой в новое кафе, в котором подавали обалденный стейк, и этим открытием

я собирался поделиться с важным для себя человеком.

Я шел вперед между рядами, сверху с ручек свисали жилеты-разгрузки и брони, я переступал через рюкзаки и короткие, незнакомые мне винтовки без магазинов, закрепленные у сидений.

Меня толкали в бок, так чтобы я, по задумке ударившего, упал на девку в соседнем ряду, щупали за бедро, мне что-то говорили — без коммутатора, так чтобы все слышали, но при этом я не понимал.

Я умудрился удержаться и пройти, ни разу не упав, не обернувшись, не сбавив темп.

При этом в голове у меня было пусто и чисто, но, только сев на свободное место в конце автобуса, я понял: в самом начале я вошел в мужской транс. Он, в общем-то, и был рассчитан как раз на то, чтобы с минимальными потерями проходить через любые болезненные, страшные или монотонные ситуации.

При этом мужчины высшего класса отказывались от транса, считая его животным проявлением, и из любой ситуации старались вынести как можно больше, получив пусть и болезненный, но опыт.

Я делал так же — всю сознательную жизнь. Но

последнюю неделю что-то во мне поменялось — и сейчас, вместо того чтобы прочитать мантру и не войти в транс, сполна испытав унижение, я просто позволил трансу завладеть собой и теперь мог думать о происходящем вокруг так, словно это творится с кем-то другим.

— Извини их, они простые бойцы, и в их жизни мало радости, — сказала Тиара, садясь рядом со мной.

При этом я видел — она не извинялась. Она полностью оправдывала своих подруг и с легкостью представляла себя на их месте.

— А что случилось? — уточнил я. — Ну, кроме того, что твои подруги ужасно неуклюжи?

Тиара сверкнула глазами, ей такой ответ явно не понравился.

— Куда мы едем? — спросил я через пару минут.

Сквозь окна изнутри был немного виден город. Помельче, чем столица дистрикта, не такой ухоженный, не такой современный. Но — старинный, с оживленным движением и множеством людей и машин.

Снаружи сквозь замазанные краской стекла сидящих внутри женщин в форме видно не было, и люди могли только гадать: едет машина спецназа

на обслуживание или заправку либо же набита командой, которая в любой момент выскочит и приступит к выполнению очередной задачи, в чем бы она ни заключалась.

— В Стрелецкую коммуну, — ответила Тиара. — Там с утра повар что-то не то приготовил, они то ли собирались его избить, то ли просто поговорить с ним хотели, но мужское руководство решило защитить, бузящие впали в ваш мужской транс.

— Это мужское дело, почему этим не занимается милиция? — уточнил я.

— Отряд милиции встал на пути протестующих, вошел в транс, чтобы остановить их, а потом объединился с толпой, и теперь они вместе. Я слышала, что и администрация, и тот самый повар — тоже с ними, их теперь тысяч пять или около того, и они уже на полпути между коммуной и кремлем. У нас под городом двадцать тысяч мужчин в армии, но их, понятное дело, никто на толпу теперь не направит.

Я кивнул. Такое случалось, хотя и нечасто: если вошедшие в мужской транс бунтовщики были искренне уверены в том, что делают, а милиция или армия — столь же искренне не уверены в своей правоте, бунтовщики присоединяли к себе

всех сомневающихся.

— А что здесь делаю я?

— У меня пульт от твоего маркера. Ну, та штука, которую тебе вставили в ногу. Если ты окажешься от меня дальше чем в двухстах метрах, она завоет и начнет бить тебя током.

Я кивнул.

При этом мне показалось совершеннейшей глупостью, что Тиара, которой меня доверили, поехала на задание вместе со мной.

Этому могло быть несколько объяснений. Во-первых, она могла ступить. Во-вторых, возможно, мне пытались что-то доказать и продемонстрировать — с мамы сталось бы. Но тут вопрос — как бы моя мать могла предсказать это восстание? В-третьих, ситуация могла показаться кому-то настолько критичной, что на подавление толпы мужчин подняли всех, невзирая на усталость, смены и параллельные задачи.

Тем временем девушка прямо передо мной встала, скинула китель на плечики, которые выдвинула из спинки переднего кресла, и накинула на себя бронежилет, а поверх него — разгрузку.

То же самое начали делать остальные, и Тиара что-то крикнула, ей ответили несколько голосов, и через мгновение она протянула мне бронник,

который пришелся мне почти впору.

Мы вышли из автобуса — рядом оказалось еще с десяток таких же: три черных, с сосками, штук пять желтых, с бабочками, и два красных, с головой единорога.

Вокруг было натуральное роение женщин в форме, и я мгновенно потерял Тиару из вида. Меня толкали и пихали, но на этот раз — просто потому, что в небольшом пространстве сбилась толпа из нескольких сотен крепких женщин с оружием и в полном снаряжении.

Тиара сама нашла меня, напялила на голову шлем, сама же затянула — я не смог сходу разобраться с застежкой — и сразу опустила забрало.

Я все еще был одним из самых приземистых в этой толпе, но я хоть и мужчина, но высший — а значит, довольно высокий. А среди бойцов женского спецназа сила ценилась явно больше, чем рост, поэтому многие были лишь чуть выше меня.

Тиара вывела меня на какую-то странную машину, посадив в кабину рядом с радостной девушкой-водительницей, мы тут же стартанули и помчались по узкой пустой улице, навстречу нам на такой же скорости несся тот же транспорт — я был уверен, что мы столкнемся, здесь с трудом

разъехались бы две легковушки, но спецмашины разошлись, по моему ощущению, в волосе друг от друга.

При этом я смог разглядеть встречный автомобиль — это была цистерна с двумя водометными кабинами вверху, а на бортах сидело по несколько уставших девок с винтовками, некоторые были в крови, но все держались бодро, хотя и выглядели потрепанными.

С нашей машины что-то крикнули, со встречной ответили, грохнул взрыв хохота — и вот мы уже разминулись.

А потом мы выбрались на широченный проспект в десяток полос, по которому на нас перла толпа, и я сразу же обнаружил, что читаю мантру.

Если бы я не был высшим, если бы не тренировался годами, меня бы захватило потоком мужского транса невероятной мощи и глубины.

В этом трансе сходилось все: и невозможность нормально зарабатывать, и зависть перед теми, кто может позволить себе собственный дом и семью, а не жизнь до старости в общежитии. И ощущение, что тебя обманывают день за днем, год за годом. При этом, даже когда ловят шулеров на вранье, они скидывают мелкую карту, отдавая

кого-то из своих в руки правосудия, а то и просто покаянно кивая… И дальше продолжают фестиваль лжи.

Я не знал, что именно вызвало восстание, — но понимал, что это был всего лишь повод. Власти Торжка заигрались; у нас, в столице дистрикта, такие настроения выявляли задолго до взрыва и устраивали праздники, привозили иностранных артистов или снимали кино прямо в центре анклава, привлекая местных как массовку, давая им не только немного денег, но и возможность увидеть себя в кадре в фильме или сериале.

Разделяющий нас и толпу строй женского спецназа из нескольких подразделений я заметил не сразу: тонкая отступающая нить со щитами в полный рост, из которой время от времени выносили кого-то на носилках или выводили, держа под руки, и куда влезали женщины-офицеры из стоящего тут же резерва.

Наша машина подъехала почти вплотную к нити спецназа и сразу начала заливать мощной водной струей напирающую толпу в паре с такой же машиной, уже работающей правее.

Это вызвало радостные крики у защитников и мрачное гудение в толпе.

Я видел, как струей некоторых вырывало из

транса: потеряв сосредоточенность, люди вертели головами и пытались вырваться из толпы, не готовые рисковать жизнью и здоровьем.

Другие теряли сознание — и либо соскальзывали на землю, где их перемалывала ногами толпа, либо висели между окружающими их товарищами — так плотно было набито людьми пространство перед ниткой щитов спецназа.

Их было много, очень много — мужчин, напирающих на нас. Я читал мантру, но понимал, что если вдруг спецназ сомнут — у меня будет единственный выход. Подчиниться наваливающемуся трансу, войти в него и присоединиться к толпе.

У водительницы, сидящей рядом со мной, такого варианта не было, но она об этом и не думала, медленно, со скоростью метр в минуту — ровно так же, как отступала нитка спецназа, — отъезжая назад, стараясь и не уехать слишком далеко, где струя станет не такой мощной, и не остаться слишком близко, мешая отступать защитницам улицы.

А потом из толпы с гигантской скоростью — в обычном состоянии человек не метнет так сильно, но в мужском трансе это возможно — вылетел булыжник, вырванный из мостовой, и брониро-

ванное стекло перед водительницей покрылось мелкой сетью трещин.

Она заорала что-то неразборчивое на женской речи, и мне даже показалось, что я уловил поминание жога, а потом нажала кнопку, пытаясь опустить стекло.

Стекло не опустилось даже наполовину, когда слева — от ряда пятиэтажек, а не из толпы, откуда мы ждали угрозы, — что-то мелькнуло, громко звякнуло о шлем водительницы и упало наружу, заволакивая колеса автомобиля дымом.

А моя соседка безвольно откинулась на руль, выкручивая его влево.

Наступило мгновение выбора. И тот факт, что выстрел — скорее всего, из подствольника — последовал со стороны домов, а не из толпы в трансе, — заставил меня навалиться на руль и выкрутить его обратно, возвращая машину на старую траекторию, а затем перетащить женщину на свое место.

Наверное, на несколько мгновений я все же вошел в транс — не общий с толпой, а свой, личный, — потому что высокая и тяжелая женщина в полном обмундировании, да еще в тесной кабине, да еще для человека с несколькими то ли сломанными, то ли треснувшими ребрами, всего лишь

туго замотанными повязкой, — это слишком.

А я смог перетащить ее на свое место и даже ощутил на какой-то момент иррациональное возбуждение, словно организм, почувствовавший близость неожиданной смерти, решил напоследок взыграть.

Но потом мне стало так больно, что возбуждение ушло, а я уже сидел на водительском месте и видел, что на самом деле сеть трещин не особенно закрывает обзор.

А вот что было действительно плохо — так это то, что за несколько мгновений вторая машина, ехавшая справа, не только снесла тонкую полосу спецназа перед собой, но еще и перевернулась, погребя одну из двух поливальных команд под бортом и выкинув вторую прямо в толпу.

От криков ярости и возбуждения у меня звенело в ушах, — оказывается, пока окно в машине было закрыто, оно спасало не только от камней, но и от звуков, которыми переполнялось окружающее пространство, как переполнен камушками и ракушками пластиковый стакан мальчишки, впервые приехавшего на море.

Я резко вырулил направо, закрывая дыру в обороне, при этом бортом ударил нескольких мужчин, успевших перелезть через опрокинутый

автомобиль, затем сманеврировал так, чтобы дать возможность работать обеим командам водометов на своей машине.

Если бы пару дней назад я не освоил минивэн Раннэ, сейчас на этой махине я не смог бы проехать и метра.

Но теперь у меня появилось понимание механики сцепления, а то, что на коробке передач не пять скоростей, а восемь, меня уже не смущало.

Я был на грани мужского транса, точнее — двух трансов, своего — слабого, профессионального, позволяющего вести машину — и боевого транса толпы, которая охватывала машину с двух сторон, норовя замкнуть ее в кольцо.

Отъезжая назад на несколько метров и двигаясь почти сразу вперед, резко трогаясь и не менее резко тормозя, я рисковал скинуть свои команды водометов и прикрытия — но не мог поступить иначе, так как при более плавном движении нападавшие запрыгнули бы на подножки и залезли на борт.

Не знаю, сколько это длилось — может, минуту, может, полчаса, — но только в какой-то момент с боков нам в тыл зашла команда спецназа со щитами, восстанавливая линию, и почти сразу загрохотали пулеметы.

Я ждал, что на груди у мужчин расцветут кровавые цветы — но нет, их откидывало, они падали, однако крови почти не было. Пулеметы стреляли резиновыми пулями.

И толпа схлынула. Напор ослаб, а затем я увидел, как то один, то другой вскидывают голову — транс заканчивался.

Мужской транс зависит от успешности вашего дела; и боевой тоже. Пока твой строй наступает, пока он двигается, пусть и по колено в крови, вперед — транс держит тебя, увеличивая твои силы и заставляя уверяться в своей правоте все больше и больше.

Но едва строй отступит, едва один за другим побегут те, кто струсил, как только удача улыбнется полководцам врагов — транс рассыплется, уйдет, забирая с собой и веру в правое дело, и удесятеренные силы.

Я мог бы ехать вперед за наступающей полосой спецназа, но это было бессмысленно — и потому я просто остановил машину, поднял ручник и застонал — теперь болели не только ребра, ныл весь верх тела, а внизу, там, где стоял маркер, огнем пронзало ногу от колена до стопы.

Открыв водительскую дверь, я выпал на руки Тиары, подскочившей с грозным и радостным

выражением лица, которое не могла скрыть даже прозрачная пластина забрала.

— Гржж? — требовательно крикнула она, бросила меня на асфальт, затем нырнула в кабину, а через мгновение вылезла, включила коммутатор и уточнила: — Это ты нас спас?

Вокруг собралась толпа женщин-офицеров, некоторых из них я помнил по автобусу — не такими помятыми, без ссадин и грязи на камуфляже.

— Давно мечтал покататься на большой машине, — сказал я.

И почти сразу понял — не соврал. Всплыло давно потерянное в недрах памяти: мне лет пять или шесть, я увидел гигантский мусоровоз. Рядом был кто-то из дядьев, по-моему, дядя Лёня, и я сказал ему, что, когда вырасту, стану водителем мусоровоза, а он долго смеялся и трепал меня по голове.

Вечером все дядья по очереди спрашивали меня, кем я хочу быть, и я им сообщал про водителя, каждый раз менее уверенно, и в конце, последнему, сказал: «Кем захочу, тем и стану!» Дед Митяй, который наблюдал за этим с неодобрением, сказал что-то вроде: «Вам бы всем не мешало стать уже хоть кем-то, берите пример с мальца».

Подошла высокая женщина, как и все — в

полной экипировке, задрала мне рукав рубахи, шлепнула по внутренней стороне предплечья шприц-тюбиком, и все стало как будто ненастоящим.

Потом меня куда-то несли, везли. Рядом орали — по-женски, высоко и яростно, непонятно. Я при этом сознания не терял, но происходящее меня не интересовало. Я помнил, что должна быть боль, я искал ее и с удивлением не находил, хотя вроде как получалось опознать места, где она жила раньше.

Потом я все же вырубился.

Проснулся я оттого, что кто-то гладил меня по лицу.

— Раннэ… — пробормотал я и открыл глаза.

Это была Айранэ — моя жена, которую я последний раз видел в больнице, где врач, Гоша Володиевич, обещал, что с ней будет все в порядке.

Айранэ выглядела грустной и измученной, но, как только поняла, что я очнулся, ее лицо осветилось такой детской радостью, что я почувствовал себя предателем.

Я с облегчением подумал о том, что произнес имя Раннэ на низкой, мужской речи.

— Вжжзх, — сказала она, а лежащий на столе в изголовье мобильный телефон сообщил громко и оптимистично:

— Здравствуй, Володя, и я не Раннэ.

— А-а-а-а… — простонал я.

— Больно?

— Нормально.

Мы уже подошли к порогу «пара реплик одна за другой» — это был наш самый длинный и содержательный разговор за восемь лет брака.

И я совершенно не понимал, о чем с ней говорить. То есть, наверное, можно о чем угодно, о погоде, о выборах — хотя о выборах, скорее, не

надо…

— Как ты здесь оказалась? Хотя… Мы в Торжке? Или в Твери?

— В Торжке, и меня послала сюда твоя мать. — Айранэ встала, и лицо ее приняло обычное выражение, холодное и высокомерное, впрочем, как и у большинства наших женщин. — Она сказала, что ты завел постоянную любовницу, — слово «постоянную» жена выделила с большим неодобрением, — и связался с хейсами. И что если я тебя не вытащу, то потеряю.

Она стояла надо мной — не выздоровевшая еще окончательно, прямая, натянутая как струна. Я запутался: какая Айранэ настоящая? Та, которая трогала меня за лицо? Или эта, знакомая мне по всем этим годам, с требованием, чтобы я выполнял свои обязанности, не переходя граней ни в одном направлении?

— Хейс — мой дядя, он родил жога и пытался спасти…

Айранэ тут же подскочила и зажала мне рот, оглядываясь вокруг.

— Ты бредишь, бредишь, — сказала она. — Никаких жогов нет. Это сказки. Может быть, в Индии, или на Мадагаскаре, да, на Мадагаскаре они точно могут быть! Здесь, в самом сердце

Славянского Союза, их нет и быть не может! Тебя ударили по голове. Причина в этом.

И тут что-то во мне в очередной раз сломалось.

Не из-за того, *что* она говорила, а из-за того — *как*. За время нашего брака я успел потерять ту девчонку, которая старательно вытирала доску от мела, прикусив губу и загнув одну ногу в колене назад.

В моем восприятии она из человека превратилась в функцию, требовательную, надоедливую, все время ждущую чего-то от меня и нередко разочарованную.

Она из любимой женщины стала мамой-в-миниатюре. Конечно, много значило то, что мы не могли нормально поговорить — но нам, в общем-то, и незачем было это делать.

А сейчас за этой бездушной функцией внезапно проявилась девчонка, в которую я влюбился подростком, и я совсем запутался.

— Сейчас к тебе придут, — зашептала Айранэ, косясь на телефон, — судя по всему, она хотела бы сказать это мне на ухо, но тогда я бы услышал только непонятную мне женскую речь, а не перевод. — Отнесись к этому серьезно. И оставь уже свои фантазии про жогов.

В дверь постучали, и, не ожидая разрешения,

вошла высокая, статная старуха с длинными седыми волосами.

Айранэ сделала чуть заметный книксен — скорее даже наметила, чем сделала, — и выскользнула из комнаты.

Телефон остался на столе. Старуха неодобрительно посмотрела на него, толкнула длинным ухоженным ногтем, устройство проехало по лакированной поверхности несколько сантиметров.

— Тебя не должно было там быть, — сказала она, с интересом глядя на телефон.

Я сразу понял, о чем она говорит: о бунте. Значит, Тиара просто ступила, взяв меня с собой. Она должна была либо передать меня кому-то другому, либо остаться в общежитии. Но она одновременно хотела помочь отряду и связывала со мной свои сокровенные мечты и в итоге совершила ошибку.

— Меня зовут Ариадна.

Имя было мне знакомо. Женщины с таким именем совершали разные великие деяния в прошлом, это одно из нескольких сотен самых дорогих имен в мире, за него платят большие деньги, чтобы от умершей женщины оно перешло к девочке-подростку, впервые познавшей Блеск.

И конечно же, я знал *эту* Ариадну — она была координатором совета безопасности Славянского Союза, вроде бы из княжества Мачва, это где-то в Сербии, мелкая земля, по недоразумению ставшая самостоятельной внутри нашей конфедерации.

Про Ариадну болтали, что она чуть ли не руководит всем Союзом, хотя, естественно, никто не мог единолично им руководить. Но влияние у нее было громадное.

— Меня зовут Володя, но вы это и так знаете, — ответил я.

— Ты сделал кое-что важное. — Ариадна не дала сбить себя, смахнув мои слова из беседы так, словно их там и не было. — Ты мог не делать, но сделал. Выиграл десять минут, не позволив восставшим прорваться к торжокскому кремлю.

— Бывает, — сказал я.

— Не бывает, — ответила Ариадна. — Ты не понимаешь. Твой отец трижды спасал нас, последний раз — не далее как позавчера, когда с шестисот метров одним выстрелом обезвредил жога, находящегося в состоянии берсерка. У жогов две независимые кровеносные системы, их тысячи лет уничтожали, и природа сделала их почти бессмертными. Снайпер, промахнувшийся

в жога, в следующее мгновение убьет себя. Жог умеет стрелять феромонами на сотни метров, если находится в состоянии берсерка.

— Ягайло мертв? — уточнил я.

— Он был в клинической смерти двадцать одну минуту, затем ожил и сразу впал в кому, — сказала Ариадна. — Его должны были добить, обязаны, законы Союза едины для всех, но у некоторых врачей свои представления о правильном. Мы оформляли документы, чтобы забрать его из больницы и казнить… Но через несколько часов его выкрали, хотя мы уже взяли за его тело весьма немалые деньги от Македонского университета. Очень неприятная история. У меня есть подозрения, кто это сделал. Я думаю, они не будут возиться с ним. Мертвый жог не дешевле живого, и надо только подождать, когда труп появится на черном рынке, дальше мы разберемся. Но я не об этом. Твой отец имеет свойство оказываться в нужном месте в нужное время. Ты такой же, как он.

— Я не такой!

Я вспомнил презрительное высокомерие отца, то, как наплевательски он относился ко мне. Вспомнил рассказ дяди Семы про то, как отец фактически забрал его жену себе. Вспомнил, как

отец шептал что-то Айранэ перед свадьбой.

Он был другим, точно другим.

— Ты можешь не соглашаться, сопротивляться, доказывать что угодно. — Старуха тронула мой лоб и улыбнулась так, словно увидела своего любимого внука. — Но ты как твой отец. Пока ты был отбракованным, никчемным мальчишкой, мне было плевать на тебя. Но все изменилось, и теперь уж я тебя не оставлю.

— Что это значит? — спросил я.

Ариадна провела сухой морщинистой ладонью, словно гребнем, по моим волосам, потом еще раз, а затем сказала:

— Что спрос с тебя будет очень высоким. Но нельзя приносить только плохие новости, ты можешь задать мне три вопроса, и я отвечу на них так честно, как только смогу. Первый вопрос.

— Женщины правят миром? — брякнул я и тут же прикусил язык.

Ариадна явно задумалась. Некоторое время она молчала, двигая телефон ногтем на столе то влево, то вправо, а затем сказала:

— Скорее да, чем нет. Мы забрали себе культуру, историю и археологию, где мужчины скорее исключение, чем правило. Наш мир хрупок, и его основой является знание о нашем появлении

как цивилизации. Изменив небольшой акцент в трактовке старинного манускрипта, можно вызвать революцию или укрепить власть одной группы людей над другой. Иногда мы проворачиваем что-то подобное. Но у мужчин есть свои рычаги, и порой они очень удивляют нас, и меня в том числе. Следующий вопрос.

— Приезд дяди, вчерашний бунт — это все из-за того, что мама собирается стать президентом дистрикта?

— Плохой вопрос, — улыбнулась Ариадна. — Но я не буду придираться и отвечу на правильный. Президентство в дистрикте — всего лишь ступень. Твоя мать стремится гораздо выше, и есть силы, которые хотели бы остановить ее как можно раньше. Твоя мать — умная девочка и далеко пойдет, если ее не остановят. Дядя с жогом, вчерашнее восстание и многое, многое другое — это часть большой игры, в которой твоя мать — пока лишь проходная пешка. Она наша проходная пешка, и нам выгодно, чтобы она стала ферзем. Последний вопрос.

— А вы — это кто?

Ариадна встала, выключила телефон, сняла с него крышку, вытряхнула аккумулятор, а затем на средней речи, ближе даже к мужской низкой,

сказала:

— Мы — это те, кто хочет, чтобы мужчины и женщины стали по-настоящему едиными. Не как сейчас. Без кланов, без анклавов и коммун.

— А это возможно? — спросил я.

— Четвертый вопрос не входит в сделку, — усмехнулась Ариадна. — Ну, скажи мне комплимент, как хорошо я говорю на низкой речи!

— Просто удивительно, — сказал я. — Если бы я только что не слышал, как вы говорите на высокой, то подумал бы, что вы приняли тарди.

Ариадна расцвела. Она снова погладила меня по голове.

— Будь я моложе лет на сорок, — задумчиво произнесла она, — а лучше на пятьдесят… Ладно, мальчик, хочу тебе сказать одно: не вздумай пытаться разойтись с Айранэ. И поверь мне, это очень добрый совет.

После этого старуха сунула руку мне в волосы, легонько дернула за них, затем встала и удалилась.

Не прошло и минуты, как в комнату, толкая небольшую медицинскую этажерку на колесах, вошел старенький высший в синем врачебном халате. Когда-то он был очень высок, почти вровень с женщинами, но годы его согнули и

высушили, превратив сочный абрикос в уродливую курагу.

По его манерам, по уверенным движениям я предположил, что это какой-нибудь главврач или уж как минимум начмед. Прислав именно его, Ариадна явно выказывала мне свое расположение.

— Ну-с, молодой человек, я смотрел вашу карту, — сказал старичок. — Можете называть меня просто Ваня. Если воспитание не позволяет — Ваня Ваниевич или Ван Ваныч.

— Добрый… Доброе время суток, Ван Ваныч. — Я не сразу сообразил, что понятия не имею, утро сейчас или вечер. — А меня зовут…

— Я же сказал, — улыбаясь, перебил меня Ван Ваныч, — что смотрел вашу карту!

При этом он поморщился, и я догадался, что происходящее не доставляет ему ни малейшего удовольствия, а имя мое он уже забыл и вспоминать не собирается.

— Откройте рот, молодой человек… Скажите: «А-а-а»… Давайте посмотрим ваши глаза… Отлично… Поднимем сорочку… Дышите… Не дышите… Здесь больно? А здесь? Ну, не надо стонать, это не может быть настолько плохо!

Он осмотрел меня за пару минут, помечая

что-то у себя на планшете, затем неожиданно подмигнул.

— Вы знаете, в чем наша сила? — спросил Ван Ваныч. Я на мгновение напрягся, подозревая подвох, но врач тут же продолжил, показывая, что вопрос риторический: — Мужчины и женщины физиологически отличаются, и наука, исследуя эту разницу, до сих пор время от времени находит новые и новые способы лечения. В прикладном своем аспекте, конечно же. Но у нас ведь есть не только мужчины и не только женщины. Хофы и жоги! Это кладезь! Мы делим одну цивилизацию с несколькими ветвями эволюции, каждая из которых обладает собственным потенциалом как физически, так и интеллектуально, и я уж не говорю об эмоциональной сфере! Вы понимаете, о чем я?

После вопроса я, наученный ранее, просто промолчал — и это был правильный ответ, потому что Ван Ваныч кивнул сам себе и, смешивая какие-то порошки и реактивы, продолжил:

— Мы ограничиваем рождение хофов и жогов, это, конечно, тормозит развитие науки. Вот простой пример — жог после тех травм, которые вы получили за пару дней, съел бы кусок мела, ветку жасмина и сырую кроличью печень, уснул бы на

два часа и проснулся практически здоровым. Вам — в обычных условиях — потребовалось бы полтора месяца на то, чтобы срастить надломленные ребра и поврежденные ими мышцы. Но четыре года назад в Австралии профессор медицины Аванта нашла шестилетнего жога при смерти и смогла продержать его живым почти полгода, нанося различные травмы и вводя ему определенные культуры, скажем так, довольно активные в отношении человеческой физиологии. Жог, конечно же, в итоге умер, но в процессе показал, на что способны наши органы, в частности гипофиз, эпифиз, надпочечники и ряд других.

— Это бесчеловечно. — Я вспомнил Ягайло в хрустальном гробу, окутанного трубками и проводами. — Он же совсем ребенок!

— Во-первых, для жога шесть лет — это уже подросток, лет тринадцать по нашим меркам. Во-вторых, он ничего не чувствовал, а в-третьих, по законам Австралии профессор должна была убить его сразу, как только увидела. К счастью, у нее была степень и по юриспруденции, и потому она нашла способ обойти закон. Она производила манипуляции, которые должны были бы убить жога, если бы он был мужчиной, потом — как врач — помогала ему вылечиться и снова

повторяла попытку. Все это время ее обвиняли одновременно и в жестоком обращении с людьми, и в том, что она не выполняет закон и не добивает жога, и в чем-то там еще… Но знаете, что я скажу?

Я не сделал ни малейшего движения, хотя очень хотел прервать доктора, так как слушать эту историю оказалось невыносимо.

— Аванта — герой. Она собрала потрясающий массив данных с помощью современного оборудования! И — многие из нас после этого спрятали бы добытое на защищенный сервер, чтобы изучать, публиковать монографии и выдавать по крупицам за деньги или преференции. Она выложила все на открытый сервер, предоставила доступ всему ученому сообществу. И знаете что, молодой человек? Я сейчас дам вам порошок, который вы выпьете и уснете, а через полтора часа введу вам некий раствор внутривенно, и через шесть часов вы проснетесь если и не здоровым, то вполне способным передвигаться, без этих ужасных гематом и на финишной прямой к выздоровлению!

— Это на основе пыток маленького жога? Эти порошки и инъекции?

Ван Ваныч посмотрел на меня удивленно.

— Чувствую в ваших словах неодобрение, молодой человек! Хотите полежать пару недель в койке, зафиксированным, с палочкой для чесания труднодоступных мест? А потом месяц погулять в корсете, с болезненными перевязками два раза в день? Ну так это несложно устроить!

Я заранее знал, что соглашусь на быстрое лечение, но не мог согласиться сразу. Мне не нравилась эта история, я не хотел, чтобы меня лечили таким способом — но и болеть сейчас, когда вокруг происходило так много событий, когда надо было разбираться с Раннэ и Айранэ, с работой в издательстве…

— Я буду признателен, если вы сделаете это молча, — сказал я.

Ван Ваныч поджал губы. Я обидел старика, но на самом деле бил я не по нему — бил я по себе. Потому что, вместо того чтобы отстаивать свои убеждения, пытаться как-то сделать мир лучше, я вновь и вновь укладывался в проторенное русло, чтобы река несла меня туда, куда мне не надо — но куда попасть проще всего.

Врач дал мне порошок и стакан воды, порошок на вкус был как мел. Едва выпив — даже глотать было больно, каждое движение отдавалось по всей груди, — я на мгновение прикрыл глаза.

— Володя! Володя!

Я выныривал из холодной тьмы, наполненной вязкими, тягучими щупальцами, то ли моими, то ли обвивающими меня.

Сон был странным, диким и чудовищным, во сне все располагалось словно под углом к реальному миру, и потому просыпался я с трудом.

— Айранэ? — Я проснулся и увидел над собой лицо жены. Несмотря на усталость и недавнюю болезнь, она была красива, и сейчас я снова видел в ней девчонку, потерянную мною за годы семейной жизни. — Что такое?

— ТебяЖдут. — Она поджала губы, спрятав за привычной равнодушной маской девочку, в которую я когда-то влюбился. — ВБольнице.

Я поднялся с каталки — на этот раз шикарной, с валиками по бокам, какими-то стойками и приборами.

Вставая, я отметил, что грудь немного болит, особенно справа, но при этом я мог двигаться и не стонать.

Мы были в карете «скорой помощи», дорогой, сияющей. В глубине, около водительского ряда, сидела к нам вполоборота низшая в униформе медсестры и делала вид, что не смотрит на меня.

Айранэ указала мне на сложенную стопкой

одежду, и я начал стягивать с себя длинную больничную сорочку, услышав сразу шипение от жены и цоканье языком от медсестры.

Избавившись от одежды, я обнаружил сразу три вещи: во-первых, под сорочкой я был голым, а не в белье, как предполагал изначально. Во-вторых, между мной и медсестрой, стараясь прикрыть, стояла Айранэ и глядела на меня неодобрительно. А в-третьих, непонятно почему ситуация меня возбудила, и я уже мысленно речитативом зачитывал слова медитации, не давая себе погрузиться в мужской транс.

Взяв из стопки подштанники, я не сразу попал в них ногой, а когда все же умудрился натянуть, обнаружил, что жена смотрит на меня неким глубоким, ясным взглядом.

Конечно же, супружеский час был совсем недавно и Блеск ей не грозил, но она пару дней как пережила отравление, а организм в критические мгновения работает не так, как обычно. Видимо, что-то сместилось и сейчас гормоны лезли наружу.

Я обнял ее и сказал на ухо:

— Я заеду к тебе.

— УжеЖду, — ответила она на ухо мне и укусила за мочку.

Я чувствовал, что любой из нас может сейчас сорваться, и тогда станет наплевать и на невысказанное между нами, и на медсестру, и на водительницу, и на то, что, конечно же, здесь, внутри кареты «скорой», это все совершенно неуместно.

Айранэ помогла мне одеться, что пришлось весьма кстати — хоть я и чувствовал себя почти здоровым, широкие движения все еще вызывали боль.

Отодвинув дверь, я прищурился от яркого солнечного света. Передо мной высилась больница, государственная, та самая, в которой я так недавно видел Айранэ почти мертвой, опутанной проводами, за стеклом, в стерильной палате.

— Куда мне? — обернулся я.

— ТвойОтецСказалТыРазберешься.

Жена снова была холодна, она закрыла дверь кареты прямо передо мной, а в следующее мгновение «скорая» рванула, словно они скинули здесь биологически опасный контейнер и спешили удалиться как можно быстрее.

Впрочем, возможно, какая-то часть правды в этом была.

На входе седая охранница, читающая «Ализу» с полуголыми мужчинами и женщинами на

обложке, встрепенулась было, увидев меня, но, присмотревшись, уселась обратно, — видимо, она меня знала и была в курсе, что я приду.

Дойдя до регистратуры, я встал в очередь из шести дам, каждая из которых была сильно старше меня, — я вошел в женскую часть больницы. Логично, в общем, — женская «скорая» приехала туда, куда обычно, а не туда, где было бы проще мне.

В регистратуре работали очень медленно, за десять минут со скандалами пропустили только двух дам, и я уже предвкушал, как проведу здесь не меньше получаса, когда из коридора широкими шагами вышел Гоша Володиевич.

— Накинь сверху. — Он подал мне голубой врачебный халат и, не здороваясь, тут же устремился обратно.

Он шел передо мной, а я за ним почти бежал.

— Что происходит? — попытался выяснить я.

— Вопросы жизни и смерти. — Гоша Володиевич обернулся и подмигнул мне. — За жизнь отвечаю я, за смерть — твой отец.

Он рассмеялся, — видимо, в его словах была какая-то шутка, недоступная пока мне.

— Отец болен? — уточнил я. — Умирает?

— Твой отец — самый здоровый в мире чело-

век. Я был в составе комиссии на профосмотре офицерского состава пару недель назад, и можешь мне поверить — более крепких людей еще поискать в дистрикте, да и во всем Славянском Союзе.

Мне явно не собирались говорить ничего по делу, и я перестал спрашивать. Гоша карточкой вызвал лифт, карточкой же выбрал этаж — седьмой, а я никогда не поднимался выше четвертого. Там располагались то ли операционные, то ли инфекционка для самых заразных.

Когда открылись двери лифта, перед нами обнаружился не холл, а еще одна дверь, стальная, со значком биологической опасности.

Гоша Володиевич без тени сомнения открыл ее своей карточкой и двинулся вперед. Я на мгновение задумался, но в итоге шагнул за ним.

Мы миновали несколько прозрачных боксов, в большей части которых никого не было, но в одном лежала совершенно лысая, похожая на скелет, женщина со скомканной, почти ничего не прикрывающей простыней поверх изможденного тела.

Гоша Володиевич взмахнул рукой перед моими глазами, показав, что смотреть туда не надо, и я отвернулся.

— Вот тут, — сказал он.

Передо мной был бокс, в котором на стуле рядом с широкой пустой больничной кроватью сидел мой отец, Славик Витиевич.

— Кто там был? — уточнил я у Гоши Володиевича, который остался чуть позади и явно ждал, что я войду в бокс. — Дядя Сема? Он умер?

— Мы все умрем, — ответил врач. — За последние годы медицина сделала рывок. Десять лет назад твой дядя точно бы умер, его организм не приспособлен для родов, а он родил весьма крупного ребенка, жоги в среднем в полтора раза крупнее мальчиков и даже слегка крупнее девочек.

— То есть он не умер? — уточнил я.

Я хотел было спросить: «Сейчас, после того как мы под пытками выяснили у другого мальчика-жога, как нам лечить себя, сейчас дядя живет благодаря этому?» — но сообразил, что уж Гоша Володиевич точно ни в чем не виноват.

— С медицинской точки зрения, у него были все шансы выжить, — ответил врач. — Печень восстанавливалась хорошо, часть поджелудочной пришлось, правда, удалить, несмотря на все старания. Она работала против него. Работу щитовидки контролировали, гормоны нормали-

зовались. В целом я бы сказал, что у него были хорошие шансы.

— Были? — спросил я тихо.

— Он умер, не приходя в сознание, пару часов назад. Проблема была в том, что он считал, что его сын мертв, и не хотел жить. Это моя теория, потому что он достался мне уже в коме, я считаю, что практически его вылечил, мой план лечения был безупречен, а он взял и умер.

Дядя Сема в свои последние годы совсем перестал быть дипломатом, превратившись в едкого больного старика, норовящего обидеть окружающих.

Вот и врача, хорошего человека, поразил в самое сердце, когда умер, притом что, по всем данным, должен был жить.

В этот момент отец поднял глаза и увидел меня. Он мотнул головой — мол, заходи. Я подошел к боксу, при моем приближении шлюз открылся, я нырнул в узкий предбанник. Раздалось шипение, меня обдало какой-то пылью, ощутимо похолодало, затем открылся второй шлюз.

— Привет, — сказал отец и протянул мне телефон. Я не сразу понял, что это мой. — Спасибо, что зашел.

— Как будто у меня был выбор, — ответил я.

— Выбор есть всегда, — очень тихо, почти неслышно сказал отец и погрустнел.

— Что мы здесь делаем?

— Разговариваем.

— Лучшего места не нашлось?

— Лучшего — нет. — Отец посмотрел мне в глаза. — Присаживайся.

Я сел на стул с другой стороны от пустой постели дяди Семы. Позади меня что-то тихо и непрерывно пищало.

— Мы с ним были не просто родными братьями, а лучшими друзьями, — сказал отец. — Я хотел жениться на Але. Не на Анаит. Аля была еще совсем молодая, требовалось немного подождать, я был готов. Но отец решил иначе. Ты знаешь, что такое «дочь Бури»?

— Слышал что-то, но не помню, — признался я.

— Если беременная женщина проходит через Бурю и у нее потом рождается девочка, она, как правило, становится более сильной. Лучше приспособленной к жизни. Твоя мать — дочь Бури.

— Мама недавно сказала, что она беременна…

— Да, и у нее тоже будет дочь Бури. Был бы мальчик — дело закончилось бы выкидышем. Да и с девочкой… Беременные в Бурю уязвимы, почти никто не рискует. В общем, мой отец, твой

дед, нашел мне лучшую партию. Дочь Бури. А Алю получил Сема. Если бы все было наоборот, Анаит никогда не позволила бы ему уезжать так надолго из семьи, набраться там этих жоговых идей и стать хейсом!

— Я бы никогда не родился, — ответил я.

— Возможно. — Отец пожал плечами. — Ты знаешь, как умер твой дед?

— Это было до моего рождения, — ответил я. — Его убили на выходе из анклава. Вроде бы он был там у любовницы, по крайней мере так шептались. Я никогда не знал деда.

— Твой дед должен был стать президентом дистрикта и изменить тут вообще все. В некоторых вопросах он был жоговым придурком, готовым сломать жизнь своим детям, но в других — он был гением. Вместе с еще несколькими мужчинами и женщинами он придумал план, как сделать так, чтобы мужчины и женщины могли общаться между собой без проблем. Новые технологии, новые законы. Чуть-чуть поменять там, подправить здесь — и все.

— Ты позвал меня сюда поговорить о деде? — уточнил я.

— Поговорить о нас, — ответил отец и похлопал тихонько по пустой кровати. — И кое-куда

отвезти. Дед — это отправная точка. Он сломал мне жизнь дважды: первый раз когда женил на Анаит, второй раз — когда умер, не так, не там и не тогда. Я в то время был очень обижен на Анаит, ты, наверное, не поймешь… И не мог смотреть на тебя.

— Я не твой сын? — уточнил я, пораженный внезапной догадкой.

— Что? Конечно мой! — Отец сморщил губы, и я узнал в этом жесте свой, я делал так, когда кто-то рядом тупил настолько, что мне было стыдно за него. — Я старался как можно меньше влиять на твою жизнь, чтобы не сломать тебя. Единственное — я настоял на том, чтобы ты женился именно на Айранэ. Я видел, как ты на нее смотришь.

— Спасибо, — сказал я.

Не знаю, может, правильнее жениться на комто, к кому не испытываешь таких чувств? Мы с Айранэ за годы в браке постепенно истерли свои чувства друг к другу. Впрочем, сейчас у меня в этой части вновь шевельнулось что-то живое и болезненное, и я не был готов к откровенному разговору на эту тему.

— Я не мог иначе, — ответил отец. — Ты поставил Будильник?

— Сегодня поставлю, — сказал я.

— Не забудь. Я не горжусь тем, что так мало уделял тебе времени. А недавно дядя Митяй сказал, что ты вообще не общаешься со своими детьми. Ты идешь по моему пути, но по каким-то другим причинам. И это неправильно. Я был не прав, а сейчас — не прав ты.

— Я подумаю над этим, — ответил я.

— Подумай, такие вещи нельзя наверстать потом. — Отец усмехнулся. — Ты не задумывался над тем, что имя Раннэ очень похоже на Айранэ?

— Нет.

— Это не случайно. — Отец посерьезнел. — Раннэ пришла за деньгами на свой стартап именно к Анаит потому, что она фанатка нашей семьи. Среди низших это встречается, когда они ставят себе недостижимые цели и идут к ним. Я видел ее архив фотографий, там много моих фото, твоих, семейных… Даже дяди Митяя в молодости… Отличие Раннэ от множества глупых и слабых мальчишек и девчонок в том, что она умная и сильная. Производное от Анаит она взять не могла, твоя мать очень жесткая женщина в некоторых вопросах, это знают все. Раннэ взяла производное от Айранэ. Анаит, когда раскопала это, уже понимала, что сможет исполь-

зовать. Заставить женщину соблазнить мужчину Блеском почти невозможно. Но Анаит знала, что Раннэ дышит к тебе неровно, и использовала ее.

— Как-то слишком сложно, — сказал я неуверенно. — И что это значит? Что Раннэ на самом деле меня не любит?

— Что ты никогда не поймешь до конца, кто, как и за что тебя любит, — ответил отец. — И никто тебе честно не скажет. Пытаясь следовать чужим правилам, мы каждый раз оказываемся в ловушках, которые нас постепенно убивают. Здесь, у постели умершего Семы, я это ощущаю как никогда остро. Я хочу, чтобы ты понимал, что происходит, и, зная все — или хотя бы многое, — сам выбрал, что делать. Пойдем.

Отец встал, грустно улыбнулся, положил ладонь на кровать и сказал — явно не мне:

— С тобой хорошо спорить… Даже когда тебя нет рядом. Особенно когда тебя нет рядом.

Гоша Володиевич вывел нас из больницы, мы сели в отцовский «феникс» — пафосное длинное купе с гигантским, семилитровым газовым двигателем.

— Куда мы едем? — уточнил я, когда понял, что двигаемся мы прочь и от центра города, и от нашего дома.

— Туда, куда едут все, независимо от того, понимают ли это, — сказал отец и невесело рассмеялся.

Через пару минут мы свернули на объездную, еще минут через пять съехали с нее, и теперь я уже совершенно очевидно понимал: мы едем на кладбище.

Запарковались с южного края, там, где был отдельный вход к склепам лучших фамилий дистрикта. Прошли мимо новодела Кузнецовых, несколько лет назад переехавших из провинциальной Москвы ближе к центру Славянского Союза, мимо старинного склепа Звягинцевых — вымирающего, слабого клана, который вот-вот растащат по сильным семьям.

Я не любил наш склеп и не навещал его даже по дням памяти, хотя за это приходилось платить недовольством дядьев.

Меня бесило то, что в склепе уже было мое личное место, во втором ряду, с уже успевшей покрыться патиной табличкой «Владимир Вячеславович Волков». Бесило и пугало.

— Сколько вас ждать можно. — Из густых кустов вышел дед Митяй в гражданском. — Давайте уже сделаем все как надо. Ты сказал ему?

— Ты старший, ты и говори, — пожал плечами

отец.

Дед покачал головой, выдохнул, затем прикусил на мгновение нижнюю губу и выдал:

— Раннэ умерла. Ее затоптали во время Бури.

— Что? — Это чушь. Это не могло быть правдой. — Нет-нет, так не может быть, так не должно быть!

— Я соврал, — тут же признался дед. — Она жива и здорова и сейчас ждет рейс в Амбуталахи, это на Мадагаскаре.

— Но зачем говорить, что Раннэ…

И тут я понял. Когда дед врал про ее смерть, они оба, и он, и отец, смотрели на меня пристально и ждали моей реакции.

Они не верили до конца, что какая-то низшая, с которой я пару раз занимался сексом, может быть для меня действительно дорога, — а я спалился.

— Она тут развела кипучую деятельность. — Дед Митяй отвечал явно не на тот вопрос, который я задал. — Женская половина семьи, особенно старшая ее часть, несколько обеспокоена. Анаит, конечно, попробует сберечь Раннэ, так как будет пытаться использовать твою своенравную низшую в своих целях. А вот мои сестры, чтобы сохранить твой брак с Айранэ, легко сделают так, что Раннэ исчезнет.

Он вошел в склеп первым. На потолке тускло светились лампы, запитанные от солнечных батарей на крыше склепа. Я помнил, как лет десять назад мы поставили их сюда и был скандал, мол, Волковы выскочки и нарушают традиции.

Но прошли годы — и сейчас на большей части склепов такие же солнечные батареи.

Перейдя из яркого солнечного дня в затхлый полумрак, я не сразу понял, что это стоит в центре склепа, перед алтарем предков.

Это был гроб, в котором лежал дядя Сема. Его, видимо, забрали из больницы и прямо по пути обмыли, привели в порядок лицо, одели и причесали.

Он был не в классическом костюме, как обычно хоронили мужчин нашей семьи, а в ярко-зеленом кожаном пиджаке и светло-голубых джинсах, в сиреневой рубашке со светло-коричневыми кожаными вставками и с золотыми запонками-бабочками.

Я помнил его таким — на одном из последних семейных праздников, перед тем как он исчез. Яркий, на грани безвкусицы костюм, который на любом другом человеке выглядел бы откровенным кичем, на дяде смотрелся стильно.

Кто-то очень сильно постарался, чтобы одеть

его в точности — за исключением совсем мелких деталей — как тогда, когда он был еще обычным членом необычной семьи.

— Мне сказали, что тело Ягайло украли, чтобы продать на черном рынке. — Вид дяди навел меня на мысли о брате.

— Никто и никогда не будет продавать тело Волкова на черном рынке, — мрачно сказал дед Митяй. — Сложнее всего было подстроить так, чтобы подозрение пало на албанских контрабандистов. Но кажется, даже это нам удалось.

— Это вы его украли? — Я совсем не удивился. — Он еще жив?

Отец подошел ко мне и приобнял.

— Володя, не думай, что мы такие уж бесчувственные.

— Чем дальше Ягайло от нас, тем больше мы его любим, — подмигнул мне дед. Он присел около гроба и слегка поправил и без того безупречный кожаный шнурок-галстук.

— Ты считаешь Ягайло Волковым? — уточнил я. — У него будет своя табличка в склепе?

Отец дал мне затрещину, дед показал отцу большой палец, — мол, так и надо с этими молокососами.

— Конечно, он Волков, — сказал дед. — Сын

моего племянника — мой внук. Врать не буду, пока он был в дистрикте, я его боялся и ненавидел. Потому что он мог разрушить все, что мы строили десятилетия и даже века. Но как только он попал в наши руки, беспомощный и больной, это все развеялось как дым и на первый план вышло то, что он — Волков. Внук. Ребенок нашей семьи. Все готовы?

Нас было только трое — я, отец и дед, — поэтому мы с отцом кивнули.

Дед встал за стойку алтаря и заговорил — негромко, торжественно и очень-очень медленно, так медленно, чтобы даже под тарди женщине было бы тяжело его понять:

— Нас рождают женщины, они дарят нам краткий миг между первым и последним вздохом. Но хоронят нас мужчины, и они дарят нам память, остающуюся после нас, и хранят ее в веках. Ты — первый, кто ляжет в мужской склеп Волковых, и при этом родил ребенка без помощи женщины. Но от этого ни он, ни ты не перестали быть частью семьи и не исчезнете из нашей памяти, уйдя за край. Ты оставил троих хороших потомков и одного ужасного, ты был плохим Волковым, ты прожил недолго и оставил по себе странную память. Но я признаю: ты наш.

— Я признаю, ты — наш, — также медленно и низко сказал отец.

— Я признаю, ты — наш, — сказал я, и от произнесения этих слов в гортани пошел какой-то странный резонанс, словно там все зачесалось.

Все три живых поколения Волковых признали, что Сема имеет право лежать в фамильном склепе. Дед Митяй с отцом подтащили гроб к выемке с надписью «Семен Викторович Волков» и запихали его туда.

Дед подал каменную панель, отец вставил ее в проем, там оказались крепления, паз, в который надо было ее всунуть.

Я помог, и через минуту каменная панель встала в пазы.

— Пора уходить, — сказал дед Митяй.

Мы вышли из склепа, дед Митяй закрыл его на два ключа, а сверху приладил кусок пластика, а на него шлепнул печать с гербом Волковых, которую достал из кармана брюк.

— Мы договорились с Раннэ, — сказал отец. — Она летит на Мадагаскар, а в это время тремя другими рейсами туда же летит гроб с Ягайло в коме. Она присмотрит за ним. На Мадагаскаре никогда не было жогов, у них нет законов про них. Зато там большая коммуна айтишников, целая

толпа низших мужчин и женщин, пытающихся создать свою цивилизацию, которая скинет нас с пьедестала.

— Вас это не пугает? — уточнил я.

— Мы даже вкладываем в них деньги, — ответил дед Митяй. — Неофициально, конечно же. У них странные идеи, а стартапы хорошие.

Тут же у него зазвенел телефон, а у отца пиликнул сообщением. Дед, не прощаясь, быстрым шагом пошел прочь, что-то говоря в трубку, а отец, взглянув на сообщение, подмигнул мне, хлопнул по плечу и направился в другую сторону.

Я сделал пару шагов за ним и увидел, что впереди, между деревьев, за склепом Саломатиных, из которых происходил нынешний президент дистрикта, стоит и ждет отца моя мать.

Мать? На мужском кладбище? Знает ли она про Раннэ и Ягайло? Нет, конечно же нет!

Я тут же отвернулся, чтобы не показать, что заметил ее.

Итак, я на кладбище, вдали от города и без машины. Я достал телефон и увидел очередное сообщение от отца — за вчерашний день — «Скачай Будильник».

— Ну ладно, ладно, — пробормотал я.

И скачал.

На первой странице было написано: «Выберите, кого вы хотите разбудить», а ниже предлагалось несколько контактов из моего списка, видимо, тех, у кого стояло такое же приложение.

И там были отец, мать, пара теток — и Раннэ.

Я нажал на ее контакт.

Появилось окошко для ввода текста, и я написал «Привет!».

Мгновенно телефон пикнул, и появился ответ: «О, ты поставил Будильник! Закон нарушаешь?»

«В смысле?»

«Запрещены мессенджеры, объединяющие мужской и женский сегменты сети. Но когда закрывают один, почти сразу появляется несколько новых, из которых выживает самый удобный. До Будильника было приложение Удмуртского общего банка, там надо было с каждым сообщением переводить копейку. Точнее, можно было с каждым переводом посылать сообщения. И всегда видно, кто готов чуть потратиться на общение с тобой».

Я смотрел на телефон и понимал: отец хотел помочь. Пока ты не общаешься с женщинами — мессенджер тебе не нужен. Но как только появляется необходимость — он жизненно необ-

ходим.

Они же были когда-то официально… До моего рождения, неудобные, на компьютерах. А потом по всему миру прошел ряд терактов, в том числе убили и деда, о чем сегодня говорил отец, и их запретили.

И я был уверен, что это всерьез, а оказывается, мои родители, и не только, все это время нарушали закон!

«У меня твои деньги, здесь почти двадцать тысяч, — пиликнуло приложение и почти сразу еще раз. — Буду рада, если ты заедешь за ними, но ты никогда не угадаешь, где я».

«В аэропорту „Единение“, ждешь рейс на Мадагаскар».

«Заедешь?»

Я вспомнил слова отца о том, что, пытаясь следовать чужим правилам, мы вечно идем не своим путем, и просто написал:

«Скоро буду. И — не ради денег».

Я должен разобраться со своей жизнью.

Эпилог

«Посмотри налево», — было написано в сообщении от Анаит. Слава не стал смотреть, он просто хлопнул сына по плечу и пошел, зная, что жена будет там.

Анаит была в безупречном черном платье, которое ей очень шло. Ее не портила даже беременность, которая слегка округлила идеальную недавно талию.

— Зачем ты здесь? — Слава обратил внимание на блистер от тарди, валяющийся на земле. Жена приняла наркотик, и сейчас с ней можно было общаться, не переходя на общую речь.

— Привет, любимый муж, — ответила Анаит. — Я тут по делу, на похоронах.

Слава делано удивился:

— Умер кто-то из твоих знакомых мужчин?

— Бомжей хоронят на том кладбище, у которого нынче очередь. Сегодня здесь закопали в безымянной могиле пару безымянных трупов, мужской и женский. Интересно?

— Это как-то касается меня? — уточнил Слава. Он понял, что Анаит или не знает про похороны Семы, или не считает их чем-то важным.

— Тебя нет, а твоего сына — да.

— Мне неинтересно.

— А я все же расскажу. — Анаит взяла мужа под руку и повела по дорожке между старинными склепами. — Володя работает в журнале «Лебедь», и два тамошних главных редактора, Саня и Алаяна, пытались использовать его против меня. Они чуть не убили Айранэ и были частью плана, по которому в дистрикт проник жог. Не вы его выкрали случайно?

— Его украли албанцы, это же очевидно. Что было дальше с редакторами? — уточнил Слава.

— Они исчезли, — поджала губы Анаит. — Люди иногда исчезают, большой город таит множество опасностей.

— Они исчезли, а сегодня здесь похоронили двух обезображенных неизвестных бомжей? — уточнил Слава.

— Про обезображенных я не говорила! — воскликнула Анаит. — Может быть, ты как-то причастен?

Слава ничего не ответил. Он шел рядом с матерью своих детей и пытался хоть что-то почувствовать к ней, но у него не получалось. Не было ни любви, ни ненависти — только пустота.

— Ты использовала против меня Блеск, чтобы

забеременеть, — сказал он.

— Иногда порядочной женщине приходится идти на хитрость, чтобы соблюсти правила, — ответила она. — У нас образцовая семья, но вы все, включая детей, дядьев, теток и братьев с сестрами, вечно что-то портите. Ты нужен будешь мне для фотосессии завтра.

— Ты отлично выглядела во время Бури, — невпопад ответил Слава.

— Разглядел в оптический прицел? — уточнила Анаит.

— И если честно, ничего не понял. Как Володя вписался в ваш бабский шабаш?

— Я уточняла у специалистов, точно не знает никто, но есть предположение. Финальный аккорд Бури — выборы королевы красоты — это ритуальное сплочение рода, первобытной семьи, вокруг нового лидера. Присутствие Володи помогло мне победить на конкурсе, а то, что он входит в семью новой королевы, не дало уничтожить его остальным женщинам, то есть он на момент Бури стал частью нашей общей семьи.

— Но это не помешало бы вам его сжечь, если бы я не подстрелил Ягайло.

— В таких вещах ты гений. — Анаит обняла Славу на мгновение и сразу отпустила, чтобы он

не успел отстраниться. — Как ты выбрал место, откуда стрелять? Вы знали, где они полезут? Откуда?

— Я не знал, — ответил Слава. — Я расставил на высотках вокруг анклава две сотни милиционеров с визорами, и они ждали, когда появится кто-то похожий на Володю или Сему. А потом на вертолете прилетел в самое удобное место и караулил возможность убить Ягайло с одной пули, потому что второй попытки могло и не быть.

— На мой вкус, ты чуть задержался, и это получилось излишне театрально… Впрочем, в твоем стиле. Слушай, давай уже помиримся. Ты мне очень нужен. Забудем прошлое. В смерти твоего отца есть и моя вина — но не больше, чем твоя!

— Я себя тоже не могу простить. — Слава помрачнел. — Это ведь был план Ариадны? Хотя не отвечай, я не хочу этого знать.

Некоторое время они шли под руку между обелисками и памятниками с мужскими фото и полными именами. Чем дальше шли, тем более ветхими и неухоженными становились могилки вокруг.

В какой-то момент неожиданно остановились, и задумавшийся Слава не сразу понял, что они стоят перед двумя холмиками свежей земли, в

каждый из которых была воткнута фанерка с надписью «За счет Собеса безым.».

— Теперь Володя станет главным редактором «Лебедя»? — уточнил он.

— Нет, конечно, — покачала головой Анаит. — Доставшееся даром не идет впрок. Он станет первым выпускающим, и я подкину ему несколько серьезных кризисов до того, как сделать главредом. Он нужен мне зубастым волком, а не рефлексирующим волчонком.

— А если не справится?

— Он наш сын, он не может не справиться. — Анаит поправила непослушную прядь волос. — Неделю назад я сомневалась, но теперь вижу — точно наш. Настоящий. Надо только направить его.

— Держать одной рукой за Раннэ, другой — за Айранэ? — уточнил Слава. — Тебе девочек не жалко?

— А меня кто-нибудь жалел? — парировала Анаит. — У девочек отличное будущее. Айранэ родит еще пару детей и станет во главе моего культурного центра лет через пять. Раннэ будет выпускать подпольные мессенджеры и программы по распознаванию речи, а когда поколение динозавров во главе с Ариадной сойдет в могилу,

мы, новое поколение, сделаем то, о чем мечтал твой отец и на что не решились наши руководители двадцать пять лет назад.

— «Не решились»! — горько сказал Слава.

— Хватит уже! — рявкнула Анаит. — Достал! Ну что? Тебя отправили на другой конец мира пристрелить пару врагов Славянского Союза, а когда ты вернулся, то обнаружил, что твоего отца зарезали? И ты понял, что это общий план, в котором тебе отводилась роль пешки и ты играл против команды, где ферзем был твой отец?

Слава промолчал, и Анаит продолжила:

— Он опередил свое время слишком сильно, те, кто пытается направлять наш мир, испугались, что, если мужчины и женщины смогут слишком легко общаться, кланы, держащие власть, потеряют свое преимущество. Наши семьи будут не нужны.

— И что изменилось? — уточнил Слава. — Ты говоришь, что собираешься продолжить дело отца. Ждешь, когда умрет поколение Ариадны. Но что изменилось?

Анаит взяла его руку и прижала к своему животу.

— Это дочь Бури, — сказала она. — Я поняла, что нет на самом деле никаких кланов. Есть те, кто

умеет двигаться вперед, и те, кто не умеет. Старые кланы пытаются удержать взрывающийся от новых технологий мир в тесных, трещащих рамках. Я не хочу ждать, когда все рухнет и погребет мою семью под обломками. Я хочу быть среди тех, кто направляет изменения. И ты мне нужен.

— И Володя, и Айранэ, и Раннэ, — перечислил Слава. — И дядя Митяй?

— Митяй всегда был за меня, — ответила Анаит. — Его направлять не нужно. А Раннэ будет в числе тех, кто сломает старый мир. По правилам я должна была ее уничтожить, но вместо этого…

— Ты привязала ее к нашей семье, — догадался Слава.

— Деньгами, сексом и будущим. — Анаит подмигнула мужу. — Ты завтра придешь на фотосессию? Я должна выглядеть СемейнойБеременнойИСчастливой.

Действие тарди заканчивалось.

— Постараюсь.

Они оба понимали, что он придет. Но в этот момент его уклончивость разозлила Анаит, и она потребовала:

— СкажиТочно!

Для Славы это прозвучало как вызов, он вскинулся, встретился взглядом с женой — всего на

мгновение, но этого было достаточно.

Многолетняя тяжесть неразрешенных противоречий, в которой смешались и гнев, и боль, разворошила угли давно потухшего пламени.

Уже через мгновение на узкой полоске травы между двух свежих могил Слава сдирал с жены черные шелковые трусики, а она, шипя что-то на высокой женской речи, стягивала, не расстегивая ремень, брюки с его узких бедер.

Все должно было кончиться очень быстро — такой «конфликтный» секс взрывал случайных партнеров за мгновение, но и пороха обычно хватало ненадолго.

Однако в этот раз слишком много взаимных обид, недомолвок и прямой лжи стояло между мужчиной и женщиной, сплетающимися в единое целое.

Почти сразу после первого проникновения они на мгновение очнулись — встретились взглядами, и Анаит сразу дала ему пощечину, после чего их снова сорвало.

В следующий раз горечь обиды за то, что его использовали, вылилась в то, что Слава укусил жену за шею.

Это был тягучий секс, без Блеска — но не менее болезненный, и с каждой фрикцией, с каждой

лаской — осознанной или инстинктивной — то неприятное, что было между ними, уходило, сглаживалось, исчезало.

Он расстегивал ремень на брюках, чтобы натянуть их, когда у Анаит зазвонил телефон. Она, почти обнаженная, с платьем, собранным с обеих сторон под наливающейся беременностью талией, привстала, не скрываясь от мужа, и нервно заговорила на высокой женской речи.

Слава подал ей руку, помогая встать и надеть трусики, расправил на жене платье — получилось не очень, плотная ткань лифа не встала на место, но он был уверен, что жена справится и вновь станет идеальной.

Все это время Анаит говорила по телефону, а потом положила трубку и сказала, старательно замедляя речь:

— Володя улетел с Раннэ, их видели в аэропорту. Я выясняю рейс, куда бы они ни летели, их там будут уже ждать…

Слава выдохнул и дернул платье вверх и чуть влево, грудь встала ровно туда, куда должна была, платье вновь сидело идеально.

— Оставь его, перебесится и вернется, — сказал он.

— А если нет? — Анаит на мгновение замерла, а

потом обвинительно выставила палец в мужа. — Это ваша интрига, да? Вы с Митяем против нас? Используете мою Раннэ против меня? Об Айранэ вы подумали?

Слава обнял ее и поцеловал в шею, прямо в след от укуса.

— А ты думала о ней, когда подкладывала Раннэ Володе? Не надо суетиться. Они вернутся.

Некоторое время смотрели друг другу в глаза.

— До выборов я их не трогаю, — сказала Анаит. — А потом они окажутся здесь, с моей помощью или без нее.

— Согласен, — кивнул Слава.

— И еще — завтра ты мне нужен на фотосессии.

— Я приду.

Они разошлись в разные стороны.

Через некоторое время Анаит, убедившись, что никого вокруг нет, прикоснулась кончиками пальцев к месту укуса.

К месту поцелуя.

Она не понимала, почему так легко согласилась оставить на время в покое сына и Раннэ, на которых у нее были большие планы.

Анаит встряхнула головой, отгоняя глупые мысли, и решительно пошла вперед, навстречу

новым делам.

Проблемы сами себя не решат.

Книга вторая
Айранэ

Это точно были зайчики, Айранэ ни на мгновение не сомневалась в этом. Большие, мохнатые, бурые, переваливались на задних лапах, расставив передние, словно предлагая обняться.

Их было много, десятки, может, сотни, они бродили словно без всякой цели, иногда натыкались друг на друга и тогда обнимались — когда с удовольствием, а когда и с яростью. А потом расходились дальше бродить, но иногда один из бурых зайчиков оставался лежать без движения.

— Рэ! Рэ!

Сознание металось где-то рядом, возможно, прямо между этими косолапыми зайчиками, надо было просто найти его и обнять. И может, немного придушить.

— Ольга, отца твоего за ногу!

Ей удалось открыть глаза и даже сфокусировать взгляд. Аська. Милая, добрая Аська, а как смешно было с ней целоваться…

— Оля, у меня есть десять минут, — зачастила Аська, увидев, что подруга открыла глаза. — Соберись! Тебя отравили Волковы? Это Анаит?

Волки? Какие волки? Это же были зайчики! Айранэ попробовала сосредоточиться на вопросе, в нем явно содержался какой-то смысл, и, судя по всему, не про зайчиков, хотя и где-то не очень да-

леко. Так, сознание она нашла и даже, возможно, обняла, теперь бы найти и обнять смысл…

— Нет, — пробормотала Айранэ, — не Волковы. Не все беды от Волковых, хотя, конечно, это сложно обнять…

— Обнять? — удивилась Аська.

— Ну, понять.

Айранэ уже почти пришла в себя. Стало понятно, что она лежит в больнице, в отдельной палате с прозрачной стеной, выходящей в коридор, а снаружи стоит симпатичный доктор из низших, с планшетом, на котором он что-то смотрит, одобрительно кивая.

Вместе с пониманием пришла и память — первый рабочий день в министерстве. За ней приехал личный водитель — раньше Айранэ приходилось брать одну из общих машин из женского гаража семьи и самой ехать в музей, которым заведовала Анаит.

Потом компьютер с гигантским монитором, нелюдимая девочка-сисадмин в безразмерном свитере, календарь, забитый непонятными встречами, сплошной поток новых подчиненных с коробочками сладостей и фальшивой радостью в глазах.

Секретарь — мальчик, как и положено для

высокого руководства. А у мужчин секретари — девочки, это показывает и широту взглядов руководства, и то, что высокое начальство легко находит общий язык с противоположным полом.

И он как раз принес маленький тортик с тремя марципановыми фигурками: лисой, зайцем и медведем. И что-то такое сказал… На хорошей общей речи… Вроде как про то, что торт только что сделали и что все едят марципан спустя несколько часов, а когда он совсем свежий, то и вкус у него другой.

И конечно же, она взяла лису и съела. Очень вкусно и действительно необычно. Сразу взяла зайчика и тоже сгрызла, прямо на глазах у мальчика-секретаря, чье имя она тогда не запомнила, а теперь, скорее всего, это уже не важно.

Потом взяла мишку, и посмотрела на секретаря, и вдруг обнаружила в его глазах… что-то странное. Некое ожидание пополам со страхом, восторгом и чем-то еще. Не смотрят так на свое начальство, не смотрят, даже если рассчитывают переспать или получить премию, это другой взгляд.

В следующий момент Айранэ уже бежала в туалет, затем склонялась над унитазом и засовывала

два пальца в горло, а спазмы начинались еще до пальцев, от ужаса и от понимания, что ее только что отравили.

Потом она набирала номер Анаит — не потому, что больше всех доверяла ей, а потому, что она была последней в списке вызовов, а последний вызов можно повторить двойным нажатием на клавишу включения.

Когда мама ответила, Айранэ уже лежала на полу около стульчака, а снаружи кто-то стучался в кабинку и что-то орал. Сама Айранэ ни орать, ни говорить не могла — ее тело стягивало судорогами, которые поселились вдруг сразу во всех мышцах, даже в тех, о существовании которых Айранэ за все двадцать четыре года своей жизни и не догадывалась.

А потом — сразу зайчики, которые точно не медведи.

— Перед тем как вырубиться, я набрала Анаит, и я до сих пор жива, — сказала Айранэ. — Асенька, если бы она хотела меня убить, я бы с тобой не разговаривала.

— У Волковых есть не только Анаит, — проворчала Аська, явно успокаиваясь. — В учебнике истории об этом не пишут, но в интернете полно баек про то, как Ананке Волкова пришла к власти

и как ее потом удерживала. Это, конечно, было лет пятьдесят назад, и мы уже более цивилизованные…

— Если бы были более, я бы не лежала тут, — прервала подругу Айранэ. — Доктор идет.

Действительно, он, наигравшись с планшетом, зашел в палату. Вообще, врачи из низших — не такая уж редкость. Редкостью было то, что он лечил Айранэ, женщину и высшую, а не сидел на приеме в мужской поликлинике, разбираясь с чирьями на задницах.

— Меня зовут Гоша Володиевич, и я твой лечащий доктор, — сказал он на уверенной общей речи. — Тебя отравили, ты больше суток провела в коме, но сейчас состояние стабильное. Я написал твоей семье, за тобой уже едут.

— А получше врача не нашлось? — проворчала Аська, которая никогда не отличалась тактичностью. Впрочем, сделала она это на высокой речи, так чтобы доктор ее не понял. Но он, судя по продолжению, угадал.

— Я — лучший специалист по отравлениям в дистрикте, — спокойно сказал он, глядя в глаза Айранэ. — Анаит не допустила бы, чтобы тебя лечил кто-то другой.

После этого он — неслыханная дерзость — по-

трепал по плечу Аську и вышел из палаты.

— Иногда я считаю, что революция была ошибкой, — сказала Аська. — И вот эти все ограничения, про то, что низших нельзя пороть, и про отмену крепостного права…

— Крепостное право отменили лет за сто до революции.

— Я и говорю, Ольга, целая цепь ошибок, которая привела нас в тупик!

— Не называй меня детским именем, — попросила Айранэ. — Звучит глупо.

— Тебе же никогда не нравилось твое взрослое имя, — удивилась Аська. — Ты же сама говорила.

— Я привыкла.

Она вспомнила, как в тринадцать лет пережила свой первый Блеск, как это было болезненно, стыдно, как она ревела в своей комнате днем, когда все ушли в школу… А потом пришла бабушка Апа, гладила ее по спине, говорила что-то и заранее, не дожидаясь церемонии, рассказала, что ее новым именем будет Айранэ.

Ее это раздавило. Ладно, она понимала, что ей не купят известное имя, но ведь могли же найти какое-то похожее на ее девичье: Альга, Агалэ, Айлиг, Аоль, в конце концов!

Наверное, боль в пояснице от прошедшего

впустую Блеска наложилась на не самое удачное имя, и несколько лет она почти ненавидела его. Просила близких называть себя «Рэ», хотя, конечно же, для женщин-высших важно сохранять первую «А» даже в сокращении от имени, и все понимали, что это какой-то протест, только неизвестно — по отношению к чему или к кому.

Между тем она вышла замуж, попала в семью, и — конечно же — первым заданием от старух Волковых стало заботиться о детях клана, мелких девчонках и пацанах до двух лет, пока их еще не отдали на мужскую половину.

И она — сама еще шестнадцатилетняя девчонка, совсем мелкая по собственному разумению, разве что не ребенок, — стала «тетей Айранэ».

— Просто Айранэ, — просила она детей, и те — чаще всего — не отказывали ей в этом.

Через несколько месяцев она поняла, что это вот «Айранэ» от полуторагодовалого Васяни ее не очень раздражает.

Она сжилась со своим именем, приняла его на себя и больше уже не считала себя Ольгой.

А потом первая беременность, дочь Настя, и — как отрезало с собственным детским именем, теперь Айранэ даже для себя стала взрослой.

— Я поняла, тебя спасать не надо, — после

некоторого молчания сказала Аська. — У тебя все хорошо. Лучше всех. Ты замужем за Волковым, у тебя вторая мама — Анаит, ты не последний человек в министерстве культуры!

— Знаешь, — Айранэ взяла подругу за ладонь и крепко сжала, — меня на днях отравили. Марципановыми фигурками. Но в твоих словах яда больше, хотя они звучат не хуже, чем выглядели те заяц с лисой, которых я съела.

Аська вырвала руку из хватки подруги, встала, прошла к двери, постояла там несколько секунд, потом вернулась и сама взяла Айранэ за руку.

— Слушай, Рэ, я тоже замужем, у меня двое детей, работа — в конструкторском агентстве, все как мы мечтали, — но и дня не проходит, чтобы я не вспоминала наше время. Помнишь крышу веранды во Ржеве? Как мы там сидели вечерами? До того, как тебя увезли в Тверь?

Айранэ помнила. Самое беззаботное время. Тогда у нее не было никого дороже Аськи… И на самом деле до сих пор никто не приблизился к ней так сильно, если не считать собственных детей, которые пока что скорее часть ее самой, а не самостоятельные люди.

Но она повзрослела и научилась обходиться без по-настоящему близких. Это ведь и есть взрослая

жизнь, не так ли?

— Помню, конечно, такое не забудется.

— А как ты меня поцеловала? На закате, в облаке цветущей сирени вокруг? — Аська подмигнула, но Айранэ не приняла игры.

— Детские игры, — сказала она жестко, заранее зная, что подругу это обидит. Но и поощрять такие вот заходы она не собиралась, потому что они вовсе не героини «Распродажи смирения». — Пора взрослеть.

Аська встала, надула губы, чуть подождала — видимо, того, что Айранэ извинится, — а потом направилась к выходу из палаты.

— Спасибо, — сказала Айранэ, когда подруга уже переступала порог.

— За что? — настороженно поинтересовалась Аська.

— Что кинулась спасать меня из пасти Волковых, — усмехнулась Айранэ. — Это было трогательно. И мило.

Аська пару секунд размышляла, а потом бросила:

— Мило? Мило тебе? Взрослей уже!

И удалилась.

Следом зашла санитарка, вкатила тележку с подносом, на котором стоял куриный несоленый

бульон и лежала пара ломтиков сухого хлеба.

Айранэ едва успела доесть, как появилась баба Агни, старая сука, которая за первые пару лет выпила у Айранэ немало кровушки, пока юная жена Володи Волкова не родила свою первую дочь и не перешла из статуса «никто» в «мать одной из нас».

Баба Агни была смуглой, сухой и очень высокой для старухи. Годы не согнули ее, а скорее распрямили. Среди младших женщин семьи, к которым принадлежала и Айранэ, про Агнешку Волкову ходило множество слухов, больше, пожалуй, только про Анаит.

Вроде как баба Агни была из индийской знати, которая лет сто назад, после очередной войны, переехала в Польшу и умудрилась не раствориться там в семьях шляхты, а создать собственный клан магнатов, который, в свою очередь, не пережил финансовый кризис конца прошлого века, но Агни к тому времени давно уже была замужем за дедом Митяем, родила одного или двух мальчиков и целых трех девочек, и ее положение в семье Волковых стало незыблемым.

Сама баба Агни с младшими детьми не возилась. По слухам, ее смуглое сморщенное лицо пугало младенцев, и именно поэтому она застав-

ляла возиться с ними самых младших жен.

Но правда заключалась в том, что старуха была сурова и непреклонна, и найти общий язык с ней не удавалось никому, а потому в семье ее не очень любили даже ее ровесницы, не говоря уже о младших.

Единственной, кто плевал на мнение бабы Агни — впрочем, равно как и на мнение всех остальных, прислушиваясь только к паре-тройке человек, — была Анаит.

— Собирайся, вставай, — заявила баба Агни замедленно, — видимо, она приняла тарди, узнав, что едет не в женскую, а в универсальную больницу за внучатой невесткой. — Хватит валяться, доктор сказал, ты здорова.

Айранэ чувствовала себя нехорошо, к тому же не была уверена в том, что при попытке встать ее не вырвет.

— Она не «здорова», а «стабильна». — Вслед за бабой Агни в палату вошел доктор, чье имя Айранэ успела забыть, помнила только отчество — Володиевич. — Ей нельзя вставать, и, пока она в моей больнице, она будет лежать.

Баба Агни аж рот открыла от такой наглости. Мужчина, низший, молодой — смел ей перечить! Указывать на ее ошибку! Айранэ с силой прику-

сила губу, чтобы не рассмеяться.

Уж конечно, предки бабки такой мелочью, как порка, в подобной ситуации не ограничились бы. Вспомнилась потрепанная рукописная книжка, которая гуляла по школе среди девушек, якобы дневник британской капитанши Аманды Кук, записанный четыре века назад, во время путешествия в Индию.

Там местная раджа на потеху гостье устроила прямо во внутреннем дворе Бурю, спровоцировав ее пытками изменниц, и это было совсем не то, что происходит время от времени сейчас.

В замкнутом пространстве, со связанными жертвами… Капитанша подробно, не скрывая отвращения, описывала и сексуальное насилие, и каннибализм, и медленные, тягучие пытки, даже от наблюдения за которыми можно было сойти с ума.

Буря не заканчивалась, раз за разом взрывая участвующих в ней женщин, пока пресыщенная раджа не позволила открыть ворота, чтобы сходящие с ума израненные жертвы ее кровавого спектакля не разбрелись по Мумбаи, медленно приходя в себя…

Доктор Володиевич же, не подозревая о том, что старуха в уме его уже изнасиловала, убила и

расчленила, спокойно стоял на защите Айранэ.

— Она нужна мне в моей машине через пять минут, — проскрипела баба Агни.

— Если там нет условий для транспортировки лежачей больной, я не позволю ее забрать, — сказал Володиевич.

— Зови главврача!

— Она на операции, я за нее.

— Везите ко мне домой.

Баба Агни развернулась и вышла, едва не задев макушкой верх дверного проема.

— Спасибо, — сказала, вежливо замедлив речь, Айранэ. — Это было… Смело. И красиво.

— Боюсь, она еще отыграется на тебе, — задумчиво сказал доктор. — Но уж точно не в моем отделении. Тебя отвезут на «скорой», я попрошу женский экипаж.

Айранэ перенесли на каталку, и она задремала, еще пока ее везли к машине, а проснулась, когда смешливая Аби с необычным для нее тревожным лицом пыталась выспросить у санитарок, что с Айранэ и будет ли она жить, а санитарки отнекивались, заталкивая каталку в высокие двери женской половины дома.

— Да все у меня нормально, — сказала Айранэ хриплым от пересохшей гортани голосом. Сама

бы она такому голосу точно не поверила. — Анаит бы не позволила забрать, если бы был риск.

Имя мамы, как обычно, имело воздействие взорвавшейся бомбы: лицо Аби вытянулось, и она умолкла, если судить по опыту, минут на двадцать, потом, конечно же, защебечет дальше, жизнерадостная натура возьмет свое.

Аби проводила каталку до комнаты Айранэ, проследила, чтобы ее переложили на кровать, и сбежала, даже не спросив, не нужно ли больной чего-нибудь.

Вообще, весь дом, включая и мужчин, и женщин, боялся Анаит, кроме разве что ее мужа, Славы Волкова, среднего сына — мужа Айранэ — Володи и бабушки Арташи, которая жила отдельно от семьи.

Сплетни про Анаит передавали исключительно шепотом и называли ее «она», а если вдруг кто-то упоминал по имени, все замолкали.

В первые месяцы жизни в клане Волковых Айранэ впитывала этот страх через недоговоренности и обрывки сплетен, постепенно проникаясь все большим ужасом к «маме» — по традиции, после замужества молодая женщина должна была обращаться к свекрови так и только так.

При этом сама Анаит вроде бы ужаса не внушала, передавая мелкие поручения через других женщин и холодно целуя Айранэ при редких встречах, часто целые недели проводя где-то вдали от дома, то в Персии, то в Македонии, то даже в соседних Москве, Торжке и других небольших городках вокруг столичного дистрикта.

При этом Айранэ быстро пристроили к делу, поставив контролировать учет старых экспонатов в рыцарском зале. «Рыцарский зал» в музее занимал несколько помещений в части экспозиции, а вот материалы для него хранились в доброй

сотне комнат на тысячах стеллажей.

Айранэ приглядывала за шестью женщинами от тридцати до сорока лет из низших, которые, с одной стороны, были вроде нормальными, а с другой — легко могли умыкнуть что-то, что считали не очень ценным, или запереться в дальней комнате и распить бутылку крепленого вина, обсуждая нового мужика в ближайшем лупанарии на Садовой.

За несколько недель они «построили» Айранэ, показав ей, кто тут на самом деле главный, и оставалось либо капитулировать, либо пойти жаловаться Анаит, и последний вариант выглядел гораздо менее приятным.

Но Анаит однажды сама зашла в рыцарское хозяйство, взяла реконструированный моргенштерн с оригинальным мятым шипастым шаром эпохи раннего Средневековья и, поигрывая им, пояснила работницам, что бывает, когда к своему труду относятся без должного уважения.

— Если еще раз будут опаздывать с документацией, скажи мне, — подмигнула Анаит Айранэ и ушла.

Айранэ как-то поймала этот настрой мамы и теперь с работницами говорила тем же тоном, что и Анаит, — и, как ни странно, это действи-

тельно работало.

А через несколько месяцев после свадьбы мама вечером зашла к переодевавшейся ко сну невестке и спросила:

— С сексом проблем нет?

— Нет, — испуганно помотала головой Айранэ, понимая, что, если сейчас разговор продолжится, она провалится сквозь землю от стыда.

— Не беременна пока?

— Не знаю, нет вроде.

— Все впереди. — Анаит неопределенно махнула головой, села на кровать и похлопала по месту рядом с собой — мол, присаживайся. — Загоняли тебя старые перечницы?

Говорить так о старших дамах в семье Волковых было не принято. Как и в любой другой семье, и вообще в Славянском Союзе, а может, и во всем мире. В конце концов, когда на площадях стоят памятники Неизвестным Матерям, считается, что, если кто дал жизнь другому человеку — особенно девочке, конечно же, — тому и почет.

Анаит одной фразой поставила себя какой-то революционеркой, нигилисткой, ниспровергательницей основ.

— Не напрягайся так, — поморщилась мама. — Я их, конечно же, уважаю. Как могу, так и

уважаю. Но если честно, одно только использование своего детородного органа по назначению — недостаточная причина для особого почета.

— А что достаточная? — пискнула Айранэ, завороженная концептуальностью речи.

— История, — ответила Анаит. — Вот ты из семьи Ильиных, авиаконструкторов. Атари Ильина спроектировала Ил — двадцать два, заключила контракты с шестью дистриктами, построила свою корпорацию во Ржеве, потом забрала у разорившихся конкурентов проект Ри-семнадцать, довела его до Ри-девятнадцать, который после этого по лицензии сорок лет производили по всему миру. А старая Агни из семьи рабовладельцев и к тому же считает нас всех отбросами. И как ты думаешь, кого из вас я буду уважать больше?

— Меня? — неуверенно спросила Айранэ.

— Как только спроектируешь новый самолет, — подмигнула ей Анаит. — Ну или хотя бы родишь нам девочку, это на самом деле тоже считается, что бы я там ни говорила.

— Но когда меня решили выдать за Володю, меня перевели из технической школы в языковую. Я никогда не спроектирую свой самолет.

— Самолет — это образно, — туманно ответила Анаит. — Кстати, у меня есть к тебе дело. У тебя

же за сочинения были сплошные десятки?

Действительно, сочинения Айранэ давались хорошо.

Мама в тот вечер предложила невестке написать свою биографию. То есть пишет вроде как сама Анаит, а на самом деле — Айранэ за нее.

Айранэ могла отказаться, точнее — отказаться как раз не могла, но могла делать плохо и медленно, и рано или поздно, с теми или иными последствиями это бы закончилось.

Но она согласилась и взялась за работу с охотой. Теперь Анаит часто проводила с ней время, рассказывая о своей жизни. О детстве в Нарве, на границе между Тевтонским и Славянским Союзами, в местах, где между болотами каждая лужайка когда-то была полем боя.

О том, как ей сказали, что хотят выдать за Славу Волкова, в Тверь, и она вначале не хотела, а потом так свыклась с этой мыслью, что, когда старшие поссорились, сама в пятнадцать лет рванула из Нарвы в Тверь электричками, нашла там отца Славы, дядю Витю, и потребовала у него объяснений.

Она произвела на него впечатление: свадьба состоялась. А потом было чудовищное разочарование: Слава, красавец, умница, талантливый

стратег и на все руки мастер, Анаит не любил.

— Я же не умею признавать поражений, — вспоминала Анаит. — Я брала его приступом, проводила осады, вела длинные интриги. Он соблюдал супружеский час, но мне было нужно больше, я хотела, чтобы он был моим союзником, моим надежным тылом.

— И как ты этого добилась? — спросила Айранэ, уверенная, что мама-то уж точно взяла свое давным-давно.

— Это не записывай, это не для книги, но — я еще в процессе. — Анаит рассмеялась. — У каждого должен быть набор целей — близкие, чтобы не раскисать, и дальние, чтобы выстраивать перспективу. Завоевание мужа я еще не закончила.

Айранэ писала автобиографию мамы полтора года. Затем еще полгода доработок, редактуры, процесс, в котором книга то сокращалась в полтора раза, то разбухала, а потом неожиданно для нее — она как раз дорабатывала раздел о том, как Анаит доказала влияние женских скифских племен на культуру мужских готских образований, — книга, позапрошлая редакция, оказалась на полках всех магазинов в Славянском Союзе, от аптек до скобяных лавочек.

— Мы ее так мучили бы еще лет десять, — объ-

яснила свое решение Анаит. — Нельзя рожать ребенка сто раз, пора уже было перерезать пуповину.

Книгу почти сразу переиздали в Лонде, потом в Дели, она стала мировым бестселлером. С ней дискутировали, ее громили, называли «пропагандистской отрыжкой выскочки из Славянского Союза» — полную цитату из этой рецензии, изобилующую нелицеприятными эпитетами, Анаит распечатала на большой плакат и повесила у себя над кроватью.

По ее мнению, такой отзыв от давних «партнеров» стоил тысячи хвалебных рецензий.

Книгу читали даже мужчины, не все, конечно же, всё же ее выпустило женское издательство и для женщин. Но для тех, кто имел дело с политиками Славянского Союза, она была обязательна, ее включали в списки рекомендуемых книг для обучающихся дипломатов, переводчиков и культурологов.

Шила в мешке утаить не удалось — многие узнали, кто именно помогал Анаит с автобиографией. К Айранэ обращались женщины из разных семей старшего поколения, и по совету Анаит она никому не отказывала прямо — хотя и говорила, что сейчас такой возможности нет.

Через несколько лет, когда у Айранэ было уже две девочки и она ждала третьего ребенка, она сама пришла к Анаит и предложила той написать новую книгу.

— Я же уже написала, — отозвалась мама. — Вторую, что ли? Про что?

— Ты назовешь ее «Мост», — сказала Айранэ. — Я все продумала. Она будет про мужчин и женщин. Но больше про мужчин. Ты много об этом говорила, а в автобиографию не вошло. Без политики, только отношения полов.

— Отношения полов — это всегда политика, — подмигнула Анаит. — Я подумаю.

На тот момент Айранэ уже заведовала всеми Средними веками и ей подчинялись одиннадцать кураторов разных залов, все — женщины из высших, грамотные, умные.

Если бы третий ребенок тоже был девочкой, перед Айранэ открылись бы блестящие перспективы.

Но родился мальчик.

Лёня Володиевич, собственный маленький мужчина Айранэ, такой медленный, такой неуклюжий по сравнению с дочерьми, что она трижды вызывала семейного врача, которая каждый раз подтверждала, что для мальчиков это совер-

шенно нормально, что говорить они начинают позже, и ходить тоже, и — да, они медленнее.

Айранэ с ужасом ждала двухлетия, когда сына заберут на мужскую половину и она неделями, а то и месяцами будет видеть его только из окна, на детской мужской площадке.

Она впадала в летаргию, наполненную пустой работой, ожиданием неизбежного расставания с Лёней, сплетнями с женами других Волковых, редкими и короткими беседами с Анаит и странными супружескими часами с Володей.

От женщин из клана Айранэ знала, что многие жены просят своих мужей сделать супружеский час чаще, не раз в две недели, а чуть ли не каждую неделю. Речь шла, конечно же, не о Блеске, а о том, чтобы избежать дискомфорта в пояснице и внизу живота, которые начинали уже говорить о себе к исходу второй недели, заставляя пристраиваться на кровати то так, то эдак.

И еще — о зачатии, потому что чем чаще секс, тем выше шанс забеременеть. Хотя это был спорный вопрос, в некоторых книгах с выкладками и статистикой пояснялось, что именно промежуток в две недели идеально рассчитан и позволяет забеременеть с высокой вероятностью, но в других источниках — у более современных авторов,

как правило, — с не менее убедительными примерами, графиками и выборками пояснялось, что чем чаще, тем лучше.

В одной книге было написано, что несколько пар в Шотландии специально занимались сексом каждые три дня в течение нескольких лет и у каждой пары каждый год рождалось по ребенку.

Раз в три дня, конечно же, выглядело слишком частым и даже избыточным, но после второй дочки Айранэ заметила, что супружеский час с Володей перестал быть непонятной, слегка утомительной процедурой, а начал приносить даже некоторое удовольствие.

Так что раз в неделю было бы не так уж и плохо.

И она уже даже продумала план, как поговорит с тетей Агдой, чтобы та передала это Володе, но все как-то не решалась.

А потом он уехал в командировку и пропустил супружеский час.

Айранэ знала, что низшие нередко годами живут без секса, каждый раз доводя себя до Блеска и пережидая его у себя в комнате. Вроде бы с годами Блеск становится не таким болезненным, равно как и последние дни перед ним.

Но лично у нее это было больно, очень больно.

Днем, на работе, ей просто слегка нездоровилось, из-за чего она порой срывалась на своих подчиненных, с которыми за несколько лет они стали подругами.

Но ночью, перед сном, она каталась по кровати, задирая ноги на спинки пуфиков или поджимая к груди.

Вспоминала, как после рождения сына поссорилась с Анаит — мама тогда сказала ей, что Айранэ живет слишком скучно, без скандалов, без ярких историй. Айранэ ответила, что Анаит же самой не понравится, если вдруг что-то случится, они даже немного поорали друг на друга, потом успокоились и помирились.

Ни на какую авантюру Айранэ так и не сподобилась, но как-то ей самой за себя вдруг стало обидно, и она совершила очевидную глупость, заранее зная, насколько это странно.

Она купила красивый дорогой портсигар и через тетушку передала его Володе.

В тот же вечер вся семья знала, что Айранэ изменила мужу. Анаит зашла к ней, некоторое время смотрела на невестку задумчиво, потом спросила:

— У тебя все нормально?

— И даже лучше, — едко ответила Айранэ.

— Ну и славно, — сказала мама и ушла, по обыкновению не прощаясь.

Больше вопрос про скучную жизнь невестки Анаит не поднимала, в семье к ней начали относиться даже как-то серьезнее, а на день именин дядя Митяй, который обычно ограничивался каким-то дежурным подарком вроде расписного тульского платка, переданного через тетушек, зашел сам, подарил большой подкроватный обогреватель — весьма не лишний каждый год в те несколько дней, когда в столице стояли морозы, — и даже минут десять говорил с ней ни о чем, словно пытаясь понять, все ли у нее хорошо.

И вот когда из-за мужа, задержавшегося в командировке, Айранэ каталась по кровати, в ужасе представляя, насколько жутким может быть у нее пустой Блеск без мужчины, первый чуть ли не за десять лет, она вспомнила тот портсигар.

И поняла, что не готова к пустому Блеску. У нее есть уже пережитый грех, которого она не совершала, у нее есть право на измену.

А своим поведением муж ее провоцирует.

В лупанарий Айранэ не пошла бы ни за что в жизни, проще было отказаться от супружеских часов навсегда, постепенно дичая.

В музее было подразделение мужчин, она

несколько раз сталкивалась с ними — в основном реставраторы, сухонькие старички из низших, но руководил ими, как это нередко бывало, молодой высший, Степа Лексеевич, из семьи художников и архитекторов.

Он был чуть старше Айранэ, и она долго не обращала на него внимания, пока однажды не увидела за работой. Он реставрировал древний лик Великой Матери из шумерского пантеона, изображение на доске было в ужасном состоянии, лак потрескался, кое-где не хватало фрагментов.

Айранэ слышала эту историю, от лика отказались несколько бригад реставраторов по всему Славянскому Союзу, уже искали даже за рубежом, не особо, впрочем, надеясь, когда вызвался собственный мастер.

Она заглянула спросить про одну из картин Адрианы Брауэр, внезапно исчезнувшую из экспозиции, и обнаружила, что в просторном кабинете Степы выключен свет, а сам он стоит спиной к панорамному окну, делая что-то на большом студийном мольберте, освещенном солнцем.

Степа не почувствовал, что в кабинете появился кто-то, кроме него, не заметил, что Айранэ подошла к нему почти вплотную.

Он занимался маленьким кусочком с краю, нанося что-то мельчайшей кистью, состоящей из десятка тонких щетинок, собранных в узкий хвост.

Айранэ, которая по должности была сильно выше его и свои проблемы считала вполне логично более важными, собиралась прервать его мужской транс — а он, очевидно, был именно в нем, — когда ее взгляд упал на его руку.

Сам Степа не был ни красавцем, ни атлетом — обычный высший. Но руки его казались произведением искусства. Таких рук Айранэ не видела ни у античных статуй, ни на полотнах фламандских мастериц-хофов.

Это были не руки, а настоящий шедевр, и, сталкиваясь с красотой каждый день, но с красотой статичной, древней, мертвой, Айранэ оказалась не готова к тому, что вдруг увидит что-то превосходящее мастеров прошлого.

Она наблюдала за руками Степы около получаса. Он так и не вышел за пределы мельчайшего фрагмента, который обрабатывал все это время. По мнению Айранэ, фрагмент почти не изменился, разве что стал совсем чуть-чуть светлее.

Так и не сказав ничего, она вышла из мастерской. Насчет Брауэр она уточнила у одного из

реставраторов-низших: тот опешил от внимания такой высокой начальницы, но смог пояснить, что действительно картину сняли, потому что ее пора готовить к выездной экспозиции, так как через неделю выставка в Софии.

И вот сейчас, шипя от невозможности найти удобное положение, Айранэ продумала план: она выяснит, какие есть у Степы трудности с подчиненными и руководством, продумает, как можно побольнее ударить по этим старым проблемам, застанет его врасплох и в чем-нибудь несправедливо обвинит.

Степа явно не боец, но, если выбрать правильно, он даже не сообразит сходу, что его провоцируют, и начнет спорить.

А дальше — зацепиться взглядами, продолжить обвинять и — упасть в его руки.

При мысли о руках Степы Айранэ почувствовала нарастающее возбуждение, которое вылилось в несколько минут беспокойной возни, после чего боль ненадолго отступила и она смогла уснуть.

На следующий день выяснилось, что у Степы нет никаких застарелых конфликтов. Нет проблем по работе. Нет неудовлетворенных прошений — просил он немного и все, что искал, получал сразу, потому что обоснования писал

четко и ясно.

Под вечер Айранэ в ужасе от предстоящей ночи наедине с болями решила уже вломиться к нему внаглую, но позвонила Анаит.

— Володя пропустил супружеский час? — не здороваясь, спросила она. — Сколько?

— Четыре дня.

— Ты тяжело переносишь?

— Очень.

Некоторое время Анаит молчала, словно подбирала слова, что с ней бывало крайне редко.

— Он когда-нибудь просил сделать супружеский час чаще?

— Нет.

Айранэ хотела было сказать, что сама была бы не против и что вообще она с Володей же практически не разговаривает. Что у Волковых все через тетушек и она даже была бы, наверное, не против поговорить с ним нормально… Но это же нарушение правил, и непонятно, как именно правильно обходить их в данном случае.

«Правильно нарушить правила», — покатала в голове Айранэ и поняла, что спрашивать так у Анаит нельзя. Анаит скажет: «Иди и нарушь, хватит тут блестеть без повода».

— Он как-то… разнообразит супружеский час?

Айранэ даже удивилась:

— Нет!

— Ясно, — сказала Анаит. — Значит, есть риск.

— Риск чего?

— Не важно. — Мама явно не хотела развивать тему. — Мне нужно кое-что сделать, что мне самой не очень нравится, но выбора я не вижу. По поводу пропущенного супружеского часа я могу с ним поговорить…

— Не надо! — крикнула Айранэ и сама удивилась.

Почему, собственно, не надо, когда надо?

Но… использовать Анаит — это было, пожалуй, слишком. Айранэ чувствовала, что вопрос можно и нужно решать как-то иначе. Может быть, и вправду поговорить с ним лично?

От этой мысли она поежилась. Это было страшнее даже, чем спровоцировать на секс Степу.

— Ясно, — сказала Анаит и, не прощаясь, положила трубку.

А через пять минут перезвонила:

— Володя вернется сегодня, самолет прибудет в два пятнадцать, у него только ручная кладь, он летает, как его отец. Так что около трех он появится дома, хватай его сразу, потому что он про тебя не вспомнит, а утром умотает на работу. Все,

счастливо, у меня есть один довольно сложный проект, дальше разбирайся сама.

Айранэ выдохнула.

Не будет пустого Блеска. Не понадобилось встряхивать Степу — которого, кстати, не факт, что удалось бы растормошить.

Надо только дотерпеть до трех ночи.

Ее тело, словно почувствовав, что сегодня наступит облегчение, ныло не слишком сильно, Айранэ даже подремала пару часов. Без четверти три проснулась как по будильнику, накинула халат и прошла к входу в мужскую половину.

Через несколько минут щелкнул замок закрытой на ночь двери, и появился Володя. Еще в момент, когда ключ попал в замочную скважину, Айранэ почувствовала, что готова — вот прямо сейчас, прямо здесь, на мужской половине, у входа.

Ее разобрала жуткая злость, что муж, у которого есть обязанности — не сверхъестественные, кстати, — довел ее до такого состояния, что, когда он вошел, она накинулась на него, почти не замедляя речь:

— Ты хочешь, чтобы я как дикая? Ты вообще что творишь?

И, еле сдерживаясь, чтобы не расплакаться пря-

мо здесь, устремилась в сторону своей комнаты.

Надо было, конечно же, идти к семейной — там уже было застелено, расставлены ароматические свечи, на столе лежал ее плеер, подключенный к аудиосистеме, с любимыми записями средневековой лютни.

Но происходящее так выбило ее из колеи, что Айранэ пошла — почти побежала — к себе, не соображая, что делает все не так, как планировала.

Поняла это, только очутившись возле собственной кровати, но как-то переигрывать было совсем не к месту, и она сказала:

— Давай быстрее, мне завтра рано.

И тут обнаружила, что стоит перед мужем в халате, а не в рубашке для исполнения супружеского долга! При этом, пока она внутри паниковала и думала о том, как выпутываться из ситуации, тело, чувствуя приближение освобождения, уже действовало само — халат отправился на пол, шелковая рубашка скользнула по телу, закрывая его от взгляда мужа.

Айранэ легла на кровать лицом вниз, как обычно, ожидая, что муж подойдет сзади, приподнимет ее за бедра и вначале будет оглаживать ее сквозь рубашку, потом задерет ее и продолжит без ткани, а когда решит, что пора, войдет.

Поначалу, после свадьбы, он то затягивал с этим, то оказывался слишком нетерпелив, но последние годы все делал правильно. Это не было слишком ярко, но приносило определенное удовольствие, и чем дальше, тем больше.

Айранэ подозревала, что это не заслуга Володи, — скорее, ее собственное тело училось получать награду в тех условиях, в которые его ставили.

Но в этот раз все пошло не так, не по плану.

Айранэ хотела даже высказать мужу, который довел ее до болезненного состояния, а сейчас что-то там выдумывает, но он на удивление четким и сильным, но не болезненным движением остановил ее и продолжил.

И почти сразу она попала в ритм его рук, ее тело отозвалось на его действия, она поняла, что у ее сознания сегодня роль без слов, что в этой партии солирует не она, достаточно просто следовать за партнером.

Когда муж перевернул Айранэ на спину, она обнаружила, что даже не выключила свет и сейчас Володя мнет ее, обнажает и видит каждое свое и ее движение.

И это было волшебно.

Когда он вошел, она уже точно знала, что го-

това. Что балансирует на тонкой нити на самом верху, получая несравнимое удовольствие и от того, что она балансирует, и от пограничко-болезненного ожидания.

А потом рухнула, рухнула вниз, в удовольствие, счастье, в яркий взрыв, который разметал ее на куски.

Она хотела сказать ему, что сегодня было отлично, что он молодец, что вот такого секса можно и ждать, хотя вообще, конечно, ждать секса неправильно, потому что они же все-таки семья и есть некоторые вещи, которые просто должны быть, и это не нужно обсуждать.

Это пронеслось у нее в голове за мгновение, и она поняла, что нет смысла это говорить, а на самом деле надо просто поцеловать его, потому что она никогда не целовала его после секса и он наверняка сразу поймет все, что она хотела сказать, — достаточно просто правильно поцеловать.

На мгновение она закрыла глаза, собираясь с силами перед самым правильным в жизни поцелуем, а когда открыла, в ее окно на втором этаже уже светило солнце.

А на следующий день все посыпалось.

Вечером Айранэ сказали, что переводят ее в ми-

нистерство с повышением, и Анаит не отвечала на ее звонки.

Ночью лично зашла баба Агни, которая ненавидела Анаит, но не могла ей ничего сделать, и потому вымещала свои чувства на Айранэ.

— Володя попал под Блеск с какой-то дикой, — сказала она, глядя внучатой невестке в глаза. — Не дергайся, он почти целый. И вроде бы даже ему понравилось. Так что, считай, всем повезло.

Когда на следующее утро приехала машина, чтобы отвезти Айранэ в министерство, молодая женщина твердо знала: что-то случится.

Что-то плохое.

Так что, когда в глазах секретаря она увидела страх пополам с ожиданием, почувствовала даже отчасти облегчение.

Анаит зашла вечером. На журнальном столике стоял высокий «извинительный» торт, уже слегка подсохший, но все равно выглядевший как настоящее произведение искусства и стоивший, пожалуй, как месячная зарплата хорошего специалиста.

Торт был нетронут — Анаит приоткрыла крышку, сунула палец прямо в середину, затем облизала его, зажмурившись.

На вкус торт был еще лучше, чем на вид.

Айранэ дремала с журналом «Тверской балет» за прошлый месяц, но под пристальным взглядом мамы сразу проснулась.

— Я рада, что ты выжила, — сказала Анаит.

— А уж я как рада, — ответила Айранэ, с некоторым ужасом понимая, что у нее пропали остатки страха по отношению к маме.

Анаит расхохоталась — шутка ей понравилась, — но быстро посерьезнела:

— Ничего не хочешь у меня спросить?

На самом деле Айранэ, как только открыла глаза, сразу увидела, что у Анаит чуть запавшие яркие глаза, кожа словно светится изнутри. У беременных Блеск случался редко, но, видимо, тут именно такой случай.

— У тебя давно не было секса? Как ты это пе-

реносишь?

— Не этого вопроса я ждала, ну да ладно. Есть такая штука — обезболивающие. Они не всем и не всегда помогают, я, еще когда была беременна Володей, нашла то, что одновременно снимает часть симптомов, и при этом достаточно натуральное, чтобы не навредить ребенку. Могу дать, но не уверена, что тебе поможет. Еще вопросы?

— Ты знала, что меня отравят?

— Я знала, что тебя попытаются использовать против меня и что я не смогу этому помешать, — ответила Анаит.

— Почему ты не отговорила меня принять это место? Ты не отвечала вчера на телефон.

— Потому что от таких предложений не отказываются, это слабость. Ты должна была принять предложение и выстоять. Сама. Без меня.

— Чтобы все знали, что твоя невестка — сильная? — Айранэ усмехнулась. — И что дальше? Завтра я поеду на работу снова, и на этот раз в меня ткнут отравленной иглой или пустят в кабинет газ?

— Ну, во-первых, завтра ты не поедешь, у тебя больничный три недели, — ответила Анаит. — Во-вторых, можешь мне поверить, за это время все, кто причастен к твоему отравлению, очень

об этом пожалеют. Секретарь вчера вечером повесился на дверях в твой кабинет, оставив перед этим очень трогательную записку. Прочитать?

— Не стоит, я знаю твой душераздирающий стиль, — ответила Айранэ. — «Я почувствовал пустоту в груди от своего мерзкого поступка и не мог больше оставаться на этом свете, в моей смерти прошу никого не винить», или что-то вроде.

— Если бы я могла хорошо излагать свои мысли на бумаге, я бы сама написала автобиографию, — рассмеялась Анаит. — Очень близко, единственное — в своей смерти он попросил винить пару человек, они тут ни при чем, но немного проблем им не помешает. Ладно, отдыхай. Выздоравливай. Я на семейное облако скинула для тебя архив. Пароль — «Мост». Там около пятидесяти аудиозаписей с разными мыслями.

— Будем писать книгу? — уточнила Айранэ.

— Да, и сроки сжатые, — ответила Анаит. — Меньше полугода до последнего тура выборов, и я бы хотела, чтобы книга вышла не позднее чем за пару недель до них. Устроим информационный шум с положительными коннотациями вокруг моего имени.

— Я займусь.

Анаит склонилась над невесткой и поцеловала

ее в лоб.

— Набирайся сил.

Перед тем как выйти, Анаит взяла извинительный торт от сына, подмигнула невестке и через мгновение уже закрывала за собой дверь.

Едва она вышла, Айранэ с телефона залезла в облако, в папке мамы нашла нужный архив, скачала его и включила первую запись.

ЗАПИСЬ ИЗ АРХИВА АНАИТ

НОМЕР ОДИН

Чтобы мужчина – даже самый плохонький, последний низший, негодный даже на то, чтобы обслуживать женщин-дворников в лупанарии, – чувствовал себя королем, достаточно только подпитывать его чувство собственного достоинства.

Найдите в нем что угодно, что-то, что он делает отлично, хорошо или хотя бы кое-как, и просто говорите ему время от времени о том, как вы этим восхищаетесь, – и вы сможете получить от него все, что вам надо, – если только это не входит в противоречие с его инстинктом самосохранения.

Подкармливая гордость мужчины, можно держать его работоспособным и деятельным в мгновения самых серьезных невзгод, когда сама уже готова опустить руки и сдаться.

Не стоит унижать мужчину, если нет желания расстаться с ним навсегда. Если же есть такое желание – достаточно растоптать его гордость, показать ему, насколько он жалок.

— Не согласна, но можно попробовать, — задумчиво сказала Айранэ.

ЗАПИСЬ ИЗ АРХИВА АНАИТ

НОМЕР ДВА

Всегда выбирайте для себя лучшее. Часто люди – и мужчины, и женщины – считают, что лучшее сложно получить, что до него невозможно добраться, что там высока конкуренция, и потому стремятся к тому, что попроще и похуже.

То, что вы считаете лучшим, часто для кого-то средненькое, а то и вообще бросовое, и наоборот, среднее для вас – для кого-то предел мечтаний.

И вы не упрощаете себе жизнь тем, что берете худшее, – зачастую оказывается, что на это вы тратите больше усилий, получая в итоге то, что их точно не стоило.

Опять же, на пути к лучшему часто открываются дополнительные возможности, когда вы без особых усилий можете получить то, что для идущих к среднему или худшему является недостижимым.

— Слишком абстрактно, — проворчала Айранэ. — Ну ладно, по крайней мере есть чем заняться в ближайшие пару недель.

Утром Айранэ вызвала семейного мастера — Киру и пояснила ей, что нужно сделать.

Кире было под сорок, крепкая, симпатичная низшая с длинными серовато-русыми волосами, собранными в хвост. В комбинезоне, на котором в трех местах был нашит герб Волковых, — она явно гордилась тем, у кого работала.

Кира сама съездила в строительный, ближе к вечеру притащила в комнату кучу инструмента и сказала:

— Будет громко.

— Я потерплю, — ответила Айранэ, которая чувствовала себя уже гораздо лучше, но все еще не была готова надолго покинуть кровать.

Результатом усилий семейного мастера стал кронштейн, закрепленный в стене у окна, с тремя степенями свободы, на который можно было поставить ноутбук, чашку с кофе и тарелку со сладостями и уютно пристроиться в положении полулежа.

— Ты нервничаешь, — сказала Айранэ.

Конечно же, она не подозревала Киру в том, что та попытается ее убить, — в конце концов, мастер работала на семью Волковых уже не первый год, ее наверняка постоянно рассматривали под лупой, и раз уж она здесь, то все проверки прошла.

Но нервничающий человек с перфоратором и шуруповертом, возящийся совсем рядом, вызывал беспокойство.

— Айрэ, девочка, ну зачем тебе мои проблемы? — удивилась Кира. — Лежи себе, выздоравливай, а мы все постараемся, чтобы тебе было удобно.

— Что случилось? — настаивала Айранэ.

— Сегодня будет Буря, — выдохнула Кира. — Мне очень надо, мне доктор рекомендовала. Она сказала — или через Бурю пройти, или диета. Диету мне никак нельзя, у меня единственное удовольствие в жизни — вкусно поесть.

— А я бы выбрала диету, — честно призналась Айранэ. — Буря может убить или покалечить. А еще страшнее — если ты кого-то… Убьешь. Или еще хуже.

— Ну, это же не совсем я буду, — отмахнулась Кира. — У меня другая проблема: секс был, две недели назад ходили с девочками в общий бар, как-то там закрутилось, обычно это ничем и не заканчивается, а тут проснулась утром — мужика уже нет, и слава матери. А потом вспоминаю — Буря же!

— Ну, две недели — это довольно много.

— На грани, — ответила Кира. — Если сразу не

взорвусь, будет неприятно.

— Не рискуй, — попросила Айранэ. — Не надо.

— Год диеты я не выдержу. Все, я решилась. — Кира взъерошила волосы Айранэ. — Спасибо тебе! Ты и Анаит — два лучика в этом доме!

Она вышла из комнаты, а Айранэ задумалась. Действительно, на женской половине Волковых было как-то принято не обращать внимания на уборщиц, мастериц и поварих. В ее детстве, у Ильиных, все было гораздо проще, если ты живешь в доме — ты часть семьи, и свое отношение к работникам из детства она перенесла и сюда, быстро найдя общий язык с большей частью девушек и женщин, занимающихся хозяйством.

При этом самое старшее поколение из тех, кто занимался хозяйством, словно аршин проглотили и делали свои дела, старательно показывая, что между ними и Волковыми пропасть, и порой было даже непонятно, кто же из них смотрит сверху вниз.

А еще Буря. Во Ржеве до сих пор Бурю устраивали раз в полгода, и она всегда проходила спокойно и тихо. В Твери же делали раз в год — зато с размахом, и сюда приезжали женщины со всего Славянского Союза, в том числе высшие, которым, в общем-то, этот риск был совсем

некстати.

Ильины в Бурях не участвовали никогда, Айранэ с детства помнила «правило Бури» от бабушки Апаи — «Не тебя, так ты», означавшее, что если ты вдруг не пострадала, то, скорее всего, кто-то пострадал от тебя.

Бури были пережитком древнего животного прошлого, и Айранэ никак не могла понять тех высших, которые одной рукой писали на билбордах об отказе от животного начала, а другой организовывали безопасное участие в Бурях женщин из самых знатных семей Союза.

Айранэ включила ноутбук, но, вместо того чтобы заниматься книгой Анаит, выбрала канал культурных новостей. Вещала старая Азира, про которую Анаит говорила: «Древняя дура, набитая иглами с ядом, главное — ее не трогать».

— Действительно, Буря является продолжением женских ритуальных мистерий, вошедших в наш генетический код, — вещала Азира. — Заметьте, у мужчин нет ничего даже похожего. Мужской транс примитивен. Да, под него может попасть довольно много мужчин, история знает примеры, когда в транс входило до двухсот тысяч одновременно, но что они при этом делали? Просто убивали друг друга! Буря же — это набор

сложнейших процессов, в которых участвуют и инстинкты, и генетическая память, и, конечно же, биохимические процессы, уникальные для каждой участницы и суммарно создающие неповторимый слепок именно этой Бури. Да-да, уникальны не только Бури как явление, но и каждая Буря в отдельности! Не бывает двух одинаковых Бурь!

Айранэ остановила трансляцию. Раньше этот канал был рассчитан на высших и на нем говорили совсем другим языком и совсем про другие вещи.

Не было вот этого «женщины лучше, чем мужчины, и вот вам семь причин и восемь доказательств». Да, иногда это словно бы подразумевалось, и Айранэ слегка коробило даже от тонких намеков — но в целом канал можно было смотреть.

А сейчас он испортился, испортился окончательно, видимо, в погоне за числом подписчиков, которых, конечно же, среди малочисленных семей не найти, зато полно в анклавах, на заводах и в фермерских конгломератах.

Айранэ лелеяла надежду, что это все приурочено к выборам и через полгода закончится. Снова начнутся материалы про историю балета, о том,

что роднит наш мужской кукольный театр с японским женским театром кабуки.

Ведущие — среди коих иногда проскальзывала и Азира, неглупая, в общем, старушка, — проводили настоящие исторические расследования, с интригой, с глубиной, со ссылками в описании под видео, по которым Айранэ, бывало, ползала еще долго после того, как посмотрела сам материал.

Посерфила немного в поисках своего отравления, но обнаружила, что новость прошла незамеченной. Точнее, на одном провластном портале была заметка в пару коротких абзацев, в которой написали:

«Вступившая в должность заместителя министра культуры по вопросам реконструкции исторических событий Айранэ Волкова в первый день работы почувствовала себя нехорошо, по информации от источников, близких к Волковым, „присутствуют небольшие проблемы с пищеварением“.

На всякий случай врачи прописали ей постельный режим, после окончательного выздоровления новый заместитель министра приступит к своим обязанностям».

Айранэ почувствовала даже некоторое разо-

чарование. Нигде и никто не писал ни про отравление, ни про повесившегося секретаря. Вообще, смерть мужчины в традиционно женском министерстве точно должна была вызвать некоторое шевеление.

Кто-то приложил немалые усилия, чтобы историю не начали обсасывать все подряд, и, скорее всего, этим кем-то была Анаит, которая жесткой рукой вела длинную интригу, а все, что ей мешало, смахивала со стола как не стоящее внимания.

Открыла архив с аудиозаписями, выбрала наугад из середины списка.

ЗАПИСЬ ИЗ АРХИВА АНАИТ

НОМЕР СЕМНАДЦАТЬ

Большинство женщин боятся и не принимают себя полностью, при этом каждая напоминает человека, взявшего в руки обоюдоострый клинок и рискующего пораниться из-за того, что не обучился им владеть.

Блеск – это инструмент, подаренный нам природой, и умеющая им пользоваться женщина никогда не окажется беззащитной, а боящаяся и страдающая от Блеска никогда не будет в безопасно-

сти.

— Ну, спасибо, мама, — пробормотала Айранэ. — Очень жизнеутверждающе. Особенно учитывая, что нас с детства учат избегать Блеска и считать его проявлением животной сущности!

Мысль сделать книгу на основе записей Анаит выглядела все менее привлекательно. Прослушав десяток первых записей, Айранэ отобрала из них две, которые выглядели достаточно корректно, и еще две спорные, но, в общем-то, почти нормальные.

При этом предполагалось, что Айранэ отредактирует и расширит эти мысли, но пока основная их часть звучала так, что хотелось просто стереть их и больше не поднимать на эту тему никаких вопросов.

Самое же страшное было в том, что идею с книгой предложила сама Айранэ и отказываться сейчас, когда мама уже все запланировала и рассчитывала издать труд перед выборами, выглядело решительно невозможным.

Сдвинув ноутбук на подставке в сторону, Айранэ выпила лекарство, заела его сухой корочкой — в точности как и рекомендовалось в назначении врача — и легла спать.

Полночи ворочалась. Издалека, со стороны анклава, доносились выстрелы, какой-то смутный шум, словно от далекого прибоя.

Неожиданно захотелось, чтобы кто-то обнял, кто-то свой. Аська, Анаит или даже Володя, хотя муж ночью на женской половине — это что-то совсем уж невероятное.

Айранэ сама не заметила, как от простой мысли об объятиях устремилась к бездне жалости к себе, но, начиная тонуть в ней, осознала происходящее.

Бороться с жалостью к себе проще всего через злость, это Айранэ помнила по тем временам, когда ее убивало некрасивое, не нравящееся ей взрослое женское имя, подаренное родней.

В качестве цели для злости Айранэ, перебрав события последних дней, выбрала дикую, под Блеск которой попал Володя.

Неожиданно хорошо на эту мысль легла и последняя запись от мамы.

Значит, вот как выглядит использование Блеска, с которым ты никогда не будешь беззащитна? Берешь чужого мужика, блестишь и получаешь его с потрохами, а потом идешь спокойно дальше?

Тут мелькнула мысль, что Володя мог сам

спровоцировать Блеск. В городе полно низших, ждущих Бури, бóльшая часть из них на грани, без секса месяц, а то и больше, и, в общем-то, от мужчины многого и не надо — прошел рядом, задел случайно бедром, может, рубашка была расстегнута на лишнюю пуговицу — и всё, взрыв, Блеск, сломанные кости и покалеченные жизни.

Хотя Володя вроде бы особенно не пострадал, а значит, скорее всего, пошел на поводу, не пытался сопротивляться…

Айранэ внутренне возмутилась и почти сразу смутилась, как будто бы она захотела, чтобы мужа покалечили, а сейчас расстраивалась из-за того, что он остался цел.

Для ее засыпающего разумения вопрос был слишком сложным, и она решила обязательно обдумать его завтра утром, на свежую голову.

«Под Блеск попал, ишь! — ворочались мысли в ее голове все медленнее. — Он бы еще в Бурю влез…»

Утром пришла Акейрит, семейный доктор. Высокая, худощавая и подтянутая, лет тридцати, она выглядела холодной и неприступной, но Айранэ знала: если с ней поговорить по-человечески, то можно вытянуть на чаепитие, в конце которого уже будут и шутки на грани, и дружеские объятия при прощании.

Акейрит посмотрела на записи врача из больницы, извинилась, что не смогла заглянуть вчера, хотя, конечно, обязательно должна была это сделать.

— В городе полно высокопоставленных теток со всего Союза, — сказала она, измеряя давление Айранэ. — Я приняла лекарства и отсыпалась перед завершением Бури. Кстати, сочувствую по поводу мужа.

— Ты насчет Блеска? — удивилась Айранэ. — Вроде бы там все не так страшно.

— Я насчет Бури, — сказала доктор, и в этот момент Айранэ поняла: Володя попал в Бурю. Какого жога этот придурок оказался в анклаве в самую опасную ночь в году, значения уже не имело.

— Он жив? — хрипло спросила Айранэ.

— Да, вполне, его, конечно, сильно помяли, но в целом он жив и даже здоров, проблема в том, что против него завели уголовное дело, якобы он

содействовал проникновению жога в дистрикт. Сам он, по словам моей знакомой старшей тетки из самообороны, сбежал, хотя я смотрела записи с камер, в таком состоянии бегать можно только под целым букетом препаратов, и то недалеко.

— Проникновению кого?

— Жога.

Две женщины смотрели друг на друга. Айранэ пыталась сопоставить Володю и жога, и у нее в голове две эти вещи не сходились, так как не имели точек соприкосновения.

— Ты говоришь про Володю Славиевича Волкова, так? — уточнила Айранэ.

Она сама сняла с руки тугую манжету тонометра, вылезла из-под одеяла, почувствовав некоторую слабость, но вроде падать прямо сейчас не собиралась. Зашла в душ, не закрывая двери, включила воду.

— Ну, твой муж, Володя, содействовал проникновению жога в дистрикт, — кивнула Акейрит. — Звучит дико, я вообще была уверена, что жогов в цивилизованных странах не существует и это все страшилки для непослушных девочек. Твоя мать сейчас отсыпается после Бури, подозреваю, что, как только она проснется, история сильно изменится. Не будет больше никакого жога и

хейса из вашей родни…

Айранэ вышла из душа, открыла гардеробную, потрогала любимый брючный костюм, трезво оценила свои силы и взяла сиреневое платье и серые колготы.

— Какого хейса? — уточнила Айранэ, она не справилась с натягиванием колготок стоя и теперь пыталась сделать это, сидя на кровати.

— Ну, Володиного дяди, который считался мертвым мужиком, а оказался вполне живым хейсом. Его бывшей жене, Але Смирновой, вообще не позавидуешь, она же второй раз вышла замуж, а после первого раза не разводилась, и сейчас это все выплывет…

— Оставь тетю Алю, это меня пока не волнует. — Айранэ приподнялась, натягивая колготки, затем встала и поправила их. — Если по хронологии: Володя вместе со своим мертвым дядей-хейсом привез в дистрикт жога, они вместе пережили Бурю, и сейчас Володю ищут из-за жога, чтобы посадить в тюрьму до конца жизни, а Анаит спит после Бури. Так?

— В общем, да, — кивнула Акейрит. — Только жога вроде как убили или почти убили. Уже стартовал аукцион за его останки, я читала, Оксфорд дает три с половиной миллиона и настаивает на

том, что у них приоритет, только доказательства какие-то мутные…

— Оставь Оксфорд и останки жога, вернемся к Володе и хейсу.

— Хейс без сознания, в тюремном блоке городской больницы, Володя, по слухам, сбежал, хотя он был в таком состоянии, что я скорее поверю в то, что он уполз.

— Спасибо, Аке.

Айранэ обняла доктора, принюхиваясь к ее парфюму. Несколько лет назад Анаит сказала, что у Акейрит нюх на модные ароматы и тем, чем она душится, через полгода будут душиться все.

— Подожди, я хотела взять у тебя кровь и попросить еще об одном анализе…

— В следующий раз, — отрезала Айранэ. — Если мы сейчас не разберемся с этим кризисом, мои анализы будут наименьшей из моих проблем. Какой смысл рожать детей и слушать бабу Агни, если однажды твой муж притащит в дистрикт жога и вся твоя жизнь и карьера повалятся к нему же?

— Я слышала, детей рожают не только для карьеры, — обняла в ответ подругу Акейрит.

— И в чем-то ты наверняка права, пока, до встречи.

Правила приличия требовали, чтобы Айранэ проводила гостью, но на этот раз было не до приличий.

Оставляя Акейрит позади, Айранэ вышла из комнаты — пожалуй, слишком быстро, потому что ее качнуло и она чуть не упала. Потом семенящей походкой добралась до апартаментов Анаит, в противоположном конце от роскошных покоев бабушек. Бабушки не любили жену Славы Волкова, ну а она отвечала им взаимностью, и, едва статус и деньги позволили, она перестроила себе несколько комнаток для самых младших в довольно неплохие двухуровневые апартаменты.

Дверь Анаит не запирала, — впрочем, к ней без приглашения почти никогда и не заходили. Но сейчас случай был исключительным, Айранэ решительно толкнула створки с черным и серебряным тиснением. Они бесшумно разошлись.

Внутри царил хофов бардак: все горизонтальные и частично наклонные поверхности, вроде перил лестниц, были заставлены или завешаны вещами Анаит. Тут и там Айранэ натыкалась на платья, блузы, брюки, ящики с шампанским, бюсты героинь прошлого, и при этом ни пыли, ни мусора не наблюдалось, — видимо, Анаит все же достаточно доверяла кому-то из уборщиц в

доме Волковых. Да уж, этой доверенной девочке, конечно же, сложно было позавидовать.

Пронзив насквозь пространство, разделенное шторами, знаменами и занавесями, Айранэ добралась до кровати, где, раскинувшись морской звездой и частично прикрытая простынкой, спала Анаит.

Проступающее беременное пузико виднелось в складках постельного белья, и Айранэ внезапно поняла, что Анаит, потащившаяся в Бурю беременной, сильно рисковала.

— Мама! — крикнула она. — Мама!

И прикоснулась к ступне Анаит.

В то же мгновение мама вскинула вверх простынь, а когда та опустилась на кровать, на Айранэ глядел ствол длинного и с виду очень тяжелого револьвера.

— А, это ты, — хрипло со сна пробормотала Анаит. — Уже в курсе?

— Того, что Володя притащил в дистрикт жога и теперь ему грозит за это… Десять? Двадцать? Тридцать лет тюрьмы?

— Отработает в лупанарии, там год за три, быстро управится, паршивец, — пробормотала Анаит, убирая револьвер куда-то вглубь кровати, видимо, в проем между диваном и софой. — Да

никто его не посадит, потанцуем с девочками, поторгуемся, все отыграем. Главное, если увидишь его, скажи — не было никакого жога. Пусть стоит на этом. А пока отдохнет в Торжке, подумает над своим поведением… Я тоже должна была в Торжок ехать, но вы, все вы, включая тебя, не даете мне нормально поспать, к жогу Торжок, не поеду…

Она еще договаривала, а глаза уже слипались и тело расслаблялось. Айранэ подошла к маме, поправила простынь, прикрывая вполне еще приличную фигуру Анаит и особенно пузико, нагло торчащее вперед.

Лёня вкушал свое любимое пюре из кролика. К появлению матери он отнесся благосклонно, махнул ей небрежно, по-королевски, рукой, а потом, подумав, даже протянул ей ложку с едой — мол, на, можешь угоститься.

Впрочем, быстро передумал и половину пюрешки слизнул, показав матери, что нечего баловать ее, все равно не наестся, а попробовать и совсем капельки достаточно.

— Тебя никто не обижает?

Айранэ собиралась спросить что-то другое, но с утра день не заладился, и вот сейчас, при младших невестках, заботящихся о детях, брякнула такое! Впрочем, девочки были на тарди, чтобы общаться с мальчиками, и вряд ли уловили, что она сказала.

— Гы-ы-ы-р-ы-ы, — протянул что-то Лёня, но Айранэ, конечно же, не смогла его понять.

Она помнила свои дни «на мальчиках» — они, обычно две или три младшие невестки, запирались утром в каморке под кухней, курили выданный кем-то из бабок тарди, пуская дым «паровозом» изо рта в рот, потом до обеда учили мальчишек разговаривать, играли с ними в кубики с картинками. Ближе к обеду эффект тарди спадал, речь детей — и без того не особо

разборчивая — становилась совсем непонятной.

И кто-то — Айранэ редко, ее авторитет среди младшей женской части с самого начала был очень высоким из-за Анаит — шел к бабушкам за добавкой. От второй порции тарди, ложащейся поверх утренней, девчонки минут двадцать хихикали, попутно распивая сладкий чай и выдавая глупости вроде «печенька!» или «а я такая… я такая… я такая!», и взрывались хохотом.

Потом мысли приходили в некоторый порядок, к этому времени старшие уже обычно заканчивали кормить мальчишек, и младшие невестки занимались с ними спортом, собирали вместе из конструкторов машины, дома и железные дороги, комплектовали внутренними органами пластиковых собачек и коров, читали вслух сказки.

Вторая порция тарди не отпускала долго, гораздо дольше первой. По слухам, третья держала до суток, а те, кто принимал четвертую, якобы могли так и не выйти из замедленного режима и становились «мужичками».

Но, несмотря на обилие подобных толков — Айранэ слышала их всю жизнь, начиная еще со Ржева, — ни про один реальный случай она не знала и полагала, что, скорее всего, это придумали сами старухи, чтобы молодежь не увлекалась

наркотиком.

Лёня, пока мама предавалась воспоминаниям, доел пюре и протянул руки — мол, извлекайте меня.

Айранэ нажала на столешницу стульчика, сдвигая ее в сторону, и, достав сына, поставила его на пол.

— Ыы-ы-ы-ы-р-г-ы! — промычал он.

Ей каждый раз казалось, что у него задержка. Что бы ни говорили врачи, что бы ни рассказывали младшие невестки, общавшиеся с сыном под тарди, все равно — медленный, коренастый, кудрявый Лёня каждый раз при встрече вызывал панику.

Хотелось принять тарди и проверить — точно ли сын настолько хорош, точно ли он лучше других мальчиков или хотя бы не хуже, точно ли новый маленький Волков не станет обузой семье.

— Я проверяла, он нормальный, — уверяла Анаит, догадавшаяся в какой-то момент о ее страхах — а может, узнавшая о них от врачей или младших невесток. — С первым мальчиком всегда так. Я тоже боялась. Со вторым проще.

Вообще, конечно, имеет смысл рожать мальчиков: они останутся в семье. Но при этом станут

чужими, совсем чужими, далекими, и тут большой вопрос — что лучше. Уехавшая в другой город, а то и страну, но оставшаяся родной дочь или же находящийся рядом, но ставший незнакомцем сын.

Обняв на прощание сына, Айранэ поцеловала его в щеку — Лёня при этом пытался вырваться, а потом даже потер лицо, хотя никаких слюней там, конечно же, не было, — и вышла за дверь.

Прощаться с замедлившимися младшими невестками смысла не было, они все равно бы не поняли, что она говорит.

Айранэ пошла к дочерям. Четырехлетняя Лена вместе с Арати, одной из беременных старших невесток, разбирала буквы, семилетняя Настя плела длинную ленту из разноцветных бисерных ниток.

— Не мешай, — подошла сзади Ачиай, одна из двух «нормальных» бабушек — тех, с кем можно иногда даже поговорить без осознания собственного ничтожества. — Умная девочка.

— Все мы умные, — осторожно сказала Айранэ.

— Мы-то да. — Баба Ачи рассмеялась. — Нас уже купили, причем Волковы, которые не умеют покупать дешево. А за дочек и внучек нам еще предстоит выручить деньги.

Айранэ замерла. Она понимала, что однажды настанет день, когда у нее заберут Настю куда-нибудь во Владивосток, а потом и Лену куда-нибудь в Белград, но пока до этого было далеко.

О том, как и сколько платят за невест, в семьях высших тоже не говорили — с теми, кто пока не купил невесту для сына или не продал дочь. То есть Айранэ еще не вошла в клуб и потому могла только догадываться, как это все пройдет.

— Внучка Славы и Анаит Волковых дорого будет стоить, — как ни в чем не бывало продолжила баба Ачи. — Если Володя выпутается.

— А если не выпутается? — спросила Айранэ.

— Тогда отдадим замуж в Мексику или Индию. — Старуха махнула рукой. — Там наша порода высоко ценится, а возня с жогами особым преступлением не считается. В любом случае не продешевим, не беспокойся.

Айранэ беспокоилась совсем не об этом. Она наблюдала, как Настя ловко сплетает нитки с бисером, как она нанизывает бусины. Рядом лежала схема, по которой плелась бисерная лента, — девочка почти не глядела на нее, делая все быстро и легко.

— Кто был самой дорогой невестой, о которой ты знаешь?

— Сучка Анаит, но она стоит каждой копейки, — рассмеялась баба Ачи. — Я ее, конечно, ненавижу и с удовольствием придушу в любой момент, когда она не будет беременной, но благодаря ей у семьи открылось множество перспектив. Выход к власти, к деньгам. Каждая наша девочка подорожала раза в полтора просто за счет того, что они из семьи, в которой есть Анаит!

— Но она же не Волкова по крови. Ее тоже купили, получается. Какое отношение она имеет…

Баба Ачи расхохоталась так громко, что на нее оглянулись почти все женщины и девочки в мансарде — десятка полтора человек. Настя была единственной, кто даже не отвлекся от своего занятия.

— Волковы — это мы, — доверительно сказала старуха. — В любой семье мужики — это база, основа. А двигают семью к новым вершинам женщины. Мужчин семья не выбирает: они рождаются в ней и умирают, они могут быть или стать пьяницами, преступниками, хейсами или тупицами. А вот невест семья выбирает придирчиво, платит за них дорого. Бесплатное никому не нужно, а то, за что ты выложила большую сумму, ты будешь беречь и лелеять. Чем богаче и сильнее семья, тем более сильные в ней жен-

щины, просто потому что их выбрали из сотен и тысяч претенденток. А мужчины в такой семье, как правило, не глупы, имеют какие-то свои достоинства, но до среднего уровня их жен им как до солнца в собачьей упряжке!

— Слава Волков…

— Твой свекор — хороший мальчик, умный, сильный. Но во многом переоценен, потому что Анаит каждый раз твердит, какой он клевый, и все верят, ведь это же говорит Анаит! Может, я чего-то не знаю, но, кроме того случая в Сирии, да еще операции в Сараево, у него особых заслуг-то и нет! Если бы он был не Волков, а, например, Кузнецов или Стравинский, служил бы сейчас майором спецназа с парой орденов.

— А его детективное агентство…

— Убыточная контора, созданная, чтобы скрыть ото всех то, что он ловит иностранных агентов? — Баба Ачи сморщилась. — Игры мальчиков, бессмысленные и неуклюжие. Промышленный шпионаж, диверсии, прочие какие-то прятки — вот чем занимался и занимается Слава Волков. Он просто не вырос. Вот его отец — вырос и мог стать президентом дистрикта, настоящим, не как кукла, сидящая сейчас в высоком кресле. А Слава — ребенок. Анаит — это стена, за которой

он может лепить свои куличики, делая вид, что занимается чем-то важным…

Айранэ встала и на цыпочках вышла. Старая Ачи продолжала говорить, но молодой женщине не хотелось этого слушать.

Значит, Слава работал не в милиции. То есть милиция — это прикрытие, а на самом деле он занимался другими вещами. Айранэ на самом деле давно догадывалась, к тому же Анаит несколько раз довольно прозрачно намекала.

Перед дверью на мужскую половину Айранэ на несколько мгновений застыла, собираясь с духом.

Конечно, заходить на сторону противоположного пола не запрещалось. В семье Ильиных это вообще было нормой, особенно для сверстников, в том числе иногда дружили даже мужья с собственными женами.

Не соперничали, не проводили ежедневные переговоры по делам, а именно дружили — как это было у деда с бабушкой по отцовской линии Айранэ или у тети Алессы с дядей Тимой.

Но об этом вслух не говорили и уж точно старались, чтобы никто не узнал.

У Волковых же если ты хотела поговорить с мужем, то жог тебе, иди передай, что нужно, стар-

шим невесткам, они уже найдут способ донести до Володи информацию так, чтобы ты ничего не испортила.

А если что-то важное — тогда уже сама, ножками, но опять же не к Володе, а к его отцу или к деду, они перетрут и выдадут тебе решение проблемы, а потом уже поставят Володю перед фактом, что и как он должен делать.

Сейчас у Айранэ была проблема, и она собиралась приложить любые усилия к ее решению. Немного заблудилась у старших покоев, навстречу ей попался незнакомый парень в трусах, ойкнул, увидев ее, и унесся испуганным оленем вглубь дома.

Потом наткнулась на дядю Марата, тот в несколько фраз выяснил, куда ей нужно, и проводил. При этом дядя говорил на общей речи очень прилично и разборчиво.

— Только он спит после Бури, — отметил Марат, открывая перед Айранэ двери.

Она уже вошла, когда вдруг поняла, что оказалась в комнате у спящего мужчины — без его на то разрешения. Запаниковав, Айранэ обернулась, чтобы выйти, когда из сумрака комнаты раздалось:

— Ну куда ты? Проходи, — на сносной, хотя и

замедленной общей речи.

Тут же включился свет, и Айранэ поняла, что комнате свекра далеко не только до покоев Анаит, но даже и до ее собственных. Три на четыре метра, кровать, стол, стул, утопленный в стену гардероб без дверцы с десятком вешалок с мундирами и пиджаками и шесть полок со всякой всячиной типа носков, трусов, ремней и перчаток.

Сам Слава сидел, щурясь, на узкой длинной кровати, жесткой даже с виду, одетый в серую хабэшную майку и такие же серые семейные трусы. Тело его было мускулистым и поджарым, и на открытых участках Айранэ насчитала не меньше десятка шрамов — в основном старых, но на левом бедре из-под семейников тянулся к колену свежий, багровый, вздувшийся.

— У меня есть к тебе просьба, — сказал свекор. — Ты как себя чувствуешь?

Он говорил медленно — судя по всему, еще не до конца проснулся. Но при этом очень четко и очень понятно; видимо, у него имелся большой опыт общения с женщинами на общей речи, — несмотря даже на некомфортный темп, все было понятно.

— Гораздо лучше, — ответила Айранэ.

— Тебе станет хуже, — сказал Слава. — Намного

хуже.

— Не станет, — неуверенно ответила Айранэ. — Я же выздоравливаю.

Слава рассмеялся, встал, взял со стула незаметный от двери синий шелковый халат, тисненый драконами, одним движением облачился в него и завязал пояс с ярко-желтыми кистями.

— Мне надо, чтобы ты попала в двенадцатое женское отделение центральной городской больницы, выкрала универсальный врачебный пропуск, положила его на подоконник окна, под которым растет рябина, и повернула защелку на окне, не раскрывая створки.

Айранэ приоткрыла рот.

Вообще, мужчины традиционно не просили ничего такого у женщин, а женщины — у мужчин. Свекор явным образом выходил за рамки, и куда дальше, чем это сделала она, когда вошла в комнату к нему спящему.

…Ей вспомнилось, как на свадьбе, когда ее, совсем еще молодую, испуганную, закутанную в неудобное свадебное платье, мешающее ходить, дышать и сидеть, поставили в шаге от Володи, Слава подошел к ней, чуть приобнял — куда более интимно, чем это делал кто-либо из мужчин ранее в ее жизни, — и, обдавая запахом дорогих

виски и сигар, прошептал: «Если Володя не справится, моя дверь — четвертая слева».

Ее это тогда так возмутило, что она перестала обращать внимание на неудобное платье, на жалость к себе и страх. Выпила — совсем чуть и, как только прошла первая волна тостов, утащила своего новоявленного мужа в комнату, где он не то чтобы прямо с блеском, но справился.

А утром, собирая платье для того, чтобы отправить его в химчистку, обнаружила в кармашке за поясом записку, которую Слава, видимо, тогда же сунул ей:

«Шутка злая, но ты должна была разозлиться, чтобы перестать дрожать».

После этого она точно не хотела общаться со свекром, которого записала в злостные манипуляторы, и несколько лет ей удавалось избегать его…

— Это поможет Володе? — уточнила она.

— Нет, это спасет маленького жога, которого я прострелил насквозь семь часов назад, — ответил Слава. — Если кто-нибудь этого не сделает, в ближайшие часы господин президент подпишет документ, по которому в целях милосердия жог будет убит, а потом его труп продадут за несколько миллионов рублей золотом мясникам,

которые будут выцеживать из него какие-то зелья для миллиардеров и дергать током в надежде двинуть свою науку на миллиметр дальше.

— Я не буду этого делать, — сказала Айранэ. — Это же жог. Жоги опасны. Жогов можно убивать. Точнее, нужно. Это тупиковая ветвь эволюции, опасная для всего человечества! Это как на старинном плакате — «Уничтожай жога, пока он тебя не видит!». Ты же сам выстрелил в него!

Слава пристально посмотрел на Айранэ, и та почувствовала, что начинает возбуждаться. Свекор очень походил на Володю — точнее, конечно же, наоборот, — а она за годы супружеской жизни привыкла, что если находится с мужем рядом больше пары минут, то скоро будет секс.

— Я не готова, мне пора. — Айранэ понимала, что замедляется недостаточно и ее слова для собеседника слышатся неразборчивой скороговоркой.

— Стой, — властно приказал Слава, когда она уже была у дверей, и Айранэ неожиданно подчинилась.

С ней никто не разговаривал таким тоном, она не привыкла к этому, и ей не нравилось, но почему-то ослушаться не могла.

— У тебя наверняка есть вопросы, просьбы.

Мечты. Кто-то мешает. Кто-то недостаточно помогает.

Стоя спиной к Славе, Айранэ поняла, что ее отпускает. Мгновенное желание ушло так же быстро, как и появилось. Но оборачиваться она не торопилась.

— За сколько купили Анаит? — спросила она.

— Семьсот тысяч, — ответил свекор.

— А меня?

— Четыреста двадцать, и еще твой дядя, Василь, получил должность министра технического развития во Ржеве.

Дядю Айранэ отлично помнила, дядя был смешной, вечно взъерошенный, из той части Ильиных, которая конструировала все подряд, от космических спутников до наноботов.

— Нельзя спасать жогов, — сказала она неуверенно. — Это нехорошо. Жогов надо убивать. Убивать жогов — правильно.

— Ты как ребенок. — Судя по голосу, Слава не приближался, и это успокаивало. — Злой ребенок. Этот жог — мой племянник. Он — Волков. Если бы я убил его, это было бы нормально. Но он выжил. И если сейчас его добьют, а потом продадут на мясо ученым, это будет значить, что я упустил контроль и позволил кому-то еще

решать судьбу Волкова.

— Гордость? Это уязвляет твою гордость? — уточнила Айранэ.

— Это посылает сигнал моим врагам, что я ослаб, — ответил Слава. — Но ладно, жог с ними, извини за нелепый матерный каламбур, проблема в том, что я, когда нажимал на курок, почувствовал, что убиваю родственника. Племянника. Сына моего любимого брата, каким бы непутевым он ни был. И чем дальше, тем сильнее я чувствую, что он в первую очередь Ягайло Волков и только во вторую — жог.

Когда Слава назвал имя, Айранэ поняла, что ее броня дала трещину. У зла не должно быть имени, только образ. Вот такое безымянное зло легко ненавидеть, но как только из общего аморфного образа выделяется конкретный человек, с именем, с родственниками, с папой, мамой… Ну ладно, в данном случае — с папой и папой…

Айранэ сухо рассмеялась.

— Что?

— Но ведь вся наша цивилизация построена на том, что мы рожаем человечество, разве нет? — уточнила она. — Я только сейчас это поняла. Сила женщин не в том, что мы выше или быстрее. Мы исток для каждого нового человека. Для каждого,

но не для жога. Жоги отдельно. Когда я думаю о том, как он появился на свет, меня пробирает насквозь холодом и ужасом. Слава, ты большой и сильный мужчина. Но тебя родила женщина. Я — всего лишь одна из средних невесток в большой семье. Меня тоже родила женщина. А твой Ягайло — это черная дыра, которая грозит затянуть в себя все, что нам дорого. Та картина мира, которая прошита внутри меня, не допускает Ягайло как часть моего мира. Он может существовать где-то далеко, не пересекаясь со мной. Но когда он рядом, первое и единственное мое желание — уничтожить, раздавить его, как сколопендру, обнаруженную в собственной постели.

В этот момент Айранэ захотела посмотреть в глаза свекру, она развернулась и обнаружила, что тот уже одет в форму и застегивает верхнюю пуговицу на милицейском кителе с полковничьими погонами.

А еще — улыбается, по-доброму, безо всякого напряжения, глядя ей в глаза. А она — смотрит на свекра с вызовом, с тем самым, из-за чего при некоторой неаккуратности могут произойти события, которые потом трудно будет объяснить даже самой себе.

— Я сказала что-то глупое? — уточнила она,

отворачиваясь.

— Нет, все правильно, — ответил он. — Я прошу тебя об услуге, которая неприятна тебе и вызывает отвращение.

Теперь он уже говорил быстро, на очень хорошей общей речи. «Цепляясь» за ритм его слов, сама Айранэ могла легко подстроиться под него и замедлиться.

— Тогда забудем об этом? — спросила она.

— Нет, ты все равно это сделаешь. — Слава подмигнул, глядя в ее округлившиеся от удивления глаза. — Взамен на одну услугу в будущем от меня, даже если эта услуга будет мне неприятна и вызовет у меня отвращение.

Айранэ хотела было сказать, что ей ничего от него не нужно, что она годами не видела его и даже если не увидит больше никогда, то не много потеряет.

И тут же поняла, что на самом деле это не так. В Славе присутствовал магнетизм, странное, непонятное ей пока очарование. Айранэ вспомнила: про Славу Волкова часто говорили, нередко ставя в пример как образцового высшего.

Баба Ачи считала, что его образ раздут усилиями Анаит, но сейчас Айранэ понимала: нет, что-то в нем есть. Что-то, что позволяет ему считать, что

она согласится…

— Хорошо, одна любая услуга, — ответила она.

Слава позвонил куда-то и на медленной, тягучей, неразборчивой мужской речи рассказал что-то очень смешное — судя по доброй улыбке.

— Что будет с Володей? — спросила она, когда он положил трубку.

— Семьдесят из ста, что Анаит с этим разберется через свою систему противовесов. Володе выдвинул обвинение анклав, а не дистрикт. Открытый процесс по такому щекотливому вопросу, как ввоз жога, да еще и с Волковым в качестве обвиняемого может всколыхнуть общество, что никому не нужно. Каждый такой кризис заставляет проворачиваться шестерни механизма, который бережет наше общество от потрясений, и если он еще не окончательно заржавел, то Володю Анаит вытащит.

— Ты сказал — «семьдесят процентов», а где остальные тридцать?

— Еще двадцать процентов на то, что дело дойдет до суда и адвокат, женщина в костюме стоимостью двадцать тысяч рублей — и это распродажная цена! — расскажет трогательную историю о том, как хейс и жог с помощью нечеловеческой магии и биохимии заставили

приличного члена общества, мужчину из хорошей семьи, обманом, гипнозом и гормональным воздействием поступать в их интересах. Мужчина, конечно же, сопротивлялся и был против, вот свидетельства, вот характеристики с работы, а вот фотография, на которой видно, как его собственный отец, спасая сына из лап жога, стреляет в злобное чудовище из снайперской винтовки.

— И его оправдают? — уточнила Айранэ.

— Я не упоминал адвоката в костюме за двадцать тысяч? — удивился Слава. — Конечно же, его оправдают. Володя всю жизнь провел как кактус, который сам никого не трогает и себя трогать не дает. До последних событий он был таким стерильным, что мне казалось — глядя на сына, я вижу пустое место.

— То есть он вырос в твоих глазах, когда привез в дистрикт жога?

— Он в них появился, — подмигнул ей Слава. — Тебе пора.

— А последние десять процентов? — уже из дверей спросила Айранэ.

— А это тот случай, когда он сам решит свои проблемы либо сделает так, что никто из нас ни деньгами, ни связями ему помочь не сможет.

Айранэ почему-то была уверена, что снаружи будет ждать такси, причем мужское, с парой мрачных неулыбчивых коренастых мужчин в дешевых пиджаках на пару размеров больше, чем требуется.

И потому очень удивилась, когда увидела въезжающий в ворота маленький спортивный автомобиль с открытым верхом — то ли «барс», то ли «ирбис», она порой путала эти марки-конкуренты, хотя в мужских машинах разбиралась неплохо, в семье Ильиных все с детства с любой техникой были на «ты».

Автомобиль оказался двухместным и старым, такие часто брали себе мужчины-высшие в качестве второй машины — если доходы позволяли, конечно.

Но сейчас за рулем сидел низший из больницы, врач с незапоминаемым мужским именем и отчеством Володиевич.

— Привет, — буркнула Айранэ, садясь рядом и скорее намечая снижение скорости речи, чем действительно замедляясь.

Володиевич даже не сделал вид, что рад ее видеть. Он без разговоров взял ее запястье своей мясистой лапой — и как он только удерживает узкий скальпель?

Спустя мгновение он сдержанно улыбнулся, кивнул и выехал по короткой аллее Волковых к воротам.

— Секс давно был? — спросил он через минуту, выруливая на оживленную улицу.

В машине с открытым верхом гулял ветер, и легкое платье совсем не грело.

— Зачем этот вопрос?

— Как доктор спрашиваю, — поморщился Володиевич.

Айранэ поняла, что раздражает ее вовсе не врач, он вообще на ее стороне, спас от бабки Агни. Она сердилась на Славу, который заставил ее все-таки сделать нечто, противное ей, причем она сама до конца не поняла, как у него это вышло.

— Дня три назад.

— Отлично, — усмехнулся Володиевич. — Я вколю тебе препарат, произойдут некие изменения в поведении, примерно на полчаса. Единственный побочный эффект — возможно спонтанное возбуждение, но если секс был три дня назад, ты легко сможешь это контролировать.

— Не надо, я так не хочу. — Айранэ положила руку на дверцу, будто собиралась выйти прямо сейчас, на скорости сорок километров в час. — Останови, пожалуйста.

— Задери сейчас платье до талии, — словно не слыша ее, продолжал Володиевич. — Когда мы остановимся, я закреплю тебе скарификатор на трусах изнутри. Это маленькое лезвие, ты им разрежешь ремни.

— Какой скарификатор, какие ремни? — Айранэ была близка к истерике. — Останови! Я выйду!

Тем временем автомобиль заехал на небольшую пустую женскую парковку. Айранэ знала это место — самый центр города, недалеко президентский дворец, парламент из трех зданий — с двумя нижними палатами и одной верхней. Парковка, очевидно, была платной, потому что Володиевич открыл приложение на телефоне и вносил денежки.

— У тебя приложение женской парковки? — удивилась она.

— Времени нет. — Доктор показал маленький металлический шип. — Это титановый скарификатор, вот так его можно держать, никак иначе — нельзя. Вот так держишь, вот так режешь. Понятно?

— Я ухожу, — сказала Айранэ и попыталась открыть дверь, но та оказалась заблокирована.

В тот момент, когда она начала оборачиваться, в плечо ей прямо сквозь платье воткнулась игла,

а в следующее мгновение Айранэ стало жарко, затем сразу же, без перерыва, зазнобило.

Она поняла, что не контролирует свое тело. При этом чувствовала, как ей задрали платье и, ворча что-то на жутко медленном мужском, потрогали трусы, а затем опустили платье обратно.

Айранэ помнила, что это неправильно и нехорошо, но почему — не могла сообразить. Дверь перед нею открыли, но она не спешила выходить. Она размышляла о том, надо ли ей куда-то идти, когда обнаружила, что уже идет, точнее, бежит — прямо по дороге, среди медленно двигающихся в пробке автомобилей.

Ей стало от этого так смешно, что она заорала, а потом засмеялась. Кто-то из машины показывал на нее пальцем, она показывала пальцем в ответ, потом появились тетки в форме самообороны и попытались ее скрутить.

Айранэ до замужества занималась балетом, и потому ей не составило труда ускользнуть из лап неуклюжих служивых теток.

Потом теток стало больше, а дальше на нее накинули сеть. Айранэ попыталась кусаться, но ее скрутили, при этом нацепили на глаза повязку.

— Документы есть? — скрипел рядом голос пожилой дамы из самообороны.

— Вообще ничего, карманов нет, сумочки нет. Платье брендовое, рублей сорок стоит!

— Семьдесят, не меньше, — скрипела в ответ завистливая тетка. — Препятствовала движению, сопротивлялась задержанию. Не в себе. В двенашку ее!

— А может…

— Выполнять!

Айранэ почувствовала, как ее куда-то волокут, потом везут. На короткий момент она вырубилась.

— Нужны документы! — ворвался в сознание возмущенный голос. — Направление из прокуратуры или постановление суда хотя бы дайте! Как я ее без документов? Это же не отстойник для бомжей, это ЦБ!

Возмущенному голосу что-то отвечали, но Айранэ не слышала.

— Я вижу, что высшая, и платье хорошее, это все понятно, но вы требуете, чтобы я взяла в закрытое психиатрическое отделение человека, которого даже в базу занести не могу! Там же заполнять надо! Нет-нет, никаких примерных данных! Нет! Что? Ну, это ни в какие ворота! Ах так?

На некоторое время возмущенный голос умолк, второй что-то бубнил.

— Ладно, я возьму, но если через час не привезете документы, мы просто выкинем ее на улицу, развяжем и выкинем, и пусть она там что хочет делает, хоть голая бегает, хоть на людей кидается!

Айранэ понимала, что происходит что-то странное, но пока не могла сообразить, что именно. Ее положили на каталку, убрали с глаз повязку, по больничным коридорам и лифтам повезли куда-то, потом сволокли с каталки как куклу, стащили платье.

— Белье не снимай, если документы не привезут, платье обратно наденем и выкинем на улицу, — глухим, словно бы пропитым голосом говорил кто-то сзади. — Штаны тоже не надо, только рубаху пока.

Потом ее положили на каталку и притянули к ней в плечах, на поясе и над коленями. Дальше отвезли в полутемную комнату и оставили там.

Некоторое время ничего не происходило, а потом Айранэ начала приходить в себя. Вернулись чувства — и первым был страх, а потом поверх наложилась ярость. Эти твари использовали ее! Она отказалась, а они не слушали!

Словно она рабыня из старинных немых фильмов!

Айранэ твердо знала, что, когда отсюда выберется, она им всем устроит такое, что никому мало не покажется. И Славику, и Володиевичу, и мужу — за то, что довел ситуацию до вот этого вот всего!

Она попробовала шевельнуть руками — нормально, слегка двигаются. Нужно было просто дождаться, когда пройдет час. Документы, конечно же, не привезут, — а значит, ей вернут платье и выставят на улицу.

Айранэ глубоко вздохнула и вдруг призналась себе: она не будет ждать этот час.

Она нащупала сквозь ткань больничной одежды металлический предмет, спрятанный за боковиной трусов. Затем понемногу, по сантиметру, начала подтягивать длинную рубашку вверх. Затем вывернула край трусов, нашарила приклеенный на скотч — как сказал врач? Скарификатор?

Постаралась вспомнить, как его держать, — но, не имея возможности увидеть, все равно ошиблась и порезалась, когда вынимала из-под скотча.

Потом обнаружилось, что «перерезать ремни» отнюдь не так просто, как это, видимо, представлял безымянный Володиевич: при всем старании

это заняло у Айранэ не менее пяти минут на каждый ремень.

Первый — который у пояса. Второй — по плечам. Пока занималась вторым, уронила лезвие, запаниковала, но оно упало на каталку, а не вниз. Нашла, допилила.

Потом уже села и сидя дорезала третий ремень.

Огляделась: это была не палата, а кладовка. Вдоль стен — стеллажи с какими-то мешками, емкостями, ящиками.

Под потолком — небольшое окно, из которого в комнату проникало немного света.

Айранэ встала, размяла затекшие ноги, затем покачнулась — она все еще ощущала слабость, не выздоровела полностью после отравления. Куда, куда она лезет? А как мог Володиевич дать согласие на такое, он ведь доктор, он же не имеет права, или у мужчин нет клятвы, требующей беречь жизнь пациентов?

Дверь была закрыта, но рядом нашлась кнопка, нажав которую Айранэ открыла ее. Выглянула; снаружи оказался длинный коридор, с одной стороны — окна, высокие, в женский рост, с другой — редкие двери с картинками. На ближайших были заяц, мышь, волк.

На каждой на уровне головы зарешеченное окошко; заглянув внутрь палаты с мышью, Айранэ обнаружила там, в глубине, усердно отжимающуюся мускулистую тетку из низших с изуродованным шрамом лицом.

За мгновение до того, как тетка подняла на нее глаза, Айранэ отпрянула. Это точно был не тот взгляд, которому стоило давать себя обнаружить.

Вдалеке послышались шаги, пришлось быстро вернуться на склад и спрятаться между ящиков: ложиться на каталку не имело смысла, срезанные ремни выдали бы ее с головой.

Можно было попробовать доказать, что она не больна, пришла в себя, но к чему это приведет, Айранэ не знала и рисковать — без крайней нужды — не собиралась.

Звук шагов, к счастью, уже удалялся — не быстро, но уверенно, целенаправленно. Судя по всему, тетка в палаты не заглядывала и двигалась по коридору дальше.

Айранэ выскользнула из комнаты — в десятке шагов перед ней шла низшая в форме младшей сестры самообороны, с длинной угрожающего вида дубинкой на поясе. На голове у нее были наушники, и тетка чуть покачивалась в такт

музыке.

А на плече, чуть ниже сержантской нашивки, из небольшого карманчика торчал пластиковый ключ-пропуск.

Вряд ли это был докторский ключ, но, с другой стороны, искать доктора Айранэ точно не собиралась. Она догнала тетку, попробовала достать пропуск — с первого раза не вышло, он слишком плотно сидел в кармашке, и пальцы соскользнули.

Второй раз дернула резче — и пропуск оказался у нее в руках.

Тетка встала, — видимо, движение оказалось достаточным, чтобы отвлечь ее от музыки. Айранэ замерла позади нее.

Тетка, не снимая наушников, медленно, всем телом начала поворачиваться — Айранэ сдвигалась вместе с ней. Но, не закончив поворота, тетка покачала головой, развернулась обратно и пошла прочь.

Айранэ выглянула в окно и мысленно застонала. Это был один из верхних этажей тринадцатиэтажного здания ЦБ! Она даже вспомнила, как ее, совсем мелкую, из Ржева возили сюда, в столицу, чтобы на третьем этаже, в детской хирургии, разрезать сросшиеся два пальца на ноге.

Окно, под которым шиповник? Сирень? Айранэ поняла, что не помнит. Она, вообще-то, не собиралась сюда лезть; когда Слава Витиевич рассказывал свой план, он должен был хотя бы повторить!

Внизу выстроились какие-то деревья, совершенно одинаковые, среди них выделялась алыми гроздьями только рябина.

«Оно», — поняла Айранэ.

Внезапно звук шагов вдалеке смолк. Пришло осознание: охранница сейчас попробует выйти, поймет, что пропуска нет, и вернется!

Подбежав к нужному окну, Айранэ обнаружила, что у него нет механизма для открытия.

— Как вы так готовитесь, а? — пробормотала она.

А потом увидела, что на откосе слева выделяется небольшая площадка — такая, к которой обычно прикладываются ключ-карты.

Она приложила свой — в окне что-то щелкнуло.

И тут же луч света попал ей прямо в глаз. Айранэ прищурилась и увидела — в паре кварталов, на пятом или шестом этаже офисного здания, ей сигналят из окна зеркальцем.

Она махнула — мол, давайте сюда.

В следующий момент на стекла снаружи наступили два громадных — размера сорок шестого, не меньше — ботинка, в стекло уперлась присоска, и створка тут же открылась наружу.

Айранэ едва успела отодвинуться в сторону, как мимо нее в больничный коридор залетели четверо мужчин, низших, затянутых в темно-зеленый камуфляж, нелепый на фоне светлых больничных стен, с ног до головы.

Последний бросил на пол какую-то коробку, схватил Айранэ за талию, отклоняя голову — мол, держись за шею.

И она вцепилась в него, скрючившись, потому что мужчина, как и большинство низших, был меньше ее на две головы.

Он расстегнул одну из строп своего снаряжения, бесцеремонно обмотал талию Айранэ, потом совсем уж нагло продел кусок стропы между ее ног, задирая рубашку, и закрепил его на поясе. Затем карабином сцепил свое снаряжение с ее импровизированными «трусами» из строп.

В следующий момент он вместе с ней решительно выпрыгнул в окно. Обернувшись, Айранэ заметила, что в коридоре уже никого нет.

А потом мужика — и ее вместе с ним — рвануло вверх, они пролетели несколько метров, и креп-

кие руки подхватили ее и поставили на крышу.

— Се-е-ем-м-м-мь м-м-ми-и-и-ин-н-ну-у-у-ут! — крикнул подхвативший ее человек, и она с удивлением узнала в нем — также затянутом в темно-зеленый камуфляж — Славу Волкова.

Кричал он не на общей речи, но чуть ускорившись — видимо, чтобы и она понимала тайминг. Точнее, даже не кричал — орал, заглушая шум вертолета.

— Ты сволочь! — крикнула Айранэ, забывая от нервов замедлять речь. — Я отказалась! Твой доктор…

Слава резко обнял ее, поцеловал в щеку и сказал на общей:

— Потом, все потом, ты молодец, беги в вертолет!

От этого короткого объятия у Айранэ внутри все перевернулось, она почувствовала, что вот-вот может начаться Блеск, что в данной ситуации, а тем более со свекром, выглядело бы просто ужасно.

Она отстранилась и побежала к вертолету — длинной армейской машине с надписью «Албания 17–49».

Из кабины ей подали руку, она протянула в ответ свою, и ее тут же втащили внутрь, выдали

куртку, штаны и шлем, а едва она их надела, засунули в угол и пристегнули к жесткому, неудобному креслу.

Снизу что-то бумкнуло, вертолет тряхнуло. «Взрыв», — подумала Айранэ. Она понимала, что происходит что-то странное и опасное, что если ее здесь поймают, то объяснить, что на самом деле она не собиралась творить ничего такого, она не сможет.

«Кого-то взорвали, и я соучастница».

Она должна была рыдать, кричать, куда-то бежать и что-то совершать, но Айранэ просто сидела, а через некоторое время, осознав, что ей мешает пристегнутый к «трусам» из строп карабин, долго пыталась раскрутить муфту, прежде чем поняла, что это делается в другую сторону.

А потом салон наполнился людьми, перед Айранэ вкатили большой хрустальный гроб, в котором лежал пацан с крупными, неестественно выразительными скулами, гигантским носом и глубокими глазницами, обрамленными кустистыми бровями.

— Тридцать секунд! — раздался прямо в шлеме голос Славы, затем вертолет взмыл, накренился, и в этот момент Айранэ вырвало — остатками куриного бульона и желчью.

— У него выбора не было, — объяснял Слава, когда они уже ехали в сторону дома с загородной базы, где их высадил вертолет — высадил за несколько секунд, чтобы снова подняться в небо и полететь дальше; чтобы не рисковать высадкой, Айранэ не позволили выпрыгивать самой, ее просто скинули из рук в руки. — Гоша Володиевич должен семьдесят тысяч в женский банк. Точнее, должна его жена, за несколько очень специфичных операций, но у нее-то денег на это точно нет, и у него тоже. Мы оплачиваем его кредит, а он выполняет наши поручения. Если бы он не вколол тебе препарат, то получилось бы, что он провалил задание.

— И что бы случилось? — уточнила Айранэ.

— Никто не знает, — улыбнулся Слава. — Пока что он все свои задачи выполнял. Думаю, он не хочет даже пытаться узнать, что произойдет в этом случае.

— Со мной так нельзя. Я жена твоего сына…

— Говори лучше, что ты мать моих внуков, — попросил Слава. — Больше шансов пронять.

Айранэ смотрела на него и понимала: объяснить свекру, что так делать нельзя, не получится.

— Почему я? — спросила она.

— Тебя всю жизнь готовили, — ответил он. — Физкультура, история, культура, технологии. В мальчиков так не вкладываются, потому что их не продают. Нет смысла заниматься с человеком по двенадцать часов в день, если потом неизвестно, принесет это тебе или ему пользу. А вас натаскивают, чтобы потом сбагрить — в как можно лучшую семью за как можно большие деньги. Вас учат быть смелыми, сильными, яркими — чтобы продать. А потом вы попадаете в семью, получаете какую-то формальную работу и постепенно теряете все, что в вас вложили. Вы готовые шпионы — по крайней мере самые дорогие невесты, те, кого покупают главные семьи на всех континентах.

— И тебе не жалко было меня вот так… Потерять? Если бы что-то пошло не по плану?

— Во-первых, по большому счету тебе ничего не грозило. — Слава привычно ускорил речь. — В худшем случае был бы скандал, который в первую очередь ударил бы по Анаит, во вторую — по дяде Митяю, только потом по мне и в самом конце, совсем слегка — по тебе. Во-вторых, я мог использовать кого-то еще и, если бы ты не вошла сегодня в мою спальню, так бы и сделал, но риски были больше, а шансы на успех — меньше. А в-

третьих, ты смотришь на это как на возможность для меня потерять тебя. А я — как на возможность для себя найти тебя.

— То есть? — удивилась Айранэ.

— Ты показала, что можешь делать значимые вещи. Успешно участвовать в операциях.

— Никогда. Никогда больше. И — ты мне должен!

Слава кивнул, подтверждая — да, должен, не отказываюсь.

Некоторое время молчали. Айранэ увидела указатель поворота на аэропорт «Единение» и поняла, где они едут, — с этой стороны Твери она дальше этих мест ни разу и не бывала.

— Многих убили? — задала она мучивший ее вопрос.

— Никого, конечно же, — мгновенно ответил Слава. — Это мой город. Здесь людей не убивают ни с того ни с сего.

— Я слышала взрыв.

Слава рассмеялся. Он попытался что-то сказать, но не смог, сраженный приступом смеха. Отсмеявшись, он пояснил:

— Понимаешь, жог стоит денег. Кучу денег. Насколько я знаю, Ариадна уже нашла, кому его продать за семь миллионов. В ее системе

координат это не живой пацан, пусть и способный погрузить в безумие целый город, а просто чемодан, набитый крупными купюрами. Если она поймет, что его украли мы, она нам этого не простит. Будет тяжелый момент торга, в конце которого окажется, что Волковы должны окружающим много денег. Не семь миллионов, конечно, так как из них нам причиталось почти три, но все равно много, очень. И поэтому мы с дядей Митяем придумали свалить все на албанцев. Они безумные напрочь, у них государство сплелось с преступностью, правят кланы, каждый из которых — самостоятельная структура. Даже зная, что преступление совершили албанцы, найти тех, кто именно к этому причастен, почти невозможно. Мы сделали так, чтобы подозрение пало на них.

— На вертолете было написано…

— И на вертолете, и на шевронах, и форма албанская, и мы там всяких мелочей поназабывали. А еще албанцы обожают взрывать все подряд, даже если оно особо не нужно. Так что да, ребята взорвали пару дверей.

— Меня видели…

— Записи с камер уже удалены, твое платье отправлено в химчистку и вернется к тебе в лучшем

виде не позднее чем завтра. Часть свидетелей будет описывать тебя немного не так, как ты выглядишь на самом деле. К тому же препарат, который вколол тебе Гоша…

— Не напоминай!

— …вызывал непроизвольные судороги лицевых мышц, так что при встрече тебя не узнают.

— Не уверена, что хотела это слышать, — сказала Айранэ.

Рассказ ее значительно успокоил. Она посмотрела за окно — микроавтобус встал в пробку на въезде в город. Мимо, по встречке, с мигалками проехал кортеж кого-то из приближенных президента.

— У тебя тоже есть мигалки? — спросила она.

— Конечно, — ответил он. — И будь уверена, если понадобится, я их включу.

— Многие считают, что ты… ненастоящий. Игрушечный высший, картинка. — Айранэ сама не поняла, зачем она это сказала, но остановиться уже не могла. — Что на самом деле настоящая — Анаит, а ты без нее никто.

Слава посерьезнел, он задумчиво постучал пальцами по столику между сиденьями.

— Мы с дядей Митяем потратили годы на то, чтобы выпестовать этот образ. Это была идея

отца. Маска идеального бездельника, отбывающего службу на непыльной должности. Я должен был стать его страховкой, когда он займет президентское кресло. Но его убили раньше, а мы продолжили этот маскарад. Не до конца понимаю зачем. Настоящие враги и так знают, кто я. Анаит бесится от этого образа, вечно вставляя к месту и не к месту правду.

— Ты с ней в ссоре? — задала следующий вопрос Айранэ.

— Лучше закроем тему, — сказал Слава. — Глупый вопрос, ответив на который я вызову каскад менее глупых, но очень болезненных. Не будем запускать эту шкатулку, потому что ее мелодия не понравится ни мне, ни тебе.

Дальше ехали в молчании. Остановились, как ни странно, не доезжая до особняка Волковых метров триста, в неприметном тупике с глухой дверью.

Слава открыл ее, прижав ладонь над большим навесным замком, который оказался декоративным.

Внутри тянулся коридор, погруженный в полумрак. В конце коридора Слава еще раз прижал ладонь к стене, распахнулась створка, и они оказались прямо в его комнате.

— Теперь ты должен меня убить, — грустно сказала Айранэ, и они оба рассмеялись.

Слава куда-то сходил, принес ей светло-голубой женский халат — явно не от Анаит, вкусы мамы Айранэ знала хорошо, и такую блеклую вещь та бы не надела ни за что в жизни.

Он отвернулся, пока она переодевалась.

Айранэ скинула куртку и штаны, больничную рубашку и внезапно поймала себя на мысли, что почти хочет, чтобы Слава обернулся.

Это ее разозлило, она запахнулась в халат и, не прощаясь, прошла мимо свекра, но, сделав несколько шагов, вернулась.

— Слава!

Он уже сел за стол и раскрыл тетрадь.

— Да?

— Доктор не говорил, сколько будут длиться… Спецэффекты?

— Не говорил. А что за?..

— Не важно, — поежилась Айранэ и вышла.

Естественно, ее не привлекал Слава. В конце концов, он был уже старым. Сколько ему? Сорок три? Сорок пять? Конечно же, это эффект от того препарата, который ей вколол этот, как его…

Айранэ обнаружила, что опять забыла имя доктора.

Она быстро дошла до своей комнаты, открыла дверь, включила свет и обнаружила, что на ее кровати дремлет Анаит.

— Ты оставила телефон в комнате, — обвиняюще указала она пальцем на невестку. — А еще у тебя чудовищно неудобная кровать! Я закажу тебе пару пуфиков, поставим вон там, а туда нужна софа, пожестче и обязательно со спинкой, сантиметров сорок, с мягкой обивкой вверху…

— Здравствуй еще раз, мама, — сказала Айранэ.

Теперь происходящее становилось чуть более понятным. Ее купили за четыреста тридцать тысяч, она была ценным вложением, и вполне логично, что Анаит заботилась о ней.

Как умела.

— Ладно, я не об этом, — проигнорировала приветствие мама. — Сегодня в Торжке был бунт. Несколько тысяч мужчин впали в транс и собирались штурмовать кремль. Володя…

— О нет, нет, нет! — закричала Айранэ. — Я не готова к новостям о Володе! А завтра что? Нашествие марсиан? Эпидемия кроличьей чумки?

Анаит поджала губы, и Айранэ поняла, что перегнула. Она соединила руки в замок на груди и поцеловала их, низко склонив голову в жесте

покорности монахинь Великой Матери.

Культ давно уже захирел, а жест остался.

— Володя спас Торжок, — сказала Анаит, приняв извинения невестки. — Он был в водометной машине, которую использовали для разгона. Я не поняла, что там произошло, но в итоге из двух машин осталась одна, и он ею управлял, выдержав какое-то время, пока не подоспела подмога.

— Он жив?

— Да, но его опять помяли.

— Чувствую, я не узнаю его, когда наконец встречу, — сказала Айранэ.

— А чего откладывать, езжай прямо сейчас. — Слова были добрые, но по тону стало понятно, что это не предложение, а приказ. — Я тебе на телефон программу загрузила, вот, смотри, написано «распозн», дальше не влезло…

— Телефон был заблокирован, — сухо сказала Айранэ.

— Ну это же я тебе его подарила! Не вздумай менять.

В этом была вся Анаит. Ее подарки, какими бы шикарными они ни были, всегда несли в себе подвох. Айранэ помнила, как радовалась этому дорогому, самому новому, самому раскрученному женскому телефону в мире.

Лучше просто не существовало.

Вот только один нюанс: свекровь, требующая называть себя мамой, имела к нему полный доступ и могла смотреть все переписки, загружать приложения, смотреть историю браузера.

Не то чтобы у Айранэ там было что-то криминальное — но от самой этой мысли ее изнутри раздирала ярость.

— И что делает эта программа? — бесцветно спросила она.

— Распознает голос. Женский замедляет и проговаривает медленно, мужской ускоряет.

— Это ведь незаконно? — уточнила Айранэ.

— Если я тебя поймаю с этой программой, обязательно выпишу штраф! — рассмеялась Анаит. — Все, езжай к Володе, забери его оттуда. Привези обратно и проследи, чтобы он не устроил эпидемию кроличьей чумки или нашествие марсиан.

Айранэ кисло улыбнулась. Шутка хороша, но не сейчас.

— Подожди. — Анаит вздохнула. — Там, в Торжке, с вами хочет познакомиться Ариадна. Она вначале поговорит с тобой, потом с Володей.

— Я для этого еду?

— В том числе, — признала мама. — И я пони-

маю, что, возможно, слишком явно лезу в твою жизнь… Но тебе придется смириться, потому что меняться я точно не собираюсь.

И это было самое близкое к понятию «извинения» в исполнении Анаит.

Айранэ дождалась, когда мама выйдет, переоделась в брючный костюм — ехать к Ариадне в чем-то затрапезном или недостаточно новом и модном было бы полным безумием.

Вышла на улицу, там уже ждал пуллман — удлиненный автомобиль, в котором можно разложить кресло и удобно устроиться.

— Хоть что-то, — сказала Айранэ.

Она забралась в салон, повесила пиджак на плечики, закрепленные на второй дверце, подождала, пока водительница настроит ложе, затем легла, взяла наушники и открыла наугад одну из записей Анаит.

ЗАПИСЬ ИЗ АРХИВА АНАИТ

НОМЕР ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ

Ожидая со стороны близких проявления любви и страсти, женщины ошибочно переносят то же и на мужчин. Считая, что страстью можно показать мужчине свое к нему расположение, женщина

попадает в ловушку.

Большинство мужчин боится или стесняется подобных проявлений в свой адрес, а некоторых это настолько расхолаживает, что они перестают воспринимать женщину не только как равного партнера, но даже как объект минимального интереса – чувственного, духовного или какого бы то ни было еще.

Вместо постоянного проявления любви и страсти необходимо чередовать холодность и страсть, контролируя себя, не давая себе свободы проявлять любовь слишком часто.

Айранэ выключила запись сразу же, как дослушала, и некоторое время лежала, скривив лицо в презрительной гримасе.

— То-то у вас со Славой все отлично, — пробормотала она.

— Вы что-то сказали? — уточнила водитель.

— Нет, все нормально. — Айранэ пару минут искала пульт, затем нашла его на дверце и выключила свой звук, чтобы водитель не слышала ее размышления.

На соседнем сиденье обнаружился судок с горя-

чими булочками с клубничным йогуртом. Айранэ собиралась съесть две, чтобы не перегружать желудок, но не удержалась и сгрызла все шесть, а потом еще некоторое время пыталась простить себя за этот срыв, но не смогла, и так и заснула непрощенная.

Айранэ бывала в Торжке пару раз проездом, днем, и неизменно удивлялась, насколько здесь тихо. Теперь она попала в город ночью, и для разнообразия жизнь кипела — по улицам сновали кареты «скорой помощи», цистерны пожарных, дорожные уборочные машины, грузовики и автобусы с милицией и отрядами самообороны.

Этот тип суеты Айранэ видела не часто, но могла понять: местные власти совершили крупный просчет и сейчас делали вид, что всё у них под контролем.

Застилали пол матрасами, хотя ребенок на кафель упал вчера.

Она могла бы продремать еще минут десять, а то и пятнадцать, но толкотня спецмашин от всех служб города то тут, то там вызывала заторы, и тогда кто-то самый умный включал сирену и проблесковые маячки, а остальное стадо, взбудораженное этим, делало то же самое, наполняя город бессмысленным воем и сопутствующим припадочным мигающим светом.

Водитель Айранэ легко прошила город насквозь, проскальзывая через узкие дворики и порой переваливаясь через бордюры, и ни разу не встала в пробку дольше чем на пару светофоров.

Айранэ поняла — и по автомобилю, и по води-

телю, и по нежным булочкам с йогуртом, — что Анаит к ней подлизывается, явно показывает свое расположение.

А другой рукой бесцеремонно лезет в запароленный телефон и даже не скрывает этого.

— Я бесправная любимая игрушка стареющей суки, — пробормотала Айранэ.

И тут же потянулась к пульту убедиться, что водитель не слышала эту крамолу. Но, не успев даже притронуться к гаджету, поняла: плевать.

Точнее — надо как-то показать Анаит, что Айранэ не готова играть по таким правилам. В конце концов, сама Анаит как-то ведь смогла отстоять независимость, право на личную жизнь, возможность не подчиняться стареющим сукам, которые наверняка пытались привести ее к покорности.

И теперь те вымещают злость на невестках, не в силах дотянуться до самой Анаит.

— Приехали, — мягко сказала в динамики водитель.

Айранэ легко считала подтекст: «Можешь сидеть в машине сколько угодно, хоть всю ночь, но если что — место, куда мы ехали, достигнуто».

Минут двадцать ушло на то, чтобы собрать себя, поправить макияж, надеть пиджак и — главное — настроиться на предстоящую встречу

с Ариадной.

Водитель открыла перед ней дверцу ровно в тот момент, когда Айранэ собиралась выйти, и придержала ее за локоть — точно так, как требовалось, чтобы она не показалась неуклюжей со стороны.

— Доброй ночи.

От темной громады здания отделилась тень, превращаясь в женщину. Высшая, чуть старше Айранэ, в безупречном сером юбочном костюме. Встреть такую в Твери днем, в районе администрации — и не заметишь.

— Привет. — Айранэ прошла мимо встречающей к высоким двустворчатым дверям, и те разъехались в стороны при ее приближении. — Меня ждут?

— Вас ждут, — ответила серая. — Одиннадцатый этаж, кабинет сто двенадцать.

Света в холле почти не было — пара ламп горела над пустым ресепшен, да светились единичками и нулями табло над несколькими лифтами.

Это была гостиница, видимо, центральная женская в Торжке. В Славянском Союзе такие здания чаще всего делали двенадцатиэтажными, на пару метров ниже стандартного памятника Неизвестной Матери.

Двенадцатый этаж обычно занимал пентхаус, дорогой и пафосный, называемый иногда «княжеским», хотя именно княжеств в Союзе почти не осталось.

А на одиннадцатом было три-четыре больших номера, каждый с несколькими ванными и туалетами, с комнатами для помощников, прислуги и технического персонала. Анаит всегда брала номера на одиннадцатом этаже, и Айранэ, которая три раза ездила с мамой в ее командировки, получала в свое пользование полноценный номер, который в то же время был всего лишь составной частью большего.

Серая высшая зашла в лифт вместе с Айранэ и сжалась в углу, словно стараясь слиться с зеркальными стенами. Получалось плохо, этой мышке явно было уютнее в темных офисных помещениях, среди десятков таких же, как она.

На этаже низшая в форменном комбинезоне убирала бесшумным пылесосом алую ковровую дорожку, выглядящую совершенно новой и чистой.

Серая вырвалась вперед, пробежала несколько шагов и постучала в двустворчатые белые двери с золотистым драконом, высунувшим длинный язык.

Не дожидаясь ответа, серая открыла перед Айранэ двери и замерла, глядя на гостью со смесью интереса и сочувствия.

Здесь, на этаже, Айранэ заметила, что у серой в ушах тяжелые серебряные сережки со скифскими мотивами и такая же брошь слева на пиджаке, а под пиджаком, можно было не сомневаться, пряжка ремня в том же стиле.

Серая была из команды Ариадны, которую та набирала из южных славян. Айранэ попыталась вспомнить слухи про эту самую команду, но в голове крутилось только «мастерицы яда и булавок».

От слова «яды» Айранэ передернуло. Могло ли быть так, что ее отравил кто-то из этой команды? Возможно, марципановые фигурки на кухне этого отеля лепила именно эта вот серая?

Нет-нет, Анаит с Ариадной в одной команде, и подобное невозможно, потому что невозможно, а если вдруг перестать всем доверять, то, может, и получится прожить подольше, но в таком внутреннем аду, на какой Айранэ была совершенно не готова.

Она решительно вошла внутрь номера и тут же оказалась в объятиях высокой старухи, пахнущей незнакомым, но дорогим и качественным

парфюмом, в котором Айранэ распознала только нотки ягод терна.

— Девочка моя, я давно хотела с тобой познакомиться!

«Если бы хотела — познакомилась бы, — подумала Айранэ, растягивая губы в широкой улыбке. — Ты о моем существовании, скорее всего, узнала только сегодня».

— Много о вас слышала, — присаживаясь в глубоком книксене, сказала Айранэ. — Вы — легенда в Славянском Союзе.

— Не верь завистникам, — отмахнулась Ариадна, отходя на шаг, но при этом держа гостью за плечи. — Красавица! Называй меня на «ты», хоть на мгновение забуду о возрасте, который мясницким ножом завис над вырезкой моей жизни. Ты знаешь, зачем ты здесь?

— Забрать Володю.

— Во всех смыслах, девочка моя, во всех смыслах. Мальчик вырос!

Ариадна наконец отпустила гостью и прошла вглубь номера, позволяя разглядеть его роскошь. Номер был выдержан в трех цветах — алом, золотом и белом — и успешно балансировал на грани между изысканной роскошью и вульгарностью кича.

В алых и золотых узорах прослеживались восточные мотивы, они же визуально настораживали, словно несли угрозу.

Айранэ в таком номере не смогла бы расслабиться, а хозяйке явно было нипочем.

— Присаживайся. — Ариадна села на высокую банкетку и махнула рукой на алое кресло, и гостья утонула в мягкости, едва не застонав от наслаждения. — Ты понимаешь, что теряешь Володю?

В ее голосе не было ничего, кроме ласковой материнской заботы, но Айранэ почувствовала: прелюдия кончилась, начинается серьезный разговор. Экзамен, ради которого она, судя по всему, и была отправлена сюда Анаит среди ночи.

— Трудно потерять того, кого у тебя и так никогда не было.

Ариадна чуть наклонила голову влево, ее высокая седая прическа стала похожа на хохолок, и во всем ее облике проявилось нечто птичье.

— Я тебе расскажу, чем отличаются плохая, хорошая и отличная семьи, — сказала она. — В плохой семье нарушается супружеский час, никогда не известно, от кого дети, и муж с женой чужие люди. В хорошей семье все подчинено правилам, супружеский час не нарушается, и

господин президент гордится такими семьями. А в отличной семье муж и жена — это команда, которая достигает невозможного.

Айранэ, утопая в шикарном кресле, попробовала показать лицом заинтересованность. Получилось, скорее всего, не очень, но вылезать из глубин обволакивающего ее монстра она была не готова.

Отвечать что бы то ни было смысла не имело — Ариадна недоговорила, а паузу сделала, просто чтобы понять: Айранэ не настолько тупоголовая, чтобы спорить с хозяйкой, пока еще ничего, в сущности, не сказано.

— Наши кланы заточены под хорошие семьи, — продолжила Ариадна. — Старшие женщины следят за тем, чтобы дети рождались, а у мужчин был достаточно длинный поводок, на котором они ощущали бы себя свободными, но не могли при этом сбежать.

Айранэ не то чтобы кивнула — скорее обозначила кивок, показывающий не согласие, но то, что она слышит и готова слушать дальше.

— Но хорошее — враг лучшего. Наша основа не позволяет нам выпрыгнуть за рамки, в которые мы сами же себя втиснули. И надо выходить на следующий уровень, а нарисованные границы

внезапно оказываются непробиваемыми.

— Я понимаю это, — сказала негромко Айранэ. — Мы с Володей были хорошей семьей, но я даже не представляю…

— Именно! — перебила ее Ариадна, встала, подошла вплотную к креслу и запустила тонкие длинные пальцы в волосы гостьи.

Жест был очень личным, куда более интимным, чем то, что Айранэ мысленно позволяла Анаит. Что-то такое мог сделать Володя во время секса, и то не сразу, а когда возбуждение уже волнами проходило сквозь самую суть жены.

Первым порывом было уклониться, показать, что так делать недопустимо. Это наверняка было частью экзамена, и интуитивно Айранэ понимала, что допустимы оба варианта — и взбунтоваться, и сдаться на милость хозяйки.

Она решила оставить бунт на потом, отметив для себя, что пускать Ариадну дальше — нельзя.

Старуха тем временем запустила в ее волосы вторую руку и начала неторопливо делать массаж головы. Айранэ едва не застонала от наслаждения — настолько это оказалось приятно.

Причем никакого сексуального подтекста не чувствовалось, исключительно дружеское прикосновение старшей подруги.

Легкая головная боль, о которой Айранэ даже не думала, присутствовавшая с момента пробуждения под вой сирен, отступила.

— Слава и Анаит — пример такого выхода за рамки. Ты скажешь, что у них не все хорошо, с тем же супружеским часом, возможно, даже с доверием, и будешь права.

Айранэ закрыла глаза и всецело отдалась массажу. Она знала, что сделает в первую очередь, когда вернется. Запросит такой массаж на каждую неделю… А лучше на три раза в неделю, по вечерам. Это наверняка не очень дорого, а если вдруг окажется, что такое качество означает высокий ценник, наверняка можно согласовать через Анаит, мама сейчас не откажет.

— Но при этом они постоянно общаются, у них много проблем, однако они их решают. Самое главное здесь — «постоянно общаются». Это уровень идеальной семьи, уровень высших среди высших.

Айранэ не возразила. Она не могла спорить с человеком, который так умеет делать массаж головы.

Некоторое время Ариадна молчала, потом убрала руки с головы гостьи и продолжила:

— Тебе может казаться, что у них ужасный

брак, что они ненавидят друг друга и постоянно спорят. Но подумай вот о чем: перед каждым из них не раз стояли невыполнимые задачи, и они преодолевали сложности и побеждали. Я была уверена, что их дети — неудачные, не способные на самостоятельные поступки и решения. Кусты, в которые льешь воду и удобрения, а они тебя ничем, кроме колышущихся на ветру листьев, и порадовать не могут. Тоже, конечно, хорошо, но от детей Анаит и Славы ждешь все-таки чего-то большего.

— И вы дождались, — сказала Айранэ.

— На «ты», пожалуйста. — И в этот раз в голосе Ариадны прозвучал металл.

— Ты дождалась, — покорно поправилась гостья.

— Да! — с детской радостью воскликнула старуха. — В него пихали знания, деньги, карьеру. Его пинали на работе и в семье, но нужен был толчок, чтобы глыба мрамора осыпалась, обнажив законченный образ классического Волкова. Ему, конечно, далеко до деда, даже до отца, я уж не говорю про прадеда, с которым меня кое-что связывало, но к делу это не относится. Володя взорвался. И если ты продолжишь пытаться быть с ним хорошей семьей, вы быстро станете семьей

плохой, и последствия будут печальными. Ты должна его вернуть.

«Зачем?» — хотела спросить Айранэ, но вместо этого произнесла:

— Как?

— Каждая женщина выбирает свой способ, — подмигнула ей Ариадна. — Но общее у этих рецептов одно — ты должна проводить с ним больше времени. Самое простое — придумать некий общий проект, важный и для вас, и для дистрикта, а то и мира. Что-то действительно серьезное. У меня есть пара вариантов, у Анаит тоже кое-что есть, я не в восторге от ее идей, у меня такое ощущение, что, будь ее воля, она засунула бы тебе в задницу свою руку по плечо и заставляла бы тебя делать только то, чего хочет она.

Айранэ содрогнулась от гнусного образа и помотала головой, избавляясь от него.

— Можно и посложнее что-нибудь — конфликт, например. Найди повод для ссоры с Володей, такой, исправить который он бы не смог никоим образом. И потом при каждой встрече заставляй его оправдываться или нападать. Это не лучший вариант, но он обеспечит вас здоровым регулярным сексом, а также темой для общения.

— Это ужасно, — сказала Айранэ.

— Ужасно — это супружеский секс раз в три недели, — отрезала Ариадна. — Ты знаешь, что Володя еще раз спал со своей низшей?

— У нее не могло быть Блеска так часто!

— Именно! И что это значит?

— Что они переспали просто так, — догадалась Айранэ. — Они спорили? Она придумала какой-то конфликт?

Ей было неприятно даже думать об этом. Володя в какой-то мере часть ее самой. Она не всегда довольна им, но он ее муж, их соединили и устремили в будущее, а теперь выяснилось, что им пользуется кто-то еще.

Ощущение, как будто ты внезапно выясняешь, что кто-то, кроме тебя, берет твою зубную щетку или нижнее белье.

— Все гораздо хуже. — Ариадна понизила голос почти до шепота. — Я полагаю, у них появилось некое общее дело.

Айранэ передернуло. Разговор становился все более неприятным. Хуже всего то, что, несмотря на ее нежелание обсуждать это с Ариадной, поговорить об этом с кем-то еще было невозможно.

Ни с Анаит, ни с кем-то из младших невесток Волковых, ни даже с родственницами из Ильи-

ных. По плану старухи, сейчас Айранэ должна была спросить: «И что мне делать?» — но от беспомощности этого вопроса выворачивало еще сильнее, и потому она сказала:

— Может быть, наш брак изжил себя? Почему я должна его спасать? Володя задерживается с супружеским часом, спит с какой-то дикой, затаскивает в Тверь жога… Он меняется! А я — должна спасать семью?

— Будь сильной! — рявкнула Ариадна, меняя образ милой старухи на безжалостную хищную птицу. — Все, готова сдаться? Поколения высших готовили тебя к этому. Володя меняется — на него падают сложные задачи, и он не ломается под ними, а тащит их и в итоге получает результат. А ты столкнулась с чем-то необычным и готова поднять лапки и прекратить борьбу?

— Почему только я должна бороться? Почему Слава не может поговорить с сыном? — Айранэ готова была уже выплеснуть все свое раздражение и разочарование, когда Ариадна прикоснулась к ее губам указательным пальцем — умолкни.

Жест был снова очень личным и даже интимным, но Айранэ уже приняла правила игры и покорно замолчала, хотя внутри у нее все кипело.

— Наша цивилизация — это горная река, которая потоком спускается с вершин. — Ариадна вновь понизила тон. — Женщины — это вода. Мужчины — это русло. Бóльшая часть мужчин — вялая земля, которую мы пробиваем своим напором, но за счет того, что мы постоянно в движении, мы вымываем из этой земли самоцветы и золото, мы точим стоящие у нас на пути камни, а они затем укрепляют русло нашей цивилизации.

— Красиво, но я все же…

— Я не договорила. — Старуха отошла в сторону, взяла со стола высокий бокал, налила себе шампанское, сделала небольшой глоток. — Ты знаешь, откуда у нас все эти слова: «холл», «дистрикт»?

— Какая-то секта в Северной Америке…

— Сто пятьдесят лет на территории от Великих Озер до Рио-Гранде существовала могущественная цивилизация, в которой женщины отказались от принципа равноправия с мужчинами, подмяли под себя власть, провозгласили, что мужчины — это люди второго сорта, создали для них упрощенный, искусственный язык и закрыли свою территорию — насколько смогли — от контактов с другими странами. Женщины

там говорили на двух языках: на мужском, синтетическом, и на женском. Они использовали мужчин как рабов и за полторы сотни лет смогли построить мир, в котором женщины вообще почти не работали, всё делали мужчины.

— Почему я об этом ничего…

— Потому что историю пишем мы, а эта страничка — достаточно неудачная, чтобы ее вымарать. — Ариадна подмигнула Айранэ. — В конце концов, как и должно было случиться, мужчины заняли все ключевые должности, самые толковые из них даже пробились во власть, хотя там это было почти невозможно, назрели реформы, и одна часть штатов взбунтовалась против другой. Победили прогрессисты, там, где женщины были заодно с мужчинами. От мужского языка избавились, но в профильных вузах его до сих пор изучают, поскольку основу технической документации заложили те мужчины, равно как медики изучают латынь, ритуальный язык женского культа Венеры. Но про ту войну никогда не говорят как про борьбу мужчин за свои права.

— Великая американская революция, — сказала Айранэ. — Это была война архаичных штатов против прогрессивных.

— Переписывая историю, не забудь оставить

часть правды, — усмехнулась Ариадна. — Суть в том, что мужчины начинают бороться только тогда, когда их существование становится невыносимым. Для большинства мужчин такой «невыносимостью» могут стать изменения к худшему. Но для небольшой части лучших — отсутствие изменений. Володя взбунтовался против тебя, против меня, против семьи и дистрикта потому, что у него было все хорошо.

— Бред какой-то.

— Так и звучит, так и выглядит, — проворчала Ариадна. — Я тоже долго не могла этого понять, но зато, когда поняла, мне стало гораздо проще. Ты можешь пустить все на самотек, и тогда Володя пойдет вразнос, придумает себе какие-нибудь дурацкие цели, разведется с тобой или просто уедет из Славянского Союза. Рано или поздно ты выйдешь замуж за другого высшего, который будет свято соблюдать супружеский час и сидеть на работе с девяти до пяти, делая неспешную карьеру.

— Или? — глухо уточнила Айранэ.

— Или ты вернешь Володю себе и семье. Он продолжит свой бунт, он уже почувствовал вкус свободы и не готов оставаться зрителем. Но это будет бунт за нас. За тебя, за Анаит. Он найдет

способ вырваться из рамок, но мы сами должны определить те рамки, за которые мы должны его выпустить.

— Мне не нравится, — сказала Айранэ. — Это неправильно.

— «Не правильно», — разделила два слова Ариадна. — Ты должна научиться выходить за рамки правил. Все, детство закончилось, правила теперь не защищают тебя, а сковывают. Верни Володю, сделай из своей семьи команду.

— А если я не захочу или не справлюсь?

— Тогда правила станут твоей клеткой, а жизнь превратится в беспросветное прозябание.

Ариадна подошла к внутренней двери и приоткрыла ее. Айранэ не сразу поняла, что ей — туда, но потом вылезла из кресла — сидеть в нем было удобно, а вот выбираться — не очень, и подошла к старухе, заглядывая в проем.

— Иди.

Айранэ вошла внутрь, там царил полумрак, на постели лежал Володя — поначалу кольнуло сердце, он показался мертвым, а все предыдущие беседы с Анаит и Ариадной — жестокой насмешкой.

Но нет — лицо его вытянулось, глаза запали, но он хотя бы дышал.

Айранэ достала телефон, включила программу распознавания, прошептала:

— Переведи мои слова.

Тут же протянулась медленная, тягучая фраза на мужском языке, в которой, даже зная ее содержание, оказалось невозможно узнать ни единого слова.

Ни Ариадна, ни Анаит не обвиняли Айранэ в том, что происходило с Володей. По их мнению, все это было даже не то чтобы плохо, а скорее — хорошо, некая новая возможность, которую требовалось лишь подхватить и использовать.

Вот только подхватывать предполагалось с помощью Айранэ, которая совсем не ощущала себя готовой.

Она села у кровати, глядя в лицо мужа. В сущности — чужого совершенно человека, с которым она делила постель и фамилию.

Но было что-то еще. Последний секс? Нет-нет, что-то глубже, что-то дальше. Айранэ вспомнила, как мама — не Анаит, а родная — сказала ей, что она выйдет замуж за Волкова. И как она сказала матери:

— Волковы должны гордиться, что получили невесту от Ильиных!

А мать хохотала и гладила ее по руке.

А перед свадьбой мать сказала: «Не переживай: если все будет плохо, потом станет легче».

Но было не плохо.

А потом даже хорошо, в общем-то.

Айранэ догадывалась, что ей повезло с мужем — имея в виду не то, что происходит сейчас, а раньше. Из вечерних шепотков невесток, из книг и журналов с их тупыми советами Айранэ делала вывод: все у нее хорошо.

Но и это было не то.

Она копалась в себе, пытаясь понять, где же лежит та причина, по которой сейчас она чувствует что-то к этому осунувшемуся человеку, по прихоти старших Волковых и Ильиных оказавшемуся ее мужем десяток лет назад?

Дети? Нет, с детьми у Айранэ была своя связь, и Володя в ней никак не участвовал.

Пока она пыталась найти это неуловимое зерно, внутри начало зреть возбуждение. Что было тому причиной, она не понимала и даже не слишком хотела разбираться — то ли спецэффекты от вколотого Володиевичем препарата, то ли реакция на мужа, которого она чаще всего видела перед сексом и, соответственно, во время него.

Айранэ провела по лицу Володи рукой, и тут ее озарило. Не должно быть какой-то очевидной,

четко понимаемой причины. Либо она считает его своим — частью себя. Либо — не считает, не воспринимает его семьей.

Сейчас, после всего происшедшего, она все еще видела его рядом с собой. И готова была за него бороться.

Но при этом чувствовала, что это решение — не окончательное, и если муж в какой-то момент сделает что-то, что она воспримет как полное предательство, — связь порвется.

Но пока она была, пока держала их обоих, Айранэ чувствовала — «мой человек».

— Хржжж… — пробормотал он, открывая глаза, и распознавалка на телефоне услужливо перевела: «Раннэ».

Это было странно, но от его голоса, от того, что он все еще жив, от того, что она понимает его мужскую, не ускоренную речь, внутри у Айранэ зажглось маленькое солнце.

И даже имя дикой — в общем-то, совершенно точно не соперницы, ведь у нее нет ни образования, ни семьи, ни единого шанса — оказалось не способно пересилить эту радость.

— Здравствуй, Володя, и я не Раннэ, — сказала она.

Внутри у нее все переворачивалось, она отняла

на мгновение руку от его лица — сразу стало прохладнее, словно внутри прикрутили какой-то кран и топливо перестало поступать к горящему солнцу.

Айранэ вновь положила руку на лицо мужа. Он что-то спрашивал, она бездумно отвечала, потом поняла, что надо уже сосредоточиться и полноценно вернуться в разговор.

И она отняла руку и встала.

— Меня послала твоя мать. — На этом месте Айранэ полностью уже себя контролировала. — Она сказала, что ты завел постоянную любовницу и связался с хейсами. И что если я тебя не вытащу, то потеряю.

— Хейс — мой дядя, он родил жога и пытался спасти…

Ярость захлестнула Айранэ. Володя должен был ответить на вопрос про то, что она может потерять его, а вместо этого он говорил о какой-то мелочи!

С однозначным желанием придушить мужа — слегка, совсем немножко, может быть, даже не до смерти — Айранэ подскочила к нему и в последний момент поняла, что делает что-то не то, что у нее, видимо, какие-то гормональные проблемы и она не совсем в себе.

Она закрыла руками его рот, вновь почувствовав разгорающееся солнце в груди, последними остатками сознания переводя разговор на жога — очень кстати вспомнился совет Анаит не упоминать его никоим образом.

— Ты бредишь, бредишь, — сказала она горячечно. — Никаких жогов нет. Это сказки. Может быть, в Индии или на Мадагаскаре, да, на Мадагаскаре они точно могут быть! Здесь, в самом сердце Славянского Союза, их нет и быть не может! Тебя ударили по голове. Всё из-за этого.

Если бы Володя был чуть здоровее, если бы она чувствовала от него хоть какую-то чувственную отдачу, она, скорее всего, скинула бы с него простыню и занялась с ним сексом прямо здесь.

Но он не реагировал на нее, видимо, был под препаратами, а, не чувствуя никакого ответа от его тела, Айранэ понемногу и сама успокаивалась, держась на острой грани.

Позади послышался еле слышный скрип двери. Судя по всему, Ариадна собиралась войти, а оставаться рядом с мужем, рискуя сорваться, при этой властной старухе Айранэ не собиралась.

— Сейчас к тебе придут, — зашептала Айранэ, — отнесись к этому серьезно. И оставь уже свои фантазии про жогов.

Сбежать до появления Ариадны не удалось: та постучала и сразу же вошла. Айранэ чуть присела — такой книксен был скорее оскорблением, чем данью уважения, — и выскользнула из комнаты.

В номере старухи она сразу же плюхнулась в мягкое алое кресло, принявшее ее в объятия, и расплакалась, чувствуя, как набухает ком боли внизу живота.

Впрочем, боль почти сразу ушла, оставив только неприятное ноющее ощущение, и потихоньку вернулся разум.

— Я убью Славу и этого его Володиевича, — пробормотала Айранэ. — Что эти подонки мне вкололи?

От разговора с мужем осталось какое-то мутное пятно вместо нормального воспоминания. Вроде бы говорили про жога. И про хейса.

— Хорошо хоть не про марсиан…

А еще осталось ощущение, что она приняла решение бороться за мужа с этой глупой несчастной Раннэ.

Сейчас соперница казалась уже совсем не страшной. Что она могла предложить Володе, кроме секса? Нищая, низенькая, пухлая — они почти все нищие и пухлые, так что здесь можно было не сомневаться, — без карьеры, с постоян-

ными гормональными проблемами.

Айранэ выдохнула.

Собственно, очевидно, что нет никакого соперничества. Муж оступился, дикая сучка его подобрала в момент слабости, а сейчас нужно только предоставить ему возможность вернуться обратно, не потеряв лицо.

Поговорить с ним, сказать, что не обязательно ограничиваться супружеским часом. Нет, не так — объяснить, что Айранэ мало супружеского часа, что она ждет от него, что он…

Плохо, плохо, плохо! Попросить кого-нибудь из тетушек…

Еще хуже!

Надо поговорить с ним. Через распознавалку. После секса.

Айранэ прислушалась к себе — на мысли о сексе с мужем тело реагировало поощряюще, становилось теплее, появлялось возбуждение. Не то, которое потом отдается болью и разочарованием, а легкое, расцвечивающее окружающий мир красками.

Все, план готов. Затащить в супружескую комнату — а может, и вообще в любое другое место, — заняться сексом, а потом поговорить, объяснив, что супружеский час — это хорошо,

но мало.

А точнее — и не хорошо, и мало.

И еще попросить его не пытаться помочь ей так, как он сделал с этой должностью в министерстве. Потому что второго раза она может и не пережить.

Но при этом поблагодарить за заботу.

На этом месте мысли Айранэ начали путаться, и она задремала.

Проснулась она в гигантской кровати, занимающей целую комнату, в шелковой ночной сорочке. Кто-то не поленился, раздел ее, натянул на нее — спящую! — пижамное платьице и положил сюда.

Отодвинула портьеру — за окном било яркое солнце.

Вышла из комнаты; снаружи, в проходном кабинете, сидела с ноутбуком Ариадна и что-то увлеченно набивала двумя пальцами.

— Доброе утро, — сказала Айранэ. — А где моя одежда?

— В химчистке, через час должны вернуть, — ответила, не отвлекаясь от печатания, старуха. — Я взяла на себя смелость переодеть тебя в домашнее, чтобы ты нормально выспалась.

— Спасибо, — неуверенно ответила Айранэ.

Ей не нравилось, что кто-то не входящий в ее близкий круг делал с ней что-то подобное. Но Ариадна, видимо, назначила себя самым близким ее другом, и, как и в случае с Анаит, отказаться было нельзя.

— Позвони Славе Волкову. Отвезешь к нему Володю.

— Я не уверена…

— Уверься, — обрубила Ариадна. — Потом сходи прими душ. Там стоят мои кремы, лосьоны и прочее, можешь пользоваться всем, кроме черной серии.

Кивнув, Айранэ взяла телефон со стола рядом с ноутбуком. Тот оказался разблокирован — то есть, кроме Анаит, все мелкие секреты, переписки, пароли и прочие тайны теперь знала и эта старуха, и она даже не собиралась скрывать это от своей гостьи.

— У меня нет телефона Славы, — сказала она.

— Уже есть, — не отвлекаясь, ответила старуха.

Айранэ проверила — действительно, у нее в телефоне добавилось десятка два телефонов, в том числе самой Ариадны, Славы, деда Митяя и даже Раннэ.

Контакт дикой сучки был с фото, поэтому

Айранэ, оставив остальные дела, увеличила изображение. Как она и предполагала — пухлое лицо с потугами на интеллектуальность, в глазах — розовые «вампирские» контактные линзы, довольно неплохой макияж, если не считать того, что с ее цветом лица пудра, вообще-то, противопоказана.

— Ты еще здесь? — уточнила Ариадна.

— Задумалась, — ответила Айранэ, сметая с экрана портрет Раннэ и вызывая контакт Славы; тот снял трубку сразу, словно сидел перед телефоном и ждал звонка. — Слава Витиевич?

Айранэ замедлила речь до общей.

— А кого еще ты рассчитывала услышать по этому номеру? — ускорился в ответ тесть. — Бери этого придурка в охапку и вези в ЦГБ, оставишь у входа, дальше он сам разберется.

— Возможно, кто-то другой…

— Айранэ, не спорь, поверь мне, все должно идти именно так!

Она тяжело вздохнула. Ей было непонятно, почему кто-то другой не может доставить Володю в Тверь. Ей понравилось ездить в пуллмане, и она рассчитывала, что обратно ее отвезут так же.

С Володей надо встречаться дома. Там, где есть возможность приступить к выполнению плана.

— Ну что? — уточнила Ариадна, все так же продолжая набирать текст.

Айранэ усмехнулась. Возможно, старушка бьет по клавишам наугад, нельзя ведь одновременно печатать и разговаривать.

— Отвезу Володю в Тверь, к отцу.

— Отличная идея, — кивнула Ариадна. — Иди сюда.

Айранэ встала за спиной у старухи и увидела, что та пишет. На экране был кусок какой-то сметы, сейчас из-под клавиатуры появлялась строка: «Центральная пресса Союза — 7000 руб. статья, региональные издания — 2400 руб. статья. Конференция Бухарест — 18 000 руб., делать только через „Сепию“, остальные агентства воруют больше. Лутак А. — подарок именины сделать заранее, 3000 руб., Войнилович А. Г (!). — подарок именины дочери 1700 руб., Славиц А. — подарок именины племянницы 1200 руб.».

— Что это? — уточнила Айранэ.

— Это твоя любезная матушка, Анаит, дорого обходится нашей партии, — ответила Ариадна. — Шучу.

— Какой подарок можно купить за три тысячи? Это же прорва денег!

— Черную серию, например, — проворчала ста-

руха. — Драгоценности, наряды от-кутюр. Ладно, иди уже, душ заждался.

Такой душ действительно не стоило заставлять ждать. В кабинке можно было расположиться хоть втроем, струи воды вызывались хоть снизу, хоть сверху, хоть сбоку — лейка душа оказалась скорее дополнительной возможностью.

В ванной на стене выстроилась целая батарея различных средств по уходу за телом. Черная серия обнаружилась сбоку и отличалась тем, что пузырьки были небольшими — самый крупный на пятьдесят миллилитров — и без каких бы то ни было надписей, но зато разной формы.

Айранэ открыла один, круглый — крышка поддалась с трудом, внутри было что-то пахнущее очень тяжело, скорее даже воняющее. Она тут же закрыла флакон и помотала головой.

Выбрала «Славицу» — дорогой комплект, в котором были и пенка, и гель, и шампунь, и кондиционер, и самые разные кремы.

Приводила себя в порядок долго, одновременно и тело, и разум. Это был скорее даже не прием душа, а некая терапия, после которой она, замотанная в полотенца, вышла обновленным человеком.

Снаружи Ариадны не было, зато присутство-

вала старенькая низшая с цепким взглядом, предложившая ей возвращенный из химчистки костюм, а также совершенно новый комплект дорогого белья в цвет и белую сорочку с кружевным воротником.

Старушка явно собиралась помочь Айранэ с туалетом, и после недолгого колебания та решила, что не будет противиться.

На удивление помощница помогала достаточно корректно, чтобы ускорить, а не замедлить процесс, и в целом даже почти не смущала молодую женщину.

Когда Айранэ — уже полностью собравшаяся, с поставленной высокой прической — вышла из номера, снаружи ее ждала низшая в комбинезоне медика.

— Это вас надо в Тверь? — спросила она небрежно.

— Нас, — ответила Айранэ и прошла мимо девки, задрав нос.

Чувствовала она себя великолепно и портить себе настроение общением с этой наглехой не собиралась.

Внизу, у входа в отель, стояла карета женской «скорой помощи». Айранэ села в кресло — выглядело оно неказистым, но было довольно удобным

— и взяла за руку мужа, который без сознания лежал на каталке рядом.

Ехали на удивление быстро. В какой-то момент нагнали затор, водительница включила сирену и обогнала его по встречке.

Володя от шума не проснулся, даже ухом не повел. За последнее время Айранэ видела слишком много мужчин, и сейчас у нее появилась возможность сравнить их с Володей. Насчет низших все понятно — он рвал их просто самим своим существованием: высокий — для мужчины, конечно же, — изящный, с длинными пальцами на ухоженных руках.

Сравнивая со Славой, его собственным отцом, Айранэ вынуждена была признать: Слава за счет того, что в любой момент времени четко знал, чего хотел, выглядел немного выигрышнее.

В младшем Волкове была некая неуверенность, склонность к рефлексии. Но в этом заключалось и преимущество — в отличие от отца, Володя не собирался использовать Айранэ, заставлять ее делать что-то, что ей неприятно.

Для этого у него имелись отец, мать и Ариадна. А еще — и это Айранэ тоже отлично понимала — для этого у нее была она сама.

Черты лица правильные — можно сказать,

классические. Когда их с Володей и дочерью Настей в первый раз фотографировали по президентской программе увеличения числа семей в дистрикте и Айранэ получила ссылку на архив с фотографиями, чтобы удалить те, которые ей не нравятся, она долго размышляла.

Потому что Володя получился на всех фото. Он мог морщиться, кривиться, отворачиваться, делать что угодно, даже закрывать глаза — и все равно худшее, что про него можно было сказать: «мило».

Настя, дочка, явно больше пошла в отца. На нескольких фото она неудачно улыбалась, еще на одной открыла рот так, словно начинала зевать, но в остальном была идеальным ангелочком.

А вот себя Айранэ на этой фотосессии возненавидела. Как бы она ни старалась — улыбаясь или делая строгий вид, — везде рядом со своими идеальными мужем и дочерью выглядела приглашенной домработницей, которую из жалости или через шантаж пустили на семейную фотосессию.

В конце концов, она оставила восемь фотографий из почти полутора тысяч, и то в каждой, в каждой у нее была хоть небольшая, но претензия к себе.

Какую из них в итоге пустили на билборды, она уже не помнила. И сильно подозревала, что перед тем, как выпустить, редактор зашла к специалисту по монтажу и попросила:

— Вот с этой, кривящейся, сделай что-нибудь. Понятно, что это невозможно и тут только мешок или гильотина, но ты же профессионал, ты же из одного китайца слепила половину стадиона, когда их из-за карантина не пустили к нам на чемпионат, а пустые трибуны показывать было нельзя.

А монтажер выдохнула и сотворила шедевр, после чего Айранэ стала такой же идеальной, как муж и дочь.

— Я тоже Волкова, — пробормотала она.

Она собиралась остаться Волковой. Это было… Правильно. Но при этом жертвовать собой и Володей ради этой цели…

— Подъезжаем, — крикнула спереди медсестра. — Буди спящего красавца.

Сказку про спящего красавца Айранэ не любила, была в ней какая-то внутренняя нестыковка, гнильца, что ли.

Особенно ее раздражало то, что принцесса разбудила спящего принца с помощью Блеска и они тут же начали жить-поживать, детей рожать да

добра наживать.

А как же лечение сломанных ребер и психики парня, проснувшегося после многолетнего сна от сексуального нападения? У него там ничего не отлежалось за кучу лет? Нет?

Айранэ запустила руку в шевелюру мужа и громко сказала, замедляя речь:

— Володя! Володя!

Она не ожидала, что он сразу проснется, — в конце концов, его не разбудила даже сирена. Но он почти сразу открыл глаза и на этот раз узнал ее:

— Айранэ?

При этом сейчас он смотрел на нее заинтересованно. Она почувствовала это и тут же отдернула руку от его головы, чтобы ей не снесло голову собственную.

— Тебя ждут в больнице.

Он спокойно слез с каталки, слегка поморщившись — видимо, приключения не прошли бесследно. Увидев стопку с одеждой, Володя тут же потянул вверх медицинскую сорочку, обнажая себя.

Айранэ зашипела: она так сдерживалась, а он, словно издеваясь…

Тут же зацокала на ее идеального мужа мед-

сестра. Айранэ повернулась к той и неожиданно показала язык — мол, мой! — а та не обиделась, а выдала в ответ большой палец — мол, отличный, вопросов нет!

И обе беззвучно рассмеялись.

Повернувшись к Володе и как-то прикрывая его от медсестры, Айранэ с неодобрением поняла, что муж тоже возбужден и что ситуация постепенно стремится к неконтролируемой.

Кое-как попав ногами в подштанники, Володя скрыл свой поднимающийся член, стало чуть легче.

Но в следующий момент он обнял ее и, когда она уже была готова вонзить ему в спину ногти, чтобы выразить протест, сказал:

— Я заеду к тебе.

Это сработало. Тело признало, что задача имеет решение и не обязательно прямо сейчас отключать мозг, можно немного подождать.

Айранэ укусила мужа за мочку и что-то сказала, что именно — не поняла и сама, но наверняка что-то подходящее моменту.

А потом помогла ему одеться, переводя при этом в уме семьсот тридцать джоулей в килокалории, чтобы успокоиться.

Когда ей это почти удалось, он распахнул дверь

кареты, впуская солнечный свет, вырисовывающий его идеальный волковский профиль, и спросил:

— Куда мне?

Айранэ подавила желание сказать: «Да иди же ты уже, хватит меня мучить» — и выдавила:

— Твой отец сказал, ты разберешься.

А едва он вышел, закрыла дверь и крикнула:

— Гоните!

«Скорая» тут же тронулась, медсестра махнула ей рукой — мол, давай поближе.

— Прикольный, — сказала она.

— Ага, только от рук отбился, — ответила Айранэ.

— Имей его почаще, чтобы сил на глупости не оставалось, — порекомендовала медсестра.

Сама она явно занималась сексом в лучшем случае в лупанарии с мелкими преступниками под наркотой. Но это не мешало ей давать советы замужней высшей.

Но особую иронию ситуации придавало то, что совет по большому счету совпадал с тем, что собиралась делать Айранэ.

— Так и планирую, — сказала она. — Как только доберется до дома.

Они переглянулись и расхохотались.

Дома Айранэ заказала на кухне долму и булочки с йогуртом, поела, потом совсем было собралась позвонить Володе и уточнить, когда он будет, но не решилась.

Включила запись Анаит.

ЗАПИСЬ ИЗ АРХИВА АНАИТ

НОМЕР ОДИННАДЦАТЬ

Если есть проблема с мужчиной, с которым вас связывают долгосрочные отношения, необходимо сделать две вещи:

проговорить эту проблему как можно четче;

убедиться, что мужчина понял, что вы воспринимаете это как проблему, а не как милую его особенность, к которой можно привыкнуть.

Чаще всего женщины держат проблему в себе, ожидая, что она сама исчезнет, или же сообщают о ней мужчине, но при этом мужчина не понимает, что эта проблема гнетет женщину и что с этим необходимо бороться.

В итоге проблема остается до тех пор, пока не отравляет отношения, делая их

невыносимыми и бессмысленными.

— Чтобы обсудить проблему, надо начать говорить со своим мужчиной, — пробормотала Айранэ. — У меня такое ощущение, что ты, мама, живешь вне общей реальности. У низших нет никаких долгосрочных отношений, а у высших они ограничиваются супружеским часом и общением через тетушек.

А потом позвонил Володя.

Старательно ускоряя речь, он проговорил:

— Айранэ, я сегодня не зайду. И завтра не зайду. Я улетаю на Мадагаскар. До супружеского часа или вернусь, или что-нибудь придумаю.

— Дай трубку Раннэ, — велела Айранэ.

Некоторое время ничего не происходило, потом робкий женский голос произнес:

— Алло…

Айранэ встала с кровати, наворачивая круги по пространству между гардеробом и туалетом, подбирая слова, которыми могла бы уничтожить соперницу, но в голову ничего не лезло.

Отчаявшись, она сказала:

— Я тебя убью.

И положила трубку.

Прислушалась к себе. Плакать не хотелось,

хотелось убивать. Так, чтобы с брызгами крови и ошметками мяса.

Достала с полки над гардеробом гигантский чемодан, с которым в свое время приехала из Ржева на свадьбу, раскрыла и начала закидывать в чрево пластикового монстра вещи.

Если бы ее спросили — куда она собирается? — она бы не смогла точно ответить, потому что собиралась сразу и в Ржев, к маме, и на Мадагаскар, убивать Раннэ. Обещала все-таки. Обещания надо выполнять.

Еще можно было полететь, например, в Сиам и там отлично поплавать и позагорать. Сиам славился на все Андаманское море тем, что там не было лупанариев, зато имелись шикарные бордели, в которых можно выбрать мужчину-сопровождающего на все время отдыха — хоть на пару дней, хоть на год.

Собрав бóльшую часть вещей, Айранэ обнаружила, что там много летних, при этом нет купальников и нет осенних, то есть Сиам и Ржев исключались.

Чемоданный тест показывал, куда она собиралась на самом деле.

Открыла расписание рейсов на Мадагаскар, ближайший вылетал через двадцать минут,

следующий — через двое суток, но можно было с пересадкой, тогда появлялось сразу несколько вариантов.

Айранэ выдохнула, затем набрала Анаит.

— Мама, Володя меня бросил, — сказала она.

— Ну, не то чтобы прямо бросил, — с сомнением сказала Анаит, показывая, что уже в курсе.

— Я собираюсь полететь на Мадагаскар и надрать ему задницу, чтобы он понял, что такое крепкая семья, — выдохнула Айранэ.

— Когда рейс?

— Через три с половиной часа.

— Успеем, — загадочно сказала Анаит и положила трубку.

Айранэ заказала такси, спокойно доехала до аэропорта, зарегистрировалась на рейс в Джакарту, через которую летела на Мадагаскар, прошла регистрацию, выпила пустоватый по вкусу кофе с шикарным, но неоправданно дорогим розаном.

Потом села на свое место в женском салоне для высших, порадовавшись, что при набитом самолете место рядом свободно.

Объявили, что рейс задерживается. В иллюминатор Айранэ увидела, как неподалеку за оградой садится длинный зеленый вертолет, как из него выпрыгивает коренастая девка в берете с рюк-

заком, бежит, буквально перелетает с разбегу двухметровый забор и как специально для нее подвозят трап к самолету.

Войдя в салон, она запихала рюкзак в отсек для ручной клади, там что-то явственно хрустнуло, но девку это не смутило.

А потом она плюхнулась рядом с Айранэ, игнорируя то, что эти места — только для высших.

— Привет. — От девки в берете пахло потом. — Я Тиара, а ты Айранэ. У меня две задачи — чтобы не убили тебя и чтобы никого не грохнула ты. Я сразу говорю, чтобы вопросов потом не было. Ноги ломать можно.

— Что? — удивилась Айранэ.

— Ну, когда мне сказали, что убивать нельзя, я уточнила — можно ли ломать ноги. Сказали, что можно. Поэтому если что — ломай ноги. Себе и другим. А дохнуть и убивать не смей.

— Ясно, — сказала Айранэ и прикрыла глаза. — Будем ломать ноги.

У Тиары было много слов, очень много, они все громоздились в ее голове, толкались, спали друг с другом, безумно и бездумно размножаясь настолько, что оставаться им всем вместе возможности не было, и они перли из нее через рот.

Долго молчать Тиара не любила, не умела и не хотела.

— …И тогда я вломила ей в грудину, четко по центру, там как раз ребра сходятся, может быть очень больно, но серьезных травм не получишь…

— А есть другая история? — уточнила Айранэ, которую угнетала байка про то, как Тиара не поделила мужика с девушкой из другого отряда спецназа.

— Не про любовь? — уточнила озадаченная Тиара.

Озадачилась она потому, что прошлую историю Айранэ тоже забраковала и попросила что-нибудь про любовь, и вот сейчас как раз была именно такая.

— Может, про книги?

— Да я, вообще-то, не читаю. — Тиара задумалась. — Могу устав наизусть, но говорят вроде, что он скучный.

— А тебе нормально?

— Ну, чтобы его оценивать, нужно про него головой думать. А у меня он в душе пропечатан. — Тиара задумалась на мгновение и добавила: — Каленым железом.

— Ты молодец, — грустно ответила Айранэ. — Это сразу видно.

Было непонятно — даже ей самой, — к чему она сказала последнюю фразу. То ли к кривому «пропечатанному каленым железом» уставу, то ли к тому, что собеседница молодец.

Но Тиара явно не собиралась рефлексировать, она просто довольно улыбнулась — на ее крупном, мясистом лице словно разъехался неровный разрез.

— Если бы меня из-за твоего мужа не разжаловали…

Айранэ дернулась и схватила Тиару за руку. Та умолкла и непонимающе посмотрела на собеседницу.

— Из-за моего мужа?

— Ну да, с виду малахольный такой, себе на уме. А в итоге оказался крутой девкой… В смысле парнем… А бывают вообще крутые парни?

— Бывают, — кивнула Айранэ.

— Вот, точно, крутой парень оказался, я, кстати, и сама вспомнила, как-то ночью пьяные вдоль

монорельса шли из располаги, под Будапештом тогда стояли, но это секретно, ты этого не слышала. И встречаем пару мужиков, ну я им сразу — «мальчики, как насчет посидеть в беседочке, пиво и коньяк у нас с собой», ну там разговор у нас начался не очень, и один из них…

— Мой муж! — зашипела Айранэ.

— Ну, про мужа не так интересно, точно про мужа? — Тиара слегка поежилась. — В общем, там в Торжке бунт мужской случился, старшие матери где-то недоглядели, и этот пацан, Волков, очень помог. Мы бы и без него справились, конечно, ну а так с ним. Молодец.

— И тебя за это разжаловали? — уточнила Айранэ.

Тиара наконец замолчала и насупилась. Для нее это были события слишком недавние и неприятные.

— Ты с ним занималась сексом?

Понятно, что такая девка, как Тиара, могла заставить Володю даже без Блеска, с другой стороны, сам он вряд ли на нее бы польстился. Но вставать в части красоты и — ну, соблазнительности, что ли? — в один ряд с девкой из спецназа не хотелось.

— Да не, я ему вроде не глянулась. — Тиара

косвенно признала, что сама такую возможность рассматривала. — Я должна была его охранять, а потащила в самую гущу бунта.

— Зачем? — уточнила Айранэ.

— Ну, напугать, может, немного, — совсем смутилась Тиара. — Показать, какие мы крутые. Какая я клевая.

— Но что-то пошло не так?

— Да все, блин, батю его за ногу, пошло не так! Мы чуть не облажались, он помог, при этом его опять помяли, а он и так дохлый был… Мне сказали, что я дура и должна подумать над своими перитер… Притерпи…

— Приоритетами? — подсказала Айранэ.

— Приоритетами, — кивнула, выплевывая не понравившееся ей слово, Тиара. — Меня старшая мать так отчекрыжила, ты не представляешь! Сказала, всю жизнь буду в наряде ходить…

— В каком наряде?

— Я уж уточнять не стала, — отмахнулась Тиара. — А сегодня я чищу табельное, никого не трогаю, собираюсь отчет писать за прошлый месяц — раньше меня не дергали, ну, поднакопилось бумажек… И тут звонят — мол, готова ли искупить вину? Я, конечно, всегда готова, я за любой движ, все девки знают. Тогда, говорят, три

минуты на сборы и во внутренний двор.

— Три минуты?

— Я в две уложилась! Когда поняла, что можно будет не писать отчет, я защитку на плечи, рюкзак в зубы…

— Пистолет в сейф?

— Зачем в сейф? В кобуру.

Айранэ поняла, что у ее спутницы с собой пистолет и их наверняка остановят и запрут на пересадке в Джакарте.

— И дальше тебя на вертолете привезли сюда.

— Ага, только там в вертолете безопасница была. Она в обычной форме самообороны, младшая мать по погонам, но я безов нутром чувствую, они смотрят на тебя как на кусок мяса и думают: то ли в огонь кинуть, то ли на ножи, а то ли прямо так, сырьем сожрать!

Тиара явно ждала какого-то дополнительного вопроса, видимо, чего-то вроде «и как ты выкрутилась» или «и как ты расцениваешь задание — тебя в огонь кинули или сожрали?». Однако Айранэ решила, что не хочет в это играть, и просто молча смотрела на собеседницу.

— Ну, в общем, мне сказали, что Володя свалил и надо его вернуть. Только я не могу его возворачивать, это должна сделать ты сама, по-семейному.

И чтобы без убийств. Это вот прям строго!

По интеркому вначале на женской речи, потом на мужской объявили, что самолет готовится к снижению.

Айранэ успела подремать пару часов в середине полета.

— Я ж самое важное забыла. — Тиара, несмотря на строгий наказ пристегнуть ремни, встала и начала рыться в рюкзаке, достала оттуда приличную стопку пятидесятирублевых банкнот, помахала ею в воздухе, убеждаясь, что все неспящие видят ее богатство, потом передала Айранэ.

— Это от Анаит?

— От младшей матери, а кто ей дал, я не знаю.

Айранэ пересчитала — получалось восемьсот пятьдесят рублей. На такие деньги можно было снять хороший номер в гостинице в центре Твери на пару месяцев, и осталось бы на еду и развлечения. А во Ржеве с такой суммой можно было жить — без особого шика — целых полгода.

С собой у нее было рублей двести, еще где-то семьдесят-восемьдесят — по картам, опять же, не пришли еще деньги за больничный, и через неделю должен упасть аванс с новой работы, в министерстве такие вещи отслеживали.

Итого — больше тысячи. Приличная сумма.

— Дай рублей семьдесят, — попросила Тиара, жадно глядя на купюры.

Айранэ без разговоров дала две купюры по пятьдесят.

— Доеду до этого Мадагаскара и сразу в лупанарий, — пояснила Тиара. — Нервы вообще ни к жогу, после бунта другие девки в общагу к мужикам поехали, а меня сразу на дежурство.

Айранэ отвернулась к окну, показывая, что тема ей неинтересна. Тиара некоторое время что-то бормотала, потом затихла.

Затем самолет сел в аэропорту вечерней Джакарты. Прошли через длинный коридор сразу в зал для высших, Тиара, ничуть не смущаясь, скинула тяжелые серые ботинки, наполнив помещение ароматом потных носков, и улеглась на ближайший к выходу ряд, заняв целиком все шесть кресел.

— Девушка с вами? — уточнила у Айранэ служительница зала. — Вы не могли бы попросить ее помыть ноги?

— Не уверена, что она поймет, в чем проблема…

— Понятно, — кивнула служительница.

Через минуту она появилась с тонким пледом, накрыла Тиару, а ноги ее заботливо укутала.

Операция была произведена столь быстро и аккуратно, что храпящая воительница даже не шелохнулась.

Взглянув на Айранэ, служительница подмигнула ей, а через пару минут принесла высокий бумажный стакан со сладким карамельным капучино.

И хотя Айранэ предпочитала латте, кофе взяла — и не зря, он оказался великолепным.

Около часа подремала вполглаза, потом приняла душ в одной из кабинок — подивившись количеству кнопок и рычажков; в женских залах Славянского Союза чаще были только обычный душ и общее джакузи, а здесь обошлось без джакузи, но зато душ, судя по всему, соревновался с космическим кораблем по количеству настроек.

Попытка растолкать Тиару к успеху не привела, и вновь рядом оказалась служительница, которая негромко, но зато в самое ухо спящей сказала «подъем», сразу же отскочив на пару шагов.

Предусмотрительность оказалась не лишней: Тиара, просыпаясь, двинула левой рукой, и, если бы кто-то оказался по ходу ее траектории, дело могло бы закончиться больницей.

— Пора? — уточнила она, протирая глаза.

— Да, — подтвердила Айранэ.

А дальше она наблюдала чудо: Тиара собралась меньше чем за минуту. Она не умывалась, не причесывалась и не меняла носки. Из гигиенических процедур обошлась двумя влажными салфетками, каждой из которых протерла под мышками, едва не оторвав пуговицы на гимнастерке.

— Идем уже? — уточнила Тиара, закидывая рюкзак на плечо. — Волкова ловить на Мадагаскаре.

Едва усевшись в кресло, Тиара оглушительно захрапела. Пристегивали ее вдвоем — симпатичный смущающийся бортпроводник из низших и Айранэ.

Бортпроводницы-девушки, требовавшие от Айранэ разбудить подругу и отказывавшиеся ей помочь, смотрели на это издали, морщились и перешептывались.

— Спасибо, — сказала, замедлившись, Айранэ.

— Не благодарите, моя каста находит удовольствие в служении, — ответил парень на почти женском, сильно ускорив речь.

Айранэ что-то помнила про касты и вроде бы даже что-то читала про касту в Индии, в которой мужчины служили женщинам-высшим, а женщины — мужчинам-высшим, но точно не помнила. Об этом могла рассказать бабушка Аг-

ни, если бы, конечно, соизволила.

В любом случае рейс оказался недлинным и спокойным, после посадки Тиара проснулась сама, рванула, чуть не порвав, ремень, а потом шептала что-то матерное, отстегиваясь.

Затем было целое представление с таможенницами, которые оказались в курсе, что к ним приедет Тиара с пистолетом, но при этом требовали, чтобы она отдала его им, они бы запаяли его в плотный пакет с печатью, а при выезде бы сняли печать.

Тиара объясняла, что в таком случае в оружии не будет никакого толка, и таможенницы радостно кивали, так как им явно не хотелось, чтобы гостья получила от огнестрельного оружия какой бы то ни было толк на Мадагаскаре.

В итоге Тиара достала телефон, куда-то позвонила, отойдя на несколько шагов, потом вернулась, мрачная и насупленная, и стояла в стороне, пропуская других пассажиров.

А еще минут через десять телефон зазвонил у одной из таможенниц, и ей в ухо орали так оглушительно, что слышала даже Айранэ, правда, не всё.

Звучало это так:

— Бу-бу-бу что непонятно? Бу-бу-бу-бу! Бу-бу-бу,

теперь понятно? Бу-бу-бу-бу! Бу-бу-бу для понимания! Бу-бу-бу!

В итоге Тиару пропустили с незапаянным пистолетом, а еще она, пройдя уже насупленных таможенниц, резко развернулась, выпрямилась и щелкнула каблуками, соединяя пятки ботинок быстрым движением.

Младшая таможенница, видимо рефлекторно, вскочила со стула и отдала честь.

Тиара развернулась и пошла прочь, криво ухмыляясь.

— Что это было? — уточнила Айранэ, догоняя спутницу.

— Да я в фильме видела, что в Африке высших офицеров учат щелкать каблуками, перед тем как огласить неприятные известия. То есть любые, конечно, но младшие офицеры от старших ничего приятного не ждут, поэтому любой такой щелчок — как прелюдия к порке.

— А у нас не учат?

— Не, у нас не учат, вроде до революции такое было, но потом отменили. Мы с девчатами просто из интереса попробовали, как в фильме. Только у меня получилось. До сегодняшнего дня совсем бессмысленное умение.

Айранэ кивнула. При этом ей показалось, что

и сегодня, в общем-то, полезность такого навыка доказана не была, но Тиара явно считала иначе.

Долго ждали такси. Над аэропортом висел транспарант: «Добро пожаловать в Тысячу!»

— Жоговое название, — проворчала Тиара. — Что за тысяча?

— Ты вообще ничего не знаешь про Мадагаскар? — уточнила Айранэ.

— Страна в Африке вроде, — ответила спутница и почесала себя под лопаткой, немыслимо изогнувшись, так что гимнастерка вылезла из форменных брюк и обнажила крепкую белую спину.

— Вообще-то, остров, — ответила Айранэ. — Тридцать лет назад была эпидемия мужского тифа…

— Только он был не мужской, у меня от него бабка умерла, — встряла Тиара.

— Это понятно, и птичий грипп был тоже не птичий, и леммингова чума не леммингова. От мужского тифа, кстати, умерло до трех процентов мужчин по всему миру.

— А женщин?

— А женщин почти пять процентов, — кивнула Айранэ. — Но обнаружили его у мужчин и потому назвали мужским. Суть не в этом! Через полгода

создали вакцину, кому-то продавали, кому-то бесплатно везли. А на Мадагаскаре сказали, что вакцина эта — средство зомбировать честных мадагаскарских мужчин и женщин…

— И что?

— Девяносто восемь процентов жителей Мадагаскара погибло за четыре года. У одного процента был иммунитет, еще один процент привился тайно. Тогда как раз пошли в рост информационные технологии, появились первые миллиарды, заработанные на сайтах и приложениях. У мадагаскарцев купили Мадагаскар. Все мадагаскарцы стали миллионерами, кто-то уехал, кто-то остался. Новые владельцы переименовали здесь все, сократив названия раза в три, а то и в четыре.

— Здесь куча народа. — Тиара повела рукой, показывая на потоки туристов, носильщиков, таксистов. — Это не мадагаскарцы?

— Не совсем, — покачала головой Айранэ. — Это новые мадагаскарцы. Те, кто купил остров, придумали свои законы, свободные от предрассудков. Вроде как свобода, равенство и сестринство. Здесь не важно, мужчина ты или женщина, высший или низший…

— О, круть! — встряла Тиара.

— …здесь важно, есть ли у тебя деньги.

— А, облом!

Айранэ поджала губы и обернулась. Девка на стойке такси усиленно отворачивалась — мол, я ни при чем, я машину вызвала, а то, что к вам не едет, — может, застряла где-то.

Тем временем к ним подошла местная офицер самообороны, с белоснежными кожаными вставками на черной форме.

— Офицер, — прикоснулась к берету указательным пальцем Тиара.

Подошедшая машинально отдала честь, нахмурившись от того, что сделала это, когда не собиралась.

— Обратные билеты есть? — спросила подошедшая.

— Пока нет, — ответила Айранэ. — Почему к нам не едет такси? Это потому, что я высшая?

— Всем плевать здесь, высшая ты или нет, — ответила медленно офицер и облизнула пересохшие губы. Ей явно хотелось в прохладный бар с подругой, а то и с мальчиками, а она вынуждена была здесь разговаривать со спесивой собеседницей. — Мне нужно, чтобы ты доказала, что не собираешься покончить с собой.

— А я? — уточнила Тиара.

— Ты не похожа на самоубийцу, — ответила

офицер. — Вы что, не знаете про Башню Жога? Ха! Я была уверена, что это самое известное здание в мире! Дело было лет пятьдесят назад. Индийский набоб, мужчина, имя не помню, построил здесь, в столице, гигантский небоскреб. В Дели ему не позволили, он какой-то сектант был. И пошли слухи, что башню он строит для своего сына, жога. Были протесты, стройку все время прерывали, опровержения в газетах, дикая история. Гигантские взятки, длинные процессы, кого-то сажали, в итоге к эпидемии достроили. Ну, как достроили — шестьдесят два этажа из семидесяти. А верхние восемь — просто каркас из бетона, без отделки. И так и стоит, на нижних этажах сейчас офисы, квартиры. А на верхние всеми правдами и неправдами забираются самоубийцы и прыгают оттуда.

— Я что-то слышала, — подтвердила Айранэ. — Но давно.

— Когда приезжих встречают местные, они вроде как отвечают за своих гостей, — продолжила офицер. — А когда никто не встречает, человек приехал впервые и выглядит как потенциальный самоубийца, вызывают офицера, чтобы он проверил.

— Это помогает снизить процент? — уточнила

Айранэ.

— Не-а, — отмахнулась офицер. — Самоубийцы, у которых есть деньги на билет до Мадагаскара, находят способ все это обойти. Но это не значит, что я пропущу вас, если вы не докажете…

— Волковых знаешь? — перебила ее Тиара. — Которые из Тверского дистрикта?

Офицер достала планшет, тут же забила туда фамилию и через пару минут кивнула.

— Вот это — жогова Волкова, самая что ни на есть, — ткнула Тиара в Айранэ. — И меня ее свекровь послала следить за ней. И если она вдруг решит прыгнуть с башни, я лично сломаю ей ноги и отвезу обратно.

— Сочувствую. — Офицер козырнула Айранэ и махнула рукой.

Тут же подъехало длинное, но не очень высокое, словно бы мужское такси с улыбчивой смуглой низшей за рулем.

— В «Золотую орлицу»? — уточнила она, едва Тиара с Айранэ уселись — вторая назад, первая вперед. — Лучшая гостиница в городе.

— Там лупанарий поблизости есть? — уточнила Тиара, заставив сидящую сзади Айранэ скукожиться от стыда за спутницу. — Только приличный, с нормальными мужиками, без

наркоманов?

— На Мадагаскаре нет лупанариев, — ослепительно улыбнулась водительница, выезжая на трассу и нажимая на педаль. Судя по звуку, машина работала на мощном газовом двигателе, и теперь Айранэ была уже почти уверена, что это мужской автомобиль. — У нас нет преступности. Если вы совершаете правонарушение, вас штрафуют, депортируют или казнят в зависимости от тяжести.

Некоторое время Тиара молчала.

Айранэ в это время осознавала то, что она только что услышала. Видимо, имело смысл все же перед поездкой побольше узнать об острове.

— А вот если я хочу, например, по-быстрому снять напряжение, — осторожно начала Тиара.

— Идешь в женское кафе для встреч, садишься за столик и ждешь гостей — или в мужское и подсаживаешься за столики к симпатичным тебе мужчинам и проговариваешь с ними условия, — ответила водитель. — Ничего сложного.

— Кроме того, что придется *с ними* говорить, — мрачно ответила Тиара. — Ладно, это все равно лучше, чем отчеты.

— Что? — удивилась водитель.

Айранэ тем временем засмотрелась в окно.

Вдоль дороги тянулись заброшенные поля и усадьбы. До эпидемии здесь были плантации, Мадагаскар кормил не только себя, но и приличную часть Африки. А после того, как айтишники купили остров и ограничили сюда въезд, сельское хозяйство умерло. Сейчас начался откат — создавались автоматизированные фермы, на которых то ли уже производили фрукты и овощи в достаточном для жителей количестве, то ли планировали выйти на это в ближайшее время.

Но бóльшая часть земли все еще пустовала, здания зияли выбитыми окнами, а джунгли захватывали поля.

— Айранэ?

— Что?

— Назия говорит, что высший мужчина, скорее всего, взял бы номер в «Последнем корабле». Высших тут почти нет, но если где и заведутся, то там.

«Назия»? А, водительница!

— Меня больше интересует, где снимет номер крутая айтишница, которая сорвала большой куш, — выплюнула Айранэ, поразившись тому, насколько все происходящее ее задевает. — Володя не планировал поездку, это все ее идея.

— Если очень богатая, то арендует дом в субуре.

Если средне — то этаж в Башне Жога. Если экономит — то номер в «Сеньорине Легаси», если…

— В «Сеньорину Легаси», — сказала Айранэ.

Она не знала эту хофскую суку, Раннэ, но чувствовала — это то, что надо.

— Это другой конец города, — сообщила водитель. — Может, позвонить, выяснить, заезжали ли к ним ваши друзья?

— А ответят?

В Славянском Союзе ни одна гостиница не выдала бы такую информацию не только случайным людям, но даже и представителям милиции или самообороны без ордера.

— Если не заняты, — неправильно поняла вопрос Назия.

Она ткнула в висящий на лобовом навигатор, меняя экран на телефонный справочник. Не сбавляя скорости — а по ощущению даже прибавив, — водитель за пару длинных минут нашла нужный контакт и набрала его.

— Салам, Надира! — гаркнула она, едва на той стороне сняли трубку и что-то невнятно пробормотали. — К вам должна была заехать Раннэ из Славянского. Не было? А из Твери? Тоже не было? Она еще с мужиком, с высшим!

Ответные реплики Айранэ сзади слышала в

виде мутного бубнежа, но по тому, что говорила Назия, легко считывала ход беседы.

— Да я сразу сказала! Да, высший, Волков… Он документы показывал? Плевать мне на ваши правила! Знаю я, почему вы у мужиков документы не спрашиваете, в гостинице для богатых баб! Это точно он, потому что сколько всего высших мужиков на Мадагаскаре? И я о том же! Какие приметы?

Последнюю фразу она спрашивала уже у Тиары.

— Худой, морда смазливая, заносчивый, — ответила та.

— Это любой высший! — расхохоталась Назия.

— Метр семьдесят восемь, при разговоре чуть склоняет голову налево, волосы черные, сантиметра три-четыре, зачесывает налево, за правым ухом родинка в форме фасолины, — четко и спокойно сказала Айранэ.

— О, легко искать по моргам будет, — обрадовалась непонятно чему Тиара.

— Это он, в «Легаси», — сказала Назия. — Надира эту вашу Раннэ не запомнила, а в журнал записала с ошибкой имя, потому что ей этот ваш высший приглянулся, она с ним заигрывала, но он не понял.

— Он туповат, — подтвердила Тиара.

— Заселились ночью, часа два назад за ними пришли местные милиционеры, забрали их.

— За что? — уточнила Айранэ.

— Кто ж у милиции спрашивать будет? — удивилась Назия. — У самообороны еще можно спросить, а милиция — это другой мир.

Айранэ поняла, что в милицию придется ехать самостоятельно.

Чуть подремала, глядя в окно, пока Тиара, найдя благодарные уши, рассказывала что-то Назии. Когда приехали, позволила Тиаре вытащить свой багаж и занести его в здание.

Дом выглядел старым, с сетью трещин и местами осыпавшейся лепниной, но Айранэ, немало времени проведшая за архитектурными альбомами, видела — эта старость и заброшенность нарочитые.

Кто-то специально наносил все эти трещины, вешал якобы ветхую лепнину на крюки, специально старил лак на рамах.

— Дыра! — сказала Тиара. — Мы точно туда хотим?

— Не суди по обложке, — ответила Айранэ и собиралась толкнуть дверь, когда та перед ней распахнулась.

Внутри стояла девчушка в аляповатой ало-зеленой шинели и кожаной фуражке, вряд ли познавшая Блеск раньше, чем пару лет назад, — на вид ей нельзя было дать больше шестнадцати.

— Добро пожаловать в «Сеньорину Легаси», — сказала она и, противореча самой себе, встала на пути, не пуская внутрь. — Вы бронировали номера?

— Ой, Барри, хватит уже изображать из себя, — показалась сзади Назия. — Они нормальные, пусти их.

— Ну, если ты ручаешься, — проворчала девчонка и отошла в сторону.

Внутри гостиница оказалась совершенно обычной: красные ковровые дорожки, дубовые панели, яркий свет и золоченые детали интерьера.

Вот только портреты, висящие на стенах, казались странными. Айранэ даже не сразу сообразила, что привлекло ее внимание — почти во всех иностранных гостиницах, где она останавливалась, на стенах висели портреты.

Но там — всегда! — это были лица высших. Парадные прически, женские изящные лица — хищные или доброжелательные, молодые или же умудренные сединой и морщинами, все они пели самим своим существованием о том, что в

мире есть некий стандарт породы.

А здесь с портретов глядели нечесаные, круглолицые, с покатыми лбами, пухлые девки-низшие, к тому же чаще всего даже не в платьях или костюмах, а в растянутых свитерах, дешевых ярких футболках, иногда даже в худи, с капюшонами, надвинутыми сверху на немытые волосы.

— Удивлены? — уточнила женщина лет пятидесяти, низшая, в форменном отельном платье с гербом заведения. — Меня зовут Надира. Не ожидали?

— Непривычно, — признала Айранэ. — Это такой протест?

— Ничего подобного, — усмехнулась дама. — Это те, кто сделал Мадагаскар тем, чем он является сегодня. Портреты рисовали не с натуры, а с фотографий, и можете мне поверить, художница даже слегка приукрасила наших «святых матерей». Слева направо — Сиана, Терри, Расташ, Игни, Эллич, Тария, Ушита, Санига, Вирия, Гадди, Латипса. Каждая из них создала программу или стандарт. Я не очень хорошо в этом разбираюсь, я всего лишь хозяйка этой гостиницы, но большинство моих постоялиц может рассказать массу историй про этих неуклюжих, странных девочек, предпочитающих жизнь в сети жизни в реальности.

— Это они купили остров? — включилась в разговор Тиара.

— Сиана и Терри были в числе покупателей, остальные сделали так, что на остров пришли деньги с материка. — Надира улыбалась, но глаза глядели цепко и не очень доброжелательно. — Вы пользуетесь телефонами, компьютерами, вы каждый день заходите в сеть и пишете сообщения и письма, ищете там нужную вам информацию. Вы знаете, кто придумал ваш фондовый рынок, которым пользуется едва ли десять процентов, но не представляете, кто первой отправил электронное письмо, которых сейчас в день уходит до полумиллиарда!

— Ты хочешь сказать… — начала Айранэ.

— Я хочу сказать, что вы, высшие, остались в прошлом. — Улыбка исчезла с лица женщины. — Когда для того, чтобы двигать мир вперед, требовались дорогие лаборатории, мастерские и труд сотен людей, вы были на коне. А сейчас для этого достаточно компьютера, телефона, а то и просто идеи. Мадагаскар — это место, где план бедной низшей девочки может обрести плоть, кровь и деньги.

— Я не против, — сказала Айранэ и улыбнулась — самой милой и беззащитной улыбкой, прибе-

регаемой для бабушки Агни. — Это же отлично!

Надира, которая явно рассчитывала вступить в спор и победить в нем, насупилась.

— Нам бы номер, вещи кинуть, — поймала нить разговора Тиара. — И где тут есть мужское кафе со столиками?

Надира зашла за ресепшен, жестом попросила документы, в несколько минут сама заполнила карточки.

— Восемнадцать динаров, — сказала она.

— У нас рубли, — ответила Тиара и улыбнулась.

Надира нахмурилась, достала телефон, что-то там понажимала.

— Двадцать шесть рублей сорок копеек.

Сдачу с полтинника выдала в динарах, причем монетами.

Тиара уже ушла вперед с чемоданом, когда Айранэ притормозила, остановилась, а затем обернулась и спросила:

— Ваши гости, которых забрали в милицию…

— Я не сплетница, — ответила Надира.

Айранэ вернулась к стойке и высыпала все монеты, подвинув их к хозяйке.

— Я бы хотела знать…

Надира собрала всю мелочь в горсть и протяну-

ла обратно Айранэ, повторив:

— Я не сплетница.

— Я ей не понравилась, — сказала Айранэ, присаживаясь на край кровати. По мужским меркам это было королевское ложе, по женским — спартанское, едва подходящее для путешествия.

— Она же из персов, — удивилась Тиара. — Как ты ей могла понравиться?

— В смысле?

— Ну, персы. Те самые. Там, где высшие до недавних пор имели право пороть и вешать низших. У нас революция была, где-то по миру власть менялась, где-то реформы шли, а у персов до сих пор запрет на обучение низших чему-то, кроме счета и письма. У мужчин вроде чуть проще, у женщин вообще жестко. Если бы я родилась у них, я бы точно устроила революцию.

— Но я же из Славянского Союза! — удивилась Айранэ. — Как она не понимает, что не все высшие одинаковые!

— Для нее — все, — ответила Тиара. — У нас учения совместные должны были быть, горный десант, эвакуация раненых. Еще до высадки их офицеры позвали нашу интендантшу, она единственная у нас была из высших, и сказали ей, что не будут с нами прыгать и спасать нас

не будут. А мы, все остальные офицеры, — из низших. Интендантша на них так орала, потом они драться начали, мы подключились, в итоге семь переломов, помятые девки, кривые морды, гауптвахта забита. Приехало начальство, и наше, и их, — начали разбираться…

На этом месте Тиара умолкла, вспоминая события. На лице ее появилась кривая ухмылка.

— Что дальше? — уточнила Айранэ.

— Начальство тоже подралось, я тогда поняла, что у нас нормальные девки в тетках и матерях. Так и не отработали горный десант. А у мужчин были совместные танковые учения, там вроде нормально прошло.

— Надира вчера на Володю глаз положила, — неуверенно сказала Айранэ.

— Ой, персы — это жоговая яма на сотни километров вглубь. Там вроде как мужчины-высшие нормально к женщинам-низшим относятся, а женщины-высшие — к мужчинам-низшим. А со своими устраивают какой-то жоговый цирк с кровавыми медведями.

— «Жоговый цирк с кровавыми медведями»?

— Ну, один мужик в лупанарии так говорил, мне понравилось, я заставила его повторить, потом запомнила.

— А по поводу чего он так сказал? — уточнила Айранэ.

— По поводу нашего с ним секса, — ответила Тиара спокойно. — Да там все нормально, я пару рублей сверху накинула, никто не в обиде.

— Надо бы выяснить, в какие номера заехали Раннэ и Володя.

— Я с Назии сразу стребовала, — ответила Тиара. — Двести пятнадцатый.

— В один номер вдвоем? — уточнила Айранэ.

— Ага. Я схожу в лупа… В кафе?

Айранэ не ответила. Жить вместе с мужчиной в одной комнате? Да даже и в двух, но рядом, через незапертую дверь? Не иметь собственного личного пространства?

Она легла на мягкую кровать и застонала от наслаждения — перина оказалась мягкой, как облако. Расслабилась напряженная спина, уходила скованность из натруженных ног.

Нет, мужчина рядом — это, конечно, прекрасно. Регулярный секс, опять же, можно поговорить и придумать какие-то общие проекты. Сделать его своим тылом, стать для него настоящей поддержкой.

Но — он же увидит тебя уставшей. Пьяной. Скрючившейся от резкой боли внизу живота.

Плачущей от бессилия после скандала с Анаит или бабушкой Агни.

Подруга поймет с полувзгляда, обнимет, погладит по голове, скажет нужное слово — и выйдет, если почувствует, что сейчас не время для разговора.

А что сделает мужчина? Посмеется? Полезет с сексом? Начнет рассказывать случай из своей жизни не к месту и не ко времени?

Стать ближе к своему мужчине — это правильно. Айранэ была далеко, и сейчас, даже если еще не потеряла Володю окончательно, подошла слишком близко к этому, чтобы не признавать данного факта.

Но — насколько можно и нужно к нему приближаться? Каждый день делить постель — не слишком ли это… Странно?

И страшно.

Может быть, достаточно просто дать им время, и их союз высшего мужчины из одной из лучших семей страны и низшей женщины, вынырнувшей из глубин пропахшего капустой и куриными костями анклава, развалится сам по себе?

Нет, нельзя ее недооценивать. Это для Айранэ Володя — как мешочек с каленой солью, привычный аксессуар, удобный, свой, но в постель

тащишь, только когда холодно, а не каждый раз.

Для Раннэ же он — приз. Высшая награда, которую непонятно куда пристроить, то ли на шею повесить, то ли к сердцу во внутренний карман, то ли вообще в себя засунуть с головой и никому больше не показывать.

Она может подстраиваться под него столько, сколько нужно. К тому же он ведь и правда не худший. А если подумать, наверное, и один из лучших. Если не считать этих вот финтов в несколько последних дней, начиная с того, как он чуть не пропустил супружеский час…

Айранэ не заметила, как задремала.

Проснулась от того, что ее растолкала Тиара.

— Что? Что случилось?

— Все случилось, много чего, — ответила та. Внешне она выглядела чуть помятой, но при этом весьма довольной. — Я узнала, где здесь отделение милиции, но сама туда не ходила. Они открыты круглосуточно. Отделение самообороны в том же здании, но работают только днем!

— Идем в милицию? — чуть хриплым со сна голосом уточнила Айранэ.

— Вначале я расскажу тебе про кафе, — ультимативно заявила Тиара. — Помнишь, я говорила про жоговый цирк? Вот это оно!

Айранэ повернулась к собеседнице спиной, быстро разделась, накинула халат. Искоса повернулась, убедилась, что Тиара на нее не смотрит, понюхала дорожное платье — точно в химчистку, второй раз не надеть.

— В общем, зашла я в кафе, там столики, за каждым по мужику, к ним по очереди девки подсаживаются, кто с кофе, кто с коктейлем. Некоторые мужикам напитки берут. Все так чинно, благородно, беседы ведут, меня сразу кольнуло, что я тут не ко двору. Мне бы с наскоку, сабелькой, да сразу в норку, а потом на коня и валить! А не вот это вот все с разговорами. Тут ко мне девка подходит, мельче меня, но помассивней. И говорит — мол, вы девушка видная, пройдите в наше кафе, кружка пива для настроения за счет заведения.

Айранэ зашла в душ, повесила халат на крючок, включила воду. На зашедшую следом Тиару, продолжающую повествование, она уже почти не обращала внимания, тем более что та на ее маневры никак не реагировала.

— А я прям чувствую, что без этой кружки все равно никуда не сяду, так что прошла я за этой девкой, там пара перекрестков, гляжу — внутри уже девчата сидят, за шестью столиками, и два

свободны, а к ним мужчины подсаживаются. Я заняла свободный, мне тут же пиво поставили — легче, чем я бы сама выбрала, но после дороги самое то. Я вроде только пену сдула, а кружка уже пустая. Подсаживается первый, смотрит на меня, молчит. И я молчу. Он посидел пару минут и сбежал. Садится второй, борода, пиджак с футболкой, кеды на босу ногу, причем все не по размеру, что-то маловато, что-то великовато, так и хочется спросить: «Мальчик, тебя согреть не требуется?»

Нащупать правильную температуру удалось не сразу, но, когда это получилось, Айранэ застыла в наслаждении. Вода смывала не только пот и грязь, она убирала дурные мысли и злость, оставляя позади лишь тепло и чистоту.

— И он сразу: «Девушка, а как вы относитесь к насилию в сексе?» Я думала, он на общей речи будет говорить — нет, там прямо в столе встроенный аппарат, все перевел. Я ему честно ответила: «Стараюсь не повредить ничего, но тут уж как получится». Он рассмеялся, спросил, согласна ли я, чтобы он закрыл мой счет. Я этого не поняла, но в целом почувствовала, что это не должно быть чем-то плохим, он поднял руку, заплатил за мое пиво и за стол и повел меня к себе.

На полочке обнаружилось несколько однора-

зовых губок для мытья. Они были заметно хуже, чем домашние, но в целом Айранэ не в первый раз останавливалась в гостинице и была готова к таким небольшим жертвам. По крайней мере, гель для душа пах приятно.

— Я думала, он чухан, в коммуне живет. А у него свой дом, ну или там половина, не знаю. Дверца вроде небольшая, а заходишь — и напротив окно в три этажа, а позади лестница, на второй и на третий. Он меня на третий повел, жестом такой — дай руку, я протягиваю, он ее гладит, потом смотрю — вторую просит. Я протягиваю, он тоже гладит, потом раз — и я уже распятая на кровати, лицом вверх и руки притянуты к изголовью, и он такой достает нож.

— Ого, — пробормотала Айранэ, намыливая бедро. — Опасно!

— Да нет, нож тупой, я сразу поняла, там заточка вообще никакая. Я больше боялась, что он начнет мне гимнастерку или бюстик этой тупой железкой пилить. Но обошлось, он ее взял, чтобы мне по коже водить, то по шее, то по груди, потом внутри бедра, ничего так, даже приятно, когда не щекотно. Расстегнул все у меня, ножом поводил, потом залез сверху.

— Он тебя изнасиловал, — полуспросила Ай-

ранэ.

— С чего бы? — удивилась Тиара. — Он мне ноги ведь не связывал. Я его в любой момент могла скинуть и ногами придушить. К тому же я потом кольцо посмотрела, через которое веревка продета. Я бы его за секунду из стены вырвала. Ну, это был не лучший секс в моей жизни, но, наверное, самый довольный мужик. Меня под конец тоже разобрало, я обычно в такой момент обниматься лезу, не всегда заканчивается хорошо, а в этот раз еще и руки связаны, я его ногами обняла сзади и притянула слегка, ну, мы поорали вместе…

— Он выжил? — уточнила Айранэ.

— Я ж говорила, он доволен остался! Деньги мне предлагал, придурок несчастный, звал пожить у него.

Айранэ покачала головой. Судя по всему, у низших это было каким-то фетишем, идеей фикс — жить вместе. Не осознавая полного безумия этой затеи, едва только получив какое-то короткое удовольствие от секса, без понимания всех механизмов совместного бытия, ставя на заведомо проигрышный квадрат все свои силы, нервы и деньги, низшие упрямо стремились к общему проживанию — и неизменно проигрывали, так как не было ни мудрых тетушек, ни возможно-

сти разойтись по дальним спальням, ни денег, которые не решают всех проблем, но способны смазать острые углы и сделать набитые шишки не такими болезненными.

— Я деньги взяла в итоге, мне они явно нужнее, чем ему, — продолжила Тиара. — И визитку его приняла. Представь — низший с визиткой!

Ну, если у него собственный дом, почему бы не быть и визитке? Айранэ представила — насколько сложно человеку без семьи, не важно, низшему или высшему, купить отдельный дом в Твери или даже во Ржеве. Множество разрешений, согласований, затем постоянные проверки… Государство облегчает все процессы для семей и усложняет для одиночек, при этом ждет дивидендов в виде образованных, умных детей, двигающих прогресс вперед.

На Мадагаскаре нащупали какие-то новые точки, в которых ты можешь двигать мир вперед без какого-то всеобъемлющего образования, без вкуса, без такта, без семьи. И — дали тебе возможность иметь дом и получать секс.

— Это такой мадагаскарский высший, — пошутила Айранэ. — Низший с домом и визитками.

— То есть я могу купить тут дом? — уточнила Тиара. — И напечатать визитки?

— Тут — да.

Айранэ вышла из душа, промокнула волосы полотенцем, завязала на голове тюрбан. Аккуратно вытерлась.

— Красивая ты, — спокойно сказала Тиара, и Айранэ, стоящая к ней спиной, улыбнулась. — Только худая сильно. Сплошные мослы, мужику ухватиться не за что.

Улыбка сошла с лица. Айранэ вспомнила юность, балетную школу, куда она ходила до одиннадцати лет. Преподавательницы мечтали ее оставить — но родители были непреклонны.

Балет требовал больше времени, чем она могла ему дать. Ей нужно было хорошее образование, чтобы удачно выйти замуж.

И как только оставила балет, она смогла наконец нормально есть. Это было счастье. А в тринадцать встретила Алессу, свою преподавательницу классического танца, и та сказала: «Ну ты и разожралась!»

С тех пор Айранэ никогда не считала себя худой. Пока не увидела фото Раннэ. И сейчас, услышав слова Тиары, снова поняла: есть и другой мир. Мир, в котором нет классического балета и она, Айранэ, вовсе не «разожравшаяся девочка», а «худая, одни мослы».

И самое страшное — возможно, так ее воспринимали не только Тиара и Раннэ, но и Володя, и — кто знает — другие мужчины?

Из чемодана появились легкие бежевые летние штаны, расширяющиеся книзу, бюстгальтер-невидимка телесного цвета, белоснежная майка и бежевая пелерина.

Заканчивали ансамбль белые балетки, в которых Айранэ когда-то специально походила пару дней по музею, чтобы слегка их разносить.

— Ты же не пойдешь в этом? — с ужасом уточнила Тиара.

— Почему?

— Ну… Там грязь. Булыжная мостовая. Известь на стенах. Пыльные автомобили. Я в темном-то ухайдокиваю одежду за день!

Айранэ тяжело вздохнула:

— Девочка моя, мы носим не одежду. Мы носим — образ. А запачкать можно только конкретную вещь, главное при этом не перестать нести образ.

— Ты чего это сказала? — уточнила Тиара.

— Я процитировала нашего преподавателя по сценическому костюму. Я все равно не влезу в твою шкуру, как и ты — в мою. Давай я оставлю тебе темные подворотни и пыльные машины,

а себе — светлые залы и бумажные стаканчики с латте?

— Да я не против, — ответила Тиара.

— И еще, — разошлась Айранэ, — тебе — мальчики с ножами в кедах на босу ногу, а мне — Володя.

— Володей могла бы и поделиться, — брякнула Тиара и зажала рот рукой. — Шутка. Не нужен он мне, герой этот малахольный. Вечно ломается всем телом и встревает в истории!

— Как-то неправильно он всем нужен, — сказала негромко Айранэ. — Правильно — это когда то, что нужно мне, только мое. А не когда я должна это делить со всеми подряд и они говорят, что это еще и их, а не только мое.

— Да твой он, твой! Ты — его жена, он — твой муж. Найдем эту сучку Раннэ, сломаем ей ноги. Потом предложим Володе честный выбор — поехать домой с целыми ногами или же поехать домой со сломанными. Он вообще умный?

— По школе помню — сообразительный был, — задумчиво ответила Айранэ. — Но с тех пор он далеко вырос, и я уже не понимаю куда.

За время беседы она слегка поработала над лицом. Тиара явно порывалась спросить, что изменилось, потому что не было ни туши, ни

помады, только немножко тонального крема и совсем чуть — пудры.

И самый правильный ответ был бы — «ощущение себя», потому что те невесомые изменения, которые произошли с лицом, большинство окружающих не заметит, — точнее, они заметят то, насколько Айранэ стала увереннее, а увереннее она стала в том числе потому, что правильно и вовремя сделала несколько мазков на лице.

— И где твоя милиция?

В милиции сообщили, что ни Раннэ, ни Володю они не арестовывали. Зато за последние два года было не менее десятка случаев, когда фальшивые милиционеры кого-то арестовывали и этих «арестованных» никто и никогда больше не видел.

Вместе с милицией вернулись в гостиницу, где Надира описала липовых правоохранителей. Выяснилось, что камеры, висящие над входом и ресепшеном, кто-то заглушил — точнее, исказил сигнал, и сейчас там в цифровой ряби едва угадывались фигуры преступников, Раннэ и Володи.

— Почему вы не объявите о том, что есть мошенники, прикидывающиеся вами? — старательно замедляя речь, спросила Надира.

— Это увеличит недоверие ко всей милиции, — ответил пухлый капитан, его речь мгновенно перевелась невидимым ретранслятором в женскую. — Нас и так не то чтобы сильно любят, а после этого каждое задержание превратится в…

— Жогов цирк с кровавыми медведями, — выдала Айранэ, и милиционер кивнул, глядя на нее с уважением.

— И что, всё, списали Раннэ с Володей? — уточнила Тиара. — Кого раньше воровали-то?

Милиционер поморщился, вытащил планшет из кобуры, некоторое время возился, затем со-

общил:

— Вообще раньше только мужиков крали, всего двенадцать известных случаев, все — от двадцати до тридцати одного года, низшие. У нас тут нейросетка прикручена, она там что-то у себя внутри ворочает, смотрит статистику по потеряшкам и дает предположение, что на самом деле таких случаев было не менее тридцати, просто до нас не все дошли. Завтра можете поехать в центральный офис милиции, на улице Матери Жадарк. Спросите лейтенанта Сашу Николяевича, он ведет это дело, расскажет все, что знает.

— А не знает он ничего, — заявила Тиара. — А если что знает — нам не доложит, потому что это мужское дело, а мы бабы и искать нам там нечего. Так?

Милиционер пожал плечами, и по его лицу было видно, что он слегка обиделся — он со всей душой, помогает, а ему в ответ вот такое.

Тем не менее он написал на листке адрес центрального офиса, четырехзначный внутренний телефон и даже нарисовал схему, к кому обратиться, — насколько поняла Айранэ, спрашивать что-то у дежурного на входе бессмысленно.

А потом коротко попрощался, почему-то отдал честь Тиаре и сбежал.

— Раннэ и Володя не подходят под схему, — сказала Тиара. — Раньше брали только низших мужиков, а тут — девку и высшего.

— Насколько сильно они вам нужны?

Айранэ пожала плечами:

— Мне нет смысла возвращаться без Володи.

— Что вам вообще от них нужно? — спросила Надира.

— Какая разница? — Айранэ чувствовала усталость и разочарование. И без того не самая приятная поездка оказалась бессмысленной.

— Это важно, — настаивала Надира.

— Володя — муж Айранэ, — ответила Тиара. — Сбежал с этой сучкой, Раннэ. Мы приехали поговорить с ними и вернуть его обратно.

— С Мадагаскара выдачи нет, — тихо и как-то очень проникновенно сказала Надира. — Если он не захочет, вы никак не сможете его забрать. И еще — непонятно, что вы собирались делать с Раннэ.

Айранэ прикоснулась к предплечью Тиары, которая явно собиралась рассказать про сломанные ноги, и негромко, в тон хозяйке гостиницы, ответила:

— Мне нужно с ним поговорить. Он уехал, бросив пару фраз, и оставил меня один на один

со своей семьей, поверь, там такой клубок скорпионов, что возможность поехать за мужем, выяснить, что же он имел в виду, — это отличный повод чуть отдохнуть от них. Насчет Раннэ — да плевать мне на нее. Хочу ли я ее убить? Врать не буду: если она сдохнет, я не огорчусь. Но делать ей что-то плохое сама не буду. Много чести.

— Много чести, — странным, каким-то хриплым голосом повторила Надира. — Поклянись… Нет, поклянитесь обе, что вы постараетесь вернуть Раннэ живой.

Тиара с Айранэ переглянулись. Хозяйка гостиницы явно намекала на то, что она что-то знает. Что-то, что поможет вернуть пропавших.

— Если ты поклянешься, — сказала Тиара, — я запираться не буду.

— «Запираться»? — удивилась странному выбору слова Айранэ. — Ладно, я клянусь, что постараюсь вернуть Раннэ сюда живой. Но только если это не будет мешать выжить мне, Володе и моей компаньонке.

— Я тоже клянусь. — Тиара коротко приложила ладонь к груди. — Ну, выкладывай.

— Мне надо сделать звонок, — ответила Надира.

После этого она подошла к ресепшену и на

стационарном телефоне набрала номер. Таких — старинных — аппаратов Айранэ не видела очень давно.

— Алло, крыст паран тышич, — заговорила Надира с кем-то.

— Это чего такое? — удивилась шепотом Тиара.

— Может, какой-то мертвый язык? — также шепотом ответила Айранэ. — Раньше существовало несколько культур, у которых были свои языки. Медики, механики, моряки говорят по-своему.

Тем временем Надира начала орать на собеседника, затем успокоилась и словно бы заискивала. Иногда она по минуте, а то и дольше выслушивала ответ, при этом то кивала, то мотала головой — но молчала.

— Персы точно говорят на общей речи? — уточнила Айранэ.

— Да точно, точно, — ответила Тиара. — Чуть мягче, напевней, что ли.

— Идите сюда, — потребовала Надира. Она была вся взъерошена, потная, на лице возник румянец, делающий ее некрасивой. — Смотрите.

Она развернула к гостям большой монитор, на котором появилось видео, снятое камерой со здания напротив. Из гостиницы выводили Раннэ

и Володю со связанными за спиной руками двое милиционеров.

К гостинице подкатил высокий черный фургон, загородив выходящих, а через мгновение он тронулся в путь, и, когда отъехал, из дверей вышла Надира, посмотрела в камеру и резкими движениями дважды перекрестила руки перед лицом, а затем указала вслед уехавшему фургону. При этом каждый ее жест обводился ярко-красным выделением.

Видео поменялось: теперь это был плотный поток автомобилей в ракурсе с высотного здания. Айранэ не сразу поняла, куда смотреть, и Тиара ткнула пальцем — в потоке ехал тот самый черный фургон, и его силуэт выделялся красной обводкой.

Видео менялось еще шесть раз, фрагментами по несколько секунд, а затем просто оборвалось — вот очерченный алым автомобиль проносится по перекрестку, а потом бац — и черный экран.

— И что? — вкрадчиво спросила Тиара.

— Вот здесь их видели в последний раз, — ответила Надира, расстилая карту и тыкая в точку на окраине города. — Зеленым заштрихованы области, которые просматривают наши камеры.

Судя по всему, камеры просматривали почти

весь город, участков без штриховки было немного, и самый большой располагался рядом с тем местом, где видели фургон последний раз.

— У меня один вопрос, — осторожно сказала Айранэ. — Что находится в этом месте? Которое не видят ваши камеры?

— А у меня сто вопросов! — вмешалась Тиара. — Кто вы вообще такие? Что за язык, на котором ты разговаривала? Какого жога происходит?

Надира посмотрела на нее и криво усмехнулась.

— Если я расскажу, вам придется остаться на Мадагаскаре. Вы готовы?

— Нет, не готовы, — вступила в разговор Айранэ. — Так что там находится?

Надира кивнула, как будто выиграла в неком понятном только ей споре, и ответила:

— Будущий Музей Угнетения.

— Кого и кем? — уточнила Айранэ.

Надира задумалась, потом неуверенно ответила:

— Я раньше не пыталась разобраться… Для меня было очевидно, что это музей угнетения низших высшими. Но если подумать — прямо об этом не говорилось… Возможно, это будет музей угнетения мужчин женщинами… Или наоборот…

А может, музей угнетения саксов данами…

— Давно его строят?

— Лет двадцать, — ответила Надира. — И его не строят, а переделывают. Там бывшая военная база самообороны. Наследие кровавого мадагаскарского режима, который уничтожил весь свой народ.

— Может, это музей угнетения мадагаскарцев… — начала было Тиара, но Айранэ ее перебила:

— Если что-то строят двадцать лет, без разницы, что именно строят, потому что очевидно, это просто схема. Кому-то выгодна бесконечная стройка, и этот кто-то, судя по всему, имеет отношение к похищенным. Надира, ты можешь дать это видео…

Хозяйка гостиницы двинула мышкой и сказала:

— Айранэ, девочка, извини старую, стерла случайно, вот только что, а копии-то и нет!

— Хочешь, сломаю тебе ногу? — вкрадчиво поинтересовалась Тиара у Надиры.

— Извините ее. — Айранэ тронула Тиару, оттесняя ту в сторону. — Я понимаю, официально ты ничего делать не будешь. Кто именно там сидит, ты не знаешь. Может, туда есть другие входы?

— Помогла, чем смогла, — сухо ответила Надира. Ей, судя по всему, очень не понравился пассаж про сломанную ногу.

— Спасибо.

В номере Айранэ сунула токен компьютера в монитор-телевизор, загрузила свою систему, дернулась было проверить почту, но потом решила, что есть более важные дела.

Через карту открыла фотографии старой военной базы со спутников. На заросшей джунглями площадке стояли старые, успевшие заржаветь бульдозеры, краны и экскаваторы.

— Увеличь вот это, — сказала Тиара.

Айранэ послушно увеличила. Тиара начала хохотать. Для смеха никаких предпосылок не было: бетонный куб со стороной метра три, подернутая ржавчиной дверь высотой метра полтора — нагибаться придется не только женщинам, но и мужчинам, причем даже низшим.

— Это… Это… — давилась хохотом Тиара. — Я не могу…

— Твое чувство юмора меня пугает, — призналась Айранэ.

Тиара грохнулась в жалобно скрипнувшее кресло и некоторое время тряслась от смеха, потом понемногу успокоилась и, все еще улыбаясь от

уха до уха, сказала так, будто это все объясняло:

— Это «Сильвестр-три».

— И что? — уточнила Айранэ.

— Вас вообще ничему не учат? «Сильвестр-три»! Шесть лет назад на Кипре из тюрьмы для особо опасных преступников сбежали четырнадцать женщин, трех из них, самых злобных сук, все еще ищут по всему миру. Не помнишь?

Айранэ пожала плечами. Шесть лет назад она занималась восстановлением своей карьеры после первой дочери и уж точно не отслеживала побеги преступников на Кипре.

— Охранная система оказалась жоговой, — пояснила Тиара. — Подносишь любой электронный ключ, прикладываешь ухо к двери и в зависимости от того, что слышишь, бьешь по разным местам вокруг замка. Если все делаешь правильно — через три удара дверь открывается. Как же это назвала на лекции средняя мать? «Критическая уязвимость охранной системы». А знаешь, почему я смеялась?

Айранэ снова пожала плечами.

— Потому что в Твери, Торжке, в каждой задрипанной провинции всех окружающих дистриктов, почти по всему Славянскому Союзу и в большей части остальных стран мира стоял

этот самый «Сильвестр-три»! Производитель проиграл суд и разорился, замена системы на одной двери — под двадцать тысяч рублей. В Твери на всех базах и во всех офисах самообороны поменяли все полностью. В Торжке — только на внешних дверях. В глубинке так и стоят. Я когда в командировку еду и забываю ключ, ну или, например, холодно и мне лень снимать перчатки, я прикладываю ключ от домашней двери, он у меня в бушлат зашит, а потом подбираю удары и захожу.

— Сильно надо бить? — уточнила Айранэ.

— Чем точнее знаешь, куда именно бить, тем слабее удары. Но я не парюсь, просто бью трижды со всей дури примерно куда надо, и дверь открывается.

— И здесь такие двери?

— Именно!

Айранэ посмотрела на фото. Можно было обратиться в самооборону. Позвонить Анаит, чтобы она заставила местных помочь. Она еще не знала, что Володю похитили.

Можно было пойти завтра в милицию, найти того лейтенанта с уже потерянным в лабиринтах памяти именем и попробовать что-то сделать через него.

Но это всё завтра.

— Там сейчас ночь, — сказала Айранэ.

— Все спят, — подтвердила Тиара, и в ее глазах зажглось предвкушение.

— Если ты будешь бить по дверям, то проснутся?

— Нет, конечно, это же внешние двери, дальше шлюз-предбанник, потом вторая дверь, такая же, а дальше лестницы-лифты-коридоры. Причем на верхних ярусах только казармы, если это стандартная база самообороны, а она, ну я вот точно говорю, стандартная. Никто ничего не услышит, пока мы не окажемся внутри!

— Но правильнее — действовать через Анаит, — почти решилась уже Айранэ.

— По статистике, — сурово сказала Тиара, — если пропавшего найти в первые сутки, то в восьмидесяти процентах случаев он жив. Каждый следующий день забирает по двадцать процентов, и на пятый день шансов почти нет.

— Это вам такое рассказывают?

— Да не, это я с одной следовательницей бухала, она нашу группу на захват брала, потом сели, выпили, она таких вещей рассказала, что, если бы я не скинула напряжение перед выездом, раз десять бы заблестела!

Айранэ тяжело вздохнула и еще раз посмотрела на фотографию.

Бетонный куб выглядел пугающе и маняще.

— У них база в центре столицы, — сказала она.

— Да это ж просто мужики, — ответила Тиара. — Я таких десяток положу, не отрываясь от пива. Только это… Если я кого-то слегка слишком сильно тресну, ты потом своей маме скажи, что я не со зла и только спасая вашего Володю.

Как ни странно, эта фраза что-то выключила в Айранэ, и той стало совсем не страшно. Вспомнилось, как она выполняла задание Славы в больнице. Вспомнились его слова о том, что на самом деле она изначально подготовленный идеальный солдат, которого просто поставили рожать и делать карьеру.

— Мне нужно оружие, — сказала она. — Какая-нибудь палка.

— Ну вот еще, — ответила Тиара. — Тебе нужно мачете для путешествий по джунглям. Я сейчас.

Она вышла из номера.

Айранэ снова посмотрела на фотографию. Увеличила еще немного, так что изображение чуть размылось, сдвинула в сторону, еще, еще. Там кто-то был.

Выделила фрагмент. Нажала на кнопку улуч-

шения нейросетью. Нейросеть написала: «В выделенном фрагменте: Животное; Человек; Предмет; Иное; Не знаю». Выбрала «Человек». Нейросеть запустила статус-бар с быстро бегущими процентами, а потом выдала три изображения — седая женщина с костью в носу, лысый мужчина с татуированной головой и ребенок непонятного пола с жуткими ранами на лице.

«Среди вариантов есть устраивающий вас? Да/Нет». Айранэ нажала «Нет» и пробормотала: «Жогова хрень».

— Вот оно, — зашла Тиара и выставила лезвием вперед клинок длиной почти в метр. В последний момент, когда казалось, что она ткнет закругленным острием в Айранэ, Тиара ловко перехватила его, и теперь протягивала оружие рукоятью, обмотанной неприятно выглядящими кожаными полосками.

Айранэ взяла мачете-переросток и сразу ощутила его немалый вес. Кроме всего прочего, центр тяжести оказался смещен ближе к концу расширяющегося лезвия, что делало оружие еще более неудобным.

— Сейчас пристроим. — Тиара подошла к Айранэ и крайне фамильярными движениями начала застегивать на ней портупею.

Айранэ понимала, что для Тиары это норма. Такие, как она, скорее всего, помогают друг другу с разгрузками, бронежилетами, спусковыми системами — как это произошло в больнице, так недавно и так давно.

Но для нее это было ненормально. Она — девочка из высшего общества и привыкла ощущать подобную близость либо когда люди представляли явную угрозу, либо если дело шло к сексу.

А сейчас не то и не другое, а что-то третье.

— Всё, подруга, — довольно сказала Тиара. — Давай мачете.

«Подруга»! Айранэ никогда не думала об этом, она просто жила в системе логики, в которой не водилось ни подруг, ни друзей. Всегда была только наполненная знакомыми звуками, запахами и прикосновениями семья: вначале своя, с родной матерью, а потом сразу, без перерыва, — семья мужа, с фальшивой мамой, которую даже нельзя называть иначе.

Тиара на роль подруги подходила меньше всего. Низшая, скорее сообразительная, чем умная, скорее повидавшая мир, чем образованная.

В Тиаре не было ни грамма изящества, ее не учили, как вести себя при встрече, как держать приборы на званом обеде и как можно чихнуть

на приеме, не выглядя при этом идиоткой и не компрометируя семью.

Но при этом Тиара была единственной, кто назвал ее, Айранэ, подругой, — и в ее устах это не звучало ни натужно, ни глупо.

Просто констатация.

Мачете легко вошло в ножны за спиной.

— Попробуй достать… Эй, эй, эй, стой!

Тиара подошла сзади и некоторое время дергала ремни, переводя рукоять на другую сторону.

— Давай еще раз, только уверенно, быстро — но без суеты.

— А иначе? — уточнила Айранэ.

— Иначе ухо себе отрежешь, и у Раннэ будет преимущество в одно ухо.

— Тогда я отрежу ей оба уха, и преимущество в одно ухо будет у меня! — выдала Айранэ, и они обе рассмеялись.

На удивление мачете вытаскивалось легко и совсем мимо уха. Сложнее было с засовыванием его обратно, но Тиара сама показала, как выставить локоть, и с третьей попытки Айранэ вернула клинок в ножны, а потом несколько раз подряд попала без проблем.

— Ну ты молодец, подруга, — с уважением сказала Тиара. — Занималась с холодняком?

— Балет и немного гимнастики, — ответила Айранэ.

Сонная Надира вызвала им такси, и, к удивлению подруг, за рулем оказался мужчина.

— Жогов Мадагаскар, — проворчала Тиара, которая, видимо, не могла понять, что делать с таким таксистом. Она привыкла жить в женском мире, в котором, сталкиваясь с мужчиной, надо либо вломить ему, либо отыметь, либо вломить, а потом отыметь, и пухлый пожилой усатый таксист никак в эту схему не вписывался.

— Удивлены? — спросил мужчина, едва машина тронулась. — На нашем острове свобода и равенство!

Автоматика переводила его слова почти мгновенно.

— И сестринство, — добавила Айранэ, и таксист кивнул.

— У меня галочка в профиле стоит, что я не против возить женщин. Потому что женщины чаще дают на чай! — довольно сказал он.

Айранэ при этом подумала, что, если вдруг водителем окажется женщина, а везти она будет мужчин, шансы на чай тоже будут неплохими.

Потому что по непонятной причине чаще всего хочется казаться лучше для чужих. На своих

плевать, а для чужих — все самое-самое. И в этом точно было что-то неправильное, но что именно, с ходу вычленить не получалось.

— Вон там, под странным деревом, — попросила Тиара.

— Это мангровое дерево, там устье старого ручья, его несколько лет назад засыпали, и дерево начало засыхать, тут такие демонстрации…

Айранэ было интересно дослушать, но Тиара выскочила из автомобиля, едва тот остановился. Пришлось последовать за ней, высыпав в сухую ладонь мужчины несколько монет, раза в полтора больше, чем стоила поездка.

— Не пойдем, — решила Айранэ, глядя на высокий бетонный забор. — Я звоню Анаит.

— Подожди! Подумай сама: у них люди годами исчезают, и они не могут их найти. А мы за час выясняем, где источник проблемы. Не странно?

— Ты к чему клонишь?

— Да они покрывают злодеев! — уверенно сказала Тиара. — Причем я бы предположила, что самооборона, но, может, и милиция. Пойдешь через Анаит, и нам с тобой тихо отрежут в кустах головы, а матушке твоей скажут, что так и было и мы сюда уже без голов прилетели.

— Бред, — ответила Айранэ, но некоторое со-

мнение у нее зародилось.

— И еще одно! — Тиару настигло вдохновение. — Вот, предположим, все сделаем по правилам и дня через три — потому что быстрее не бывает — вскроем с самообороной базу, залезем туда и найдем только трупы. Жог с ним, с Володей, но ты ведь даже не сможешь врезать по лицу Раннэ! Она уже мертвая будет!

Тут Айранэ кое-что сообразила.

— Ты любишь драться, — сказала она.

— Ну, есть немного, — смутилась Тиара. — Но повод должен быть! Без повода вообще не то. Я пробовала.

— Мы лезем в смертельно опасное место, чтобы ты могла подраться, — поняла Айранэ.

— Сегодня да, — подтвердила Тиара. — А завтра сделаем что-нибудь хорошее для тебя, то, что я не люблю. Например, сходим на балет. Для этого и нужны подруги, да?

«Подруги»!

Айранэ замерла на мгновение.

Она сама не понимала уже, что творится у нее внутри.

Если бы не было истории со Славой и тем доктором — Володиевичем, она никогда не зашла бы так далеко.

А сейчас от нее требовалось зайти еще дальше.

— Ладно, — сказала она. — Но если я порву балетки, купишь мне новые.

— Сколько стоят?

— Сто рублей.

— Как шесть пар берцев! — заорала Тиара и тут же прикрыла себе рот. — За эти тряпки с подошвой из овечьей кожи?

Айранэ наконец поймала равновесие внутри. Она подошла к стене и показала Тиаре — мол, давай. Наступила в соединенные руки, спружинила и прыгнула вверх, мгновенно перелетев двухметровый забор, кувыркнулась в полете и почти идеально приземлилась, раскинув руки в стороны, как учили когда-то на уже основательно забытой гимнастике.

— Ты легкая… — пропыхтела перелезающая через забор Тиара. — Я тебя метра на четыре вверх точно кину…

— Слава матери, этого пока не требуется, — пробормотала Айранэ. — Нам куда?

Тиара, перед вылазкой всего раз взглянувшая на карту, двигалась в темноте по парку легко и уверенно. Айранэ, которая не понимала, где они находятся, порывалась достать телефон и посмотреть — хотя зачем, она же все равно не помнила,

куда именно они бегут.

— Здесь осторожнее, корни, — предупредила Тиара. — Тут левее берем, какая-то канава.

Бежали минут семь, но они показались вечностью.

— Ноги не побила? — уточнила Тиара, внезапно остановившись. — Я пару раз чуть не подвернула.

— Нормально, — ответила Айранэ, подняв вытянутую ногу почти под нос подруге.

— Жогский ужин! — выругалась Тиара. — Ты их не только не порвала, они же чистые!

За грязную обувь родная мать меняла стакан березового сока на стакан воды — Айранэ помнила это из детства. Лет в семь она почти не пила сок, а в десять могла пройти по раскисшей земле, не запачкав белоснежные балетки.

И при этом ей не приходилось стараться специально — например, смотреть, куда ставить ногу. Она просто шла — и оставалась чистой.

— Далеко еще? — уточнила она.

— Да вот же, — удивилась Тиара.

И тут же стало видно — они около бетонного куба, заросшего кустарником. Дверной проем выделялся чуть более темным пятном на фоне мрака стены.

Тиара поднесла электронный ключ от гостиничного номера к двери, прислонившись ухом рядом с ним.

— Сраный хофский «Сильвестр», — пробормотала она и еще раз поднесла карточку.

Когда она так сделала в третий раз, Айранэ почувствовала: внутрь они не попадут.

Но на четвертый раз Тиара раскрытой ладонью нанесла двери удар, каковой, придись он в грудь Айранэ, по меньшей мере сломал бы ей несколько ребер, а то и убил бы.

После первого, не останавливаясь, Тиара нанесла еще два таких же удара — один чуть ниже, второй чуть выше и левее.

В двери отчетливо щелкнуло, больше ничего не произошло.

— Землей поросла, — пояснила Тиара и носком берца прочертила линию на стыке низа двери и почвы, потом несколько раз повторила движение, каждый раз все мощнее и мощнее, пока не освободила и не распахнула дверь.

Внутри едва светилась «вечная» лампа с толстой нитью. Свет от нее распространялся не больше чем на четверть метра, но Тиара уверенно вошла внутрь, сделала несколько шагов во тьму, обернулась и громко прошептала:

— А дверь чего не закрыла?

Айранэ пожала плечами — не объяснять же, что ей страшно закрывать единственный путь обратно? — и захлопнула створку, снова услышав явственный щелчок.

Тиара тем временем уткнулась щекой в следующую дверь, на этот раз она нанесла удары после первого же «прослушивания», распахнула тяжелую, десятисантиметровую в толщину стальную створку и вошла, махнув рукой спутнице — мол, не отставай.

Здесь лампы вспыхивали там, где они шли, — круг света был диаметром метров шесть и показывал длинный коридор, под небольшим углом спускавшийся вниз, с дверями слева через каждые десять метров.

— Пандус для снабжения столовой, запасной, — загадочно сказала Тиара.

— Почему запасной?

— Потому что основной с грузовым лифтом.

— Но тогда там — основной лифт, а тут — основной пандус, — логично заметила Айранэ.

— Ну не тупи, это всегда так называется! Лифт — основной! Пандус — запасной!

Тиара шептала громче, чем большинство людей разговаривают.

— Хорошо, — согласилась Айранэ. — А почему у тебя с первой дверью не сразу получилось?

— Сверчки, — пояснила подруга. — Птицы, насекомые, ветер. Шум ужасный, я думала, вообще не получится, не слышно ничего! Но на мгновение подутихло, я карту приложила и слышу — шуршит замок! Хочешь научу?

— У меня сил не хватит, — покачала головой Айранэ.

— Сила нужна, когда слух плоховат, — призналась Тиара. — У тебя как со слухом?

— Балетмейстер не жаловалась.

Вспомнился класс после занятия, все стоят у станка. Алые уши у Таньки Вольгодской, которая спутала две темы. Балетмейстер подговорила сидевшую за роялем музыкантшу, и та поменяла порядок тем. Все перестроились, а Танька не сообразила.

Темы были очень похожи, сложно винить девятилетнего ребенка, но балетмейстер это не учитывала, она требовала, чтобы они — весь класс — соответствовали идеалу.

И они соответствовали.

Но время от времени кто-то выпадал и получал удар линейкой по рукам, а то и мерзкую пощечину, не столько болезненную, сколько

оскорбительную, после чего из школы балета можно было сразу уходить.

Айранэ только один раз, еще в шесть лет, заработала свое наказание линейкой. После этого она была идеальна.

Всегда.

— В общем, смотри. — Тиара подошла к двери, прислонилась ухом, поднесла отельную карточку. — «Сильвестр» находится вот тут.

Она показала рукой прямоугольник с основанием сантиметров в сорок и высотой в метр.

— Когда подносишь карту, он пытается открыть замок и трижды щелкает на ригелях, с которыми, естественно, не совпадает, потому что карта не та. При этом нужные ригели приподнимаются, и, если их подтолкнуть в правильной очередности, они упадут, и дверь откроется. Если ничего не делать, через двадцать секунд ригели встанут обратно, и надо опять подносить карту.

— И как понять, куда бить? — уточнила Айранэ.

— Ты ухо прикладываешь по центру прямоугольника и слышишь, где срабатывают ригели. Потом бьешь. Чем лучше слух, тем точнее и легче удар.

Айранэ встала ухом к двери, взяла карту,

поднесла ее к считывателю. Три легких, едва слышных щелчка раздались слева вверху.

Не раздумывая, она трижды ударила основанием ладони в разные места в квадрате сантиметров десять.

— Чего так сла… — начала говорить Тиара, и тут дверь открылась. — Что, серьезно?

Они заглянули внутрь. Там было затхлое, едва освещенное «вечной» лампой складское помещение, заставленное мешками.

Прыскнула крыса.

— Жогская дрянь! — заорала Тиара и с размаху закрыла дверь, едва не пришибив ею Айранэ.

— Ты боишься крыс? — уточнила та.

— Неожиданных крыс! — ответила Тиара. — Если я ее ожидаю, то убью, конечно. А если не ожидаю — могу сдохнуть от сердечного приступа… Мерзкие, мерзкие твари! Не будем об этом. Пока ты не откроешь следующую дверь, я не поверю, что это не было случайностью.

Прошли десяток метров, Айранэ легко открыла следующую дверь, потом еще одну и еще. Везде были старые мешки, набитые чем-то затхлым. В конце она била совсем легко, углом ладони — настолько слабо, что при этом даже не было звука хлопка.

Это так впечатлило Тиару, что та сказала:

— Чего ты по музеям прохлаждаешься? Давай к нам, в «Кровь с молоком»! Тебе как высшей сразу дадут младшую тетку, глазом моргнуть не успеешь, как станешь матерью, будешь всякие мои косяки покрывать!

— У вас не очень хорошо относятся к балеткам, — ответила Айранэ. — А берцы мне носить никак нельзя, я в них не чувствую своего шага.

— Ну и ладно, — легко согласилась Тиара.

Они подошли к широкой двери и встали.

— Дальше столовая, — сказала Тиара. — Точнее, «быстрая» кладовка, куда кладут размораживаться продукты, ну и вообще все то, из чего будут сегодня или завтра готовить.

— Там кто-то может быть?

— Вряд ли, — с сомнением ответила Тиара. — Тут так пыльно. Лифт хоть изредка, но ломается. Опять же, генератор — то газ к нему кончится, то масло. Тогда идут по запасному пандусу. А наш зарос пылью, и дверь в земле сантиметров на десять.

— Значит, там никого? — уточнила Айранэ.

— Ну откуда я знаю? — возмутилась Тиара. — Открывай.

Она достала пистолет, сняла с предохранителя.

Айранэ приложилась ухом, пикнула карточкой — на этот раз сработали четыре щелчка, три обычных и один очень слабый, на самой грани слуха. Она стукнула по всем точкам, по четвертой чуть сильнее.

Дверь распахнулась.

— Четырехточечные не открываются же… — пробормотала Тиара.

В помещении было светло и очень холодно. Комната пять на пять метров оказалась заставлена полутора десятками больничных каталок, на шести из них лежали обнаженные мужчины с оскаленными, искаженными от боли лицами.

Все они были возраста Айранэ — плюс-минус, и все — низшие.

— Нормальные же еще мужики, — негромко сказала Тиара. — Что за твари это сделали?

Айранэ первым делом проверила, что дверь в следующее помещение закрыта и что на стенах не видно камер.

Затем пригляделась к трупам.

У всех у них были разрезы на раздувшихся животах, посмертно зашитые суровой нитью. Также у каждого на большом пальце левой ноги висела типографская бирка с четырьмя словами: «Класс А», «Класс Б», «Брак» и «Утилизация», причем у

всех напротив последнего слова стояла аккуратная синяя галочка.

Цвет пасты и ширина указывали на то, что пометка сделана перьевой ручкой. До шестого класса Айранэ мучилась с такой же, потом всем разрешили пользоваться обычными, шариковыми. Но та — или тот, — кто ставил эти галочки, выучился в школе для высших раньше, когда разрешали только перьевые, а за каждую кляксу или неправильную толщину линии сурово наказывали.

— Надо звать подкрепление, — сказала Айранэ и достала телефон.

Сигнала, впрочем, не было.

— Если этих тварей убьет кто-то другой, я никогда себе этого не прощу, — ответила Тиара и — Айранэ могла в этом поклясться — с нежностью погладила лоб ближайшего трупа.

— Ты знала его? — уточнила Айранэ.

— Его? — удивилась Тиара. — Нет, конечно. Но нельзя так с молодыми мужиками. Они же нормальные! Не косые, не больные, смотри, ноги какие ровные!

Айранэ покачала головой. На ноги мертвых мужиков она смотреть не собиралась.

— Я предлагаю сфотографировать их, вернуть-

ся и…

— И тебе скажут, что это обычный морг, скорее всего даже не местный, — ответила Тиара. — Если ты не хочешь в качестве доказательства прихватить один из трупов.

Айранэ нахмурилась. На самом деле она рассматривала такой вариант. Взять кого-нибудь помельче — и на Тиаре дотащить до ближайшего офиса самообороны.

— Я не потащу мертвеца, — твердо сказала та, догадываясь, в какую сторону разматывается логическая нить размышлений подруги.

— Ну они ж нормальные, — сказала Айранэ. — Не больные… Не косые… Ноги, опять же, ровные!

Некоторое время они смотрели друг на друга, а потом расхохотались — но без веселья. Это был нервный, истерический смех.

— Находим больше доказательств — и сразу назад, — сказала Айранэ.

— Согласна, — тут же ответила Тиара.

Следующая дверь вела в темный пустой коридор, вдоль стены которого лежали штабелями одна на другой штук десять больничных каталок. Здесь было тепло и воняло хлоркой.

Коридор вывел в помещение столовой — но вместо столов тут стояли ряды стоек, на кото-

рых висели «скафандры» — полные комплекты прорезиненной формы, со шлемами и сапогами, герметично соединяющимися с комбинезонами.

— Зачем это здесь? — удивилась Тиара.

— А что это?

— Ты никогда не участвовала в Буре? — ответила подруга вопросом на вопрос. — Ага, кривишься, понятно. В общем, если тебе нужно войти в Бурю и остаться при этом в нормальном рассудке, надеваешь «скафандр» и молишься Великой Матери, чтобы он не оказался дырявым.

— И часто он оказывается… дырявым?

— Никогда, — ответила Тиара. — Их же проверяют на специальном оборудовании. Небольшие дырки затягиваются; чтобы уже не восстановился — нужен разрез. Я про такие случаи даже не слышала, хотя, говорят, вроде в Индии случай был… Ты чего?

Айранэ достала мачете и пошла вдоль рядов с одеждой, делая надрезы на сапогах, под клапанами, с помощью которых сапоги крепились к штанинам комбинезона. Надрез в этом месте не затягивался и при этом с первого взгляда был незаметен.

— Кто бы здесь ни хозяйничал, — сказала Айранэ, — что бы они ни делали… Даже если они

нас остановят…

— А ты молодец, — кивнула Тиара, достала из-за голенища берца короткий метательный нож и пошла параллельно подруге, надрезая сапоги. — Дельно.

Всего костюмов было чуть больше сорока, справились за пять минут.

Встали перед дверью на выход.

Тиара вновь достала пистолет и сняла его с предохранителя. Айранэ отметила, что не видит, как подруга ставит оружие на предохранитель, зато каждый раз наблюдает, как снимает.

Нахлынул страх. Не боязнь смерти или боли, а страх неизведанного, чуждого, непонятного. Казалось — вот пусть напал бы кто-то, пусть ударил бы, даже и убил, но только не вот это ожидание непонятно чего.

— И я сама, своими ногами… — прошептала Айранэ.

— Давай уже, — одними губами сказала Тиара, и в тот момент, когда подруга прислонилась ухом к двери, в той щелкнул замок.

Они обе отпрыгнули назад на несколько шагов каждая.

Дверь открылась, и показался мужчина, низенький, в застиранной майке и шортах, сде-

ланных из старых джинсов, с кучей плетеных нитяных фенек на обоих руках и с голым татуированным черепом.

Входя, он что-то жевал, но, едва увидев перед собой Тиару, мгновенно вытянул из кармана пистолет.

Айранэ даже не заметила, как она это сделала. Вот она отпрыгивает от открывающейся двери — а в следующее мгновение плачет, пытаясь вытянуть мачете из разрубленной ключицы лысого мужика.

— Ну все, все, не время сейчас. — Тиара левой рукой походя погладила Айранэ по голове, а ножом в правой перерезала горло сипящего. — Ты молодец, давай, идти можешь?

Айранэ делала то, что просила Тиара. Помогла дотащить труп до «холодной» и взгромоздила там на одну из пустых каталок, затем вернулась и вместе с подругой начала замывать непонятно откуда взявшимися бумажными полотенцами пятно крови на полу, а потом просто сдвинула лежащий неподалеку половик на пятно — но опять же не думая.

— Всё, всё, пришла в себя? — бормотала Тиара. — Это же первый твой?

— Первый — Володя, — бездумно ответила

Айранэ.

— Володю потом убьешь, если захочешь, — погладила Тиара подругу по голове. — Надо идти дальше.

— Может, назад? — уточнила Айранэ. — Я не хочу дальше.

— Назад — поздно.

Встали к двери, из-за которой появился лысый.

— Ты почему не выстрелила? — спросила она у Тиары.

— Да я увидела, что он пистолет с предохранителя не снял. Думала, оглушу его, потом допросим. А тут ты.

— То есть я зря…

Вся бездна непоправимого поступка обрушилась на Айранэ. Пока внутри билась мысль, что она спасала подругу, это хотя бы частично оправдывало происшедшее.

Но если подруга была вне опасности…

— Ну чего ты, чего, ты молодец, все правильно сделала, спину прикрыла, ты же не видела то, что я вижу!

Айранэ даже не заметила, как Тиара ее обняла. Высвободилась и сказала:

— Я должна вернуться к балету.

— Вернешься, — кивнула Тиара.

— Не вернусь, у Анаит на меня другие планы.

— Плевать на эту хофскую сучку.

О том, что можно наплевать на Анаит, Айранэ никогда не думала. То есть маму можно было любить, ненавидеть, с ней можно было соглашаться или спорить.

Но вот игнорировать ее было совершенно невозможно.

И при этом — очень, очень заманчиво.

Какая-то мысль родилась в недрах мозга, но пока отмахивалась от попыток рассудка зацепить ее и вытащить для анализа.

— Идем дальше? — уточнила Тиара.

— Идем дальше, — подтвердила Айранэ и приложилась ухом к двери.

— Попробуй это, — протянула ей карточку подруга.

Карточка была незнакомой: зеленой, с оранжевыми полосками. Айранэ потребовалось не менее десятка секунд, чтобы понять: это — добыча с мертвого врага.

Она поднесла карточку к двери, и та распахнулась.

Впереди оказался длинный, хорошо освещенный пустой коридор. Через тридцать метров обнаружился лифт.

Айранэ приложила к нему карточку — хорошо, что она нашлась, тут же совсем другие двери, проще сломать, чем открыть.

Тиара держала раскрывающиеся створки под прицелом, но там никого не оказалось.

— Куда едем? — спросила Айранэ.

— Сюда, — показала Тиара на самую стертую кнопку с приклеенной сбоку рукописной надписью «Четвертая лаборатория».

Если бы у нее было время подумать, она и сама бы выбрала именно эту кнопку, причем не только потому, что она единственная с подписью.

Куда важнее то, что надпись сделана той же рукой и той же перьевой ручкой, что и галочки на бирках на ногах трупов.

Двери закрылись, но ничего не произошло. Он не двигался. При этом Тиара выглядела собранной. Айранэ обнаружила, что теперь у подруги в руках два пистолета. Видимо, второй был трофейным.

Она на мгновение удивилась, почему ей не выдали второй, но потом сообразила — она же не умеет им пользоваться.

А потом двери лифта открылись, и, хотя коридор выглядел так же, это совершенно точно был другой этаж, потому что там, в коридоре, стояло

человек пять в синих больничных халатах и белых марлевых масках.

Айранэ нажала самую верхнюю кнопку, но двери остались в открытом положении.

А потом над ухом у нее взорвался выстрел, затем следующий, и еще.

— Беги! — заорала Тиара. — Я прикрою!

И Айранэ рванула вперед, перепрыгивая через трупы и стенающих раненых. Перед ней выскочил еще один в синем халате, раздался выстрел, и синий упал. Затем грохнул еще один выстрел, и повалился незамеченный синий впереди.

А потом, уже ближе к концу коридора, выскочили сразу четверо — причем все в майках и шортах, и с пистолетами в руках, и двое тут же вернулись, а остальные двое вжались в ближайшие дверные проемы, чтобы их не подстрелили, а по центру коридора осталась только Айранэ.

Не размышляя, она приложила пропуск к ближайшей двери с надписью «Профессор медицины Аванта Честер» и ввалилась внутрь.

Там, в большом кабинете, уставленном стеллажами и книжными шкафами, в глубоком сером кожаном кресле за высоким широким столом, заваленным бумагами, в наушниках и с повязкой на глазах дремала пожилая женщина в идеаль-

ном белоснежном халате.

Айранэ захлопнула за собой дверь, привалилась к ней спиной, а затем, понимая, что в ближайшее время ее начнут отсюда выковыривать — и шансов у нее не так чтобы много, достала свою гостиничную карточку, приложила ее к панели считывателя и прислушалась.

Три ригеля: два вверху и один внизу. Айранэ мягко, очень мягко, продолжая слушать, ударила по первому — он дошел до верхней точки, но не перевалился. По второму — с таким же эффектом. А затем по третьему.

Затем достала трофейную карточку, приложила к двери — та пикнула, но не открылась.

Айранэ заблокировала дверь.

Снаружи раздался выстрел, затем еще один. Здесь, в кабинете, они слышались как слабые хлопки.

— Зафиксировать: на седьмой день больше не давать эфтримицин, это приводит к ослаблению плода, — громко и четко сказала сидящая позади женщина.

Айранэ мгновенно обернулась. Картина не изменилась — дама сидела в той же позе, в наушниках и с повязкой на глазах.

Стало ясно, что женщина не спит. Она так ра-

ботает.

Айранэ, стараясь не шуметь, подошла ближе. Перед женщиной был открыт журнал, а в нем — уже знакомым идеальным почерком расписаны двухчасовые смены; все фамилии иногда повторялись. Напротив фамилий в прошедших сменах местами стояли комментарии — например, «суетится» или «молодец».

Снаружи раздалась очередь. Кто-то стрелял из автомата, и вряд ли Тиара. Надо было заканчивать то, с чем Айранэ могла справиться сама.

Уже тронув рукоять мачете, Айранэ внезапно испытала сомнение. А вдруг она все неправильно поняла? Может же быть, что это нормальная больница, секретная, не вполне обычная, но честная — и в ней лечат людей?

А все те мужчины были больны, например, проказой?

И тут же сама ответила себе: «А чем болели Володя и Раннэ?»

И в тот момент, когда она уже почти решилась, когда сжала рукоять, чтобы выхватить мачете и обрушить его на голову даме, в дверь громко, со всей дури, заколотили.

Женщина в халате двигалась неестественно быстро. Она, не снимая повязку, чуть повернула

голову, видимо, увидела силуэт Айранэ, после чего крутанула кресло, оттолкнулась от стола ногами и вбила Айранэ в промежуток между спинкой кресла, шкафом и стеной.

Айранэ в последний момент чуть подпрыгнула, и потому удар пришелся не по ребрам, а по прессу и ощущался слабее.

Из этого положения ей было никак не достать мачете, поэтому она протянула вперед руки, схватила женщину за голову и попыталась свернуть ей шею.

Однако та легко выскользнула, отскочила на пару шагов и встала — уже без наушников и повязки — напротив Айранэ, за столом. В левой руке у нее была длинная перьевая ручка.

«Левша, — подумала Айранэ. — Я должна была понять по наклону».

Отодвинув кресло, она подошла к столу и вынула из ножен за спиной мачете. Женщина с ужасом глядела на лезвие, Айранэ тоже посмотрела туда и увидела потек крови и слегка выщербленный край лезвия там, где он врубился в ключицу.

— Мы высшие, — вкрадчиво сказала дама. — Мы должны быть выше этого всего.

Почему-то Айранэ показалось важным понять, что за акцент у женщины. Почему-то это было

особенно необходимо после провала с наклоном в почерке. Канада? Нет. Может, Новая Зеландия? Может.

— Австралия? — уточнила Айранэ.

— Честеры живут только в Лонде и Сиднее, — с гордостью ответила дама. — Ты разве не видела табличку на двери?

Видимо, все высшие всего мира должны были знать, кто такие Честеры.

— А я Волкова, — зачем-то сказала Айранэ и тут же поняла, насколько фальшиво и беспомощно прозвучала фраза. Словно безродный щенок пытается примазаться к славной фамилии. Ну какая она Волкова? Вот Анаит — это Волкова! А Айранэ так, заготовка Волковой…

— Я знаю Волковых, вы из Твери, — удивленно сказала дама.

В этот момент табличка на двери совместилась в голове Айранэ с этой дамой, и она наконец поняла: это она — Аванта Честер. Профессор медицины.

Даже вспомнилось, что Аванта что-то такое великое сделала не так давно и об этом везде писали, но все это было довольно далеко от интересов Айранэ, и она уже не помнила, что именно.

— Из Твери, — подтвердила Айранэ. — И вы

похитили Володю Волкова, моего мужа.

— А! — обрадовалась Аванта. — Тогда ясно! Сожалею, девочка, но в этой ситуации вынуждена признать: шансов остаться в живых у тебя немного. Можешь считать, что ты станешь жертвой науки. Косвенной, конечно, потому что основной будет твой муж.

Профессор отошла еще на шаг, косясь на мачете, и быстро взглянула назад — туда, где долбились в дверь ее помощники.

— Мачете у меня, и я моложе, — намекнула Айранэ. — На твоем месте я бы подумала, прежде чем угрожать.

Профессор спиной отступила до двери, прижалась к ней щекой и крикнула, сильно, почти до мужской замедлив речь:

— Ну чего вы там?

Ей, видимо, что-то ответили, потому что она продолжила, вновь замедляясь:

— Ну так возьмите мастер-ключ у Санди!

Потом повернулась к Айранэ и со снисходительной улыбкой сообщила:

— Такие тупые, ты не представляешь! Знаешь, я подумываю о том, чтобы временно оставить тебе жизнь. Я обитаю три месяца здесь, три в Сиднее и к исходу второго месяца на Мадагаскаре готова

на стену лезть от того, что не с кем нормально поговорить!

Айранэ понимала, что, как только она выйдет с мачете из-за стола, ей придется попытаться убить профессора. Но Аванта выглядела такой нормальной, что казалось — сумасшедшая здесь именно Айранэ. Сумасшедшая убийца с окровавленным мачете.

— Чем вы занимаетесь здесь? — уточнила Айранэ.

— Наукой, — ответила невозмутимо Аванта. — Медициной.

— Вы убиваете мужчин.

— Не сразу! — быстро вскинулась Аванта. — Согласись, девочка, просто убивать мужчин — плохой тон. Вначале их нужно использовать, и далеко не все знают, как правильно. Можешь мне поверить, я делаю это максимально качественно и плодотворно. Да-да, именно плодотворно!

Аванта добродушно рассмеялась.

— У трупов вспоротые животы.

— Потому что их использовали плодотворно! — Профессор прислушалась. За дверью ничего не происходило, и ей это явно не нравилось. — Одиннадцать лет назад из Лонды приехала моя двоюродная сестра Авалона. Приехала с позором.

Мы соревновались с ней — кто добьется большего, у кого будут более яркие мужчины, чьи мужья достигнут вершин в карьере раньше. Я чаще догоняла, хотя бывала и впереди, но в тот момент я выиграла полностью и окончательно. Вначале я радовалась, а потом поняла, что жизнь без цели — ужасна.

— Это как-то относится…

— Терпение, девочка, терпение.

Айранэ понимала, что Аванта тянет время. Но с другой стороны, никакой мастер-ключ не откроет заблокированную дверь, в которой ригели встали намертво.

РАССКАЗ АВАНТЫ

Если у тебя не было подруги-соперницы, тебе этого не понять. Мы обе из рода Девошир, я чуть старше. Я устанавливала рекорды в школе, она их побивала. Я первой вышла за Честера. Лучшая партия в Лонде!

Она вышла за его младшего брата. Мы с мужем уехали делать карьеру в Сидней, они остались в Лонде. Деньги, мужчины, карьера — мы брали вершины одну за другой. У меня была лучшая пренатальная практика, у нее — пост в министерстве иностранных дел и перспектива стать

послом в Бейруте или Славянском Союзе.

Потом она оступилась. Я не выясняла подробностей, мне это неинтересно, она кого-то там чуть не убила во время Блеска. И ее сослали в Сидней. Она явилась ко мне как побитая сука. Я надавала ей пощечин и заставила начать карьеру с нуля — в археологии, к которой у нее тоже была склонность.

Но кто бы надавал пощечин мне? Потому что у сестры появилась соперница — она сама прошлая, а у меня не было никого. Смысл достигать вершин, если твой триумф не будет подтвержден завистью и яростью соперницы?

Молчи, девочка, молчи и слушай.

У меня была депрессия, когда я наткнулась на исследование ногтя жога. Ты представляешь? Жог где-то в Аргентине подстриг ногти, их выкрали, продали ученому, а тот на этой основе написал статью в научный журнал. Блестящую статью, открывающую новую страницу в области регенерации тканей. Сейчас на базе той статьи — и некоторых других материалов, но об этом позже — мы уже можем говорить о том, что можно восстанавливать полностью утраченные зубы!

И я в тот момент поняла: жоги среди нас. Живые носители уникальной научной информации. Ты

знаешь, что купить труп жога почти невозможно, а стоит он баснословных денег? Фанатики, которые позволяют им жить рядом с собой, сжигают тела своих богов-жогов.

Я решила, что должна принести в мир то, на что не решался никто до меня. Да, я хотела разводить жогов.

Молчи! Я знаю твои доводы наизусть: мол, они живые и разумные. Я добавлю — еще и смертельно опасные! Да, все так, и все это не имеет смысла, когда мы говорим о науке и о благе всего человечества.

Вначале я искала мужчин, которые хотели бы родить жогов. Но у меня не было опыта, а процесс оказался не просто сложным, но и чудовищно опасным. Пара неудачных попыток отбила у меня желание действовать в одиночку.

Работа в команде — не для меня. Мне не нужны были партнеры. Мне нужны были руки, и я нашла их в виде одной секты в северо-восточной Индии. Они ловили мужчин, проводили терапию, которая почти убивала жертв, а затем оплодотворяли их, ждали, когда плод разовьется до определенной стадии, затем убивали обоих, а нерожденного ребенка использовали для создания снадобий и косметики.

При этом они были религиозными фанатиками и садистами. Их искали и милиция, и самооборона, и даже другие секты и культы, а еще несколько влиятельных семей, которым эти идиоты перешли дорогу в разное время.

Их лидеров арестовали или убили, секту — в ней состояло больше трех тысяч человек! — рассеяли по миру. Я подобрала один из осколков, с полсотни адептов. Я дала им возможность заниматься тем, что они умели лучше всего, а сама просто была рядом ради науки.

С ними был единственный выживший жог. Они любили и боялись его, я забрала мальчика к себе в Австралию и превратила его в научный артефакт: он вошел в историю, двинув медицину и науку так далеко, как этого не делали ни великая Авиценна, ни Парацельс.

Не поправляй! Да, конечно же, нельзя сравнивать великих врачей прошлого с мелким уродцем, но я не стала забирать все лавры себе. Я поставила ряд экспериментов, провела множество наблюдений и выложила результаты в облако для всего научного содружества.

А сектантов, которым грозили тюрьма, смерть или прозябание, я забрала на Мадагаскар, где купила участок со старой базой под реконструк-

цию. Да, мне приходится платить штрафы за то, что реконструкция немного задерживается…

Мои помощники раскрыли мне все свои тайны. Теперь я умею заставить мужчину забеременеть. Но я все еще не могу довести его до стадии родов. Но чувствую близость прорыва: мне удалось достать двух связанных между собой людей. Жога и его двоюродного брата, твоего мужа.

Ранее мы экспериментировали только с низшими. Они мрут как мухи, у них нет ни стиля, ни здоровья. Плохое питание, нерегулярные физические нагрузки, зачастую — употребление табака, алкоголя и наркотиков!

Володя Волков — это идеальный мальчик из идеальной семьи, в самом расцвете своих мужских сил. К тому же его родному дяде удалось не только родить, но и прожить еще несколько лет! А вытяжки из секрета живого жога обеспечат Володе выносливость.

Мы стоим на границе величайшего открытия. Поставив производство жогов на поток, мы сможем увеличить длительность жизни людей в полтора, а то и два раза! Речь, конечно же, не обо всех. Только о тех, кто может себе это позволить, — о самых ярких и сильных женщинах.

Айранэ дослушала Аванту. Под конец ее под-

ташнивало от отвращения.

К этому времени слышно было, как возятся за дверью с мастер-ключом — и не справляются.

— Видимо, это надолго, — с досадой признала Аванта.

— Пора заканчивать, — согласилась Айранэ. — Ты слишком мерзкая.

Выйдя из-за стола, Айранэ шагнула к противнице, занося мачете, когда та направила на нее ручку и сжала ее.

В Айранэ полетела струя чернил, до лица она не достала, однако испачкала пелерину.

— Что… — начала говорить Айранэ, когда ее язык свело.

А затем свело и все остальное, и она рухнула.

— Не хотела я доводить до этого, — бормотала над ней Аванта. — Второй такой ручки у меня здесь нет, придется писать гелевой, а это унизительно… Как жаль, что при открытии контейнера с парализующим веществом ручку больше невозможно использовать по назначению!

Некоторое время поблизости раздавались шорохи, а затем Айранэ потеряла сознание.

— Эй!

Кто-то тормошил Айранэ в темноте, холоде и пустоте. Почему-то казалось, что это должны быть ушастые медведи.

— Эй, очнись, ну пожалуйста!

— А-а-а-а-а… — простонала Айранэ. — Ты кто?

— Раннэ, — ответила невидимая собеседница. — Меня похитили.

— Но только после того, как ты украла моего мужа, — пробормотала, окончательно приходя в сознание, Айранэ. Она ощутила смутно знакомый запах, а еще легкую заторможенность.

Ее перестали трясти. Айранэ ощупала пол — прохладный, но не ледяной, скорее всего какое-то пластиковое покрытие, точно не паркет и не балетный линолеум.

Встав, Айранэ прошла до стены — там был холодный бетон. По стене двинулась до угла и за минуту проверила весь периметр. Подпрыгнула — вначале осторожно, потом увереннее и наконец изо всех сил — и до потолка не достала. Сняла пелерину, смяла в комок и подкинула вверх, по шороху определив высоту.

— Извини, — сказала наконец Раннэ. — Я, по-моему, люблю его.

— Два сорок в ширину, три в длину, три два-

дцать в высоту, — ответила Айранэ.

— Что?

— У тебя есть электронная карта?

— Что?

— Может, мне надо было дурой прикинуться? — задумчиво спросила Айранэ. — Вот я думаю о том, что я неправильно делала, может, надо было попробовать с ним больше общаться, может, попробовать поругаться с ним, как-то его расшевелить. Может, секс разнообразить. Как думаешь?

Раннэ не ответила. По шороху Айранэ поняла, что ее соперница отползла в сторону, видимо опасаясь, что эта безумная высшая начнет драться.

— А сейчас я с тобой разговариваю и понимаю: он, видимо, просто не дорос еще до взрослых отношений. Ему нужна тупая, простая баба. И здесь я уж точно никак с тобой конкурировать не смогу.

Раннэ не ответила, но начала сопеть — ее эти слова явно задели. Айранэ усмехнулась.

— Я, наверно, отдам его тебе. Это самое простое. А когда он немного поумнеет, у него просто выбора не останется, кроме как тебя бросить…

— Хватит! — рявкнула Раннэ. — Я не тупая! Я руководила распределенной командой разработ-

чиков, больше тридцати человек! И среди них было шестеро мужчин! Мы выпустили идеальный продукт! А твоя Анаит закрыла проект! И повесила на меня долги за разработку!

— И ты так отомстила? — попыталась понять Айранэ.

— Нет!

Некоторое время ничего не происходило, потом раздались всхлипывания. Айранэ глубоко вздохнула, подошла к Раннэ, села рядом и слегка обняла соперницу.

— А чего ревешь?

Раннэ на мгновение перестала всхлипывать и напряглась. Потом разрыдалась уже в голос. Айранэ покачала головой, закатила глаза и подумала:

«Великая Мать, какая же я дура».

После чего уже крепко обняла Раннэ и прижалась ухом к мокрой щеке. Некоторое время всхлипывания продолжались, потом постепенно затихли.

— Ну всё, да? Всё? — спросила тихо Раннэ.

— Чего «всё»?

— Ну, ты приехала… Если выберемся отсюда, заберешь его себе, да?

— Так-то он мой, у меня и свидетельство о браке

есть, — сварливо ответила Айранэ. — Ты вообще на что рассчитывала?

Раннэ высвободилась из объятий.

— Ты слышала фразу «С Мадагаскара выдачи нет»?

— Вообще да.

— В общем, изначально была «черная тропа», или «тропа ошейника», еще ее называли «Великий путь плача» — сеть дорог работорговли, где сотнями лет продавали низших мужчин и женщин, из Африки, из Азии, даже из Европы и Америки. В какой-то момент появилась другая история — «золотая тропа», это пути, которыми можно было сбежать от хозяев, поменять документы, получить новое имя и новую жизнь.

— Это все какая-то старая история, — уверенно ответила Айранэ.

— Это все до сих пор есть и работает. — В голосе Раннэ появилась твердость. — Из Персии или отдельных индийских княжеств до сих пор бегут люди от невыносимой жизни, которая хуже смерти. Несколько лет после покупки Мадагаскара с острова действительно не выдавали людей, но потом высшие нашли какие-то лазейки, научились оформлять сбежавших как преступников, и с Мадагаскара стали выдавать. Но пока выдачи

не было, люди из «золотой тропы» устроили здесь свою штаб-квартиру. А потом сделали это место перевалочной базой. Это не какой-то сверхсекрет, и, в общем, многие знают. Мне дали почту, я на нее написала свою историю, как Анаит повесила на меня долг и что мне нужно сбежать. С мужчиной. Мне обещали помощь.

— Эта, как ее, Надира вроде бы… — начала Айранэ.

— Да, — подтвердила Раннэ. — Они хорошие люди. Должны были нас прикрыть. А если бы приехала погоня, то проследить за ней, предупредив нас.

Айранэ прокрутила в памяти все события — и таксистку, которая легко нашла в гигантской столице нужный отель, и отслеживание по камерам — недоступное даже милиции.

— И вы бы просто исчезли?

— Я не успела сказать Володе, — призналась Раннэ. — Но он бы точно согласился.

— С чего ты взяла?

— Я спросила его. — Тут Раннэ пробормотала что-то так тихо, что даже Айранэ с ее тонким идеальным слухом не разобрала.

— Что спросила?

Некоторое время низшая молчала, видимо со-

бираясь с духом, а затем сказала:

— Я спросила, женился бы он на мне, если бы не был женат!

— И он?

— Он ответил, что да!

Айранэ в этот момент почувствовала себя одновременно оскорбленной и — неожиданно — настолько свободной, какой не была никогда в жизни.

— Доказательств все равно никаких нет, — заметила она осторожно.

— Почему нет? — удивилась Раннэ. — Он мне сказал это через приложение, которое ускоряет речь. А все, что идет через приложение, автоматически пишется в облако. Потом на этих датасетах я дообучаю нейросетевую модель.

— У всех? На облако? — уточнила Айранэ.

— Ну конечно. Для нейросетевых моделей нужны большие массивы данных, чем больше, тем лучше.

Айранэ попробовала вспомнить все, что она говорила на Мадагаскаре в присутствии приложения, и о том, что говорила в Торжке. Ха, Ариадна-то, наверное, про облако не в курсе! Эта информация стоила денег, вот только надо было понять, кому ее продавать, за сколько и точно ли

надо это делать.

— Фактически он сделал тебе предложение, — подытожила Айранэ. — При живой жене.

— Ну, на самом деле не совсем, — забормотала Раннэ.

— Тихо! Дай подумать.

Айранэ чувствовала, что у нее в руках набор кусочков пазла, которые пока что не складываются в единую картину — но скорее потому, что то ли она чего-то не видит, то ли кусочки еще не все.

— Странное такое ощущение, — сказала Айранэ. — Но наверное, это из-за того, что́ мне вколола Аванта.

— Нет, это тарди, — ответила Раннэ. — Он здесь распрыскан. Брр! Мерзость, ненавижу.

Тут стало понятно, откуда это ощущение. Опять же, если противники в основном мужчины, использование тарди вполне логично.

— А почему «брр»? — уточнила Айранэ.

— Я пробовала пару раз, мне очень не нравится, — ответила Раннэ. — Нет полноценного контроля. Работаю медленнее. Ужасно!

Айранэ кивнула. Сама она к тарди относилась спокойнее и, как и любая другая высшая, работающая иногда с мужчинами, понимала, что это — полезное, необходимое зло. А для общения с

маленькими мальчиками — вообще единственно возможное.

— Так у тебя есть какой-нибудь пропуск? Ключ-карта? — уточнила она.

— Меня обыскали и все вещи забрали, — ответила Раннэ.

Айранэ кивнула. У нее тоже отобрали всё.

— Есть, конечно, вживленный ключ…

— Поясни?

— Ну, пару лет назад модно было среди разработчиков, — ответила Раннэ. — Вживляешь чип в ладонь, прописываешь на него ключ от дома, от офиса, разблокировку компьютера, выключение света в спальне по хлопку…

Айранэ закрыла глаза. Все-таки есть шанс, что Володе нравятся именно глупые.

— У тебя с собой, прямо в твоей руке, есть чип от классической ключ-карты, работающий в нескольких диапазонах, так?

— Да.

Дальше было просто: Айранэ подвела соперницу к двери, показала, куда приложить руку, сама при этом прижалась ухом к створке.

Здесь снова было четыре щелчка: три явственных и четвертый чуть слышный, совсем на грани. Айранэ четырежды хлопнула в нужных местах, и

дверь распахнулась.

— Этому учат всех высших? — поинтересовалась, зажмурившись от яркого света, Раннэ.

— Только Волковых, — ответила Айранэ, выглядывая в коридор и тут же захлопывая дверь — мимо бежал со штурмовой винтовкой в руках лысый татуированный мужчина в футболке и подштанниках. — Давай еще раз.

Во второй раз в коридоре никого не было. Айранэ, едва выйдя, оглянулась на Раннэ. Молодая, мелкая, пухлая — по балетным меркам прям даже толстая, а то и жирная. Не безобразно обрюзгшая, как это встречалось среди низших, но и подтянутостью высших явно не пахло. Количество вопросов к Володе увеличивалось.

— А как это вообще — быть Волковой?

Айранэ подняла палец — мол, тихо, внимание, не сейчас. Коридор заканчивался двумя дверями — налево и направо. Сзади послышался шорох, пришлось схватить руку Раннэ и приложить к считывателю левой двери, в мгновение открыв ее тремя хлопками, и, не разбираясь, что там внутри, втолкнуть туда соперницу и заскочить за ней, оставив опасность снаружи.

А в комнате — большой, метров пять на десять, не меньше, — стояли шестеро молодых лысых

татуированных парней, натягивающих «скафандры».

— У нас гостьи, — сказал один из них, и Айранэ с удивлением отметила, что хорошо его понимает, а потом вспомнила про тарди.

— Вали сучек! — заорал другой и рванул вперед, упав между скамеек, так как не до конца надетый комбинезон спутал ему ноги.

Айранэ оглянулась, увидела и схватила швабру, стоящую у входа, и крутанула ею перед собой. Раннэ держалась за спиной Айранэ.

«Вот теперь я здесь самая старшая и сильная».

Лысые парни натянули комбинезоны — по какой-то причине это казалось им важнее, чем немедленно напасть на женщин.

А затем пошли вперед. И вот здесь Айранэ оценила коварство тарди: наркотик позволял ей нормально слышать то, что говорят мужчины, но делал ее медленнее, чем они.

Их сковывали костюмы и неумение драться в команде, но, отмахиваясь шваброй, Айранэ чувствовала: еще два-три движения, и кто-нибудь из них проскользнет мимо древка, а потом они ее повалят.

Ситуация отчасти возбуждала — не в том смысле, что Айранэ нравилось происходящее, а в том,

что, если бы у нее не было секса чуть дольше, сейчас начался бы Блеск.

И в этом плане надетые «скафандры» давали нападавшим немалое преимущество — если бы она «заблестела», они бы продолжили нападение как ни в чем не бывало, так как не почувствовали бы ничего, защищенные прорезиненной тканью.

Один из нападавших вырвался вперед, и она ткнула его своим страшным оружием, попав прямо в солнечное сплетение. Двое с боков обошли неудачливого товарища, и один вцепился в швабру, а второй скользнул вдоль древка, но тут свет мигнул и сменился на алый, а еще завыла сирена.

— Жог вырвался! — заорал один из тех, кто был позади, и парни — включая того, кто получил удар в солнечное сплетение, — мгновенно потеряли интерес к Айранэ, развернулись и рванули в обратную сторону.

Раннэ бросилась за ними, догнала последнего, напрыгнула ему на спину и повалила. Айранэ подошла ближе, дернула завязку под клапаном и сорвала шлем с головы неудачника.

— Другой выход есть? — спросила она.

— Три лифта, — сказал он, стуча зубами. — Парни побежали к рабочему, есть еще для начальства

и грузовой. Мы на минус тринадцатом этаже, если пена пойдет, умрем.

— Веди к грузовому, — сказала Раннэ.

— Пена? — спросила Айранэ, двигаясь за ковыляющей парой — Раннэ держала парня за руку, выкрученную за спиной, и общая скорость их небольшой команды приближалась к черепашьей.

— Противопожарная пена, перекрывает доступ воздуха к пламени и ко всем, кто попал под руку, а без воздуха…

В качестве доказательства на пути в узком коридоре попалась мигающая на стене зеленая надпись «Пена, уходи». Айранэ вспомнила, что пару раз видела такие надписи вроде в каком-то банке и в офисе самообороны, но внимания тогда особого не обратила. Мало ли какие табло вешают на стены.

Выскочив к лифту, парень приложил руку к считывателю, и на табло проявилось: «–2», через пару секунд «–3», затем «–4».

— Грузовой самый медленный, — тихо сказал парень.

— А начальственный самый быстрый, — догадалась Айранэ.

А потом из бокового прохода в небольшой холл

перед лифтом высыпало сразу с десяток мужиков — часть в синих халатах, часть в зеленых, один в белом и пара в скафандрах. Они напирали, и выставленная вперед швабра не казалась достаточной защитой.

— Разойдись! Разойдись! — орал кто-то сзади, толпа раздалась, и показался татуированный лысый мужик лет сорока со штурмовой винтовкой. Он поднял оружие, прицеливаясь, казалось, прямо в лицо Айранэ. — А, сучки, из-за вас…

В этот момент сзади на него валькирией налетела Тиара. В руках у нее была странная тонкая дубинка, которой она легкими движениями раздавала удары.

От первого в нокаут отправился обладатель винтовки, следующим грохнулся на пол хозяин белого халата.

Возможно, если бы остальные навалились одновременно, они подмяли бы Тиару массой, но у них не было ни воли, ни лидера. Они побежали, а за ними, как Мать Возмездия, неслась фурия с гибким металлическим прутом.

А за ней, на ходу отщелкивая и тут же приставляя обратно магазин винтовки, спокойно шел Володя.

— Грбржрч? — уточнила Тиара на высокой,

недоступной Айранэ под тарди речи. Скорее всего, это было «Не ждали?», а может, и «Что встали?».

За миг перед этим звякнул лифт, и они дружно ввалились внутрь, а Володя нажал кнопку закрытия дверей. Створки съезжались неторопливо, и в последний момент в лифт заскочил один из татуированных мужиков в зеленом халате.

Лицо его было белым от ужаса, и он, не отрываясь, глядел на окровавленную тонкую дубинку в руках Тиары. Та же пока не била, внимательно глядя ему в глаза.

— Оральный эндоскоп «Савелий и сыновья», — пробормотал «зеленый». — Шестьсот сорок динаров. Защита от прокусывания.

Он явно был в шоке и не понимал, что говорит, — да даже и то, что вообще что-то говорит.

— Твой? — кивнул на эндоскоп Володя.

— Нет-нет, не надо! — заорал, выходя из ступора, «зеленый».

В этот момент дверь лифта открылась, он рванул наружу, и его сразу срезало автоматной очередью. Тиара бросилась на Айранэ, валя ее на пол, Айранэ зацепила, роняя, Раннэ, а «проводника» в скафандре перехватил за заломленную руку Володя, выталкивая перед собой и положив ему на плечо ствол своей винтовки.

— У меня… — начал говорить Володя, но ему ответили очередью, которая прошила парня в скафандре, заставляя его упасть на колени.

Заломленная рука не дала ему рухнуть. Володя присел за ним, прицелился в кого-то, кого снизу видно не было, и нажал на курок, после чего раздалась короткая очередь, ствол повело вверх.

Оттуда стреляли не переставая, труп парня в скафандре все время дергался.

— Отца вашего за ногу… — пробормотал Володя, что-то переключил и после этого стрелял уже одиночными. Он сделал пять или шесть выстрелов. — Есть!

Айранэ была уверена, что впереди настоящая бойня, но оказалось, что там, за выщербленной колонной, лежит, зажимая окровавленный под кромкой броника низ живота, единственный защитник холла на первом этаже.

— Папа, папа, папа, как же так… — бормотал он. — Ты же обещал, папа…

Тиара, походя, ударила его эндоскопом, и раненый затих. Она шла впереди, спокойная и уверенная, под звуки нестихающей сирены, озаренная миганием алых сполохов.

У Айранэ мелькнула мысль, что если бы она была мужчиной, то выбрала бы Тиару. Не себя

— худую и неуклюжую. Не Раннэ — пухлую и в чем-то глуповатую. А вот эту уверенную воительницу, яркую, сильную, надежную.

Скосила глаза на Володю — но тот не смотрел ни на кого из них, пытаясь выцепить взглядом возможного противника.

Тремя мощными ударами Тиара открыла большую дверь, и их компания вывалилась в гигантский холл, видимо, перед выходом из бункера.

Там собралось не меньше трех десятков мужчин в скафандрах, а между ними бегала и что-то вопила на высокой женской речи, которую они не могли разобрать, Аванта.

— НадоБылоВасСразуУбить! — на грани распознавания заорала она. Айранэ поняла, что тарди понемногу отпускает. — МояГуманность-ВсемуВиной!

Айранэ глянула на Володю и увидела, что он уже опустил винтовку на пол, а рядом положила свой эндоскоп Тиара.

Повернувшись к мужчинам, поняла и причину этого: среди них было человек шесть или семь с винтовками и еще пара с пистолетами, и все направляли свое оружие на них.

— ГрузитеГрузитеГрузите! — орала Аванта.

Стало понятно, что это не совсем эвакуация, — обладатели скафандров тащили к выходу тележки, наполненные коробками с черными картинками. Коробок было очень много, часть стояла рядом с Айранэ.

Она посмотрела — дорогой атласный белый картон, на нем надпись золотом «Черная серия», а ниже изображение флакона, как две капли воды похожего на один из тех, что были у Ариадны.

Снаружи, прорываясь сквозь звучащую здесь не так громко сирену, что-то гудело. Айранэ поняла: вертолет.

— Она не сможет забрать их всех, — сказала она.

— А-а-а-а о-о-о-оста-а-а-авши-и-и-ихся-я-я-я у-у-у-убье-е-е-е-е-ет, — догадался Володя. Его речь звучала понятно, но растянуто.

Стоя под прицелом, они не могли ничего сделать: Тиара попыталась осторожно передвинуться вдоль стены, но в полуметре от ее головы ударила пуля, и Тиара вернулась к остальным. Остальные и не пытались.

А потом, непонятно когда и откуда, появился он.

Красавец, юный гений, потрясатель миров — Ягайло. Айранэ раньше никогда не видела его,

кроме как в гробу, но узнала мгновенно.

Часть мужчин в скафандрах повернула оружие против него, но другие тут же обратили оружие на товарищей, а потом расстреляли друг друга в упор.

В гигантском холле стоящими остались только Айранэ со своими спутниками, Ягайло и Аванта.

— Давайте быстрее! — крикнул Ягайло. — Долго она не удержит, здесь на троих рассчитано!

Он говорил на «медленной», мужской речи, но Айранэ слышала его совершенно отчетливо. Аванта держала какой-то рычаг — видимо, если отпустить, створки сразу закроются.

Сзади зашипело, и с потолка посыпались хлопья пены. Айранэ бросилась вперед и обнаружила, что на самом деле она предпоследняя — сзади был только Володя, поминутно оглядывающийся назад.

«Там же никог...» — только успела подумать Айранэ, когда сзади раздалась очередь и ее резануло по ногам, а в следующее мгновение Володя стоял над ней, уперев приклад винтовки в плечо, и стрелял короткими очередями.

— Быстрее! Быстрее! — орал Ягайло, вокруг Айранэ ложилась крупными хлопьями пена, а в голове было только «Вот и всё... Всё... Заканчи-

вается...».

А потом она почувствовала, как ее подхватил на плечо Володя, обнаружила, что на втором плече — окровавленная Раннэ и они несутся вперед, а на рычаге висит с искаженным красным лицом и явственно выступающими венами Аванта, и рычаг медленно, но неуклонно сдвигается.

— Быстрее! — В голосе Ягайло прорезалась паника.

— Фла-а-а-а-ако-о-о-о-он! — кричал Володя.

Айранэ, проносясь мимо шипящей от невыносимого напряжения Аванты, увидела, что у той над лифом, между полами халата, висит черный флакон.

Не успевая даже подумать, что она делает, она схватила его, дернула, и этого оказалось достаточно для того, чтобы Аванта упала, а рычаг дрогнул.

Через мгновение Айранэ оказалась снаружи, она кувыркнулась вперед в клочьях вынесенной из бункера пены и поняла, что жива.

Обернулась — и увидела, что там, рядом с перерубленными дверью ниже колен ногами лежит Володя, а рядом с ним — безмолвная и в луже расползающейся крови — Раннэ.

Айранэ встала на ноги и поняла, что стоит — и

не падает. Болью пронзало правую голень, но, судя по тому, что Айранэ могла на нее опереться, кость осталась целой. Рядом, хромая, встала Тиара.

— Флакон… Раннэ… — пробормотал белеющими губами Володя, слова скорее угадывались по губам, чем слышались.

Айранэ посмотрела на него, затем на Раннэ. Она могла сейчас влить флакон в его губы. Могла не использовать его — тем более что не знала, что там и зачем оно нужно.

Но отдать снадобье Раннэ? Этой сучке, попытавшейся украсть у нее Володю?

Айранэ на мгновение задумалась. Тиара тронула ее за плечо, потом села на колени рядом с Володей, достала жгут и начала перетягивать ему ноги под коленями.

— Давайте быстрее! Сюда едут милиция и самооборона! — заорал Ягайло.

Айранэ обернулась — он стоял на подножке вертолета, а позади него один из пилотов в смешном глазастом шлеме методично выбрасывал из салона коробки с «Черной серией». Голос едва доносился из-за шума винтов, но проблем с пониманием все равно не было:

— Я не хочу их всех тут положить!

Айранэ тяжело вздохнула и подумала: «Ну ты и дура». А потом сковырнула пробку и вылила снадобье в синеющие губы Раннэ.

А в следующий момент уже тащила ее в сторону вертолета, хромая на обе ноги, хотя особенно сильно болела правая.

Тиара оказалась быстрее — она закинула Володю в кабину, затем спрыгнула, подхватила Раннэ одной рукой, а второй за шкирку затащила Айранэ в уже поднимающийся в воздух вертолет.

— Молодцы, что порезали костюмы этих придурков, — услышала Айранэ в шлемофоне, едва Тиара натянула ей его на голову. — Я запомнил ваш запах. Из десятка этих тварей у двоих оказались прорехи. Было непросто, пришлось разыграть шахматную партию и провести своих пешек в королевы, но, если бы не вы, меня бы просто убили.

Айранэ видела, что жог смотрит на нее и медленно шевелит губами. Он говорил на мужской речи, но она прекрасно его понимала, хотя действие тарди уже закончилось.

Она ничего не ответила, ей было все равно.

Не имело смысла возвращаться домой.

Хорошо, что теперь у нее есть другой план.

— Это что такое? — уточнила Айранэ.

— Это станок, — ответила плотник, презрительно выпятив губу.

— Если это станок, то я страус!

Плотник обошла Айранэ по кругу, затем присела чуть в стороне.

— Жду, когда улетишь!

— Страусы не летают! — рявкнула Айранэ. — Балетный станок имеет стандарт! Метр десять верхняя планка и три четверти метра — нижняя! А здесь метр и шестьдесят сантиметров! Или ты переделаешь, или я не буду платить!

На Мадагаскаре, может, и была какая-то дополнительная свобода, может, и существовало особенное равенство, а также какое-то непостижимое сестринство, но пока что Айранэ отмечала только чудовищные, по-настоящему жоговые лень, глупость и непрофессионализм.

— Хочешь, я сломаю ей ноги? — уточнила Тиара, сидящая на груде матов, стянутых в центр зала.

Маты нужно было продать, раньше в зале занимались борьбой. А теперь будут — балетом. Айранэ выяснила, что многие матери хотели бы приучить дочерей к высокому искусству, но на Мадагаскаре в связи с равенством и свободой

почти не было высших, а низших в других, менее сестринских странах к балету не подпускали.

— Мне нужны деньги, — заявила Тиара.

Айранэ уже жалела, что уговорила подругу остаться с ней на пару месяцев. Нет, денег было не жалко. Жалко было мадагаскарцев, потому что в отсутствие работы Тиара каждый вечер напивалась и искала нового парня, а если не находила — что тоже случалось, девушка она не для каждого, — то устраивала драку, а под утро приходилось выкупать ее из милиции или самообороны.

— Для тебя деньги опасны, — ответила Айранэ. — Без денег больше шансов подцепить мужика, а не оказаться в ночи с синяком под глазом в каталажке.

— Фингал у меня был только один раз, и то это я себе сама случайно заехала, когда промахнулась по той стерве… — Тиара из отповеди выхватила только то, что интересно ей. — Ну у тебя же куча денег! Ну тебе жалко, что ли? Десятку хоть дай!

Денег действительно хватало. Раннэ, счастливая от мысли, что она станет Волковой, оставила ей двадцать тысяч Володи — почти всю сумму без какой-то мелочи.

Кроме того, она передала еще флешку с про-

граммой, которую можно поставить поверх любой звонилки. Программа сама распознавала, что говорят мужчина с женщиной, и мужскую речь автоматически ускоряла, а женскую замедляла.

В Славянском Союзе продать такую программу было невозможно, а на Мадагаскаре — легче легкого. «С руками оторвут, бегать за тобой будут, деньги совать».

Вместе с флешкой Раннэ выдала еще и визитку. Визитка была знакомой, точно такую же Тиара получила после первой ночи любви на этом острове свободы.

Айранэ все собиралась позвонить и сходить к нему, но почему-то история с Тиарой путала все карты.

— Всё нормально? — Хозяйка зала, сдавшая его Айранэ, заходила каждый день и внимательно следила за происходившим.

По какой-то причине она не до конца верила в историю с балетом и подозревала, что в ее зале высшая вместе со своей охранницей откроют лупанарий или наркопритон.

Тиара ерзала на матах, ожидая, пока хозяйка проверит все углы на наличие засаленных кроватей и мужиков в тельняшках и без трусов.

Как только хозяйка вышла, Тиара сказала:

— Ну не даешь денег, так отпусти обратно в Торжок.

Отпускать Тиару пока что не хотелось. Айранэ не желала признаваться себе, но ей нужна подруга — и как поддержка, и как хрупкий мостик между понятным прошлым и смутным будущим.

— Я с тобой пойду.

— В кабак для знакомств?

— Мне тоже надо иногда, — смутилась Айранэ.

Время Блеска еще не подходило, а вот время супружеского часа, на который теперь можно было не рассчитывать, оказалось совсем близко.

Уже войдя в кафе, Айранэ поняла, что, если все будет хорошо, они разойдутся в разные концы столицы и Тиара останется без денег.

Сунула руку в карман широких брюк, не глядя достала несколько монет и, взяв руку Тиары, вложила их туда.

Судя по восторженному возгласу — переплатила.

Подошла хозяйка, толстушка, низшая. Кисло глядя на Айранэ, сказала:

— Вам тут вряд ли что-то светит, у нас приличная публика.

— Я попробую, — ответила Айранэ.

— За пиво вперед плати.

В заведении нашлось и вино. Айранэ заплатила сразу за бутылку и первый час медленно потягивала его, глядя на то, как подсаживаются мужчины к женщинам, как иногда встают и уходят пары.

К ней никто не садился, словно она была невидимкой. Не то чтобы все эти мелкие и плотные мужчины интересовали ее хоть даже самую малость, но просто подсесть-то! Поговорить пару минут, встать и уйти!

Некоторые мужчины обходили все занятые столы, с каждой девушкой разговаривали — кроме Айранэ. Ближе к концу часа ушла с пьяным счастливым матросом Тиара.

Забрали из-за соседнего столика мосластую торговку рыбой, пропахшую своим товаром.

Айранэ стала пить медленнее, понимая, что, возможно, придется просидеть еще не один час — а больше бутылки на вечер ей точно было не нужно, да и бутылки-то многовато.

Прислушалась — за столиком позади хромой пухлый столяр восторженно рассказывал низенькой девушке в боевой раскраске что-то про Башню Жога.

— …Представляешь? Самый настоящий жог! Вначале думали, что приедет самооборона или милиция и выкурит его оттуда, но прошел день, второй, третий… Самоубийцы туда лезут, на недостроенные этажи, а вниз никто не прыгает! А потом одна из этих идиоток спустилась за покупками и рассказала, что он им как учитель! И что если кто переродится и поймет, для чего ему жить дальше, — тех он выпустит в мир!

Айранэ покачала головой. Жог, занявший никому не нужную Башню Жога и сумевший встроиться в жизнь на Мадагаскаре, ее не удивлял. Она всего на пару часов оказалась с ним рядом, но помнила ощущение приязни, которое испытывала к нему.

Это было что-то чуждое, иррациональное, но при этом приятное. Настолько, что Айранэ больше никогда не собиралась подходить к жогу ближе, чем на пару сотен метров, хотя он явно показал ей, что она ему понравилась.

От скуки Айранэ открыла на новом телефоне архив с записями Анаит — доступ к облаку Волковых ей пока не закрыли — и включила случайную запись.

ЗАПИСЬ ИЗ АРХИВА АНАИТ

НОМЕР ДВАДЦАТЬ ТРИ

Бóльшая часть людей не хочет ничего, кроме того, чтобы их оставили в покое, давая наслаждаться мелкими радостями жизни.

Лучших из мужчин влечет вперед долг. Долг перед родиной, перед семьей, перед детьми, долг перед будущими поколениями, историей, культурой.

Звучит глупо, но это действительно так: лучшие мужчины начинают даже не с нуля, а с отрицательного баланса, и зачастую единственный способ расплатиться полностью для них – это умереть.

Лучших из женщин влечет вперед страсть. Страсть к совершенству, страсть к балету, страсть к детям, любимым подругам или мужчинам, страсть к искусству.

От долга можно устать, можно перегореть, долг убивает тебя.

Страсть – если она настоящая – остается в тебе навечно.

Прослушав запись, Айранэ внезапно поняла,

что ей это больше неинтересно.

Потому что — вот незадача! — она теперь стала незамужней. Она стала дикой. Айранэ покатала это слово во рту, примеряя на себя, и осознала: больше не пугает. Самый страшный ужас недавнего прошлого вдруг стал обыденностью, чем-то, к чему она шла сама, принимая все идущие вместе с ним риски.

Она стала дикой, и ее это полностью устраивало.

А потом в кафе вошел он и неспешно помахал хозяйке. Высокий для низшего, с широкими ладонями и мечтательным выражением лица. Не глядя на остальные столики, он сразу прошел к Айранэ, сел напротив и сказал:

— Я сегодня закончил копию «Дамы с собакой» Роберы Кампен и хотел бы это отметить.

— Фламандцы не самые простые для копирования, — ответила Айранэ.

Ее взгляд сам упал на его руки.

Он явно отмывал их, но на левой остался небольшой сиреневый мазок.

Хотя руки были необычно большими, они при этом оставались очень пропорциональными.

Неожиданно пришла мысль: хотелось бы, чтобы он обнял ее ими.

— Что? — Айранэ поняла, что прослушала слова собеседника, и покраснела.

— Не вижу смысла искать кого-то другого, — повторил мужчина. — Предлагаю оплатить твой счет и пойти ко мне. Если откажешься, я не буду…

— Не откажусь, — ответила Айранэ.

Она не знала, будет ей с ним хорошо или плохо. Может, они не дойдут до его дома по какой-то причине, или же он потом вынет веревки и нож и она сбежит.

Но ее будоражила сама мысль, что сейчас, здесь, она сама выбирает себе мужчину.

Как свободная.

Как равная.

Как взрослая сестра.

Интерлюдия

У меня было чудесное настроение. Ничего не давило, не болело, не заботило — я ощущал себя просто в великолепной форме.

Где-то в мрачных, обледеневших глубинах подсознания ворочалось нечто вечно недовольное, но я оставил его за скобками и просто наслаждался, пока резкий тычок под дых не выкинул меня из блаженства в ничтожную реальность.

— Хватит, хватит, еще понежишься. — Голос я слышал, а вот говорившего пока не видел — перед глазами плавало марево, в котором я видел лишь силуэты.

— Где я? — Мой голос прозвучал хрипло.

— В преддверии рукотворного ада, хе-хе, — ответил мой собеседник.

После этих слов пелена перед моими глазами окончательно рассеялась, и я заорал от неожиданности, потому что разговаривал со мной старый, уродливый…

— Жог!

Лицо как изуродованная лопатой и многочисленными «глазками» картофелина, кустистые седые брови, клочковатые волосы на испещрен-

ном неровными татуировками черепе.

При этом он был в белом халате из тех, которые носят непрактикующие врачи: руководители клиник, ученые и методисты.

— Хоть бы один что-то другое сказал, — проворчал старик. — И — нет, я не жог. Но я принимал вытяжку из стволовых клеток жога, а она имеет определенные мутагенные свойства. У женщин к этим свойствам резистентность, а у мужчин, скорее, резонансность, хе-хе… Но мы все равно носим свой черный флакончик на шее на случай, если выбор будет между смертью и отвратительной жизнью. И мало кто выбирает смерть, да, хе-хе…

К этому моменту я уже понял, что полулежу в громадном кресле, причем мои руки и ноги закованы в металлические обручи, а на шею накинута петля, которая начинает душить, едва я пытаюсь приподнять голову.

Мы с собеседником находились в просторной белоснежной комнате с высокими потолками, несколькими стеллажами и столами, на которых я увидел целые ряды пластиковых и стеклянных банок, колб и пробирок, а также разные приспособления и медицинские инструменты.

— Что ты помнишь последнее? — поинтересовался не-жог.

Я мог бы, конечно, начать орать, требовать позвонить отцу или даже матери. Мог бы попробовать вырваться — обруч на левой ноге имел некоторый люфт, а левая у меня толчковая, я в юности среди прочего прыгал в высоту, и довольно неплохо.

Но интуиция мне подсказывала, что смысла это все не имело — по крайней мере до тех пор, пока я не разберусь в том, что происходит.

— Я забирался в милицейский фургон со связанными за спиной руками, почувствовал укол…

— Отлично, — перебил меня старик. — Память и когнитивные функции в норме, с этим определились. У тебя есть полчаса, и я готов ответить на любые твои вопросы.

— Где Раннэ?

— Девочка из низших? — удивился не-жог. — Тебя правда интересует девочка из низших? Ладно-ладно, не хмурься, это, конечно же, не мое дело… Она пока жива и, возможно, надолго переживет тебя, но качество ее жизни, скажем так, будет не оптимальным. Ее будут обкалывать тарди, пока она не станет медленной и без наркотика, после чего она перейдет в разряд обслуживающего персонала. Вижу по лицу, что ты не в восторге, но твоя участь хуже.

— Зачем вы это делаете? — спросил я.

Я чувствовал, от меня ждали вопроса «Что будет со мной?», но этот путь привел бы к поражению.

— Тут много ответов, проще всего сказать так: «Это часть нашей культуры, насчитывающей много тысяч лет».

— Красть людей? Часть культуры?

— Раньше мы их не крали. Когда-то мы были служителями правящей на территории нынешнего Кашмира великой религии. Времена поменялись, мы ушли в тень и жили в тени очень долго. Последние две тысячи лет мы искали по всей Азии преступников, которые скрылись от закона или на деяния которых закон закрывал глаза, и похищали только их.

Старик умолк, поджав свои уродливые пухлые багровые губы. Я видел, что тема его волнует.

— Но несколько лет назад мы украли парня, чья родня через пару лет возглавила переворот в Кашмире и получила полную власть в стране. Они использовали все свое влияние, милицию, самооборону, государственных информаторов для того, чтобы найти и уничтожить нас. Спаслись немногие.

— И теперь вы похищаете всех подряд, — подытожил я. — Ладно, с этим понятно, так зачем вы

нас похищаете?

Он ходил по кабинету, стараясь держать меня в поле зрения. Когда он уклонялся вправо, я напрягал левую ногу и чуть двигал ею. По ощущению, мне нужна была всего пара часов, и я смог бы расшатать крепление оков… Или не смог бы, я ведь не видел, что там на самом деле.

— Это связано с тем, кто мы есть. Мы — тхаги, служители Черной Матери. Нашей целью всегда было искоренение зла и поощрение добра, правда, на мой взгляд, со временем идея исказилась… Давай начнем с другого конца. Кто такие жоги? Жоги — это результат темной любви, бесплодные мужские дети. Наши прародители научились использовать нерожденных жогов для получения из них различных снадобий. Лекарства от любых болезней, способ продлить жизнь и сделать старость радостной и приятной. Но — только для женщин.

— Резистентность, да? — уточнил я.

— Схватываешь на лету, — кивнул старик. — Мы поставляли свои товары для правящих домов Индии, Хины, Сиама… В какие-то периоды — даже персам, хотя с ними у нас всегда были странные отношения. Но чтобы получить вытяжки из жогов, нам нужны были сами жоги. Поэто-

му мы находили преступников, перестраивали их организмы, оплодотворяли их и на десятом месяце — а жогов вынашивают дольше, чем обычных людей, — убивали и отца, и ребенка. Отца скидывали в бездонную яму, нерожденного ребенка разбирали на части, которые шли на наши товары.

— Отвратительно, — сказал я.

Меня подташнивало, отчасти от этой истории, но куда больше — от наступающего понимания того, что со мной происходит сейчас и что меня ждет в дальнейшем.

— Если жить с этим с детства, то просто не знаешь другого, — пожал плечами старик.

— У вас есть женщины? — озарило меня. — Вы народ?

И я почувствовал страх. Иррациональный, глубокий, насыщенный страх представителя цивилизации, который встречает чуждое существо, способное стереть его род с лица планеты.

— Нет, — покачал головой мой собеседник. — Мы покупаем детей и учим их нашим обычаям, передаем им свои знания.

Я выдохнул с облегчением:

— Но какая мать продаст ребенка таким уродам, как вы?

— Злобно. — Старик подмигнул мне. — Не в твоем положении шутить над моей внешностью, но я действительно урод и годами не чувствую на себе солнечного света из-за того, что если кто-то из чужих увидит меня, то сразу же постарается убить. Впрочем, не важно. Мы покупаем детей не у матерей, а у работорговцев.

— Покупали? — утвердительно спросил я. — Сейчас ракеты летают в космос, нейросети обучаются общению и творчеству. Работорговля — это что-то из прошлого.

— Хе-хе-хе. — Собеседника мой пассаж развеселил. — Мальчик, запомни — хотя именно для тебя совет бессмысленен, — все, что имеет ценность, продается и покупается. Так устроены люди. Пока человек имеет ценность, на него есть спрос. Сейчас некоторые государства узурпировали это право, но даже там те, кто может остаться незамеченным, торгуют людьми под планкой закона, а те, кто имеет достаточно денег и влияния, занимаются этим над планкой.

— Чушь! — Я попробовал отрицательно качнуть головой, но лишь почувствовал, как меня душит жгутом. — В Славянском Союзе нет работорговли!

Старик подошел ко мне, потрогал лоб, довольно

кивнул — видимо, со мной все это время что-то происходило, а он наблюдал за изменениями.

— Лупанарии, — сказал он.

— Заключенный имеет право выбрать…

— Нет. — Старик взмахнул рукой, останавливая меня. — Если вдруг кто-то решит, что его задели, и за это заберет себе обидчика, дав тому выбор — либо много лет отрабатывать бесплатно, либо не так много — но своим телом, отдавая его любому желающему за скудную плату. Это нормально?

— Не государство? — уточнил я. — Человек?

— Да.

Такой вариант мне показался жутким и неприемлемым.

— Это отвратительно.

— Это рабство. — Старик щелкнул меня пальцем по носу. — Работорговля, которую узурпировало государство. А еще на окраинах вашего Союза есть места, где очень тяжело жить, и туда никто не едет. Но есть семьи-налогоплательщики, живущие там давно. Эти семьи приглашают к себе рабочих, обещая большие деньги, а в итоге не платят ничего или совсем мало. Работники вынуждены оставаться, потому что сбежать там некуда — горы, тундра или пустыня не позволяют. Все знают, но никто ничего не делает, потому

что для государства крепкая семья, живущие вместе мужчины и женщины, которые платят налоги и живут на форпостах, где выжить не так просто, ценнее, чем кучка низших, страдающих в невыносимых условиях.

— Некоторые перегибы…

— А в Персии до сих пор можно купить женскую или мужскую деревню, — перебил меня старик. — В Африке военные кланы контролируют гигантские территории. В Южной Америке за партию современного оружия можно покупать людей по весу — килограмм оружия за десять килограмм живой массы человека. Никогда у моего клана не было проблем с тем, чтобы купить детей. Я не знаю, когда и у кого купили меня, но я всю жизнь сытно ел, меня никогда не били, я прекрасно образован. Уверен, мои братья и сестры получили гораздо меньше и, скорее всего, давно мертвы, не говоря уже о родителях.

Беседа начала меня утомлять, к тому же внутри грыз уже не червячок, а гигантский змей точил мою печень страхом.

— Что со мной будет? — спросил я.

— Ты умрешь, — спокойно ответил старик. — Но не бойся, через десять минут начнут действовать лекарства, которые я тебе дал, и ты впадешь в

медикаментозную кому, после чего полностью в сознание не придешь больше ни разу. Около двух недель твой организм будет перестраиваться в гормональной терапии — ты будешь вонять, как разложившийся труп козла, и, чтобы не нюхать это, мы поместим тебя в ванну с проточной водой. Затем мы оплодотворим тебя. С первого раза не получится, с первого никогда не получается, но твой организм получит сигнал, под действием которого продолжит перестраиваться…

— Оплодотворите? — тихо спросил я. — Как?

— Искусственно, — буркнул мой собеседник. — Было время, когда… Хотя это отвратительно даже для меня. Рано или поздно ты забеременеешь. Твой организм будет пытаться избавиться от ребенка, а мы будем стараться сделать так, чтобы у него это не получилось. При этом твое тело будет разрушаться, теряя иммунитет с каждым днем. Начиная со второго месяца тебя переведут в стерильный бокс, в который уже до самой твоей смерти никто не войдет. Питание, препараты, диагностика — все по приборам. Терапия, хирургическое вмешательство — с помощью манипуляторов.

— Мне это неинтересно, — сказал я. — А что вон там, сбоку, синее?

В тот момент, когда старик отвернулся, я напряг ногу так, как не делал этого никогда, рванул ее — и с громким лязгом выдернул кольцо из креплений.

Не-жог тут же обернулся, но не побежал ко мне, на что я рассчитывал, а остался на месте, улыбнувшись.

В итоге я оказался с одной свободной ногой, безнадежно прикованный всеми остальными конечностями.

— Может быть, пятнадцать, — сказал старик.

— Что? — удивился я.

— Не десять минут, а пятнадцать, — ответил он. — Ты сильный, крепкий. И кстати, есть шанс, что твой организм не примет плод. Мы именно поэтому никогда не крали взрослых высших, старше двадцати. Слишком крепкое тело.

— Мой дядя родил жога, — сказал я зачем-то.

— Кстати, тоже интересная тема, — ответил старик. — Есть восемь мест по всему миру, где мужчина может родить ребенка. И во всех восьми местах препараты для гормональной терапии покупают у нас, это увеличивает шансы на благоприятный исход. А вашего жога мы уже забрали. Когда мы узнали, что его везут на Мадагаскар, была паника. Я предложил убить его прямо в

хрустальном гробу, но эта дура…

— Дура? — уточнил я.

— Профессор Аванта, — выплюнул старик. — Бесталанная сука. Когда нас загнали в угол, она предложила «объединить усилия». Хе-хе! Она умеет только ставить опыты и фиксировать результаты! Если бы у меня было ее образование, я бы сдвинул горы. Я бы изменил человечество! Я бы сделал так, что мужчины и женщины стали бы единым целым!

Я прикрыл глаза. По-моему, все в мире считают, что могут сделать человечество единым, и им не хватает только какой-то малости. А тем временем десятки тысяч лет мужчины и женщины сосуществуют рядом, так и не объединяясь.

— Ладно, мы отвлеклись, а времени у тебя все меньше, — с некоторым беспокойством сказал не-жог. — Если бы твой братец добрался до Мадагаскара и начал влиять на окружающих, очень скоро правительство бы ввело законы против мужских детей, купило бы следящую аппаратуру, обучило бы собак на поиск жогов и мы оказались бы под ударом. Поэтому мы выкрали гроб с твоим братом, а вас с этой низшей забрали из гостиницы. Операцию планировали в спешке, но все прошло удачно.

— Мне тяжело дышать, это нормально? — уточнил я. За пару минут до этого я начал задерживать дыхание, вдыхая понемногу, лишь когда уже почти задыхался.

Старик посмотрел на меня и усмехнулся.

— Ты ведь не думаешь, что я подойду? — уточнил он.

На самом деле я очень на это рассчитывал.

— Когда мы похищали преступников, — продолжил старик как ни в чем не бывало, — эти полчаса в сознании мы использовали для того, чтобы рассказать им, за что и как именно мы их наказываем. Но ты не преступник, и потому я считаю правильным ответить на любые твои вопросы, тем более что шансов пересказать узнанное кому бы то ни было у тебя нет. Спрашивай, пока в сознании.

Я попробовал напрячь руки, но это ничего не дало. Одна свободная нога никак не могла мне помочь — точнее, может, и могла, но я не был в состоянии придумать, как именно, разве что старик все же подойдет и я смогу как-то его обезвредить.

— Почему Мадагаскар? — спросил я, просто чтобы хоть что-то спросить.

— Именно поэтому. Здесь нет жогов. Это место

планировалось как мир всеобщего равенства — между высшими и низшими, между мужчинами и женщинами. Без тюрем и лупанариев. За мелкое преступление — штраф, за среднее — депортация, за крупное — смертная казнь. Здесь нет спецслужб с вековой историей, нет трех ветвей власти и прочих изысков, которые хоть со скрипом, но отрабатывают в более зрелых странах. Мы нашли щель в логике мира и забились в нее, как тараканы. Аванта все еще пытается совершить открытие и создать безвредного жога. У нее на тебя большие планы.

— Безвредного жога? — удивился я.

— Разбирать на препараты мертвый плод — это разовая история, Аванта же мечтает получить жогов, которых можно будет доить в течение всей жизни. Она не понимает, что, если жог будет безопасен, он станет бесполезным. Стерильное не может родить. Первые несколько месяцев после знакомства с Авантой я был уверен, что она сильная и умная. А потом понял, что она всего лишь образованная и эрудированная…

В этот момент в дверь постучали.

Точнее — раздались три мощных удара с интервалом в пару секунд, а потом дверь распахнулась и внутрь ввалилась Тиара — я едва узнал ее в

окровавленном синем халате поверх форменной гимнастерки.

Не тратя времени на разговоры, она мощным ударом кулака отправила оторопевшего старика в нокаут, затем взяла скальпель с невидимой для меня поверхности рядом с моим креслом и вонзила поверженному не-жогу в основание черепа.

— Где Раннэ? — хрипло спросила она, пытаясь раскрыть браслет на моей правой ноге.

— Просто вырви, они хлипкие, мне рычага не хватило, — сказал я. — Раннэ держат где-то под тарди, насколько я понял.

Тиара взялась за мою ногу, уперлась в кресло и действительно оторвала браслет от крепления, потом повторила то же самое с кольцами для рук, а жгут, перетягивающий шею, перерезала окровавленным скальпелем.

Едва освободившись, я снял браслеты — там были винтовые замки, подозреваю, Тиара просто начала крутить не в ту сторону.

— Кто тебя послал? — уточнил я. — Мать? Отец?

— Жена, — ответила она. — Если бы у меня был муж, я бы заставила его меня ценить!

Я не стал спорить, хотя сама идея, что Айранэ могла отправить Тиару из дистрикта на Мадага-

скар, казалась откровенным бредом.

— Это что? — Тиара взяла со стола метровый гибкий металлический штырь диаметром миллиметров пять, со странной ручкой.

— Какой-то эндоскоп, — ответил я неуверенно. — Кстати, меня вот-вот должно вырубить, мне что-то вкололи.

Тиара взмахнула эндоскопом, он зловеще свистнул.

— Иди, пока идется, — ответила она. — Потом крикнешь, я буду тебя тащить.

Я бы, конечно, предпочел термин «нести», но спорить со своей спасительницей не стал.

Она выглянула из двери и, махнув мне — «за мной», выскочила наружу. Я поплелся за ней, на ходу пытаясь размять затекшие ноги.

Снаружи лежали двое мертвых татуированных мужиков в синих халатах, еще один хрипел и блевал кровью, у четвертого шея изгибалась под неестественным углом.

— Давай быстрее! — крикнула Тиара, она была уже в метрах двадцати дальше по коридору.

И в этот момент свет мигнул и из яркого белого превратился в мигающий алый, а по ушам ударила завыванием сирена.

Эпилог

Очнувшись, я обнаружил себя в больнице, а рядом сидел, заполняя что-то на планшете, Гоша Володиевич.

— Привет новобрачному, — сказал он загадочно.

— В смысле? — не понял я.

— Ненавижу! Ненавижу! — заорал Гоша Володиевич и вскочил. — Всё! Хватит! Так и передай своему отцу — я к такому не готов!

— Ничего не понимаю, — сказал я. — Я болен?

— Тебе отрезало ноги, — ответил он. — Точнее, оторвало, слегка перемолов.

Мы некоторое время молчали. Я, видимо, был под действием препаратов, потому что столь чудовищная новость не вызвала у меня ни ужаса, ни даже удивления — хотя явно должна была.

— Ты про это не хотел говорить? — уточнил я.

— Да нет, про это-то без проблем, — поморщился Гоша Володиевич. — Неприятно, но это часть моей работы.

Я кивнул и потянулся было руками к ногам, но доктор уверенно нажал мне на грудь, и я упал обратно.

— Так что там про новобрачных? — вспомнил я.

— Айранэ сегодня похоронили, — ответил он тихо. — В закрытом гробу.

Внутри что-то оборвалось. Стало пусто и странно. Эта новость ударила больнее, чем про ноги, словно жена, с которой мы жили не то чтобы сильно вместе, была для меня ближе.

— Не может быть, — не поверил я. — Может, Раннэ?

И в груди поселился еще один страх.

— Нет, Раннэ теперь твоя жена.

Я помотал головой.

— Это как? Должна же быть свадьба? Жених должен сказать «да». Отец жениха потанцевать с невестой. Какой-то бред!

Гоша Володиевич посмотрел на меня и покачал головой.

— Есть такая штука — родительское попечение брака. Традиционно свадьбы устраиваются родителями, от жениха и невесты требуется только формальное подтверждение. Обычно подтверждают на церемонии, но это не обязательно.

— Я никак не подтверждал.

— Вот. — Гоша Володиевич нажал что-то на планшете, и я услышал замедленный голос Ран-

нэ.

Раннэ: «А если бы ты не был женат, ты бы женился на мне?»

Я: «Конечно, в тот же день».

Раннэ: «Так жаль, что ты женат!»

Я (*смех*).

— Та-а-ак, — протянул я. — Ты хочешь сказать, что на основании этой записи мои родители — Анаит и Слава Волковы — женили меня на Раннэ?

— Вчера вечером, — кивнул Гоша Володиевич. — Ну все, я свою миссию выполнил.

— А еще они испугались сообщить мне об этом сами, — отметил я.

— Анаит перед церемонией сказала: «Слава, ты это придумал, сам потом сыну и объясняй», Раннэ добавила: «Он все поймет», а Слава: «Разберемся». А после церемонии он подошел ко мне и заявил, что я должен буду тебе все объяснить, когда ты очнешься.

— И ты не отказался?

Гоша Володиевич поджал губы и помотал головой. Я чувствовал, что за этим есть что-то еще, пока мне недоступное.

— Я ходить буду? — задал я вопрос, который с момента первой новости висел в голове и вот

наконец прорвался на язык.

— Есть хорошие протезы, — ответил доктор. — Для тебя сделаем лучшие. Танцевать джигу, конечно, не сможешь, но ходить будешь. Будут отдельные для дома, отдельные для улицы. Для бега пружинящие сделаем.

— Ага, — кивнул я.

И тут вспомнилось: старик, лекарства, я должен был уснуть и не уснул.

— Меня чем-то накачали, гормональным вроде бы…

— Не, там были витамины и целый коктейль из разных полезных лекарств, — ответил Гоша Володиевич. — Я сделал все возможные анализы. Превращение тебя в отца не начинали. Только укрепляли перед началом.

— Мне говорили, что я должен уснуть. А я не уснул.

— А вот это вопрос к твоему другому врачу, Ван Ванычу, — недовольно сказал Гоша Володиевич. — Старый дурак вечно пробует на пациентах непроверенные новинки. Он дал тебе что-то как раз гормональное, оно ускорило регенерацию тканей, но вместе с тем вызвало целый ряд дополнительных эффектов. Я с ним уже по этому поводу говорил и еще раз его наберу.

— Я не уснул из-за его препаратов? — уточнил я.

— Именно, — кивнул Гоша Володиевич.

— Не ругайте старика, — сказал я. — Благодаря этому мы выжили.

Я был в полудреме, когда меня на каталке отвезли домой.

— Гоша рассказал? — вместо приветствия спросил отец, заходя в мою комнату.

— Айранэ мертва? — спросил я в ответ и посмотрел ему в глаза.

Он стойко выдержал взгляд и даже траурно кивнул, но я рассмотрел — внутри у него была какая-то радость.

— Врешь ведь, — сказал я. — Все равно узнаю, не от тебя, так от Раннэ. Не от Раннэ, так от матери. Что ты сделал?

Отец тяжело вздохнул, затем встал, подошел к узкому окну и, глядя наружу, начал:

— Ты мальчик взрослый, мне рассказали, как ты себя повел там, в бункере, — достойно, я даже не ожидал. Так что должен понять.

— Что понять?

— Иногда мир вокруг меняется, и ты осознаёшь: чтобы соответствовать ему, ты тоже должен измениться…

— Отец! — рявкнул я.

— Ну ладно, это она сама предложила. Она осталась на Мадагаскаре под другим именем, немного подлечится и откроет там то ли кружок макраме, то ли курсы оригами, я в этой женской мерехлюндии не разбираюсь. А тебя она просила женить на Раннэ.

— И ты просто так согласился? И мать? — Я приподнялся на кровати на локтях. — Что происходит?

— Я был должен ей, — ответил отец. — Я дурак. Она меня обыграла. Я думал, что попрошу у нее об услуге, весомее которой она не сможет придумать, и я останусь в выигрыше в любом случае! А тут она звонит и говорит: хочу так, так и так. Я отвечаю: да ни в жизнь, Анаит никогда не согласится! А она отвечает: ты должен, иди и выполняй.

Я смотрел на отца, и меня не оставляло ощущение, что он не жалуется, а хвастается. Что этот поступок Айранэ приводит его в восторг и что он вроде как даже гордится ею и отчасти — непонятно почему — собой.

— Она жива, и это славно, — сказал я. Внутри чуть отпустило. — Как ты уговорил мать?

— Мы съезжаемся, — ответил он.

— Что? — не понял я.

— Она двадцать лет требовала, чтобы мы жили в одних покоях. Разные комнаты, понятно, но рядом. Совсем рядом.

Видимо, по какой-то причине для матери это было важно. Настолько, что она согласилась отпустить Айранэ и женить меня на Раннэ.

— А семья? — уточнил я. — Дед Митяй? Бабушки? Дядья? Тетки? Они же нас всех в порошок сотрут!

Отец подошел ко мне и потрепал по волосам. Это был самый личный и теплый жест, какой я от него когда-либо получал.

— Семья — это мы, — сказал он тихо. — Волковы — это Анаит Волкова, Слава Волков, а теперь еще и Володя Волков. И надеюсь, Раннэ Волкова, как бы странно ни было это сочетание. Все остальные — это наш тыл, но настоящие Волковы — это только мы.

Я никогда не слышал ничего подобного, но часть правды в этом была. Наша часть семьи всегда была на солнце, остальные — в тени.

И с этой точки зрения, конечно же, остальным имело смысл смириться.

Вечером, когда пришла Раннэ, я дремал.

— Мы разводимся, — сказала она через телефон,

бесцеремонно потормошив меня. — Сегодня.

— Это неосуществимо, — ответил я, просыпаясь. — По закону развод возможен только через год после подачи заявления. Ты же понимаешь, для семьи и страны каждый развод — удар! Некрасивая цифра в статистике. И весь год тебя будут убеждать не принимать опрометчивых решений. Шантаж, уговоры, подкуп, угрозы — все, как положено в приличных семьях.

Раннэ села рядом со мной и заплакала.

— Я не смогу… Я так мечтала… Я хотела… Волкова…

— Что случилось? — Я уже окончательно проснулся и, подтянувшись на руках, сел, опираясь спиной на стену, а локтем на спинку кровати.

РАССКАЗ РАННЭ

Когда Айранэ мне это предложила, я не поверила. Спросила у нее: «Почему?» — она ответила: «Потом поймешь», — и отказалась объяснять.

Я не верила, что у нее получится, но она смогла со всеми договориться. Это было чудо, сказка! Мне было достаточно тебя, мне больше было и не нужно, но стать Волковой? Кто бы от этого отказался? Точно не я.

Когда мы прилетели, Анаит смотрела на меня как на кусок мяса на рынке и губы облизывала так, словно собиралась съесть, но еще не знала, то ли засолить, то ли потушить с грибами. Мы договорились, что платой за меня будет считаться тот долг, который на мне висит. Потому что Волковы не могут бесплатно взять невесту, это позор. А так получается, что вы за меня заплатили, но в то же время не потратили ни копейки.

Твой отец, Слава, меня словно не видел. Анаит ему все время говорила, что я талантливая девочка и что вы внакладе не останетесь. Потом была свадьба. Ты лежишь, как мертвый, чиновник мрачный, в черном костюме, с пятнами соли под мышками, запись включили, где ты вроде как соглашаешься, — да-да, я понимаю, что это неправильно, но там все так быстро было!

Потом я сказала, что согласна, в какую-то книгу что-то записали, скороговоркой пробубнили, мол, мужем и женой, много детей, основа государства, Волковы всегда, спасибо, до свидания.

А я же видела в кино свадьбы высших! Это такая красота! Гигантские залы, украшенные цветами и шарами, скульптуры из льда или песка, сотни птиц, которых выпускают на волю, облака лепестков, множество гостей танцуют!

Ничего этого не было. А потом Анаит говорит: «Держись, девочка, первые дни самые сложные». С меня мерки сняли, часть нарядов Айранэ отдали перешивать портнихам — те, которые возможно. Косметики мне надарили, комнату показали с настоящей кроватью высших — из кучи пуфиков, диванчиков, с разными матрасами! Если бы у меня такая была, я бы, может, и замуж не пошла…

Ночь была волшебной, я никогда так сладко не спала, а наутро за мной пришли. Агата и Алиас, девчонки, им, наверное, лет по шестнадцать, мелкие, гонористые! Смотрят на меня, как породистые псы на помойного котенка. Мол, сегодня день мальчиков, а нам с тобой возиться!

Ну, что делать, умылась быстро, пошла с ними, им что-то дали, мы спустились в комнатку под кухней, и тут они достают тарди и забивают его в папиросу — мол, надо курить!

Я отказалась. Я не употребляю тарди, мне нельзя, мне от него плохо, я не могу! Оказалось, его курят, чтобы заниматься с мальчиками. Приложением на телефоне там не обойдешься — мальчики и говорить нормально не умеют, и показать, что им нужно, не могут…

Это был жогский день, я не могла справиться с мальчиками, к обеду пришла бабка, старая такая,

сморщенная, смуглая… Баба Агни! И говорит — мол, или ты сейчас принимаешь тарди и делаешь все как надо, или мы тебя накажем.

Я отказалась принимать. Нельзя так с людьми! Кое-как до вечера дотянула. Агата и Алиас говорят под тарди на медленном, мужском, я их не понимаю. Они смеются, хихикают, мальчишки к ним тянутся, а от меня шарахаются, тоже неприятно.

А потом пришла баба Агни и принесла хлыст. Они с Агатой меня держали, а Алиас била.

Нет, не так, не так! Завели на кухню, выгнали поваров, там топчан большой, на котором капусту рубят. Снимай, говорят, платье. Я говорю — нет. Они — снимай, а то все Анаит расскажем. Я думала, они попугают, и разойдемся, я не знаю, что я думала. Я сняла.

Они положили его прямо на топчан, а он грязный. Мне так платье жалко, я к платью, а меня к нему прямо прижали, трусы вниз сдернули, и баба Агни орет:

— Первый!

Меня держат, я дергаюсь, оно больно, спина, задница, бедра — всё в огне! Но главное — обидно же! Я же Волкова! Какого жога! Нельзя так с Волковыми!

Двадцать ударов было, на десятом я подумала,

что можно было и принять этот жогов тарди! А после двадцатого понимаю — нет, нельзя. Никак нельзя. Это, может, если бы мне было шестнадцать, если бы я была мелкая и непуганая, а у меня уже несколько проектов сделано, меня во всем мире знают! Я была денег должна больше, чем другие за десять жизней зарабатывают, и расплатилась полностью!

Лучше я обратно этот долг на себя повешу… Но если год ждать — я год не выдержу. Володя, я лучше сдохну, чем так!

— Ясно, — кивнул я. — Думаешь про «Золотую тропу»? Сбежать?

— Думаю, — кивнула она.

— Собирай вещи, — сказал я. — Мы едем к бабушке Арташи.

Она посмотрела на меня непонимающе, потом медленно кивнула и ушла. Я засек время — через восемь минут она вернулась. С собой у нее был не старый рюкзак, а гигантский чемодан с вензелями Волковых.

За сутки успела обрасти — я усмехнулся. Набрал Гошу Володиевича, обрисовал ему ситуацию. Он хмыкнул, но спорить не стал.

Через двадцать минут пара крепких санитаров перетащила меня в карету «скорой помощи», и

мы поехали.

— Я не так давно обещал бабе Арти, что проживу с женой у нее год, — сказал я.

— С Айранэ? — уточнила Раннэ.

— Имя не произносилось. — Я улыбнулся. — Она интересная дама… И живет с низшим, так что если ты и с ней не сойдешься…

— Сойдусь! — крикнула Раннэ, пугая отсевших подальше санитаров. — Точно сойдусь!

Я кивнул.

Мать будет не в восторге. Но в конце концов, это мое личное дело. Мое личное, семейное дело.

Я припомню ей, как она меня женила, пока я лежал в больнице без сознания.

Спрошу, где моя красивая свадьба.

Когда карета «скорой» подъехала к парадному входу, оттуда выскочил Саня, который отогнал санитаров, взял меня на руки и сам занес в дом.

— Вхмргрч, — выпалила бабушка на женской, глядя на меня.

Я не понял, что она сказала, но Раннэ облегченно рассмеялась.

Будем жить.